

Татьяна Евгеньевна Янко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. Окончила отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор статей и книги «Коммуникативные стратегии русской речи» (М.: ЯСК, 2001). Читает лекции для студентов Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Сфера научных интересов — семантика, лингвистическая прагматика, интонация, прикладная лингвистика.

ISBN 978-5-9551-0267-2

9 785955 102672 >

ИНТОНАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОЙ РЕЧИ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Т. Е. Янко

Т. Е. Янко

ИНТОНАЦИОННЫЕ
СТРАТЕГИИ
РУССКОЙ РЕЧИ В
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ
АСПЕКТЕ

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Т. Е. Янко

ИНТОНАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ
РУССКОЙ РЕЧИ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ
АСПЕКТЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Рус-2
Я 60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ),
проект № 07-04-16039

Янко Т. Е.

Я 60 Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 312 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0267-2

Книга посвящена интонации русских предложений, компонентов предложений, связанных монологических текстов и диалогических реплик. Интонация рассматривается как средство выражения значений, формирующих предложение и текст, и композиций таких значений. Демонстрируется системность основных значений и средств их выражения. Кроме того, выделяется набор уникальных – словарных – значений, не входящих в композиции с другими. За точку отсчета принимается система, выделенная на материале русского языка. Если в одном языке реконструируется система значений, которые вступают в комбинации друг с другом и имеют системные средства выражения, то в других языках должны действовать сопоставимые системы, как в плане выражения, так и в плане содержания. С этой точки зрения анализируется интонация английского, французского, немецкого, польского и датского языков.

Книга адресована специалистам по общей лингвистике, семантике, прагматике и просодии предложения и текста.

ББК 81.2Рус-2

*В оформлении переплета использован офорт
Е. Ф. Янко «Москва. Новая Басманная улица, 23» (1965 г.)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0267-2

© Т. Е. Янко, 2008
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

Содержание

Введение	9
1. Типы значений, выражающихся интонацией	20
2. Интонация предложения	26
2.1. Интонация иллокуций. Грамматика и лексикон.....	26
2.1.1. Иллокутивная грамматика русского языка.....	27
2.1.1.1. Средства выражения коммуникативных значений в русском языке.....	28
2.1.1.1.1. Коммуникативно релевантные акценты.....	29
2.1.1.1.1.1. Специфика сегментного материала. ИК-2 или ИК-3?.....	33
2.1.1.1.2. Сфера действия коммуникативного значения. Выбор акцентоносителя в коммуникативной составляющей в зависимости от ее функций и синтаксического статуса. Три принципа выбора акцентоносителя в русском языке.....	38
2.1.1.1.2.1. Схема выбора акцентоносителя в неконтрастных ремах с произвольной лексико-синтаксической структурой. Базовый принцип выбора акцентоносителя русского языка.....	43
2.1.1.1.2.2. Выбор акцентоносителя тем.....	53
2.1.1.1.2.3. Акцентоноситель в контрастном коммуникативном компоненте.....	58
2.1.1.1.2.4. Акцентоноситель в верификативном компоненте.....	58
2.1.1.1.2.5. Акцентоносители в синтаксически сложном коммуникативном компоненте.....	59
2.1.1.1.2.6. Периферийные коммуникативные роли. Атоническая тема и ваккернагелевская тема.....	59
2.1.1.2. Тема. Новые данные о разнообразии выражения тем.....	60
2.1.1.2.1. Особенности контрастных тем.....	73
2.1.1.3. Эмфаза.....	83
2.1.1.3.1. Эмфаза, реализующаяся на материале двух слогов.....	93
2.1.2. Иллокутивный лексикон.....	97
2.1.2.1. Интонация обращений.....	98
2.1.2.1.1. Адресат далеко.....	99
2.1.2.1.1.1. Адресат в поле зрения говорящего.....	99
2.1.2.1.1.2. Адресат вне поля зрения говорящего.....	100
2.1.2.1.2. Адресат близко.....	102
2.1.2.1.2.1. Неофициальное обращение к адресату.....	102

2.1.2.1.2.2. Официальное обращение к адресату, или пространственная близость при психологической дистанции	104
2.1.2.1.2.3. Адресат близко, и процесс коммуникации уже начался	105
2.1.2.1.3. Местоимение <i>мой</i> в составе обращений	105
2.1.2.2. Интонация циклической нецелесообразной деятельности	107
2.1.2.3. Интонация ментальной деятельности	108
2.1.2.3.1. Выбор акцентоносителя в предложениях, моделирующих ментальную деятельность	110
2.1.2.3.2. Интонация ментальной деятельности в европейских языках	113
2.1.2.4. Интонация обоснования	118
2.1.3. Признаки, релевантные для идентификации интонационных единиц	125
3. Интонация текста	128
3.1. Конечное сказуемое как показатель незавершенности	131
3.2. Множественные темы	141
3.3. Незавершенность в контексте контраста, эмпазы и верификации	148
3.3.1. Незавершенность в контексте контрастной и эмпатической ремы	148
3.3.2. Незавершенность в контексте значений верификации, свершившегося факта и необходимого условия	155
3.4. Вклад акцентов в семантику незавершенности текста	163
4. Норма и инновации	171
4.1. Перенос акцентоносителя в атрибутивных группах и в именах собственных ...	173
4.1.1. Примеры неканонических сдвигов в выборе акцентоносителя	175
4.1.2. Канонические сдвиги акцентоносителя в контексте вторичных иллокутивных сил	176
4.1.2.1. Упреки, уговоры, сетования и мольбы	177
4.1.2.2. Подчеркнуто вежливые просьбы	178
4.1.2.3. Идентификации и самоидентификации	179
4.1.2.4. Воспоминания и мечты	179
4.1.2.5. Синтаксические структуры, подверженные переносу акцентоносителя	180
4.1.3. Английская модель выбора акцентоносителя в именной группе	183
4.2. Расширение функций ИК-2	184
4.3. Расширение функций ИК-4	200
4.3.1. Инвариантное значение ИК-4. ИК-4 как акцент контраста	209
4.3.2. Стандартные контексты ИК-4	211
4.3.3. Инновационные контексты ИК-4	219
5. Контраст или апелляция к слушающему? Английский язык	226
5.1. Точки зрения на контраст и интонацию контраста	227
5.2. Соответствие между множеством выделенных значений и множеством акцентов	236
5.3. Акцент L+N*LN% как показатель перформативного значения аппелляции к слушающему	240

5.4. Сравнительный анализ английских акцентов L+H*LN% и H*+LN% и русского акцента ИК-4 (H+L*N%)	248
5.4.1. План выражения	248
5.4.2. План содержания	249
6. Датская интонация глазами русского лингвиста.....	254
6.1. К постановке задачи	254
6.2. Тема	260
6.3. Контрастная тема	261
6.4. Рема	264
6.5. Контрастная рема.....	268
6.6. Эмфаза.....	269
6.7. Незавершенность текста.....	272
6.8. Интонация воспоминаний.....	273
6.9. Выбор акцентоносителей. Типологические различия между датским и русским.....	274
6.9.1. Нерасчлененные предложения (thetic)	275
6.9.2. Выбор акцентоносителя в контрастных атрибутивных группах с контрастом на прилагательном	282
6.10. Выводы	286
Заключительные замечания.....	290
Литература.....	296
Указатель терминов	303

Введение¹

У интонации есть свои особенности, которых нет у других языковых уровней. Во-первых, способность к интроспекции по поводу плана выражения интонации у носителя языка, даже у лингвиста, развита гораздо слабее, чем способность к анализу других явлений языка. Носитель языка может затрудняться в определении на слух того, восходящим или нисходящим тоном характеризуется тот или иной фрагмент текста, в начале или в конце слога происходят тональные изменения, связаны ли движения тона с определенными словами — носителями тональных пиков или нет. Наши наблюдения показывают, что носитель языка далеко не всегда может повторить «по заказу» интонационную конструкцию, которой бессознательно постоянно пользуется. А для того, чтобы использовать в речи новый интонационный тип неродного языка, нам, как правило, приходится специально учиться.

Что касается плана содержания, то здесь особенность интонации состоит в том, что она маркирует крайне абстрактные значения, которые не всегда легко не только сформулировать, но и обнаружить в силу их непредметного характера: интонация показывает, в чем состоит глобальное коммуникативное намерение говорящего (задать вопрос, выступить с сообщением, выразить чувства), интонация может придавать высказываниям перформативный характер, соотносить текущие высказывания с предшествующим и последующим текстом, интонация может указывать на то, что текущее предложение не последнее², а также на то, что предложение, следующее за текущим, тоже не последнее³, интонацией может выражаться сопоставление объекта

¹ При работе над этой книгой автор пользовался финансовой поддержкой Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 02-04-00065а и № 08-04-00165а) и Президиума РАН по Программе фундаментальных исследований «ОИФН РАН История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте, 2003—2005, № 9.1, проект 5.19.

² Об интонации незавершенности см. раздел 3 ниже.

³ Об интонации «рассказа по порядку», состоящего из упорядоченного числа шагов, см. разделы 3.4 и 4.3 ниже.

референции с упорядоченным⁴ или неупорядоченным⁵ рядом объектов, подобных ему.

Далее, интонация — это та область, которая более других подвержена разрушению в речи. Многие значения, которые выражаются интонационно, в речи человека, сдерживающего слезы или пребывающего в сильном волнении, могут частично опускаться. Не всегда отражается коммуникативное членение и при чтении вслух поэтического текста, когда исполнители читают стихи нараспев на ровном тоне. Лишившись своих значений, такая речь остается понятной слушающему, как понятны неграмматические и морфологические структуры в речи иностранцев или детей, которые учатся говорить. Однако наши наблюдения показывают, что интонационные различия наиболее восприимчивы к воздействию помех. Интонация — слабое звено языковой системы.

Другой особенностью интонации оказывается то, что омонимия и многозначность — свойства, присущие всем языковым уровням, — в интонации распространены особенно широко. Так, подъем тона в контексте вопроса и в контексте повествовательного предложения имеет разные значения. Это свойство интонации предъявляет специальные требования к контекстному анализу интонационных единиц.

И наконец, что касается анализа интонации, в связи с различными установками и методологией исследователей план выражения и план содержания интонации исследуются в существенной степени автономно. Фонетисты исследуют интонацию с точки зрения плана выражения, не всегда заботясь о системности описания семантики интонации и, соответственно, не всегда отличая фонетические единицы от фонологических. Фонетика в таких исследованиях, как правило, преобладает над фонологией. А специалисты по коммуникативной структуре не обладают тренированным ухом и не владеют, как правило, инструментарием фонетики. Они склоняются в сторону исследования порядка слов, синтаксических конструкций, лексем, обслуживающих коммуникативные смыслы, и избегают анализа интонационных средств, несмотря на то, что те являются основными при выражении коммуникативных структур.

⁴ Об эмпазе, при которой текущий элемент соотносится с упорядоченным множеством элементов, более или менее соответствующих некоему положению дел, которое считается нормальным, см. разделы 1 и 2.1.1.3 ниже. Ср. также о слове *даже*, толкование которого пересекается с толкованием эмпазы «...множество, в которое *x* входит как элемент, как бы частично упорядочивается по степени вероятности его элементов быть или делать *P*; *x* при этом занимает в такой шкале последнее место» [Крейдлин 1975: 105].

⁵ О контрасте, который соотносит текущий элемент известного множества с другими элементами, см. разделы 1 и 2.1.1.1.2.3 ниже.

Подобное положение дел наложило отпечаток и на нашу работу. Анализ интонационных структур, который представлен здесь, отражает взгляд исследователя семантики интонации, а не взгляд фонетиста. Наше обращение к показаниям приборов не претендует на ту тонкость анализа, которая доступна профессиональному фонетисту. Основным средством анализа плана выражения здесь служит анализ на слух. К инструментальному анализу мы обращаемся только после слухового анализа, как к подтверждению наших аудионаблюдений, а также как к способу воспроизведения на бумаге параметров звучащей речи. Показания используемых в работе программ и процедурный анализ звучащей речи также не всегда заслуживают полного доверия. Поэтому мы предполагаем придерживаться здесь принципа «от значения к форме» и обращаться к данным приборов только после семантического (здесь будет точнее сказать: функционального) анализа звучащих образцов речи и анализа на слух. Таким образом, кривые изменений частоты тона и графики интенсивности в данной работе — это вспомогательное средство, к которому мы обращаемся, только когда оно не вступает в противоречие с нашими семантическими и перцептивными гипотезами и когда показания приборов повторяются на большом массиве семантически идентичных примеров и на разнообразном сегментном материале. Однако, несмотря на известный «перекос» в сторону семантики, в данной работе мы намерены перейти к интонационным средствам выражения коммуникативных значений.

Итак, в данной работе интонационные структуры будут анализироваться с учетом системы значений, которые они выражают. Движения тона и другие коммуникативно значимые просодические явления, например гортанные смычки, изменения темпа (растяжки, аллегро), рассматриваются здесь в структуре интонационной конструкции в целом и в соответствии с ее значением. Здесь заметим, что чисто «фонетический» метод интонационной транскрипции текстов — не всегда непосредственно связанный со значением — также применяется, и с большим успехом. При таком подходе отражаются не только коммуникативно релевантные движения тона, но и многие чисто позиционные различия, акцентные сандхи, влияние сегментного материала, а единая интонационная фигура не отличается от комбинации двух. В частности, представляется, что в этом основное отличие т. н. автосегментного подхода, разработанного в трудах Дж. Б. Пьерхамберт (и ее предшественников), весьма удобного для целей фонетической интонационной транскрипции и завоевавшего фонетический мир, от, скажем, подхода Е. А. Брызгуновой, оперирующей более крупными и значимыми единицами. В связи с автосегментным подходом см. диссертацию [Pierrehumbert 1980] и сравнительный анализ подхода Дж. Б. Пьерхамберт и Е. А. Брызгуновой в работах С. Оде (например, [Odé 2003]). Другой интересный подход — примиряющий подходы

Е. А. Брызгуновой и Дж. Б. Пьерхамберт в применении к русскому языку — мы видим в работах О. Ц. Йокоямы, фактически переведшей интонационные конструкции Е.А. Брызгуновой на язык высоких H (high) и низких L (low) тонов Дж. Б. Пьерхамберт [Yokeyama 2001; Йокояма 2003].

В данной работе мы в наибольшей степени придерживаемся традиции Е. А. Брызгуновой, однако в разделе 4.3.4, посвященном разнообразию нисходяще-восходящих акцентов в английском языке в сопоставлении с русским, применяется нотация Дж. Б. Пьерхамберт в связи с необходимостью использовать результаты работ англоязычных авторов, в частности, работы Дж. Б. Пьерхамберт. Кроме того, в русской традиции отсутствует маркер соответствующей интонационной конструкции, потому что в русском языке отсутствует и сама конструкция. Эта конструкция характеризуется подъемом на ударном слоге акцентоносителя с падением на первом заударном и новым подъемом на втором заударном слоге. В отсутствие заударных слогов эта конструкция может фиксироваться и на минимальном сегментном материале. Она характерна для диалогических реплик и служит для активного противопоставления коммуникантов друг другу и придания высказываниям перформативного характера: говорящие не просто обмениваются сообщениями, а спорят или, напротив, решительно поддерживают друг друга, разъясняют, торопят, удивляются непониманию собеседника, с нетерпением ждут ответных реплик, выражают живейшую заинтересованность.

За точку отсчета мы принимаем парадигму коммуникативных значений, которая выделяется на материале русского языка. Нашу задачу мы видим в разработке модели значений, выражающихся интонационно, и в описании средств выражения этих значений в русском языке в сопоставлении с другими языками, когда при сопоставлении находятся интересные совпадения или, наоборот, нетривиальные типологические отличия. Наша гипотеза состоит в том, что если в одном языке — в данном случае, в русском — реконструируется система значений, которые вступают в комбинации друг с другом и имеют системные — интонационные и другие — средства выражения, то и в других языках следует искать сопоставимые системы, как в плане выражения, так и в плане содержания. Итак, в русском языке и, как мы предполагаем, в языке вообще основные типы значений, которые выражаются интонационно, образуют систему.

Система интонационных значений может быть описана операционными методами. Небольшая часть оригинальных лингвоспецифических значений задается списком, т. е. описывается инвентаризационными методами. Значит, в русском языке выделяется два основных типа коммуникативных значений — 1) значения, которые складываются в структуру, образуют регулярные ком-

позиции, подвергаются стандартному набору преобразований⁶, имеют системные средства выражения⁷, и 2) значения, которые не соединяются с другими значениями, имеют идиоматичные средства выражения и не подвержены преобразованиям.

К значениям первого типа относятся значение темы, значение ремы, значение вопроса, императива, значение контраста, значение эмфазы, значение текстовой незавершенности и другие значения. В композиции друг с другом они образуют контрастные и эмфатические темы, контрастные и эмфатические ремы, контрастные и простые ремы в условиях незавершенного текста, контрастные компоненты вопросов и императивов. Эти значения лежат в основе формирования основных иллокутивных актов языка и составляют его коммуникативную грамматику. Они имеют регулярные интонационные средства выражения.

Значения другого типа образуют иллокутивный лексикон. Они имеют уникальные интонационные средства выражения. Примерами таких уникальных иллокутивных актов могут служить многочисленные вокативные контуры, например, зов в условиях удаленности слушающего от говорящего — *Ва-ася-я!*, зов слушающего, недоступного наблюдению говорящего, — *Хозяйка-а! Есть кто-нибудь-удь?*

Описание интонации композиций компонентов повествовательного предложения, вопроса и императива с контрастом, эмфазой и верификацией на материале русского языка как в плане выражения, так и в плане содержания уже было предпринято нами в работе [Янко 2001]. В данной работе в разделе 2.1 мы коротко останавливаемся, где это необходимо, на результатах, полученных ранее, в частности, при описании совпадений с другим языками и продолжаем эту линию, соединяя результаты, полученные при анализе интонации предложения, с анализом интонации текста. Ранее анализ интонации текста нами не предпринимался. В данной работе ставится задача проанализировать способы указания на то, что продолжение повествования следует, разработанные русским языком, сопоставить эти способы со средствами маркирования незавершенности текста, разработанными другими языками, и наконец, соединить интонационную грамматику предложения с интонационной грамматикой текста, ибо наши наблюдения показывают, что соответствующие

⁶ О трансформациях (преобразованиях) коммуникативных и о соответствующих им линейно-акцентных структур см. [Ковтунова 1976: 157—158; Падучева 1984; Янко 2001: 137—231].

⁷ Идеи о композициональности коммуникативных значений и комбинаторном характере просодии можно найти в работах авторов [Падучева 1989: 18; Кодзасов 1996: 181—199, Rossi 1999].

значения имеют синкретичные способы выражения, т. е. интонация текста формируется не отдельно от интонации предложения, а в композиции с ней.

При сопоставлении русского языка с другими языками мы придерживались следующей процедуры. На основе выделенных на материале русского языка коммуникативных значений был разработан массив диагностических предложений, специально нацеленных на выявление интонационных средств выражения контраста, эмфазы в композиции с компонентами сообщений, вопросов и императивов. Диагностические предложения с помощью информантов были переведены на несколько европейских языков: английский, немецкий, французский и датский. Исследование по определению носило русоцентричный характер, потому что систему коммуникативных значений, выделенных при анализе русского материала, мы предположительно приняли за универсальную. Диагностические предложения были прочитаны различными информантами, по три-пять человек для каждого языка. Таким образом, наша работа не выходила за рамки пилотного исследования.

Кроме чтения диагностических предложений, информантам предлагалось рассказать несколько коротких историй из жизни по их желанию: о приезде в Москву, о посещении бассейна, о праздновании дня рождения. Это задание преследовало цель выделить интонационные средства связного нарратива во взаимодействии с интонацией предложения. Решение информантки Сидни Бэбуш из Нью-Йорка, преподавателя истории в старших классах, рассказать о событиях 11 сентября 2001 года, впервые обратило наше внимание на интонационные особенности речи человека, сдерживающего слезы. Нетрудно также представить себе, какой человеческий материал содержал рассказ учительницы, которая вела урок в школе неподалеку от места катастрофы. Впоследствии те же эффекты мы наблюдали при анализе речи участников телепередачи, посвященной розыску пропавших родственников.

Записи теле- и радиопередач тоже дали много материала для сравнительного анализа подготовленной и спонтанной устной речи. Некоторые записи теле-, радио- и учебных передач помогли нам сопоставить русский язык и с польским материалом. Работы с диагностическими предложениями для этого языка не проводилось.

В нашей работе не содержится результатов систематического анализа английской, французской и немецкой интонации, за исключением фиксации нетривиальных отличий и совпадений с русским языком. Исключение здесь составляет датский язык, для которого мы надеялись привести относительно полное описание интонационных способов выражения коммуникативных значений. Для отдельного исследования датской интонации у нас было две предпосылки. Первая состояла в том, что датские лингвисты традиционно считали, что датская интонация не служит для различения коммуникативных

значений и лишь формирует датское предложение, делая его отдельным от других предложений в тексте и отличая сообщение от вопроса. Поэтому мы поставили перед собой задачу показать, что коммуникативное членение датскому языку, как и другим языкам, тоже не чуждо. Второе условие, которое сделало возможным анализ датских данных, составило участие в работе Антона Циммерлинга, который работал с информантами, расшифровывал, анализировал и интерпретировал датский материал.

Полевой лингвистике известно, как много значат в работе терпение и доброжелательность информанта. Ответам на наши вопросы уделили свое внимание носители разных языков, на время работы с нами оторванные от своих дел. Это Гудмунд Байер (датский язык), Сидни Бэбуш, Лора Янда, Кеннет Мур, Рональд Фельдштейн, Мэтью Уолтерс (американский вариант английского языка), Люси Барк, Аньес Тютэн (французский язык) и другие друзья, знакомые и коллеги. Заметим, что в отсутствие личных контактов с информантами работа обычно протекает трудно. В работе над английским и французским материалом принимала участие Нина Фаустова, а немецкие данные обрабатывала Марина Палько.

Работа над интонацией требовала обсуждения и поддержки. Автор неизменно находил понимание у А. В. Циммерлинга и В. И. Подлесской. Кроме того, многие из задач, решение которых автор предлагает в данной работе, были поставлены В. И. Подлесской и А. В. Циммерлингом. Это важная часть работы. Ответственность за все решения несет, естественно, только автор.

В качестве инструментальной поддержки слухового анализа в данной работе использовалась компьютерная система анализа устной речи Speech Analyzer со всеми ее собственными издержками и нашим умением лингвиста-нефонетиста ею пользоваться. По поводу доверия системам анализа устной речи см. дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала Известия ОЛЯ: [Венцов 2003; Кодзасов 2003].

И последнее замечание, которое здесь следует сделать, состоит в том, что в данной работе приводятся результаты анализа некоторого количества произведений речи — предложений и целых текстов, — которые реально прозвучали в неподготовленных рассказах носителей русского, английского, немецкого, польского и французского языков. Эти предложения фигурируют в определенном контексте, который нам известен. И поэтому они содержат те значения, которые вложили в них говорящие и которые мы надеялись реконструировать, а не те значения, которые из этих предложений, быть может, мы могли бы извлечь, если бы получили только письменную запись этих примеров. Между тем на самом деле других значений в записанных нами звучащих примерах не было, потому что они были помещены именно в тот контекст, в который они были помещены, и произнесены с определенной интонацией.

Интонация, с одной стороны, вносит в предложение свои собственные значения и, с другой стороны, снимает многие лексические и синтаксические неоднозначности. Итак, при анализе примеров мы придерживаемся описания тех значений, которые в них есть, а не тех значений, которые в этих примерах теоретически могли бы быть.

Раздел 1 посвящен плану содержания интонации. В нем приводится классификация типов значений, выражающихся интонационно. Выделяется несколько оппозиций. Мы различаем системные коммуникативные значения и уникальные; локальные (относящиеся к речевому акту) и дискурсивные (относящиеся к структуре текста); иллокутивные (создающие речевой акт) и модифицирующие (не создающие речевой акт, а модифицирующие компоненты речевых актов). Обсуждаются возможности сочетания выделенных типов значений внутри одного предложения и внутри компонента предложения.

Остальные разделы книги посвящены плану выражения коммуникативных значений интонационными средствами, а также детализации значений и их композиций.

Раздел 2 посвящен интонации предложения. Предложение рассматривается как иллокутивный акт. В подразделе 2.1 рассматриваются два основных типа иллокутивных актов языка — системные и уникальные. Системным иллокутивным актам посвящен подраздел 2.1.1, уникальным — подраздел 2.1.2. В разделе 2.1.1 последовательно рассматривается система коммуникативных значений, выделенных на материале русского языка. В подразделе 2.1.1.1 рассматриваются средства выражения этих значений — коммуникативно релевантные движения тона — акценты — и принципы выбора носителей этих акцентов. Раздел, посвященный принципам выбора акцентоносителей, кроме анализа новых принципов выбора акцентоносителя, на которые мы не обратили внимания раньше, потребовал также краткого пересказа наших более ранних работ, посвященных базовому принципу выбора акцентоносителя в русском языке. При описании интонационных средств выражения коммуникативных значений без этого раздела нельзя было обойтись. Тем более, что большинство зарубежных работ на эту тему проблемы выбора акцентоносителя вообще не ставит: при анализе носитель акцента эмпирически берется из текста, и вопроса, почему коммуникативно релевантный акцент фиксируется на некоей определенной словоформе, а не на другой, не возникает. Однако на этапе синтеза предложения решение проблемы выбора акцентоносителя обойти невозможно. Анализ предложения без решения этой задачи также неминуемо будет неполным. Кроме того, в настоящее время в связи с выбором акцентоносителя тем нами были получены новые результаты. Известные уточнения были внесены и в модель описания выбора акцентоносителя в ремах. Выделены также и неизвестные нам ранее принципы выбора акцентоно-

сителя в особых типах речевых актов: в обращениях, подчеркнуто вежливых просьбах, мольбах, упреках, воспоминаниях и мечтах. В разделе 2.1.1.2 приводятся новые данные о разнообразии средств выражения тем в русском и в других языках. Характерно, что средства выражения тем не столь разнообразны. При контрастивном анализе тем выявляются некоторые различия между русским и другими языками, например английским и французским. В подразделе 2.1.1.2.1 рассматриваются особенности оформления контрастных тем, выраженных именными группами, с контрастом на прилагательном, например *воскресную прогулку* в предложении *Воскресную прогулку пришлось отложить окончательно, (а прогулка, назначенная на субботу, прошла очень удачно)*. Сопоставительный анализ русского с другими языками выявляет различия в оформлении опорной словоформы именной группы, например, *прогулку* в *воскресную прогулку* из примера выше. В разделе 2.1.1.3 предпринят контрастивный анализ эмфазы в сочетании с темой, ремой и компонентами вопроса. Анализируются примеры эмфазы в русском, английском, французском и датском языках. Это один из наиболее проблематичных и трудных разделов нашего исследования, потому что полный — идеальный — набор признаков, которые, в соответствии с нашей гипотезой, характерны для эмфазы, во всем объеме в примерах реализуется достаточно редко. Картина русского языка дается в сопоставлении с другими языками. Далее, в подразделе 2.1.2 рассматриваются уникальные иллокутивные акты, выделенные на русском материале, такие как интонация зова адресата, интонация ментальной деятельности (воспоминаний, мечтаний, ментального поиска), интонация т. н. безрезультатной деятельности, интонация обоснования. На первоначальном этапе анализа уникальные (несистемные) иллокуции выделяются на материале русского языка, а затем сопоставляются с коррелятами из других языков. Оказывается, что некоторые типы — судя по имеющимся у нас данным — в других языках могут отсутствовать.

Раздел 3 посвящен интонации текста. Анализируются разнообразные стратегии поддержания связности текста, в частности, в композиции с модифицирующими значениями — контрастом, эмфазой и верификацией. Показано, что поддержание незавершенности текста может не иметь отдельных средств выражения. Тогда незавершенность выражается синкретично с иллокутивными значениями. Выделяется два типа стратегий: синтетические, при которых иллокутивная сила и незавершенность выражаются синкретично, и аналитические, при которых рема и незавершенность имеют отдельные акцентоносители. В условиях контраста степень аналитизма повышается и у контрастной (а также эмфатической) ремы и текстовой незавершенности выделяются разные акцентоносители. Это явление прослеживается на материале русского, английского и польского языков. Отдельный раздел посвящен вкла-

ду в структуру текста различных типов акцентов. Так, в частности, показано, что когда незавершенность маркируется акцентом ИК-4, по Е. А. Брызгуновой, с подъемом на заударных (если они есть), повествование приобретает семантику «рассказа по порядку», а при немаркированном акценте незавершенности типа ИК-3 с подъемом на ударном слоге акцентоносителя семантика распланированного заранее повествования, состоящего из упорядоченной цепочки этапов, заменяется простым указанием на то, что текущий фрагмент повествования не последний. В разных языках вклад фонетически близких акцентов в семантику предложения и текста, естественно, различен. Это демонстрируется на примере акцентов типа русского ИК-4 с подъемом на заударных (или на финальной части единственного или последнего ударного слога акцентоносителя) в разных языках. Так, семантика «рассказа по порядку» возникает только у русского нисходяще-восходящего акцента. В английском, немецком и польском языках нисходяще-восходящий акцент служит немаркированным показателем незавершенности.

В разделе 4 анализируются некоторые инновационные процессы, которые наблюдаются в интонации русской публичной речи. Предлагается набор критериев, отличающих нормативную интонацию от инновационной. В разделе 4.1 анализируется перенос акцентоносителя в именных группах и в именах собственных типа **СОЕДИНЕННЫЕ штаты** вместо нормативного *Соединенные ШТАТЫ* и **ВАСЯ Иванов** вместо стандартного *Вася ИВАНОВ*. Это явление впервые было описано Н. Д. Светозаровой в 1993 году. Рассматриваются внутренние — собственно русские — стандартные модели, которые могут служить образцом для развития по аналогии, а также английские стандартные — нормативные — образцы, которые могут оказывать влияние на русскую речь. В разделе 4.2 рассматривается явление экспансии акцента типа ИК-2, по Е. А. Брызгуновой, при котором нисходящий интенсивный акцент ИК-2 вытесняет восходящий акцент темы типа ИК-3 с начальной позиции в предложении. Крутое и интенсивное начальное падение весьма характерно для речи дикторов радио и телевидения при сообщении новостей. В обыденной речи оно практически не встречается. Раздел 4.3 посвящен явлению экспансии ИК-4 также в речи деятелей средств массовой коммуникации. Анализируется набор стандартных функций акцента типа ИК-4, по Е. А. Брызгуновой, выделяется инвариантное значение ИК-4 в русском языке и показывается, что инновационные употребления выпадают из инварианта. Выдвигается гипотеза о влиянии англоязычных средств массовой коммуникации, т. к. в английском языке акцент, фонетически близкий русскому ИК-4, имеет более широкие функции, чем ИК-4 в русском языке. Выделяется семантический инвариант инновационных значений, который состоит в искусственном привнесении в речь интонационных параметров борьбы мнений.

В связи с анализом нисходяще-восходящего акцента ИК-4 в русском языке и его аналогов в других языках в разделе 5 рассматривается специфическая английская интонационная конструкция «подъем — падение — подъем», которая обслуживает круг значений, близких значениям ИК-4. Конструкция «подъем — падение — подъем» получила широкое обсуждение в англоязычной зарубежной литературе. Большинство участников дискуссии приписывало этой конструкции семантику контраста, который понимался как процедура выбора элемента из известного заранее и ограниченного множества альтернатив. Однако окончательного решения по поводу семантики этой интонационной конструкции достигнуто не было. В разделе 5 предлагается семантическая интерпретация этой интонационной конструкции как выражающей различные способы апелляции говорящего к слушающему: возражение, призыв к вниманию, заигрывание, желание удивить. Это значение легко комбинируется с контрастом как с результатом выбора, но способно активизироваться и без него. Показано, что данное значение komponуется не только с ремой, но и с темой предложения.

Раздел 6 посвящен выражению коммуникативных значений и их композиций средствами датского языка. За основу берется система значений, выделенная на материале русского языка. Рассматриваются также некоторые уникальные — несистемные — датские иллокуции. Показано, что один тип предложений, а именно, предложений о причине, имеющих в русском языке и впервые проанализированных на материале английского языка, в датском языке отсутствует. Соответствующая семантика выражается в датском языке другими — не интонационными — средствами. Выделяются также аналогичные русским средства поддержания связности текста.

В Заключении подводятся итоги исследования.

1. Типы значений, выражающихся интонацией

Продолжим начатое во Введении обсуждение типов значений, которые выражаются интонацией. Во Введении было предложено членение значений по признаку системности на системные и уникальные. Введем теперь другой параметр описания значений — функциональный — и рассмотрим членение значений в соответствии с пересечением этих двух параметров.

Основное функциональное членение значений, которые выражаются интонационно, мы видим в подразделении на иллокутивные значения, которые создают речевые акты как речевые акты определенного типа с определенным коммуникативным заданием, и значения, которые обеспечивают связность текста, например, говорят о том, что текущий текст еще не кончился. Значения, которые действуют в рамках одного предложения, как единого речевого акта, например, значение темы и значение ремы, мы ниже называем *локальными*, а значения, которые отвечают за выход в текст, — *собственно дискурсивными*. На Схеме 1 ниже представлено первичное функциональное подразделение значений на локальные, ограниченные рамками одного речевого акта, и собственно дискурсивные значения. Эти значения совместимы друг с другом в рамках предложения, так как в предложении может одновременно выражаться, скажем, значение ремы, которое создает речевой акт сообщения, и указание на текстовую незавершенность. Далее, на один уровень с локальными и дискурсивными значениями мы помещаем значения, которые, тем не менее, стоят несколько особняком. Мы называем их *вторичными иллокуциями*.

Остановимся коротко на вторичных иллокуциях. Нетерминологически они называются менторским тоном, грозным, умоляющим, требовательным голосом, металлом и слезами в голосе. Они задают речевые акты мольбы и угрозы или выражают состояние говорящего, ср. *умоляющая интонация, упавший голос, изнемогающий тон*. Вторичные иллокутивные значения выражаются тембром голоса [Крейдлин 2000: 483], усиленной интенсивностью, четкостью произнесения, отсутствием растяжек [Светозарова 2000: 98, 101]. Существенная черта «тона» (менторского, настойчивого), «голоса» (металлического, решительного), «интонации» («иронической, шутливой, пафосной,

деловой, плавной, гибкой, резкой»¹) состоит в том, что «тонá» и «голосá» аморфно растекаются по большим фрагментам текста — предложениям, группам предложений и целым пространным монологам: *Ну дедушка, ну миленький, ну дай, пожалуйста* (пример заимствован из книги Н. Д. Светозаровой [1982: 23, 55], см. также [Кодзасов, Кривнова 1977: 209], и там же литература по теме). «Тона» и «голоса» не связаны жестко ни с компонентами предложения, ни с предложениями, ни с текстами. Они используются говорящим, пока он находится во власти соответствующей эмоции или коммуникативного намерения приказать, пригрозить, пожаловаться: *Четкий, нажимистый голос Люси кому-то выговаривал. — Как вам не стыдно?! Мать чуть живая лежит, а они как с ума сошли!* (Распутин). Пример заимствован из книги [Светозарова 2000: 50]. В данном примере «нажим» говорящего (ср. *нажимистый голос Люси*) последовательно распространяется, как минимум, на два речевых акта.

Первичные иллокуции — сообщения и вопросы — от наложения на них грозного голоса или менторского тона своей первичной иллокутивной функцией не теряют. Важное свойство «тонов» и «голосов» состоит в том, что они сочетаются с первичными иллокутивными и дискурсивными значениями. Существенная черта вторичных иллокуций состоит в том, что они могут менять принципы выбора носителей акцентных пиков по сравнению с теми принципами, которые определяли бы выбор носителей акцентов в соответствующих первичных иллокуциях. Так, в нейтральной просьбе *Дай мне чаю, пожалуйста* акцентоноситель — словоформа *чаю*, а в предложении с иллокутивной силой настойчивой просьбы *Ну дай мне чаю, ну пожалуйста* акцентоноситель — глагол в повелительном наклонении.

Далее. Среди локальных значений выделяются *иллокутивные*, т. е. создающие речевые акты и их компоненты, такие как темы и ремы, и *модифицирующие*, такие, как контраст и эмфаза, которые не создают речевых актов, а только модифицируют компоненты речевых актов внутри одного типа.

Иллокутивные значения, в свою очередь, подразделяются на *системные* и *уникальные*, или словарные.

Системные иллокутивные значения задают, как уже говорилось выше, иллокутивную грамматику языка. Это основной предмет данного исследования. Для системных иллокуций, таких, как сообщение и вопрос, характерна бинарная структура (тема vs. рема, собственно вопросительный vs. несобственно вопросительный компонент вопроса). Системные значения вступают в композиции с модифицирующими значениями. Они входят в бинарные структуры типа тема — рема. А эти структуры, в свою очередь, подвержены пре-

¹ Эти эпитеты интонации в нетерминологическом значении слова «интонация» мы заимствуем из книги [Иванова-Лукьянова 2004: 6].

образованиям, связанным с приращением значения, таким как опущение темы, коммуникативное подавление темы путем помещения ее на второе место в предложении, композиция рем (см. [Янко 2001, глава 2]). Интонационные структуры, характеризующие системные значения, жестко связаны с определенными словоформами-акцентоносителями, которые выбираются согласно определенным правилам. А сами правила контролируются синтаксической структурой и фактором активации (правила см. в разделе 2.1.1.1.2, а также [Янко 1991; 2001: 190]).

Наша гипотеза состоит в том, что системные иллокутивные значения универсальны. Другое дело, что в языках они могут иметь не только интонационные, но также лексические, морфологические и синтаксические способы выражения.

Уникальные же типы речевых актов, в отличие от системных, монолитны, они не входят в структуры, не подвержены преобразованиям, не сочетаются с модифицирующими значениями и с показателями связности текста. Соответствующие акцентные пики даже могут быть не связаны ни с каким акцентоносителем и поются, как песня, независимо от синтаксической структуры предложения и сегментного материала, ср. цитировавшиеся выше вокативные контуры, например, зов невидимого адресата (*Хозяйка-а!*; *Есть кто-нибу-удь?!*), а также интонацию безрезультатной деятельности (*Стоим в метро, ждем поезда*; *Сунулся туда, сунулся сюда*), интонацию ментальных состояний (воспоминания — *Там еще роди-ители собрались, знако-омые там*; недоумения — *И куда-а она запропастилась?*, предвкушения — *А я колба-аски купила!*), интонацию обоснования (*«—Что ты такой грустный?» — Джон умер; <Тише.> Бабушка спит*).

Системные значения универсальны, а уникальные — лингвоспецифичны. Действительно, ниже в разделах 2.1.2.4 и 6 будет показано, что удастся найти такие русские значения, которые не выражаются в датском языке, во всяком случае, интонационно.

Модифицирующие значения соединяются со значениями, создающими речевые акты, с образованием контрастной ремы (*Во **вторник** он придет*)², контрастной темы (***Воскресную** прогулку пришлось отложить окончательно*), контрастного императива, контрастных компонентов вопроса. Так, в предложении *А какое оборудование завод Продмаш производит **серийно**?* контрастный несобственно вопросительный компонент вопроса словоформа *серийно*: здесь контраст говорит о том, что говорящий задает вопрос не о том оборудовании, которое завод производит в порядке опытного образца, а только о том, которое производится в промышленном режиме, т. е. серийно. Идея о компо-

² Жирным шрифтом здесь помечен акцентоноситель контрастных компонентов.

зиционности коммуникативных значений, в частности, о возможности сочетания контраста с темой впервые наиболее отчетливо, насколько нам известно, была сформулирована в работах Ю. С. Мартемьянова [1970; 1971].

Определения модифицирующих коммуникативных значений — *контраста, эмфазы и верификации* — см. в работе [Янко 2001: 47, 65] и в цитированной там литературе, а здесь поясним, что контраст традиционно связывается с выбором элемента из известного говорящему и слушающему множеству. Когда мы говорим *воскресную прогулку* — это значит, что прогулок как минимум две. Кроме того, при контрасте возникает идея о соотношении текущего речевого акта с некоторым высказанным ранее положением, с которым говорящий либо солидаризуется (*Да-да, это Вася*), либо не соглашается (*Это Вася, а не Петя*).

Контраст сочетается как с ремой, так и с темой. Контраст соединяется с темой и ремой совершенно автономно, т. е. выделяются предложения с контрастными темами и простыми — не-контрастными — ремами, а также предложения с контрастными ремами и простыми темами, и предложения с контрастными темами и одновременно контрастными ремами. Такая независимость контрастных тем от контрастных рем служит дополнительным аргументом в пользу того, что в повествовательном предложении следует вычленять два коммуникативных компонента — тему и рему.

Эмфазу мы понимаем как выражение говорящим сильных чувств по поводу ненормативных явлений жизни. Так, когда мы говорим *У тебя уже есть сын?!*, это значит, что говорящий считает, что слушающий еще чересчур молод для того, чтобы иметь сына. Здесь значение эмфазы сочетается с собственно вопросительным (собственно иллокутивным) компонентом вопроса.

Верификация (по Адамцу [1978: 101—103]) представляет собой частный случай контраста. Это выбор из двух значений: 'да' и 'нет' или 'истина' и 'ложь'. При верификации положение дел, которое ожидалось или о котором было известно заранее в предположительном плане, объявляется имеющим (или не имеющим) место.

Для контраста и эмфазы существенно, что эти значения последовательно соединяются с коммуникативными значениями, формирующими компоненты предложений, — значением темы, значением ремы, значением вопроса и императива — с образованием контрастных и эмфатических тем, рем, контрастных и эмфатических компонентов вопросов и императивов. Своей первичной иллокутивной силы сообщения, вопросы и императивы от композиций с контрастом, эмфазой и верификацией не теряют. Так, в предложении *Его новая книга нравится мне больше предыдущей* контрастная тема *новая*, а в предложении *У тебя уже есть сын?!* эмфатический вопросительный компонент *сын*.

Коммуникативные значения, которые способны сочетаться с другими значениями, на схеме 1 помещены в рамку. Системность значений данного

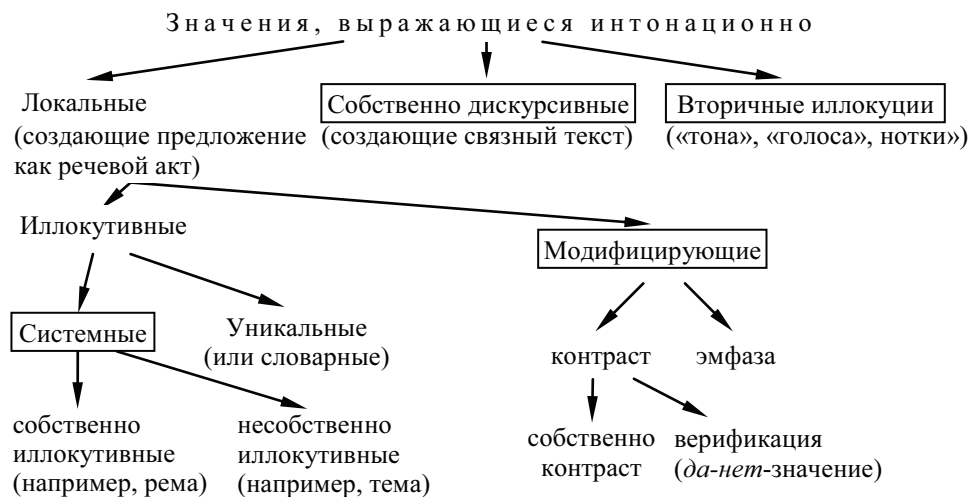
типа и состоит в их взаимодействии друг с другом и в разработке языком системных средств выражения этих значений и их композиций.

В результате, в пределах одного коммуникативного компонента может быть выражено четыре типа значений, например, рема, плюс контраст, плюс незавершенность текста, плюс умоляющий (грозный, изнемогающий) голос. Например, в предложении *⟨Он не привязан,⟩ а **прибит** ↘ **звездами** ↗...³* с интенсивным падением тона на словоформе *прибит* и подъемом на *звездами*, произнесенном испуганным голосом, падение на *прибит* указывает на контрастную рему, подъем на *звездами* — на текстовую незавершенность, а испуганный голос — на выражение внутреннего состояния говорящего или на желание говорящего напугать также и слушающего.

Модифицирующие и вторичные иллокуции — «тона», «голоса» и «нотки» — реализуют разные типы сочетаемости с другими значениями. Модифицирующие значения — контраст, эмпфаза и верификация — последовательно сочетаются с компонентами речевых актов с созданием контрастных и эмпфатических тем, рем и компонентов вопросов и императивов, а вторичные иллокуции — об этом уже говорилось выше — аморфно растекаются по большим фрагментам текста с выходом за пределы предложения. «Умоляющих» тем и рем не бывает.

Типология значений, имеющих интонационные средства выражения, отражена на Схеме 1.

Схема 1

³ В угловые скобки помещается необходимый для иллюстрации анализируемых явлений языковой контекст.

В разделах ниже на примере русского, а также английского, немецкого, французского, датского и польского языков мы надеемся показать, что иллюкутивные значения, создающие предложения как речевые акты определенного типа, и отношения между предложениями в тексте выражаются изменениями частоты основного тона, выбором носителей акцентных пиков, а также некоторыми другими признаками, такими, как темп и паузация, и выделить конкретные соответствия между значениями и их композициями и средствами выражения этих значений.

2. Интонация предложения

2.1. Интонация иллокуций. Грамматика и лексикон

Просодические транскрипции не всегда нацелены на описание интонации с точки зрения выражаемых значений. Например, так называемый автосегментный подход Дж. Б. Пьерхамберт предназначен для чисто фонетической интонационной транскрипции [Pierrehumbert 1980]. Это не значит, что Дж. Б. Пьерхамберт не обращается к плану содержания интонации. Однако в ее работах и в других работах по интонации, где обсуждается проблема связи формы и значения (см., например, подход Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982: 103—118], работы [Кодзасов 1996: 181—199; Кодзасов, Кривнова 2001: 392—398]), описание такой связи не всегда выдержано в той степени системности, которой эта связь заслуживает. Встает задача установления соответствия между множеством смыслов, которые можно выразить интонационно, и поверхностным выражением этих смыслов.

Известно, что интонация прежде всего связана с выражением иллокутивных целей говорящего, таких как сделать сообщение, задать вопрос, пригрозить, пожаловаться, позвать. Но если обратиться к работам по анализу плана содержания, то окажется, что авторы гораздо более охотно апеллируют к сегментным средствам выражения иллокутивных смыслов, чем к интонации. К таким работам мы относим, в частности, книгу И. А. Мельчука, посвященную коммуникативной структуре предложения, [Mel'čuk 2001]. Данные просодии там фактически не используются. Тем самым наиболее существенный пласт плана выражения структуры коммуникативных актов в полной мере не учитывается. Между тем именно структура плана выражения способна подсказать, какие значения язык различает, а какие — рассматривает как одно значение, какие значения системно сочетаются друг с другом, а какие — используют застывшие идиоматичные средства. Кроме того, существенной типологической чертой русского языка, говорящей о весомости интонационных средств, оказывается то, что два основных типа речевых актов — сообщение и *да-нет*-вопрос — различаются только интонационно. И наконец, в русском и в других языках существует большое количество уникальных типов речевых актов, в которых коммуникативная цель говорящего передается тоже только интонацией.

Таким образом, традиционно, когда речь идет об интонации, план выражения и план содержания исследуются в существенной степени независимо. В данном разделе ставится задача представить основные иллокуции русского языка и интонационные средства их выражения как систему и отделить системные средства выражения иллокутивных значений от уникальных, или словарных. Ниже анализируются иллокутивные цели говорящих и другие смыслы, сопутствующие иллокутивным: контраст, эмфаза, незавершенность текста.

В подразделе 2.1.1 рассматриваются иллокутивные смыслы, которые в русском языке образуют структуру. Проблематика этого раздела частично уже обсуждалась нами в работе [Янко 2001: 19—132], поэтому структуру коммуникативных смыслов и интонационных средств их выражения мы приводим здесь в разделе 2.1.1.1 только в конспективном виде. Исключение делается для некоторых задач, в решение которых удастся внести существенные уточнения. Это выбор акцентоносителя коммуникативного компонента, а также интонационные средства, обслуживающие значения темы и эмфазы. Уточнения и соответствующие примеры содержатся в подразделах 2.1.1.1.2 (выбор акцентоносителя), 2.1.1.2 (просодия темы) и 2.1.1.3 (эмфаза). В разделе 2.1.2 приводятся примеры иллокуций, которые составляют иллокутивный лексикон. В разделе 2.1.3 по результатам, полученным в разделах 2.1.1 и 2.1.2, решается одна из задач описания иллокуций — выделение набора признаков, релевантных для различения типов речевых актов и отнесения их либо к системным, либо к уникальным.

2.1.1. Иллокутивная грамматика русского языка

Сочетаемость компонентов сообщения — тем и рем — с модифицирующими значениями — контрастом и эмфазой — иллюстрирует таблица ниже. Заголовками строк таблицы служат имена компонентов повествовательного предложения, заголовками столбцов — модифицирующие значения. На пересечении строк и столбцов приводятся русские примеры, иллюстрирующие взаимную сочетаемость этих значений в пределах одного коммуникативного компонента. В русском языке темы, ремы, компоненты *да-нет*-вопросов, а также композиции тем и рем с контрастом и эмфазой имеют тональные средства выражения, отражающие структуру плана содержания. Сочетания движений тона, маркирующих собственно иллокутивный (такой, как рема) и не-собственно иллокутивный компонент (такой, как тема), в контексте контраста и эмфазы последовательно преобразуются в соответствующие контрастные (которые отличаются большим перепадом частот, чем простые, и большей интенсивностью) и эмфатические (которые отличаются своего рода «искрив-

лением» тона, при котором к восходящему тону добавляется нисходящее начало, а к нисходящему — восходящее) показатели.

Таблица

	Контраст	Эмфаза
Рема	<i>Это Вася, (а не Петя)</i> (контрастная рема)	<i>Сам Вася пришел!</i> (эмфатическая рема)
Тема	<i>Его новая книга лучше, чем старая</i> (контрастная тема)	<i>Такую огромную котлету мне ни за что не съесть!</i> (эмфатическая тема)

Таблица отражает сочетаемость коммуникативных компонентов с контрастом и эмфазой только в пределах повествовательного предложения. Для вопросов и императивов характерна аналогичная картина. Увеличение в этой таблице числа строк охватило бы компоненты вопросов и императивов, а увеличение количества столбцов позволило бы ввести в круг рассматриваемых модифицирующих значений верификацию, или оценку истинности высказывания в целом; о верификации см. [Адамец 1978: 101—103].

2.1.1.1. Средства выражения коммуникативных значений в русском языке

Коммуникативные значения имеют три основных типа интонационных средств выражения. Эти типы и средства были выделены нами в работе Янко 2001: 19—132. Основные положения о средствах выражения коммуникативных значений в русском языке сводятся к следующему.

- Системные коммуникативные смыслы, такие как тема, рема, *да-нет*-вопрос и дискурсивная незавершенность, маркируются коммуникативно релевантными акцентами (см. раздел 2.1.1.1.1).
- Сфера действия коммуникативных значений (объем коммуникативной составляющей) маркируется выбором акцентоносителя в соответствующей коммуникативной составляющей. Так, у ремы, сфера действия которой все предложение в целом, иной акцентоноситель, чем у ремы, которая определена только на части этого предложения (см. раздел 2.1.1.1.2).
- Модифицирующие коммуникативные значения (контраст, эмфаза и верификация) маркируются интенсивностью фразового акцента, увеличением диапазона частот, в котором совершаются коммуникативно релевантные движения тона (и лексически); эмфаза дополнительно маркируется своего рода «искривлением» тона, которое состоит в

присоединении к основному движению тона — восходящему при теме и *да-нет*-вопросе или нисходящему при реме — «противоположного» движения тона, благодаря чему возникают восходяще-нисходящие и нисходяще-восходящие движения тона (об эмфазе см. раздел 2.1.1.3). Таким образом, показатели тем, рем и компонентов вопросов последовательно модифицируются в композициях с контрастом и эмфазой.

2.1.1.1.1. Коммуникативно релевантные акценты

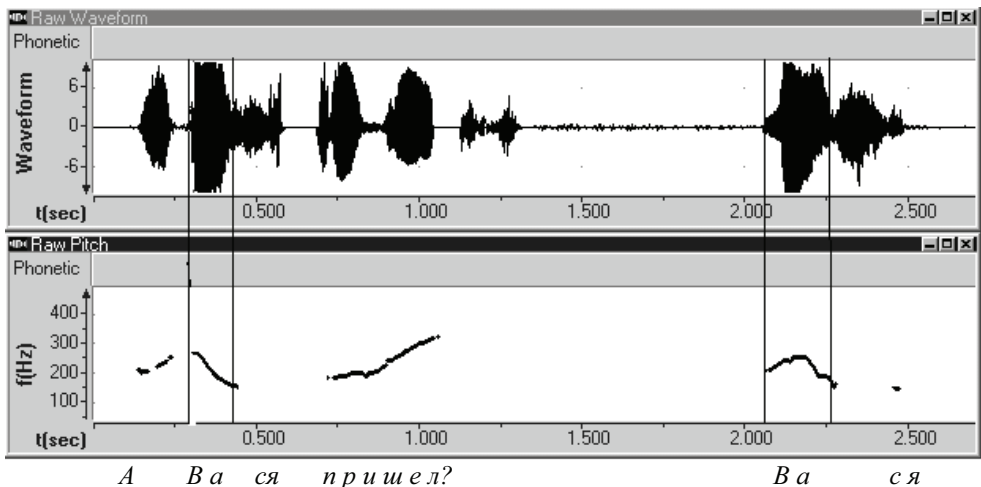
В отношении набора коммуникативно релевантных акцентов мы в целом сохраняем верность традиции интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой, и в частности, терминологии интонационных конструкций [Русская грамматика 1982, I: 97—101]. В дальнейшем в данной работе используются термины «акцент типа ИК-1», «акцент типа ИК-2» и т. д. В систему лишь вносятся некоторые необходимые дополнения и уточнения. Акцент — это понятие, близкое интонационной конструкции, по Е. А. Брызгуновой, но не совпадающее с интонационной конструкцией. Так, интонационная конструкция ИК-5 понимается как состоящая из двух акцентов.

Акцент рассматривается как основная единица интонации. Акценты — это двусторонние единицы, для которых релевантен ряд признаков, таких как способность быть носителем некоторого значения, фиксация на словоформе-акцентоносителя, которая выбирается согласно определенным правилам, тонально-темпоральные характеристики, такие как движение тона на ударном слоге акцентоносителя и заударных слогах, если они есть, растяжки, аллегро и другие признаки. Акценты складываются в интонационные контуры предложений. Акценты мы считаем элементами интонационной фонологии. Это не-атомарные единицы, они представимы в виде структур своих элементов с учетом специфики наложения на несущий сегментный материал.

При анализе интонации мы прибегаем к показаниям приборов, которые получены с помощью компьютерной системы анализа устной речи Speech Analyzer. Показания приборов имеют вид графиков. Верхний график — осциллограмма — изображает преобразованный в машинную форму след, который оставляет на материале (например, на бумаге) игла, возбужденная звуковыми волнами. Этот рисунок отражает структуру слога, паузацию и другие признаки. График, расположенный под осциллограммой и/или графиком интенсивности, представляет собой тонограмму — кривую изменения во времени частоты звука в герцах. Он отражает движения тона в рассматриваемых предложениях. График интенсивности расположен между осциллограммой и графиком частоты. Для некоторых примеров ниже приводятся также и их спектрограммы. Спектрограмма, в частности, наглядно отражает границы

между гласными и согласными в рамках слога и слова. Условно набор графиков для конкретных фрагментов текста — тонограмму, осциллограмму, спектрограмму и кривую интенсивности — мы объединяем под общим названием тонограммы. Поясним также, что курсор — это вертикальная черта, пересекающая график. Для выделения обсуждаемых участков кривых используются пары курсоров, которые ограничивают участки кривой слева и справа. При обсуждении примеров ниже используются различные наборы графиков. Так, для сравнительного анализа вопроса *А Вася↘ пришел↗?* и одиночной реплики *Вася↘* ниже приводятся данные осциллограммы и тонограммы. Рассмотрим основные акценты.

- Акцент типа ИК-1, по Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982, I: 97—122], служит показателем ремы и не-вопросительного (неконституирующего) компонента вопроса. Обозначается нисходящей стрелкой (↘) после словоформы-акцентоносителя: *Пришел **Вася**↘*; ***Вася**↘ пришел↗?*. На тонограмме ниже зафиксирован вопрос *А Вася↘ пришел↗?* и одиночная реплика *Вася↘* в функции ремы. Обе встречаемости слога [ва] выделены курсорами. Как мы видим, у начала вопроса (несобственно вопросительного компонента) *А Вася* нисходящая интонационная кривая, как и у реплики *Вася*. Можно только заметить, что в одиночной реплике *Вася* падению предшествует компенсаторный подъем, необходимый для «набора высоты». В вопросе *А Вася↘ пришел↗?* соответствующий подъем приходится на начало вопроса *А...?* Поскольку в реплике *Вася* необходимый сегментный материал отсутствует, подъем фиксируется в начале ударного слога.

Акцент типа ИК-1 — это основной нисходящий акцент русского и других языков. Характеризуется нисходящим тоном в небольших диапазонах частот или ровным низким тоном на ударном слоге, за которым следуют последовательно нисходящие заударные слоги, если они есть.

- Акцент типа ИК-3 служит показателем темы и вопросительного компонента *да-нет*-вопроса. Обозначается восходящей стрелкой (↗) после словоформы-акцентоносителя: *Вася↗ пришел*; *Вася↘ пришел↗?* Акцент типа ИК-3 — это прототипический русский подъем. Характеризуется подъемом тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс падение на заударных, если они есть. Наша гипотеза состоит в том, что если в сознании носителей русского языка имеется представление о восходящей интонации, то это представление воплощено в акценте ИК-3. ИК-3 — это не единственный восходящий тон русского языка. Более полный набор восходящих акцентов русского языка приводится в разделе 3.4 ниже.
- Акцент типа ИК-6, по Брызгуновой, как и ИК-3, характеризуется подъемом на ударном слоге акцентоносителя, за которым частота не падает, как при ИК-3, а держится примерно на том уровне, который был достигнут в результате первоначального подъема. Обозначается ломаной стрелкой (↗↘). Заударные слоги при ИК-6 могут быть отмечены небольшим падением частоты, которое объясняется естественными причинами: при произнесении на выдохе частота несколько снижается, если говорящий не прикладывает специальных усилий для ее поддержания на достаточно высоком уровне. ИК-6, в частности, маркирует незаконченную рему. Так, в предложении *Посади↗ дед репку↘* с темой *дед* и расщепленной ремой *посади↗ репку* ИК-6 фиксируется на неконечном фрагменте ремы *посади↗*: здесь ИК-6 говорит о том, что рема еще не кончилась. О предложениях с расщепленной ремой см. [Ковтунова 1976: 121; Янко 2001: 197—227]. Мы предполагаем, что за русским акцентом типа ИК-6, по Е. А. Брызгуновой, скрывается не один, а два акцента. Первый — такой, как в предложении *Посади↗ дед репку*, и второй — как в предложениях *Какой вечер↗ чудный!* и *А я колба-аски↗ купила!* ИК-6 второго типа отличается растянутостью ударного и заударных слогов¹. В дальнейшем изложении с известной долей условности в обоих случаях мы используем один знак (↗) для акцентов обоого типа². Об особом типе пред-

¹ Растянутый вариант ИК-6 выделяет Г. А. Баринава [1973].

² По поводу некоторых реализаций восходящих акцентов в литературе нет единого мнения. Так, в учебнике [Князев, Пожарицкая 2005: 303] фигурируют два при-

ложений, сформированных на основе ИК-6 типа *А я колба-аски* → *купила!* и отражающих мыслительные процессы и состояния, говорится в разделе 2.1.2.3. О вкладе ИК-6 в структуру текста говорится в разделе 3.4 ниже.

- Интонационную конструкцию ИК-2, по Брызгуновой (знак ♪), в работе Янко [2001: 92—96] было предложено разделить на два акцента: собственно ИК-2 (как в предложениях *Ты где♪ живешь?* и *⟨Тише.⟩ Бабушка♪ спит*) и акцент ИК-1 контрастный, или ИК-1-К (как в предложении *Это Вася♪, а не Петя*). Там же был выделен ряд признаков, которые различают эти акценты. Основное различие между акцентами собственно ИК-2 и ИК-1-К состоит в том, что в контексте контраста ударный гласный акцентоносителя удлинняется или, во всяком случае, становится способным к растяжению (*Это Ва-ася♪, ⟨а не Петя, как можно было бы подумать⟩*), а собственно ИК-2 не предполагает долготы гласного, это краткий акцент (*°Ты где-е♪ живешь?*; *°⟨Тише.⟩ Ба-абушка♪ спит*). С некоторой долей упрощения действительного положения дел будем считать, что ИК-2 — это «интенсивный» и совершающийся с большим, чем при ИК-1, перепадом частот вариант ИК-1. В данной работе мы помечаем и тот и другой акцент жирной стрелкой ♪. Последний вопрос, который возникает в связи с акцентом типа ИК-2 в русском языке, состоит в том, что ИК-2, который теоретически представляет собой падение тона, совершающееся в больших диапазонах частот, при реальном произнесении требует существенного «захода» тона вверх, необходимого для «набора высоты». При отсутствии подходящего сегментного материала этот подъем может совершаться в рамках ударного слога, вытесняя падение на заударный слог. В связи с этим тонограмма ИК-2 требует специального анализа для сравнительной «диагностики» ИК-2 и восходящего акцента ИК-3. Реализации ИК-2 на разнообразном сегментном материале и сравнению ИК-2 с ИК-3 посвящен следующий подраздел 2.1.1.1.1.1. Особым — нестандартным — функциям ИК-2 посвящен раздел 4.2.
- Акцент типа ИК-4 в русском языке оформляет по преимуществу реплики в диалоге и выражает коммуникативные значения, связанные с

мера, которые понимаются авторами как ИК-3, однако в силу высоких заударных пример, названный авторами незавершенностью, мы бы квалифицировали как ИК-6: представляется, что конституирующий признак ИК-3 состоит в сильной степени редукиции заударных, если они есть. Если падение на заударных не отличается крутизной, т. е. существенным перепадом частоты, совершающимся в небольшой промежуток времени, в данной книге такой акцент понимается как ИК-6.

контрастом, сопоставлением, противопоставлением, соотносением с известным фоном, борьбой мнений, см. раздел 4.3 ниже. Обозначается знаком $\searrow \nearrow$ после словоформы акцентоносителя: *А Вася* $\searrow \nearrow$?. ИК-4 характеризуется падением на ударном слоге (или равным низким тоном), за которым следует подъем на заударных, если они есть. Если заударных слогов нет, восходящий участок сдвигается на ударный слог. Таким образом, ИК-4 подвергается компрессии (англ. *compression*), при которой весь нисходяще-восходящий рисунок кривой основного тона без потерь фиксируется на единственном слоге акцентоносителя. Это структурное свойство ИК-4 отличает ИК-4 от, скажем, акцента ИК-3, у которого движение, характерное для заударных, усекается, если заударных нет (англ. *truncation*). В английском, немецком и польском языках тоже имеется коммуникативно релевантная единица, подобная русскому акценту ИК-4. Она тоже представляет собой нисходяще-восходящее движение тона с подъемом на заударных, если они есть. Если заударных нет, как и русский акцент типа ИК-4, в английском, немецком и в польском акцент типа ИК-4 подвергается компрессии, т. е. нисходяще-восходящее движение тона целиком реализуется на единственном или последнем слоге акцентоносителя. Однако функции акцента типа ИК-4 в других языках могут быть иные, чем у русского ИК-4. Об этом говорится ниже в разделе 3.2. О функциях ИК-4 в структуре текста говорится в разделе 3.4, а об инновационном расширении функций ИК-4 по сравнению со стандартными — в разделе 4.3.

2.1.1.1.1.1. Специфика сегментного материала. ИК-2 или ИК-3?

Рассмотрим поучительный пример, который иллюстрирует обманчивость объективных данных тонограмм и необходимость, во-первых, при идентификации акцента апеллировать к фактору значения, а во-вторых, учитывать позицию акцентоносителя в кругу сегментного материала.

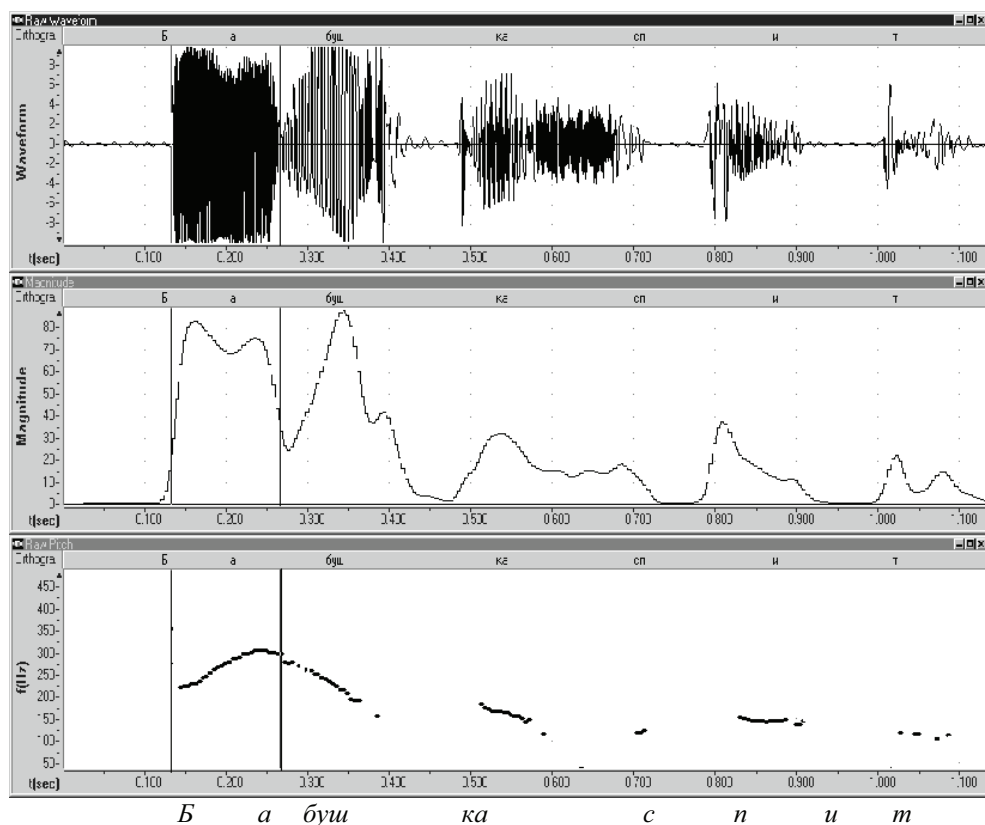
В работе Г. И. Ивановой-Лукьяновой [1989] акцентоносители в примерах *Вы мою сестру не судите*; *Вы же ничего не записали*; *Вы все перепутаете* квалифицируются как несущие восходящий тон ИК-3³. Между тем,

³ Ср. также анализ речи дикторов радио и телевидения в другой работе Г. И. Ивановой-Лукьяновой [2004: 34], где в типичном для ИК-2 контексте с высоким началом автор предполагает использование фонологически восходящего акцента и находит такое произнесение ошибочным: *Начнем с московских событий* \nearrow . *Процесс налаживания взаимодействия ветвей власти не сорван* \nearrow ... Мы позволим себе предполо-

если бы на выделенных словоформах фиксировался акцент ИК-3, то тогда повествовательное предложение и императив интонационно не отличались бы от *да-нет*-вопроса: *Вы все перепутаете*? Действительно ли в рассматриваемых предложениях имеет место фонологический восходящий акцент? Обратимся к более простым примерам, которые предположительно реализуют тот же акцент, что и в примерах, приводимых Г. И. Ивановой-Лукьяновой.

(1) *(Тихо). Бабушка стит.*

Тонограмма 1

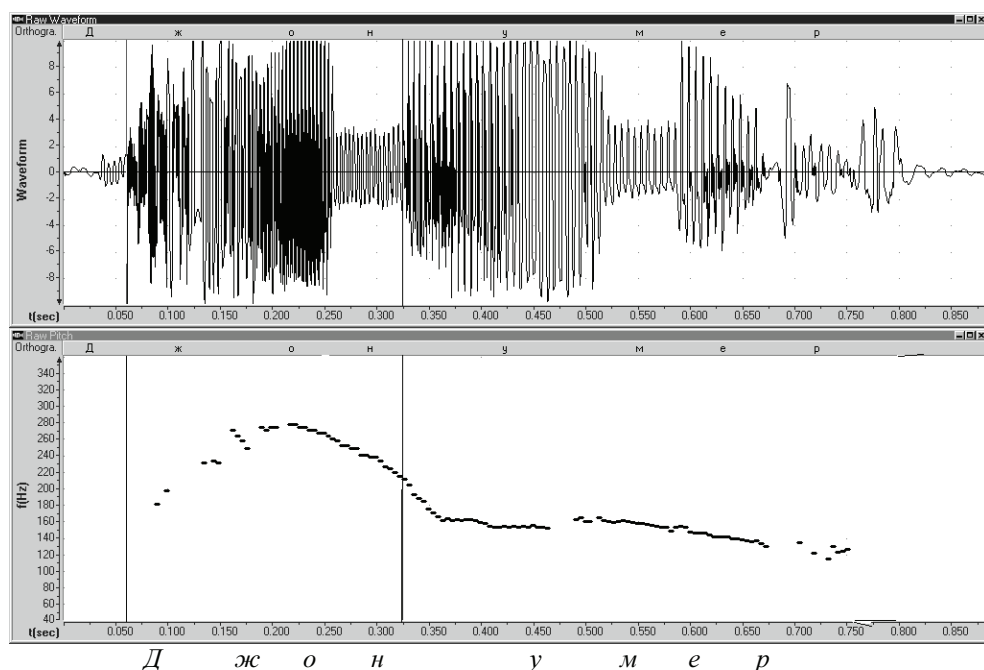

жить, что дикторы произносили типичный для речи деятелей массовой коммуникации фонологически нисходящий акцент с поздним таймингом, т. е. в условиях, при которых падению предшествует существенный подъем, а само падение смещается к концу ударного слога или на заударный слог. Иначе все сообщения звучали бы как *да-нет*-вопросы.

Действительно, нельзя не признать, что на ударном слоге словоформы *бабушка* — он здесь выделен курсорами — фиксируется восходящее движение тона. Обратимся к более широкому языковому материалу. Расширим круг анализируемых предложений. Рассмотрим тонограмму предложения (2) как ответа на вопрос *Что случилось?*:

(2) *Джон умер.*

Тонограмма 2

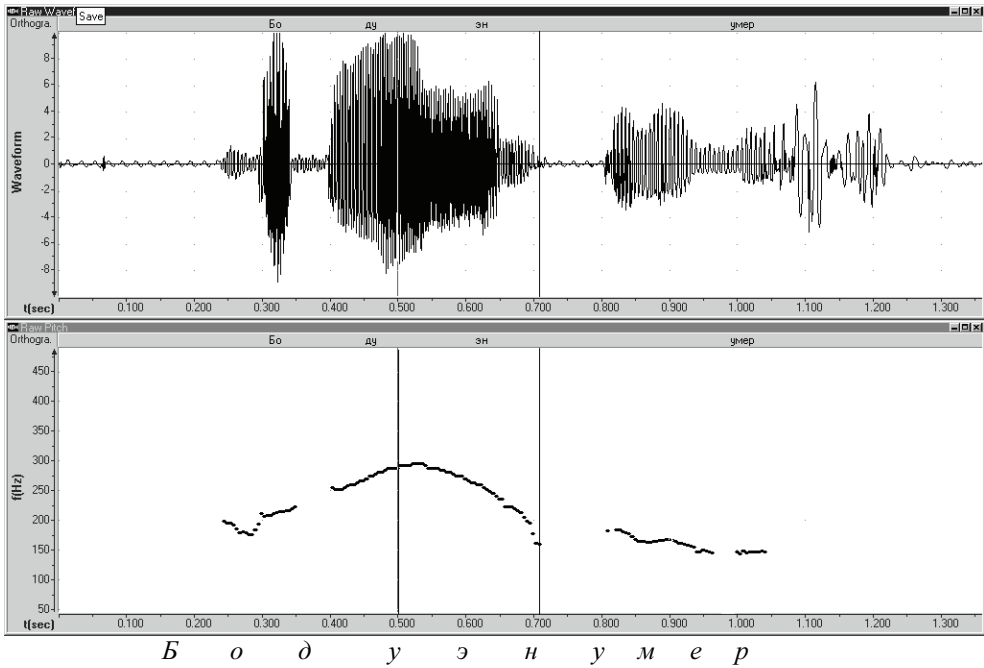

Мы видим, что в предложении (2) односложная словоформа *Джон* несколько больше смещена в сторону нисходящего склона кривой частоты: подъем приходится на начальные согласные [дж], а на фрагменте [он] частота начинает снижаться. Словоформа *Джон* выделена курсорами.

Еще один пример, в котором ударный слог еще больше смещен к нисходящему движению тона по сравнению с предложениями (1) и (2), — это предложение (3):

(3) *Бодуэн умер.*

В примере (3) на ударный слог приходится полностью нисходящий склон кривой. Однако трудно предположить, что предложениям *Джон умер* и *Бодуэн умер*, каждое из которых служит ответом на вопрос *Что случилось?*, сле-

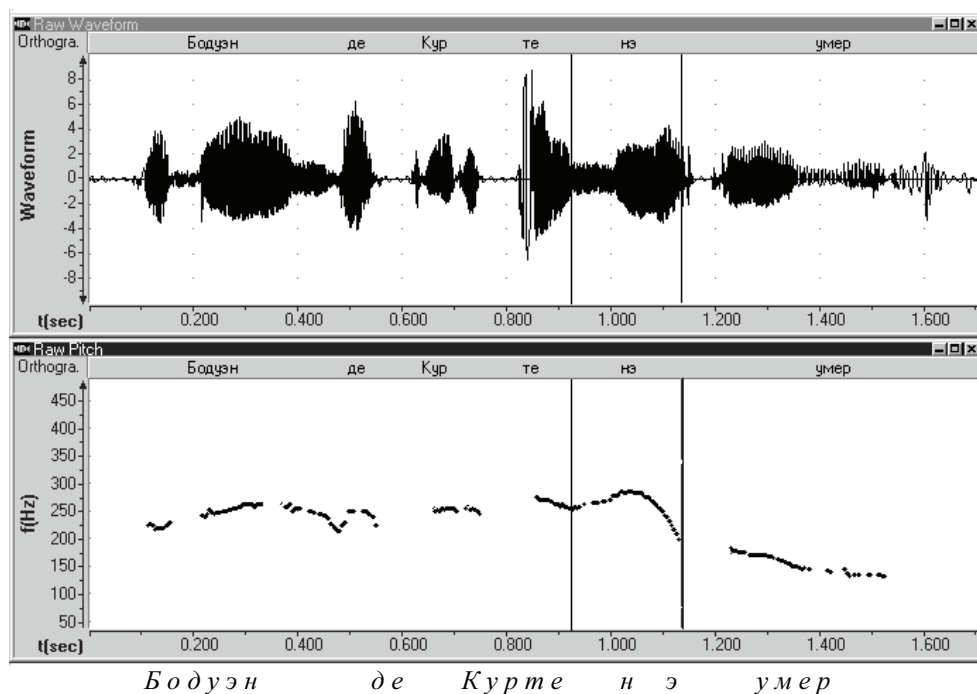

дует давать различную с фонологической точки зрения интонационную интерпретацию. Поэтому возникает гипотеза о том, что акцент, который обслуживает данный смысл, — фонологически нисходящий, но в отсутствие достаточного предударного сегментного материала на ударном слоге он должен реализовать на себе и существенный подъем, необходимый для «набора высоты». Эту гипотезу подтверждает пример (4) с обширным предударным началом, на которое и приходится необходимое восходящее движение тона:

(4) *Бодуэн де Куртене умер.*

В примере (4) небольшое повышение частоты основного тона наблюдается и внутри самого ударного слога. Ударный слог выделен курсорами. Можно предположить, что для данного акцента в русском языке характерен т. н. поздний тайминг, т. е. в определенных сегментных условиях нисходящее движение тона, которое составляет фонологическую сущность данного акцента, приходится на завершающий фрагмент ударного гласного, а также на закрывающие слог согласные. А судя по примеру (1) нисходящий тон может сдвигаться даже на последующий слог. Мы предполагаем, что в примерах,

Тонограмма 4

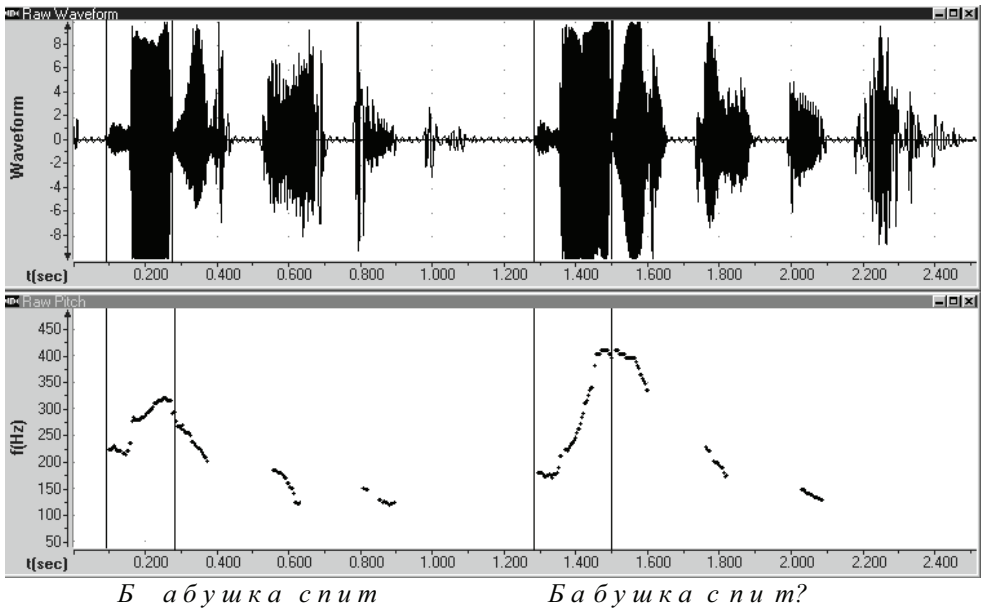

приводимых Г. И. Ивановой-Лукьяновой, фигурирует такой же акцент: фонологически нисходящий, но включающий в рамках ударного слога существенный подъем⁴.

И последняя тонограмма показывает, что даже в предложении с лексико-синтаксической структурой (1), где акцентоноситель отличается отсутствием предударных слогов и начинается на смычный согласный, рассматриваемый акцент существенно отличается от акцента ИК-3, реализующегося на теме или в *да-нет*-вопросе. Рассмотрим сравнительную тонограмму предложения (1) *Тише*. *Бабушка* \curvearrowright *спит* и вопроса (5) с той же лексико-синтаксической и линейной структурой:

(5) *Бабушка* \curvearrowright *спит?*

⁴ Заметим, что если бы мы приняли точку зрения Г. И. Ивановой-Лукьяновой [1989] (ср. пример *Вы все перепутаете*), считающей данный акцент восходящим, то тогда бы речь могла идти, наоборот, о раннем тайминге, т. к. восходящее движение тона здесь приходится на начало слога или даже на предшествующие слоги, при том что завершается слог движением вниз.

Можно видеть, что подъем у ИК-3 вопроса более крутой, чем у ИК-2 в отсутствие предупредительного начала. Иначе говоря, подъем на ИК-3 совершается в меньшую единицу времени. Кроме того, он и начинается на более низких частотах, чем ИК-2, а завершается на более высоких, т. е. ИК-3 реализуется в большем диапазоне частот. Таким образом, акцент, который фиксируется на акцентоносителе примеров (1)—(4), в терминах Е. А. Брызгуновой мы бы определили как ИК-2 — фонологически нисходящий интенсивный. Об ИК-2 см. Русская грамматика, I: 98—99.

Итак, апелляция к фактору значения и анализ разнообразного сегментного материала позволяют уточнить интерпретацию фонологической сущности акцента. Соответственно иллюстрируется феномен наличия у одной интонационной единицы нескольких фонетических вариантов. Это говорит о том, что при анализе интонационных единиц как двусторонних сущностей языка одной только фонетической транскрипции недостаточно.

2.1.1.1.2. Сфера действия коммуникативного значения.

Выбор акцентоносителя в коммуникативной составляющей в зависимости от ее функций и синтаксического статуса.

Три принципа выбора акцентоносителя в русском языке

Коммуникативно релевантные акценты в повествовательных предложениях, вопросах и императивах фиксируются на определенных словоформах.

Так, в предложении *⟨Тише⟩*. *Бабушка спит* это словоформа *бабушка*. Носители коммуникативно релевантных акцентов выбираются не случайным образом. Их выбор подчинен особым принципам. Между тем во многих работах при анализе просодии носитель акцента эмпирически берется из текста, и вопроса, почему акцент фиксируется именно на этой словоформе, а не на другой, не возникает. Существует и много работ, в которых так или иначе обсуждается проблема выбора акцентоносителя тем и рем, а также и линейное расположение акцентоносителя в предложении (см. [Ковтунова 1976: 65, 146; Русская грамматика, II, § 2286—2457; Николаева 1982: 9; Светозарова 1993: 190—191; Bonnot, Fougeron 1982; 1983; Фужерон 1993: 182; 2004: 197; Кодзасов 1993: 183; 1995: 233; 1996: 195]). Однако решение задачи выбора акцентоносителя еще далеко от полного завершения⁵. Ниже будет показано, что у коммуникативных составляющих с разными принципами выбора акцентоносителя коммуникативные и интонационные структуры разные. На это не всегда обращается внимание в работах по интонации. В некоторых работах говорится, что ударно самое важное, самое существенное, истинное, см. например, об акцентировании глагола *знать* и его актантов в терминах ‘высокая оценка истинной информации’ vs. ‘более низкая оценка чьего-либо мнения’ в работе [Апресян 1997: 130]. Однако нетрудно показать, что акцентоносители тем и рем вычислимы сугубо формально исходя из синтаксической структуры коммуникативной составляющей, фактора активации⁶ и других призна-

⁵ Одно из решений, которое включает алгоритм выбора акцентоносителя в синтаксической составляющей типа S (т. е. цельного предложения), приведено нами в работах [Янко 1991; 2001: 190]. Однако, традиционно, это решение в других более поздних работах не используется. Авторы обсуждающие эту проблему, скорее следуют работам [Bonnot, Fougeron 1982; 1983]. Между решением, принятым в работах [Bonnot, Fougeron 1982; 1983], о том, что в нерасчлененных предложениях синтаксической структуры S акцентоносителем служит подлежащее, и решением, которое принимается в [Янко 1991; 2001: 190] и в соответствии с которым акцентоноситель выбирается по специальным правилам, имеются существенные расхождения. В частности, мы показываем, что в результате выбора подлежащее оказывается акцентоносителем далеко не всегда, см. раздел 2.1.1.1.2.1. В статье [Isachenko 1967] предлагается объяснять выбор акцентоносителя в русском предложении линейным порядком слов: по А. В. Исаченко ударен финальный компонент предложения и словосочетания: *Иван Петров; Петров Иван; Телефон звонит; Звонит телефон*. И несмотря на то, что эта точка зрения тоже не соответствует принципам выбора акцентоносителя в сообщениях (повествовательных предложениях), в работах по проблемам фразовых акцентов можно встретить на работу А. В. Исаченко сочувственные ссылки, см. [Lieberman 2006].

⁶ Забегая вперед, поясним, что фактор активации действует таким образом, что имена активированных — известных из предтекста — референтов исключаются из списка претендентов на роль акцентоносителя в составе ремы, ср.: *⟨— Что за шум?⟩*

ков. Связь семантики лексических единиц и синтаксических конструкций с просодией, и в частности, с выбором акцентоносителей существует, но она опосредована понятием активации информации в сознании говорящего и слушающего и не может непосредственно соединять фразовые акценты с высокой или низкой оценкой говорящими знания в противовес мнению или с другими значениями.

Выбор акцентоносителя маркирует сферу действия коммуникативного значения — значения темы, ремы, вопроса. У ремы, сфера действия которой все предложение в целом, иной акцентоноситель, чем у темы, которая определена только на части этого предложения. Так, в нерасчлененном предложении *Снова входят в моду короткие юбки* акцентоноситель ремы — словоформа *юбки*. А в предложении *Короткие юбки снова входят в моду* с той же лексико-синтаксической структурой, но расчлененном на тему *короткие юбки* и рему *снова входят в моду*, акцентоноситель ремы — словоформа *моду*. Поскольку акцентоносители тем и рем в нейтральной — семантически наименее нагруженной — речи расположены в конце своих коммуникативных составляющих, задача выбора акцентоносителя в темах и ремах частично может быть сведена к анализу порядка слов. Эта задача поставлена и в существенной степени решена для русского языка в работах [Ковтунова 1976; Светозарова 1993].

Наша цель — выделить единые принципы выбора акцентоносителей в коммуникативных составляющих любой синтаксической и семантической природы и привести все факторы, которые влияют на этот выбор. Решение этой задачи имеет следствия для анализа коммуникативной структуры предложения, просодической структуры и теории синтаксиса, т. к. проливает свет на «номенклатуру мест» предиката (по Кацнельсону [1972: 208]) и их порядков⁷. Одно из решений этой задачи уже предлагалось нами в работах [Янко

— *Дети часы уронили* vs. (← *Что случилось с часами?*) — *Их дети уронили*. Соответственно, скажем, у глаголов мнения — *думать, полагать, считать* — объект мнения, как правило, не бывает известен заранее, т. е. в силу субъективности мнения говорящего он всегда предстает как нечто новое для слушающего, и следовательно, «оттягивает» на себя рematicкий акцент: *Я думаю, что Р*↘. Глагол мнения, таким образом, в большинстве контекстов «безударен». Между тем глагол знания, имея в качестве объекта суждение, которое может пониматься как общее знание, известное, в частности, и слушающему, статистически достаточно часто принимает на себя рematicкий акцент: *Я знаю*↘, *что Р*.

⁷ Так, анализ выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей типа S позволяет пролить свет на спорный вопрос русистики относительно порядка следования аккумулятивного и дативного дополнения в модели управления русского глагола. Большинство русских дативных глаголов, присоединяющих как дативное, так и аккумулятивное дополнение, — *давать, дарить, посылать* — имеют в качестве второго до-

1991; 2001: 190]. В настоящее время в решение задачи оказалось возможным внести существенные дополнения, поэтому мы снова возвращаемся к этой теме. При этом нам не всегда удается избежать пересказа некоторых положений, которые уже были опубликованы ранее.

Принцип выбора акцентоносителя в соответствии с синтаксическими иерархиями и фактором активации референтов именных и глагольных групп в русском языке основной, но не единственный. Этот — базовый — принцип используется в повествовательных предложениях, вопросах и императивах. В основе базового принципа выбора акцентоносителя лежат две основные иерархии. В соответствии с первой иерархией из именных и глагольных групп в предложении выбирается приоритетная, которая включает слово-акцентоноситель (или экстенционально совпадает с ним). Так, в соответствии с этим принципом в предложении *Иванов сломал Петрову руку* при том, что ни об Иванове, ни о Петрове, ни о руке Петрова в предшествующем дискурсе речь не шла, на роль акцентоносителя выбирается именная группа *руку* как приоритетная. Далее, если приоритетная именная группа имеет свою внутреннюю структуру, т. е. служит атрибутивной или сочиненной группой, то в соответствии с другой иерархией — локальной иерархией определительных и сочиненных групп — в предложении *Иванов сломал Петрову правую руку* в качестве акцентоносителя будет выбрана словоформа *руку*, потому что в приоритетной группе *правую руку* акцентоносителем становится определяемая вершина при препозитивном согласованном определении, не имеющем зависимых. А в предложении *Иванов сломал Петрову палец на правой руке* в качестве акцентоносителя будет выбрана словоформа *руке*, т. к. в приоритетной группе *палец на правой руке* по локальному правилу на первом этапе в качестве группы, содержащей акцентоноситель, выбирается несогласованное определение *на правой руке*, а на втором этапе в нем выделяется синтаксическая вершина *руке* при согласованном определении *правой*. Таким образом, несогласованное определение имеет приоритет перед определяемой группой, а определяемая группа — перед согласованным определением, не имеющим зависимых. При изменении порядка слов акцентоноситель, естественно, со-

полнения дативное, а в качестве третьего — аккузативное, т. к. при выборе акцентоносителя аккузативное дополнение имеет приоритет перед дативным, т. е. у аккузативного больший номер (*«—Что ты так радуешься?» — X Y-у Z дал / подарил / послал / завецал / показал*). Аналогично, глаголы, легко принимающие дативное дополнение (не по модели управления) с бенефактивным и адресатным значением, тоже имеют дативное дополнение в качестве второго, а аккузативное — в качестве третьего (*«—Что ты так радуешься?» — X Y-у Z сварил / сделал / купил*). Глаголы же *предпочитать* и *уступать* амбивалентны: (*«—Что ты так радуешься?» — X Y-у Z предпочел / уступил* и *«—Что ты так радуешься?» — X Y Z-у предпочел / уступил*).

храняется, ср. *Иванов Петрову палец на правой руке сломал* с тем же акцентоносителем (словоформой *руке*), что и в предложении *Иванов сломал Петрову палец на правой руке*.

Между тем наряду с базовым принципом, в основе которого лежат две синтаксические иерархии (глобальная иерархия выбора приоритетной группы и внутренняя — локальная — иерархия, ранжирующая определения и сочиненные группы), русским языком разработаны и другие — маргинальные — принципы акцентирования.

Так, русские обращения следуют принципу акцентирования, основанному на чисто линейном упорядочении. Этот тип иконически отражает дистанцию между говорящим и слушающим. При ближней апелляции говорящего к слушающему акцентоносителем оказывается первая словоформа в имени или титуле слушающего: *Молодой человек, купите букетик* (ср. с базовым выбором в качестве акцентоносителя словоформы *человек* в предложении *Машу провожал какой-то молодой человек*); *Ваша честь, у защиты вопрос к свидетелю* (ср. *Здесь задета ваша честь*); *Иван Иванович, ну как же так?! (Моего дядю зовут Иван Иванович)*. При дальней апелляции — ударна последняя словоформа имени: *Гости дороги-и-е-е! Дорогие го-ости-и-и! Ау-у!* Л и н е й н ы й принцип выбора акцентоносителя в обращениях рассматривается в разделе 2.1.2.1.

И наконец, еще один маргинальный принцип выбора акцентоносителя связан с образованием так называемых вторичных иллокуций, о которых говорилось в разделе 1: молений, упреков, сетований, мечтаний и подчеркнуто вежливых просьб. Результаты выбора акцентоносителя при образовании вторичных иллокуций могут отличаться от результатов выбора по сравнению с соответствующими первичными иллокуциями. Так, в нейтральной просьбе (т. е. при первичной иллокуции) *Дай мне чаю, пожалуйста* акцентоноситель — словоформа *чаю*, выбор которой полностью соответствует базовому русскому принципу выбора акцентоносителя. А в предложении с вторичной иллокутивной силой настойчивой просьбы *Ну дай же мне чаю, наконец, ну пожалуйста!* акцентоноситель — глагол в повелительном наклонении. Один из способов выбора акцентоносителя при вторичных иллокуциях — это акцентирование иллокутивного слова (если оно есть): в повелительном предложении — глагола в императиве, а в вопросе — вопросительного слова. Ср. вопрос *Когда придет Наташа?* с акцентоносителем словоформой *Наташа*, и вопрос-упрек *Ну когда же придет Наташа?!* с акцентом на вопросительном слове *когда*. Принцип акцентирования иллокутивного слова нельзя назвать ни синтаксическим, ни, естественно, линейным. Назовем этот принцип и л л о к у т и в н ы м. Пример другого способа акцентирования вторичной иллокуции состоит в сдвиге акцента в атрибутивной группе. Так, в нейтральной

просьбе *Дайте мне пирожок с **капустой*** акцентоноситель — словоформа *капустой*, которая выбирается в соответствии с базовым принципом выбора акцентоносителя в темах, ремах и компонентах вопросов. Между тем в подчеркнуто вежливой просьбе акцент сдвигается на словоформу *пирожок*: *Дайте мне **пирожок** с капустой, пожалуйста; Мне бы **бланки** на визу*. Еще один тип вторичных иллокуций, вызывающих сдвиг акцентоносителя по сравнению с базовым принципом — это предложения, отражающие воспоминания, предвкушения, недоумения, мечты о будущем и другие ментальные действия и состояния говорящего: *Вот бы сейчас **бутербро-одик** с колбаской!*. Здесь акцентоносителем служит словоформа *бутербродик*, между тем, в соответствии с базовым принципом (следуя иерархии выбора внутри именной группы) акцентоносителем должна была бы быть словоформа *колбаской*, ср. *Мама взяла для нас на прогулку по бутерброднику с **колбаской*** с акцентоносителем словоформой *колбаской*. Далее. В предложении недоумения, имеющем форму вопросительного предложения или косвенного вопроса, акцентоносителем служит вопросительное слово: *Не знаю, **куда-а** запропалились мои очки; **Куда-а** мои очки запропалились?*. При этом, если недоумение отсутствует, акцентоносителем — в полном соответствии с базовым принципом — служит словоформа *очки*: *Просто не знаю, куда запропалились мои **очки***. Поскольку вторичные иллокуции меняют выбор акцентоносителя по сравнению с базовым принципом, эта тема рассматривается в разделе 4.1.2, который посвящен анализу инновационных сдвигов при выборе акцентоносителя на фоне нормативных сдвигов, таких, в частности, как сдвиг во вторичных иллокуциях.

* * *

Заклучим. В русском языке выделяется три различных принципа выбора носителя коммуникативно релевантного пика в речевых актах с различной иллокутивной силой и в их компонентах, таких, как темы, ремы и компоненты вопросов и императивов: базовый (см. разделы 2.1.1.1.2.1—2.1.1.1.2.1 ниже), линейный (см. раздел 2.1.2.1) и иллокутивный (см. разделы 2.1.2.3 и 4.1.2).

*2.1.1.1.2.1. Схема выбора акцентоносителя в неконтрастных ремах с произвольной лексико-синтаксической структурой.
Базовый принцип выбора акцентоносителя русского языка*

В данном разделе рассматривается базовый принцип выбора акцентоносителя в коммуникативном компоненте речевого акта. Основной фактор, определяющий выбор акцентоносителя в темах, ремах сообщений и в компонентах вопросов и императивов, — актанта́я структура предиката. Так, в примере

〈— *Что случилось?*〉 — *Дети гриппом заболели* акцентоноситель ремы — объект *гриппом*. Субъект *дети* тоже может быть акцентоносителем, но в отсутствие объекта: 〈— *Что случилось?*〉 — *Дети заболели*. Эта минимальная пара иллюстрирует приоритет объекта над субъектом при выборе акцентоносителя в коммуникативной составляющей с синтаксической структурой целого предложения (S), где все элементы обозначаемой ситуации новы для слушающего.

Таким образом, результат глобального выбора акцентоносителя в темах, ремах и коммуникативных компонентах вопросов и императивов формулируется в терминах актантной структуры предиката или в терминах компонентов структурных схем предложений. Возникает вопрос: как происходит дальнейший выбор акцентоносителя, если элемент актантной структуры или член предложения, например субъект, один из объектов, обстоятельство или сам предикат, выбранные в качестве акцентоносителя, имеют внутреннюю структуру, т. е. представляют собой атрибутивную или сочиненную группу? Для этого, как уже говорилось в предыдущем разделе, языком разработана другая — локальная — иерархия компонентов именных и глагольных групп, которая, например, в атрибутивной группе в качестве акцентоносителя выбирает определяемое слово, если определение согласованное, расположено перед определяемой вершиной и не имеет зависимых (например, *страшным гриппом* с акцентоносителем словоформой *гриппом*), и определение, если оно несогласованное (*гриппом с осложнениями* с акцентоносителем словоформой *осложнениями*). Очевидно, что претендент на роль акцентоносителя, который был выбран в соответствии с этой иерархией, сам может иметь свою внутреннюю структуру, и тогда процедура повторяется.

Выбор акцентоносителя можно представить в виде процедуры, которая определяется следующими факторами: а) коммуникативной функцией компонента, т. е. тем, служит ли он темой или ремой (потому что в темах и в ремах активированные в предтексте компоненты реализуют себя по-разному); б) синтаксической структурой, т. е. тем, служит ли коммуникативный компонент именной (NP), глагольной группой (VP), предложением в целом (S) или двумя группами, не сводимыми к одной; в) активацией, исключающей имя референта, названного в предтексте, из списка претендентов на роль акцентоносителя рем; г) актантной структурой предиката, в которой одни актанты имеют преимущество перед другими при выборе акцентоносителя; д) набором сирконстантов; е) синтаксической структурой в терминах членов предложения; ж) структурной схемой предложения (которая, подобно актантной структуре, ранжирует компоненты предложения); з) идиоматичностью заполнения валентностей (ср., например, устойчивое сочетание *входить в моду*, которое в структуре предложения следует иным принципам выбора акцентоносителя, чем свободное словосочетание *входить в комнату*); и) активностью

актантов по Кацнельсону [1972: 191] (ибо одушевленный и активный, т. е. непрототипический, объект может меняться рангом в иерархии акцентоносителей с неодушевленным и неактивным субъектом); j) внутренней структурой именных, глагольных и нексусных групп, которые могут представлять собой атрибутивные, сочиненные группы, а также группы, образованные по модели управления опорных слов, и в которых действуют внутренние — локальные — правила выбора акцентоносителя.

Если в описании выбор акцентоносителя представить как последовательность процедур, основанных на учете действия факторов а)—j), факторы а)—j) можно упорядочить, например, следующим образом. Для начала ограничим задачу выбора акцентоносителя областью рем. Тогда на первом этапе действует фактор активации: активированные единицы теряют свое право на роль акцентоносителя. Затем определяется, представляет ли коммуникативный компонент именную, глагольную, нексусную или сложную синтаксическую структуру, не сводимую к одной простой. Далее вступает в силу иерархия аргументов предиката и обстоятельств в соответствии с их правом на роль акцентоносителя. Эта иерархия включает иерархию актантов предиката, ср. понятия первого, второго, ... *n*-ного актанта. Параллельно действует фактор синтаксической структуры, определяемой в терминах членов предложения, который уравнивает в правах некоторые актанты и сирконстанты. Так, наречное обстоятельство образа действия с точки зрения иерархии акцентоносителей ведет себя одинаково, независимо от того, актантную или сирконстантную позицию оно занимает. Например, сирконстант *плохо* в *плохо пел* и актант *плохо* в *плохо отзывался* единообразно влияют на выбор акцентоносителя предложения или глагольной группы. Если ремой служит глагольная группа, включающая наречное обстоятельство, и актанты отсутствуют, акцентоноситель — глагол: *⟨В консерваторию он не попал:⟩ пел плохо*; *⟨В консерваторию он не попал:⟩ там о нем отзывались плохо*. И наконец, после того, как определена иерархия именных и инфинитных глагольных групп в составе предложения, начинают действовать внутренние — локальные — принципы выбора акцентоносителя в именных и глагольных группах, которые могут иметь вид атрибутивных (*синяя птица*, *птица с хохолком*), актантных (*обмен опытом*), обстоятельственных (*плохо пел*, *хорошо отзывался*) и сочиненных (*Танечка и Ванечка*) групп со своими внутренними правилами выбора акцентоносителя; об атрибутивных и сочиненных группах см. [Светозарова 1993]. В роли актанта может выступать и нексусная синтаксическая структура, т. е. структура вида S, которая, в свою очередь, может иметь вид сложного предложения: *Сказал, что [поднялся ветер и похолодало]*.

С учетом актантной структуры предиката устанавливается следующая иерархия (I) синтаксических компонентов предложения:

Предикат (P) — сирконстанты (C) — актанты (в порядке, заданном актантной структурой предиката — A1, A2, A3, A4, A5, A6)

Элементы данной иерархии располагаются в порядке возрастания их права на роль акцентоносителя в коммуникативном компоненте, который имеет синтаксическую структуру целого предложения (S). Иерархия I фиксирует приоритет последних актантов над первыми, актантов над сирконстантами, аргументов над предикатами.

Для получения схемы выбора акцентоносителя в коммуникативных компонентах, имеющих синтаксическую структуру глагольных групп (VP), используется эта же иерархия в условиях опущения первого актанта (субъекта). Другие члены иерархии тоже могут отсутствовать или быть активированными в предтексте. Тогда они исключаются из списка претендентов на роль акцентоносителя коммуникативной составляющей.

Упорядочение аргументов фиксируется в словаре, а эмпирический метод, позволяющий упорядочить актанты каждого конкретного предиката и определить, каков акцентоноситель в произвольной лексико-синтаксической структуре, состоит в следующем. Для определения иерархии акцентоносителей использовалась процедура построения ответов на вопрос *Что случилось?* из известных лексико-синтаксических структур, например:

(6) *<—Что случилось?> — Бабушка (A1) **руку** (A2) сломала (P).*

В ответе на вопрос *Что случилось?* предполагается, что все референты описываемой в ответе ситуации не активированы (неизвестны слушающему) и что ответом на вопрос служит нерасчлененное предложение с синтаксической структурой типа S. Результатом процедуры в применении к примеру (6) служит выбор в качестве акцентоносителя одной словоформы из имеющихся трех. Здесь и ниже буквы в круглых скобках в соответствии с обозначениями в Иерархии I показывают, что словоформа *бабушка* играет в предложении (6) роль первого актанта A1, словоформа *руку* — роль второго актанта A2, а *сломала* — роль предиката P.

В работе [Янко 1991] показано, что акцентоноситель нерасчлененных предложений по данным И. И. Ковтуновой (где акцентоноситель — это словоформа, стоящая в абсолютном конце предложения, т. е. в «дефолтной» позиции акцентоносителя ремы) и акцентоноситель, полученный в результате применения описанной выше процедуры (за одним исключением, которое обсуждается специально), совпадают, ср.: *<—Что случилось?> — Бабушка **руку** сломала* и *Бабушка сломала **руку***. При этом построение нерасчлененного предложения по заданной лексико-синтаксической структуре представляет

собой задачу, которая связана с известным лингвистическим абстрагированием, а построение ответа на вопрос происходит у носителей языка автоматически. Приведем набор примеров, чтобы полнее проиллюстрировать действие Иерархии I, реализующейся в схеме построения ответа на вопрос типа *Что случилось?*:

- (7) <—*Что случилось?*> — У бабушки (A1) **руку** (A2) защемило (P).
 (8) <—*Чем ты расстроен?*> — Бабушка (A1) в дороге (C) **очки** (A2) потеряла (P).
 (9) <—*Почему пусто в отделе?*> — Директор (A1) пять человек (A2) в Москву (A4) для обмена **опытом** (A6) командировал (P)⁸.
 (10) <—*Ты куда?*> — **Обедать** (A2) пора (P).
 (11) <—*Что случилось?*> — **Бабушке** (A1) плохо (P).
 (12) <—*Что случилось?*> — У бабушки (A1) **рука** (A2) сломана (P).
 (13) <—*Что случилось?*> — У Васи (A1) **двойка** (A2) (была).
 (14) <—*Что случилось?*> — **Фрэнсис** (A1) дурак (P).
 (15) <—*Что случилось?*> — **Денег** (A) нет (P).
 (16) <Худо, брат, жить в Париже.> **Есть** (A) нечего (P) (Пушкин).
 (17) <Мальчики платья не носят.> **На горшок** (A2) неудобно (P) (из детской речи).
 (18) <...*Постой. Куда?...*> — **Голова** (A1) твоя седа (P).

Примеры (7)—(18) иллюстрируют действие Иерархии I и некоторых других факторов. Предложения (12)—(16) демонстрируют также действие фактора структурной схемы предложения, который в (12) фактически приписывает опущенному глаголу *быть* два актанта — субъект *у бабушки* и объект *рука*, а в (14) — формирует субъект *Фрэнсис* и предикат — *дурак*. Таким образом, результаты выбора акцентоносителя через построение ответов на вопрос *Что случилось?* свидетельствуют о том, что фразеологизованные структурные схемы предложений, например, *Вася растяпа*, *У Васи двойка*, *Нет денег* и *Нечего есть*, по аналогии с предикатами формируют собственные иерархии своих компонентов. Далее, действие внутренних правил выбора акцентоносителя в именных группах иллюстрирует актант A6 в примере (9), ср.: *командировал для обмена* vs. *командировал для обмена опытом*. И наконец, непрототипический актант, имеющий номер *n*, но уступающий свое право на роль акцентоносителя *n-1*-ому, иллюстрирует пара примеров (19)—(20), где в (19) прототипическое подлежащее *мальчишки*, а в (20) — непрототипическое подлежащее *совесть*, которое и принимает на себя роль акцентоносителя:

⁸ Об актантах глагола *командировать* см. Мельчук 1974.

- (19) ⟨—*Что случилось?*⟩ — *Мальчишки* (A1) *кошку* (A2) *мучают*.
 (20) ⟨—*Что случилось?*⟩ — *Мальчишек* (A2) *совесть* (A1) *мучает*⁹.

Итак, Иерархия I, основанная на анализе актантной структуры предиката и полученная в результате применения описанной здесь процедуры построения ответа на вопрос *Что случилось?* (а также с использованием других контекстов, за которыми следует нерасчлененная рема), наряду с другими факторами из списка (а)—(j), задает базовый принцип выбора носителя акцентного пика в рамках любой синтаксической и семантической природы. Описанная здесь процедура построения ответа на вопрос может быть использована и для упорядочения актантов каждого конкретного предиката (а также компонента фразеологизованной структурной схемы предложения¹⁰), потому что тот актант, который первым претендует на роль акцентоносителя, получает в упорядочении актантов последний номер. В результате упорядочение актантов предиката перестает быть умозрительной процедурой, а нумерация актантов получает вес не только при описании порядка слов, но и при интонационном синтезе в машинных процессорах. Нельзя, однако, не признать, что для решения такой частной задачи, как выбор акцентоносителя, требуется практически полная реализация модели типа Смысл ↔ Текст, включая разработку соответствующих словарей.

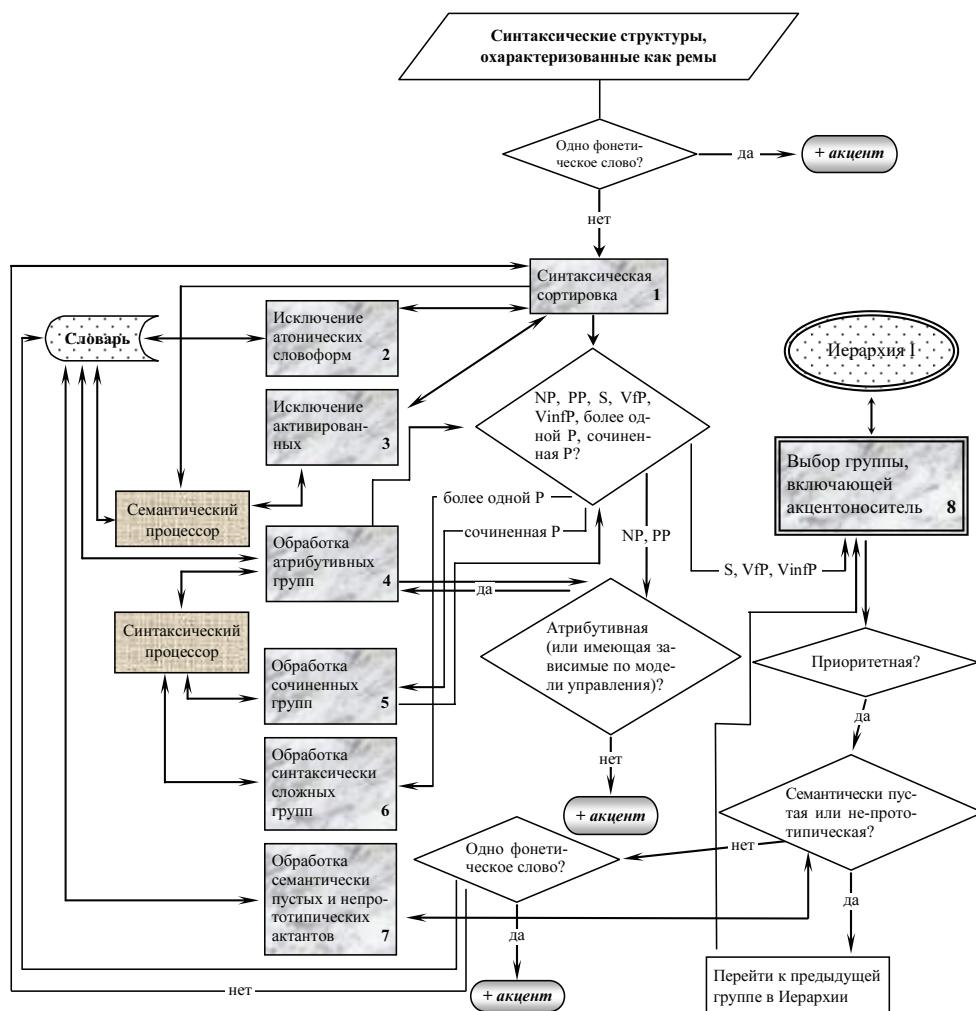
Одна из возможных последовательностей учета факторов а)—j) при моделировании процедуры выбора акцентоносителя представлена на Схеме 2. Как уже говорилось, факторы а)—j) отражают базовый принцип выбора акцентоносителя. Для маргинальных принципов — линейного и иллокутивного — релевантны другие факторы. Схему выбора акцентоносителя в неконтрастной реме, которая приводится ниже, мы не предназначаем для чтения, а видим в ней своего рода «путеводитель» по комплексной процедуре выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих с разнообразной семантической и синтаксической природой. Схема отражает сложность процесса выбора: демонстрируется многообразие факторов, определяющих результат выбора акцентоносителя. Обратимся к схеме и прокомментируем ее.

⁹ Другим объяснением вариативности выбора акцентоносителя (ср. примеры (19) и (20)) могло бы быть выделение у глагола *мучить* двух подзначений и трактовка подлежащего *мальчишки* в (19) как первого актанта глагола *мучают*₁, а подлежащего *совесть* в (20) — как второго актанта глагола *мучает*₂, при том что дополнение *мальчишек* трактовалось бы здесь как первый актант.

¹⁰ Так, по результатам применения теста ответа на вопрос *Что случилось?* в предложении фразеологизованной структуры *Есть нечего* словоформа *нечего* должна интерпретироваться как предикат, а инфинитив — как его объект.

Схема 2

Выбор акцентоносителя в неконтрастных рамках с произвольной лексико-синтаксической структурой¹¹

На вход процессора выбора акцентоносителя поступают синтаксические структуры, например деревья составляющих, охарактеризованные как ремы. Если рема состоит только из одного фонетического слова (*книгу, за книгу, и*

¹¹ Принятые сокращения: NP — именная группа, PP — предложная группа, S — предложение, VfP — глагольная группа с финитной формой глагола в качестве вершины, VinfP — глагольная группа с инфинитивом в качестве вершины.

книгу, за нос), она немедленно становится акцентоносителем, т. к. собственно проблема выбора здесь отсутствует. В данной ситуации акцент могут получать словоформы, которые на других этапах были бы исключены из рассмотрения в условиях конкуренции с другими компонентами предложения: словоформы, имеющие в предтексте активированный референт, непрототипические актанты (например, неодушевленный субъект), согласованные определения (*синюю, моего*), атонические словоформы (*здесь, ее, мне*).

Далее. Если рема состоит из двух или более фонетических слов, соответствующая синтаксическая структура поступает на вход блока синтаксической сортировки 1. С синтаксической точки зрения ремами могут быть именные, предложные, глагольные — как финитные, так и инфинитные — группы, целые предложения, сочиненные группы, а также комплексы, состоящие из двух и более групп, не сводимых к одной. Относительно последнего поясним, что в предложении *Этой проблемой занимался Хартман в 1882 году* рема *Хартман в 1882 году* состоит из двух именных групп *Хартман* и *в 1882 году*.

Параллельно с синтаксической сортировкой 1 могут быть также исключены из рассмотрения атонические (с точки зрения способности принимать на себя акцент ремы) словоформы, такие как *он, тогда, меня, тебя, здесь*, и активированные — группы, чьи референты предупомянуты в тексте. За исключение атонических словоформ отвечает блок 2, а за исключение активированных — блок 3. Если исключение атонических словоформ — это относительно простой процесс, предусматривающий фактически только обращение к словарю, то исключение активированных групп — это сложная процедура, для моделирования которой требуется не только семантический анализ предложения, но и анализ связного текста, например, установление идентичности референтов таких выражений, как *молодая мать с девочкой в коляске* и *гости*, в двух соседних предложениях текста, где *молодая мать с девочкой* и *гости* — это разные имена для совпадающих референтов.

Именные и предложные группы, охарактеризованные как таковые на этапе синтаксической сортировки 1, поступают на вход блока обработки атрибутивных групп 4, если они имеют зависимые по атрибутивной связи (*синяя птица, пирожок с капустой*) или по модели управления (*обмен опытом, отзыв о диссертации*), где при препозитивных согласованных определениях, не имеющих зависимых, акцентоносителем становится вершинная словоформа (*синяя птица*), а при несогласованном — группа определения (*пирожок с капустой, обмен опытом*).

Сочиненные группы поступают на вход блока обработки сочиненных групп, где из n сочиненных компонентов выбирается последний в соответствующей линейной цепочке (*Танечка и Ванечка; писать стихи, пахать землю*,

стирать белье; Пошел дождь и похолодало; бегу от бабы Яги и думаю, куда же мне побежать)¹². Этот компонент возвращается на блок сортировки (блок 1), где он получает соответствующую синтаксическую характеристику. Процесс обработки повторяется, пока не будет достигнуто состояние, при котором ситуация выбора изживет себя: акцентируется словоформа, состоящая из одного фонетического слова.

Синтаксически сложные структуры, подобные структуре *монах девку* поступают на вход блока 6, где они расчлняются на соответствующие простые (*монах* и *девку*) и где им приписывается признак «конечный / неконечный в соответствующей линейной цепочке». Акцентовосителям неконечных групп впоследствии будет приписан акцент, говорящий о том, что рема еще не кончилась (это акцент типа ИК-6, который обозначается ломаной стрелкой ↗), а акцентовосителям конечных — нисходящий акцент ремы (↘): *монах↗ девку↘; Хартман↗ в 1882 году↘*.

Цельные предложения (S) и глагольные группы (*пишет стихи, любит писать друзьям письма*)¹³ поступают на вход блока 8, осуществляющего выбор акцентовосителя в соответствии с Иерархией I. Блок 8 — это краеугольный камень процедуры выбора акцентовосителя. Здесь глагольная или некусная группа расчлняются на составляющие в соответствии с Иерархией I:

¹² Правила выбора акцентовосителя в определительных и сочиненных синтагмах выделены И. И. Ковтуновой [Русская грамматика 1982, II: 203—206]. В кратком изложении Н. Д. Светозаровой, которая обсуждает нарушение этих правил, они выглядят следующим образом [Светозарова 1993: 190]. Основное правило выбора акцентовосителя в атрибутивных группах в отсутствие особых контекстов, таких как активация и контраст, сформулировано так: «... а) в адъективных и причастных группах определяющее-прилагательное (причастие) стоит в препозиции и имеет более слабое ударение, чем стоящее на втором (последнем) месте определяемое-существительное»: *Последние известия, отмеченные достижения, отцовский дом*. б) При постпозиции определяющего-существительного более сильное ударение делается также на последнем слове группы, но уже на определяющем: *Дом отца, доклад правительства*. В сочиненных синтагмах ударение падает на акцентовоситель последнего сочиненного члена: *Аня и Тания, Тания и Аня*. Следуя за автором, здесь мы выделяем акцентовоситель знаком ударения (акутом).

¹³ Проблема выбора акцентовосителя в глагольных группах ставится в работе [Ковтунова 1976: 146]. Приведем примеры И. И. Ковтуновой. Следуя за автором, мы выделяем акцентовосители прописными буквами. Акцентовоситель здесь расположен в абсолютном конце соответствующих синтагм, что отражает его расположение в реме при нейтральном типе речи, т. е. по умолчанию конечная позиция — это основная немаркированная (дефолтная) позиция акцентовосителя: *Быстро СКРЫЛСЯ; скрылся за ближним ЛЕСОМ; умеет писать друзьям длинные письма на десяти СТРАНИЦАХ*.

предикат Р, его актанты, упорядоченные в соответствии с моделью управления каждого данного предиката (А1—А6), и сирконстанты. Упорядоченность актантов для каждого данного предиката фиксируется в Словаре. На этом же этапе обрабатываются и предложения фразеологизованного типа (*Нечего есть; Мне холодно; Вам выходить*). В соответствии с Иерархией I из набора групп выбирается приоритетная, которая впоследствии подвергается воздействию двух фильтров — проверке на семантическую неполноценность и несоответствие прототипической ситуации расстановки актантов. За работу этих фильтров отвечает блок 7. Семантическая неполноценность отличает, например, актант *в силу* в выражении *вступить в силу* с общим значением лексической функции INCEP FUNC ('начать функционировать, начать быть', по Мельчуку [1974: 78—109, 136]). Сравним выбор акцентоносителя в предложениях (21)—(22) с формально близкой синтаксической структурой выражений *вступить в силу* и *уехать в Москву*:

(21) {— *В чем дело?*} — *Маша* (А1) *в Москву* (А2) *уехала*.

(22) {— *В чем дело?*} — *Новый закон* (А1) *вступил в силу*.

В соответствии с Иерархией I, акцентоносителем в предложениях (21)—(22) должен стать второй актант, что мы и наблюдаем в предложении (21) со свободным словосочетанием *уехала в Москву*. Однако в предложении (22) дополнение *в силу* обнаруживает тесную семантическую связь с глаголом и отдает свое право акцентоносителя предыдущему актанту в Иерархии¹⁴. Аналогично, в предложении (20) при непрототипическом — неодушевленном — подлежащем *совесть* у глагола *мучить*, второй актант *мальчишек* отдает свое право акцентоносителя первому актанту *совесть*.

И наконец, приоритетный актант, прошедший через фильтры семантической полноценности и соответствия прототипической модели управления своего глагола, проверяется на структурную простоту: если он представляет

¹⁴ В работе [Янко 1991] в плане полемики с И. И. Ковтуновой [1976: 181] мы показали, что примеры нерасчлененных предложений *Вступает в силу новый закон*, с одной стороны, и *Дети играют в мяч* и *Собаки лезут в дыру* — с другой, демонстрируют различные типы выбора акцентоносителя, потому что словосочетание *вступить в силу* имеет фразеологически связанное значение, а словосочетания *играть в мяч* и *лезть в дыру* не имеют идиоматичных значений, т. е. акцентоносителем в нерасчлененной реме оказываются дополнения *в мяч* и *в дыру*, но не *в силу*. В работе же И. И. Ковтуновой [1976: 181] все три предложения анализировались единообразно, в результате чего коммуникативно нерасчлененное предложение с акцентоносителем словоформой *силу* в финале имело вид: *Новый закон вступает в силу*. В соответствии же с нашими данными это предложение в коммуникативно нерасчлененной интерпретации должно иметь другой порядок слов, с акцентоносителем словоформой *закон* в исходе предложения: *Вступает в силу новый закон*.

собой одиночную словоформу (одно фонетическое слово), он становится акцентоносителем. Если же он представляет собой не-элементарную синтаксическую структуру, он возвращается на этап синтаксической сортировки, где процедура выбора акцентоносителя повторяется до тех пор, пока не будет получена элементарная синтаксическая структура, состоящая из одного фонетического слова, которое и станет акцентоносителем.

Итак, мы показали, в соответствии с какими принципами выбирается акцентоноситель в простых — неконтрастных — ремах. Возникают следующие вопросы. Как выбирается акцентоноситель в темах и в коммуникативных компонентах, отягощенных модифицирующими значениями — контрастом, эмфазой и верификацией? В разделе ниже 2.1.1.1.2.2 выделяются принципы выбора акцентоносителей для тем, в разделе 2.1.1.1.2.3 — для контрастных коммуникативных компонентов предложения, в разделе 2.1.1.1.2.4 — для верификативных компонентов предложения. В разделе 2.1.1.1.2.5 рассматривается выбор акцентоносителя в коммуникативных компонентах со сложной синтаксической структурой, т. е. таких, которые не могут быть сведены к одной доминирующей составляющей в дереве составляющих. В разделе 2.1.1.1.2.6 рассматриваются особенности атонических коммуникативных компонентов коммуникативной структуры предложения.

2.1.1.1.2.2. Выбор акцентоносителя тем

В выборе акцентоносителя тем и рем наблюдаются существенные различия. Основные два принципа, сформулированные выше для выбора акцентоносителя рем, сводятся к следующему:

- активированные синтаксические группы из множества претендентов на роль акцентоносителя ремы исключаются;
- акцентоноситель ремы выбирается в соответствии с синтаксическими приоритетами, зафиксированными в Иерархии I.

Анализ показывает, что к процедуре выбора акцентоносителя тем эти два принципа без существенной корректировки неприменимы. Объяснение этому мы видим в том, что темы и ремы как компоненты коммуникативной структуры предложения имеют следующие существенные различия. Для рем, призванных доносить до слушающего новую информацию, синтаксические группы, имеющие активированный референт, в принципе, нехарактерны. Но если они присутствуют в составе рем, они исключаются из множества претендентов на роль акцентоносителя ремы. Теме же, как исходной точке речевого акта, наоборот, вполне естественно отражать активированную информацию. Рема строится при принципе нового, тема — старого. Далее. Норма для ремы состоит в том, что в речевом акте рема только одна. Тем же в предло-

жении может быть несколько. И наконец, в тему может входить достаточно разнообразный с точки зрения активации материал: активированный в предтексте; новый для слушающего, но преподносимый говорящим как известный, или квазиданный; совсем новый; активированный, но такой, который говорящий считает необходимым повторить, как если бы он был новый. Итак, рема одна, а тем может быть более одной, рема включает новую информацию, а тема — преимущественно активированную, и тема с точки зрения активации неоднородна.

Фонетическим показателем того, что в теме сосредоточена активированная информация, служит то, что препозитивная, т. е. расположенная перед ремой, тема — если этому не препятствуют ритмические и физиологические факторы — может произноситься вообще без коммуникативно релевантных движений тона. О ритмических и физиологических причинах поясним, что, если тема достаточно длинная, она, как правило, членится на удобные в произнесении компоненты, оформленные восходящим тоном на словоформах-акцентоносителях, которые выбираются в соответствии с определенными принципами, близкими к тем, что наблюдаются для рем, но не совпадающими с ними. Иначе говоря, достаточно длинный коммуникативный компонент не может быть произнесен без пауз и значимых движений тона. Кроме того, тема, которая расположена после ремы, ни в каком случае не может нести коммуникативных релевантных акцентов: постпозитивная тема всегда атоническая. И наконец, неконтрастные темы, которые состоят из одних только местоимений и других атонических слов, по определению, не имеют акцента темы. Соответственно, для атонических тем проблема выбора акцентоносителя снимается. Однако для многих тем существует как атонированная, которая часто обнаруживает себя в беглой речи, так и ортотоническая реализация. Еще одним вариантом реализации служит множественная тема, или последовательность тем, где каждая тема оформлена своим акцентом, который фиксируется на определенном акцентоносителе.

Основное отличие тем от рем в плане выбора акцентоносителя состоит в том, что активированные компоненты в составе тем могут не исключаться из множества выбора, как это происходит в ремах. В теме, по определению активированной, не следует ждать неактивированных компонентов смысла, которые возьмут на себя роль акцентоносителя. Они могут быть, но в принципе для темы они нехарактерны. Для темы при выборе акцентоносителя на первый план выступают синтаксические приоритеты в терминах Иерархии I и внутренняя структура синтаксических групп, имеющих атрибутивные и другие зависимые. Рассмотрим примеры тем в предположении, что тема в предложении не атоническая, т. е. что проблема выбора акцентоносителя для такой темы существует. Ниже для моделирования темы, активированной в

предтексте, будет использоваться построение ответа на вопрос, который служит источником активации компонентов темы ответа; в ответах акцентоноситель темы обозначается стрелкой вверх (↗) после словоформы-акцентоносителя, акцентоноситель ремы — стрелкой вниз (↘), а граница между темой и ремой — двойным слэшем (/):

(23) ⟨— Где пирожки с капустой?⟩ — Пирожки с капустой↗// у Васи↘.

В ответной реплике из примера (23) именная группа *пирожки с капустой* известна из вопроса. Говорящему естественно оформить эту лексико-синтаксическую структуру как тему ответа на вопрос. Тогда по правилам выбора акцентоносителя в именной группе, имеющей несогласованное определение, акцентоносителем становится несогласованное определение *с капустой*. То, что акцентоноситель словоформа *капустой* и вся тема в целом известны из вопроса, не влияет на способность словоформы *капустой* быть в теме акцентоносителем.

Акцентоноситель в инфинитивных, препозитивных, в частности, осложненных зависимыми и сочинением группах выбирается аналогично примеру (23) с учетом процедуры выбора акцентоносителя в рамках, отраженной на Схеме 2. Приведем ряд примеров:

(24) *Вылечить безнадежного больного↗// большое счастье↘; Вылечить больного от тяжелой болезни↗// большое счастье↘; Пирожки с капустой и с грибами↗// у Васи↘; При обледенении↗// рейсы отменяются↘.*

В предложении может быть и больше одной темы:

(25) *В языках с доминирующим порядком VSO↗// спрягаемый вспомогательный глагол↗// всегда предшествует главному глаголу↘ (Гринберг).*

Перейдем к темам с синтаксической структурой глагольной группы или целого предложения, которые имеют достаточно представительный набор актантов для иллюстрации процедуры выбора акцентоносителя. Обратимся к вопросу (26) как к контексту возможных полных ответов на него.

(26) *Где Вадик познакомился с Марусей?*

В ответ на вопрос (26) в зависимости от коммуникативной стратегии говорящего могут быть получены различные ответы. Так, в ответе (26а) именные группы вопроса заменены на местоимения:

(26а) *Он познакомился↗ с ней // в Киеве↘.*

Соответственно, ни один из актантов не может претендовать здесь на роль акцентоносителя, и акцент уходит к единственной ортотонической словоформе темы — глаголу *познакомился*. Если ожидать аналогии с выбором акцентоносителя рем, можно было бы предположить, что такая же расстановка акцентов сохранится не только при местоименном, но и при однозначном выражении актантов. Однако это не всегда так. При однозначном выражении подлежащего акцентоносителем здесь действительно тоже служит глагол:

(26b) *Вадик познакомился с ней // в Киеве* ↘.

Между тем, при однозначном выражении дополнения, приоритетного актанта (по Иерархии I), в (26c) и при однозначном выражении обоих актантов в (26d) акцентоносителем становится приоритетный актант *Марусей*:

(26c) *Он познакомился с Марусей // в Киеве* ↘.

(26d) *Вадик познакомился с Марусей // в Киеве* ↘.

Таким образом, активация не мешает приоритетному дополнению *с Марусей* служить акцентоносителем темы. Обратимся к вопросу (27) с бóльшим количеством актантов.

(27) *Зачем Вася дал Маше книгу?*

У глагола *дать* приоритетным актантом служит аккумулятивное дополнение. В примере (27) это словоформа *книгу*.

При местоименном выражении всех актантов акцентоносителем, как и в (26a), опять же служит глагол.

(27a) *Он дал ей ее // в дорогу* ↘.

Пусть приоритетное дополнение выражено местоимением. Тогда при различных комбинациях, как однозначных, так и местоименных, средств выражения неприоритетных актантов — подлежащего и дативного дополнения — в роли акцентоносителя выступает опять же глагол:

(27b) *Он дал ее Маше // в дорогу* ↘; *Вася дал ее Маше // в дорогу* ↘; *Вася дал ей ее в дорогу* ↘.

Таким образом, способ выражения приоритетных актантов — местоименный или однозначный — не влияет на выбор акцентоносителя: выбор происходит здесь по «местоименному» типу, т. е. так, как в предложениях (26a) и (27a), где акцентоносителем темы служит финтиная форма глагола. При переносе акцента на неприоритетный актант в теме возникает дополнительное значение контраста, которое говорит о том, что без изменения смысла акцентоноситель менять нельзя. Так, при акценте на подлежащем в предложении

(27с) возникает значение ‘Вася дал Маше книгу для чтения в дороге, а кто-то другой хотел дать ей книгу для какой-то другой цели’.

(27с) *Вася*↗ *дал ей ее* // *в дорогу*↘.

Аналогично, при акцентировании другого неприоритетного актанта — дативного дополнения *Маше* — в предложении тоже возникает значение контраста:

(27d) *Он дал ее Маше*↗ // *в дорогу*↘.

Здесь Маша противопоставляется кому-то, кому Вася дал или собирался дать книгу, не в дорогу, а для чего-то еще.

И наконец, при акцентировании приоритетного дополнения *книгу*, мы получаем корректный и не вносящий дополнительных смыслов ответ на вопрос (27). Ниже представлены различные комбинации средств выражения неприоритетных актантов с приоритетным актантом, который выражен полнозначной словоформой *книгу*:

(27е) *Вася дал Маше книгу*↗ // *в дорогу*↘; *Он дал Маше книгу*↗ // *в дороге*↘; *Вася дал ей книгу*↗ // *в дорогу*↘.

Таким образом, при активированных неприоритетных актантах и местоименном выражении приоритетного актанта акцентоносителем темы служит финитная форма глагола. При полнозначном же выражении приоритетного актанта акцентоносителем темы служит приоритетный актант. Иначе говоря, активация приоритетного актанта не лишает его способности быть акцентоносителем темы, если он имеет неместоименное выражение.

Обратимся теперь к теме с разнородным в плане активации набором актантов. В ответе (28а) на вопрос (28) возникает новый актант, которого не было в вопросе и который говорящий преподносит слушающему как квазиданный. Это словоформа *отдыхающие*:

(28) *Куда идет основная масса писем?*

(28а) *Отдыхающие*↗ // *пишут письма*↗ // *домой*↘.

Разнородный с точки зрения активации материал для темы ведет к образованию множественной темы. В примере (28а) заимствованная из вопроса словоформа *письма* формирует тему *пишут письма*, а новая группа *отдыхающие* — другую тему. Такова коммуникативная стратегия говорящего, отражающего в множественной теме различную степень активации именных групп темы.

Итак, заключим, в структуре темы акцентоносители выбираются в соответствии с синтаксической Иерархией актантов I, и активация приоритетного актанта, если он имеет неместоименное выражение, не влияет на его способность быть акцентоносителем темы.

2.1.1.1.2.3. Акцентиноситель в контрастном коммуникативном компоненте

Выбор акцентиносителя контрастной коммуникативной составляющей зависит от того, какая синтаксическая структура представляет соответствующий референт. Если под контраст попадает референт одиночной словоформы, то она служит единственным претендентом на роль акцентиносителя и образует цельную контрастную составляющую:

- (29) **Воскресную** ↗ *⟨прогулку пришлось отложить окончательно, а прогулка, назначенная на понедельник, прошла удачно⟩.*

Здесь выделена контрастная тема *воскресную*, потому что воскресная прогулка сопоставляется еще как минимум с одной прогулкой. Если под контраст попадают референты именных (NP) или глагольных групп (VP) либо целых предложений (S), акцентиноситель выбирается в соответствии с принципами, приведенными выше для именных и глагольных групп или целых предложений, см. раздел 2.1.1.1.2.1. Так, если воскресная прогулка противопоставлена вечернему чаю (пример (30)), то в составляющей *воскресная прогулка* акцентиноситель — слово *прогулка*; если писание стихов противопоставлено вспахиванию земли (пример (31)), то в составляющей *пишет стихи* акцентиноситель — словоформа *стихи*; если писание стихов Васей противопоставлено вспахиванию земли Ваней (пример (32)), акцентиноситель в составляющей *Вася пишет стихи* — словоформа *стихи*:

- (30) **Воскресную прогулку** ↗ *⟨пришлось отложить, а традиционный вечерний чай остался в распорядке дня⟩;*
 (31) *⟨Он пашет землю, а не⟩* **пишет стихи** ↘;
 (32) *⟨Я рад тому, что⟩* **Вася стихи** ↘ *пишет, ⟨а не тому, что Ваня землю пашет⟩.*

В (30)—(32) неважно, о контрастной теме идет речь или о контрастной реме, — акцентиноситель выбирается по одинаковым правилам. В *да-нет-вопросе* (33) и в контрастном не-вопросительном компоненте вопроса (34) акцентиноситель выбирается в соответствии с теми же принципами:

- (33) *⟨Что ты так радуешься?⟩* **Вася стихи** ↗ *пишет?*;
 (34) **Вася стихи** ↘ *пишет ⟨давно?⟩?*

2.1.1.1.2.4. Акцентиноситель в верификативном компоненте

Акцентиноситель в верификативной составляющей — личный глагол (см. [Адамец 1978: 101—103; Янко 2001: 61—62]):

- (35) **Вася уже пришел** ↘.

2.1.1.1.2.5. *Акцентиносители в синтаксически сложном коммуникативном компоненте*

В синтаксически сложных ремах, не сводимых к единой синтаксической составляющей, вычлняются две синтаксические составляющие и в каждой выбирается акцентоноситель в соответствии с правилами для именных (или глагольных) групп. В примере ниже задача решается для рем. Далее, первая синтаксическая составляющая получает акцент ИК-6 (↗), а вторая — маркируется рематическим падением тона ИК-3:

(36) *Подстерег↗ // монах↗ девку↘; Они сфотографировались↗ // в Москве↗ на Арбате↘.*

2.1.1.1.2.6. *Периферийные коммуникативные роли. Атоническая тема и ваккернагелевская тема*

Для полноты картины при описании принципов выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей упомянем компоненты коммуникативной структуры, которые не служат носителями никаких коммуникативно релевантных акцентов. Это атоническая тема и ее частный случай — ваккернагелевская тема. Эти понятия были введены нами в Янко [2001: 73—80] для описания тем, расположенных не в начале предложения, а в заударной атонической позиции между началом и концом предложения или в конце предложения после носителя какого-либо коммуникативно релевантного акцента. Атоническая тема — компонент коммуникативной структуры, который, с точки зрения плана выражения, произносится на ровном тоне, в аллегровом темпе и без пауз. Он расположен после носителя ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-6. С точки зрения плана содержания, атоническая тема — это коммуникативная ниша для известной, активированной и не самой важной информации (атоническая тема выделена разрядкой):

(37) — *Кто там пришел? — Это Вася↘ пришел.*

Ваккернагелевская тема — это атоническая тема, которая расположена после первого полнозначного слова в предложении:

(38) *Посади↗ дед реку↘; Звали↗ моего друга Васей↘.*

Н. В. Черемисина для атонических тем использует термин «теневые синтагмы» [Черемисина 1989: 138].

* * *

В данном разделе мы коротко обрисовали элементы семантического и поверхностного представлений в применении к структуре речевого акта.

В частности, было показано, что русским языком разработано три принципа выбора акцентоносителя — базовый, который основан на синтаксических приоритетах и факторе активации референтов именных и глагольных групп, — и два маргинальных, один из которых основан на линейном порядке слов в предложении, а второй — на индивидуальных способах акцентирования различных типов речевых актов, например, на акцентировании иллокутивного показателя — вопросительного слова или глагола в повелительном наклонении.

Следующие два раздела посвящены полученным нами новым данным по поводу мелодических средств выражения темы и уточнениям в связи со средствами выражения эмфазы.

2.1.1.2. Тема. Новые данные о разнообразии выражения тем

Наши наблюдения показывают, что средства выражения тем не отличаются разнообразием: в большинстве языков мира — предположительно, во всех — интонационным показателем темы, акцентоноситель которой находится в исходе предложения, служит слабонисходящий акцент или ровный низкий тон типа ИК-1 (по Е. А. Брызгуновой), или акцент типа А, по Д. Болинджеру [Bolinger 1958], интонация точки, по У. Чейфу [Chafe 1988]. Об интонационном падении как показателе темы см. литературу в [Янко 2001: 24].

Тема же отличается гораздо более существенным разнообразием как в рамках одного языка, так и при сравнительном анализе различных языков. Ниже будут приведены примеры интонационного оформления тем в русском, английском, французском, датском и польском языках.

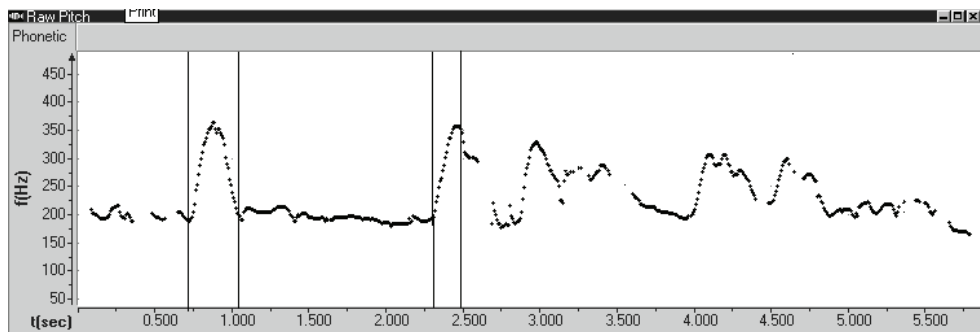
Интонационное оформление темы в виде акцента типа русского ИК-3, по Е. А. Брызгуновой, играет основную роль во всех языках, ср. примеры (39) и (40) на русском¹⁵ и английском языках.

В примере (39) из радиохроники акцент типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой, предстает в полном блеске. В этом предложении две темы: *в будущем сезоне* и *дом моды Эммануэля Унгаро*. В акцентоносителе первой темы словоформе *сезоне* ударный и заударный слоги выделены курсорами. Мы можем ясно видеть подъем на [зо] и заударное падение на [нь]. Наличие заударного слога отличает словоформу *сезоне* от акцентоносителя другой темы *Унгаро́*, у которого заударных слогов нет.

¹⁵ А. К. Халдояниди [2002] различает три яруса, в которых для каждого данного говорящего меняется частота основного тона — высокий, низкий и средний, и указывает на то, что в темах начало движения тона совершается на предупредном гласном акцентоносителя темы, если предупредные слоги есть, и фиксируется в среднем регистре для данного говорящего. На гласном ударного слога происходит повышение основного тона до высокого уровня.

(39) *В будущем сезоне ↗ дом моды Эммануэля Унгаро ↗ сделает ставку на розовый и оранжевый цвета.*

Тонограмма 1

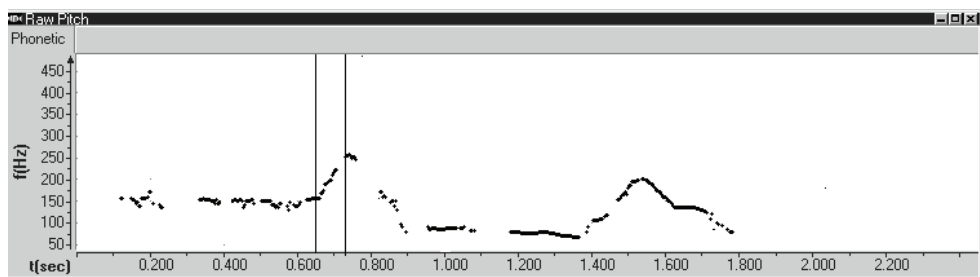
В будущем сезоне ↗ дом моды Эммануэля Унгаро ↗ сделает ставку на розовый и оранжевый цвета

Аналогично, в примере (40) из учебного телевизионного курса по изучению американского варианта английского языка [Beskegman 1990] на акцентоносителе темы *at six o'clock* словоформе *clock* фиксируется подъем. Гласный [o] взят в курсоры. Заударные слоги отсутствуют.

(40) *At six o'clock ↗ I can go home.*

‘В шесть часов я могу идти домой’

Тонограмма 2

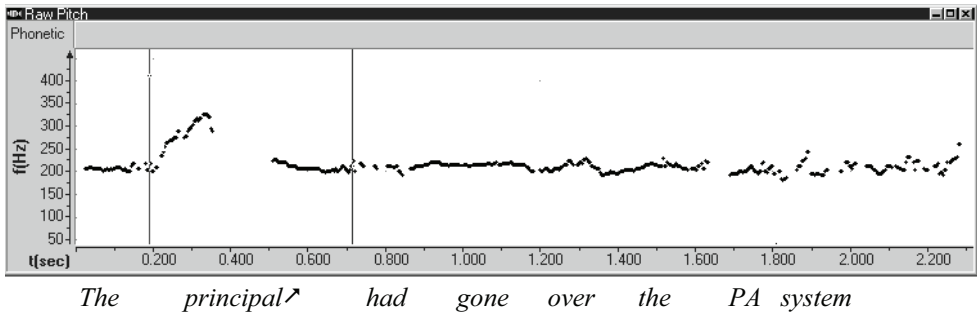
At six o'clock ↗ I can go home.

В английском (американский вариант) примере (41) с акцентоносителем словоформой *principal* ‘директор’, имеющем заударные, наблюдается интонационная фигура, аналогичная русскому акценту типа ИК-3. Словоформа *principal* выделена курсорами.

(41) *The principal ↗ had gone over the PA system.*

‘Директор выступил по школьному радио’

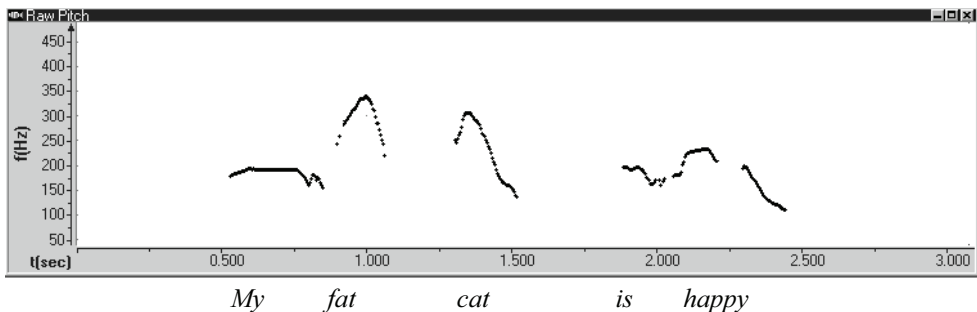
Тонограмма 3

Между тем, в британском варианте английского языка, наряду с интонационной конструкцией, рассмотренной выше, очень широко распространена конструкция с падением на ударном слоге акцентоносителя темы. Движение тона начинается на высоких частотах и круто падает до минимума частот голоса говорящего. Фонетически это падение соответствует русскому акценту ИК-2. Падению внутри темы всегда предшествует подъем, который может захватывать самый разнообразный сегментный материал. Начнем рассмотрение с примера темы, которая представляет собой именную группу. В примере (42) из Кембриджского учебного курса по изучению английского языка [Littlejohn, Hicks 1996], изобилующего подобными примерами, в рамках темы *my fat cat* на *fat* фиксируется подъем, а на *cat* — падение.

- (42) *My fat cat is happy.*
 ‘Мой толстый кот доволен’

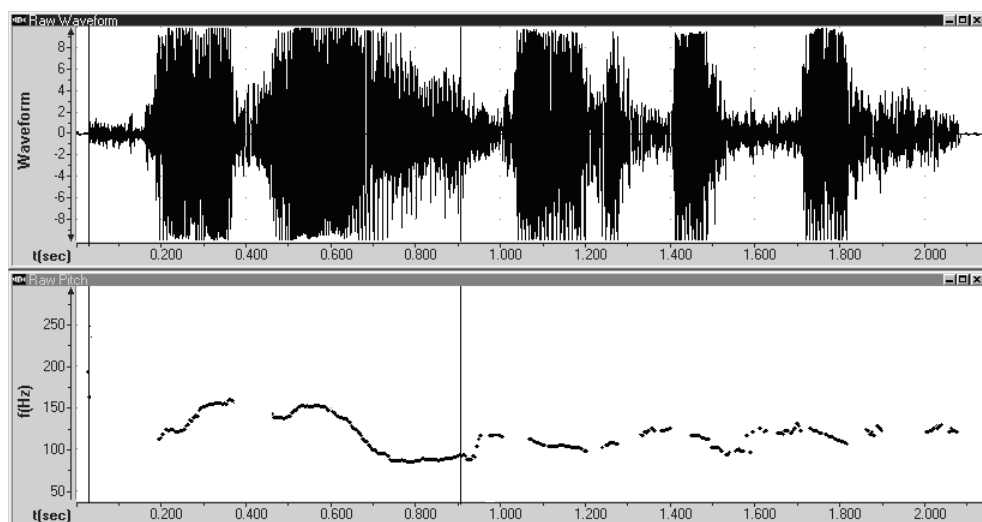
Тонограмма 4

Аналогичную тональную фигуру мы видим и в примере (43) с подъемом на *when* и падением на [eɪ] в словоформе *rains*. Фрагмент [wen it rein] на тонограмме взят в курсоры.

- (43) *When it rains there is a big problem.*
 ‘Когда идет дождь, возникают большие трудности’

Тонограмма 5

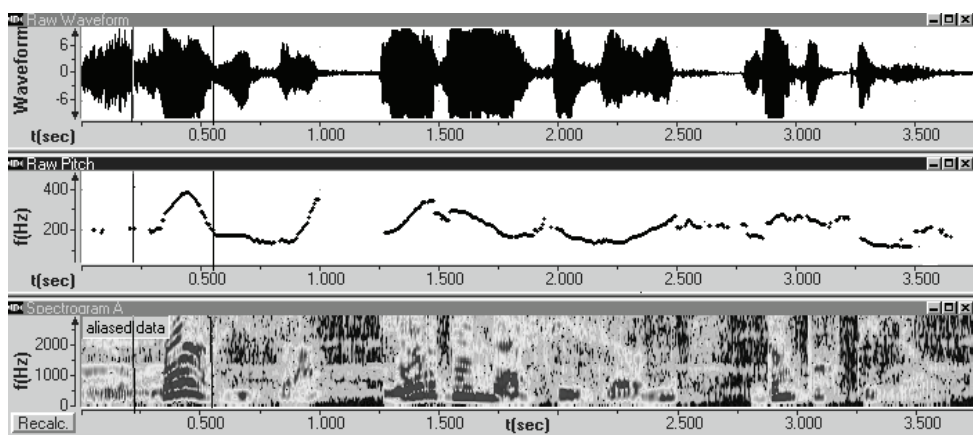

When it rains there is a big problem

Весьма характерно восходяще-нисходящее движение тона на теме и для литературного французского произношения. Обратимся к примеру (44) из чтения сказки «Outroupistache» в актерском исполнении. Здесь односложный акцентоноситель темы словоформа *roi* ‘король’ несет специфический нисходяще-восходящий тон. Акцентоноситель темы [gwa] выделен курсорами.

- (44) *Le roi arriva et ordonna ses hommes d'emporter l'or.*
 ‘Король явился и велел своим людям унести золото’

Тонограмма 6

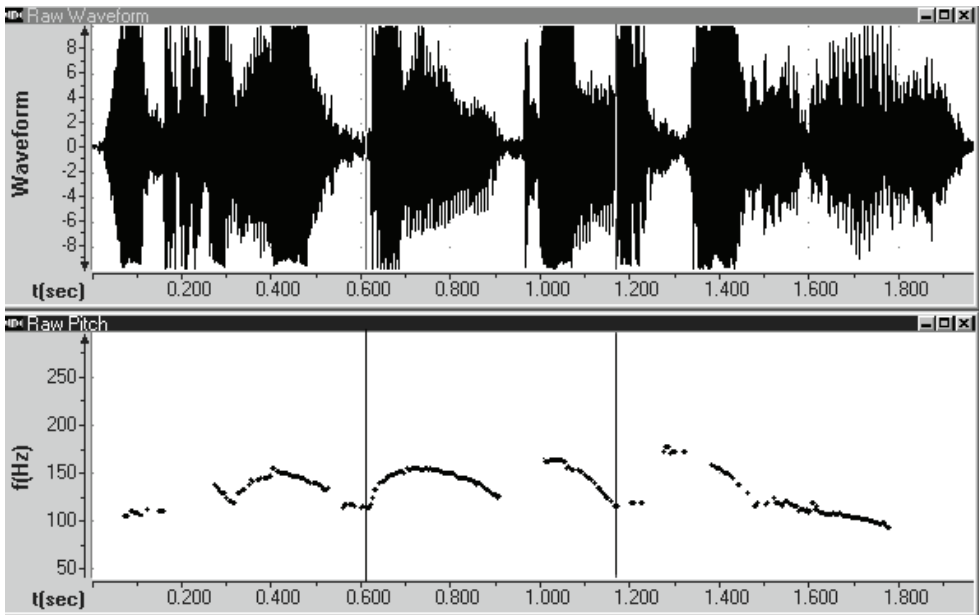
Le roi arriva et ordonna ses hommes d'emporter l'or.

Другой характерный пример нисходяще-восходящего тона на теме представлен предложением (45), где многосложная тема *dominicale* ‘воскресный’ отчетливо реализуется с двумя словесными ударениями на [o] и на [a]. При этом первый ударный слог с вторичным ударением несет восходящий акцент, а второй — конечный — ударный слог с главным словесным ударением несет нисходящий акцент. В данном случае перед нами даже не простая тема, а контрастная, потому что здесь воскресная прогулка — *dominicale* — противопоставлена прогулке, которая была назначена на субботу. Контекст контраста не меняет, а только увеличивает числовые параметры признаков, характерных для темы, расширяя диапазон частот. Поэтому мы считаем, что приведение здесь примера, иллюстрирующего не простую, а контрастную тему, вполне правомерно. Данный пример заимствован нами из работы [Фаустова 2006: 530].

(45) *La promenade dominicale n'a pas eu lieu (par contre, celle de Samedi s'est bien passée).*

‘Прогулка воскресная не имела места’

Тонограмма 7

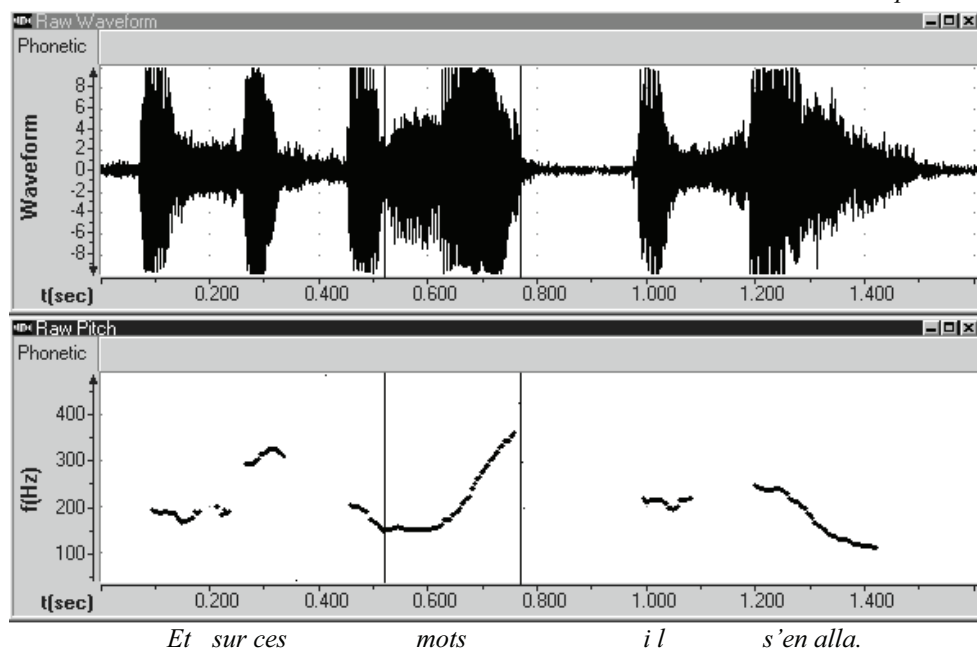
La promenade dominicale n'a pas eu lieu.

Нельзя, однако, не признать, что даже в актерском исполнении тональная конструкция типа русской ИК-3 встречается несоизмеримо чаще, ср. движение тона на акцентоносителе темы словоформе *mots* ‘слова’:

(46) *Et sur ces mots ↗ il s'en alla.*

‘И с этими словами он удалился’

Тонограмма 8

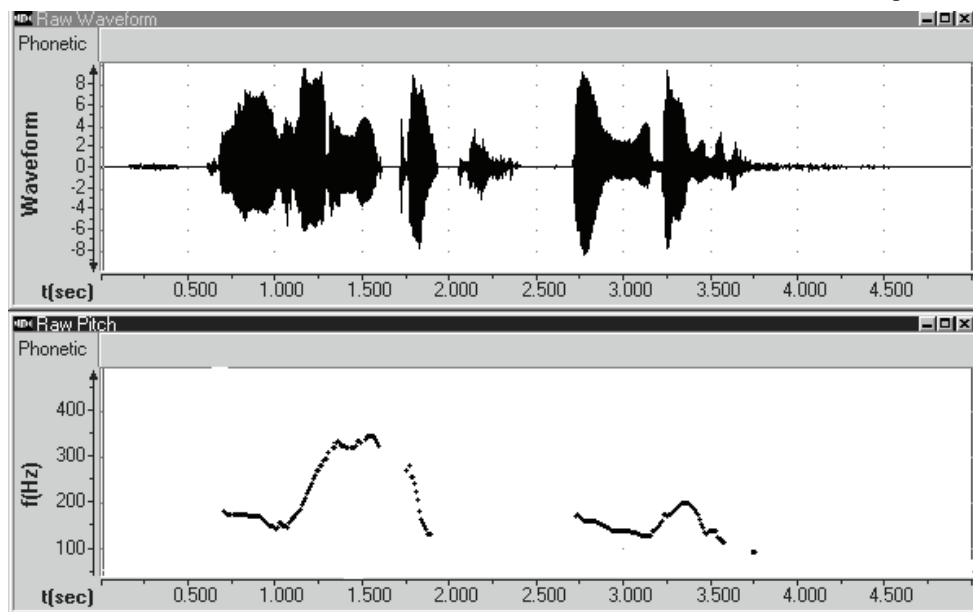

В принципе, в русском языке нисходяще-восходящий акцент на теме тоже возможен, однако в живой речи встречается редко и имеет несколько театральное звучание. Как и в английском, падение на теме имеет фонетический характер ИК-2. Это крутое падение, оно имеет очень существенный перепад частот, который совершается в небольшом временном интервале. Это крутое падение по типу ИК-2. Ср. лабораторный пример (47) и пример (48) из телевизионного спортивного комментария. В теме — китайском имени *Юн Лиу* — мы наблюдаем подъем на *Юн* и падение на *Лиу*, *Юн Лиу* взято в курсоры. Пример (48) интересен также и типом интонации текстовой незавершенности, реализованной на глаголе *отличилась*. Разбор этого примера в связи с типом незавершенности, который он иллюстрирует, см. в разделе 4.3.1.

Итак, если сравнить два показателя темы — подъем типа ИК-3 и подъем-падение с падением типа ИК-2, — можно заключить, что в русском, английском и французском языках стилистически немаркированным показателем темы служит акцент типа русского ИК-3 с подъемом на ударном слоге и падением на заударных, если они есть. Между тем в речи преподавателей, актеров и дикторов в английском (британский вариант) и во французском языке можно встретить и нисходяще-восходящее движение тона, которое захватывает два ударных слога, а во французском языке — может довольствоваться и одним слогом. Русскому языку подобная тема тоже не чужда, но встречается редко и обычно в приподнятом стиле речи.

(47) *Мой жирный↗ кот☹ вполне доволен.*

Тонограмма 9

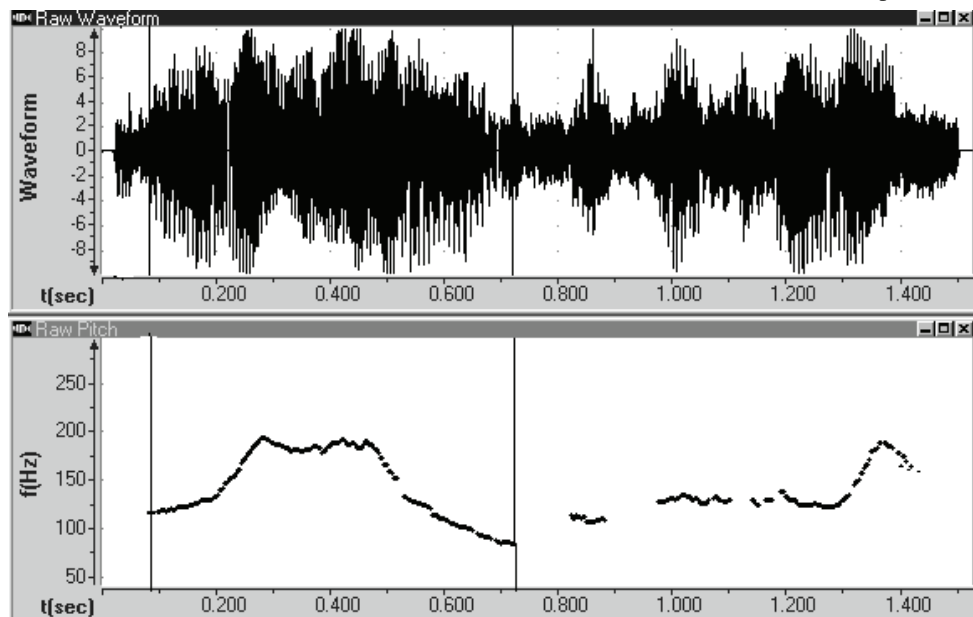

Мой жирный↗ кот☹

вполне доволен

(48) *Юн↗ Лу☹ — отличилась...*

Тонограмма 10

Юн↗

Лу☹

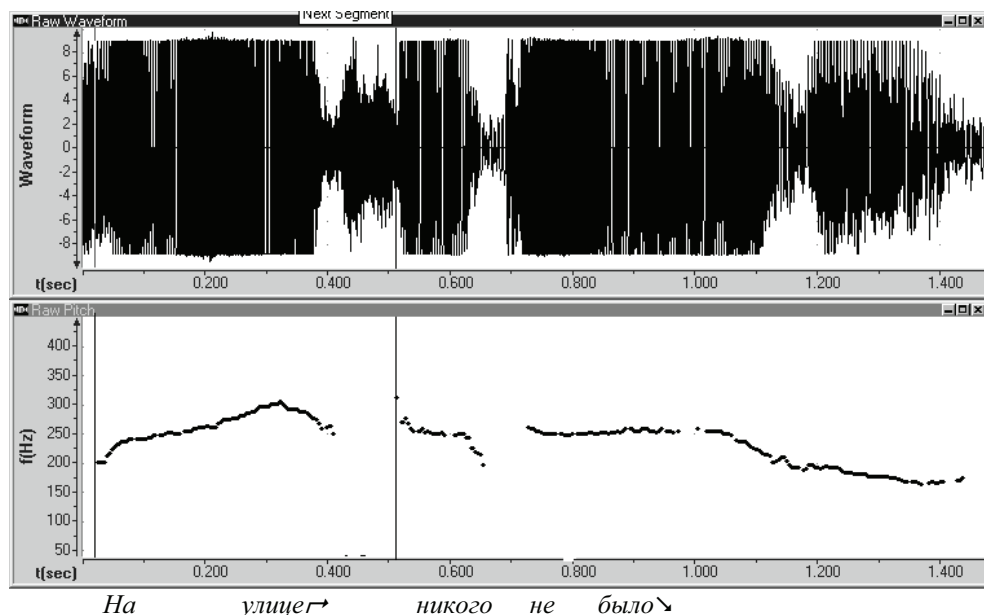
отличилась...

Далее. Для обследованных нами языков в беглой речи весьма характерно выделение темы подъемом на ударном слоге, который не сопровождается падением на заударных, как при русском акценте типа ИК-3. Такой акцент, по видимому, следует трактовать как ИК-6 с характерными для ИК-6 высокими заударными. Таким образом, в теме отсутствие падения на заударных не служит фонологически релевантным признаком. Здесь ИК-6 представляет собой лишь фонетический вариант ИК-3 в условиях беглой речи, и при более размеренном произнесении данное употребление акцента типа ИК-6 заменяется на акцент типа ИК-3. Это существенно, потому что при некоторых коммуникативных структурах носитель ИК-6 не служит акцентоносителем темы и такая замена невозможна.

Для того чтобы показать, что замена ИК-3 на ИК-6 возможна только на теме, сравним пример (49), где ИК-6 служит фонетическим вариантом ИК-3, и пример (50), где акцент типа ИК-6 не может быть заменен на ИК-3. Тема *на улице* в (49) из рассказа мальчика о том, какой он видел сон, выделена курсорами. Возможность замены иллюстрируют лабораторный пример (49а), который показывает, что в (49) замена ИК-6 на ИК-3 возможна (тема *на улице* выделена курсорами), и (50а), который показывает, что в (50) замена ИК-6 на ИК-3 невозможна, т. к. приводит к неграмматичному предложению, потому что в (50а) ИК-6 маркирует не тему.

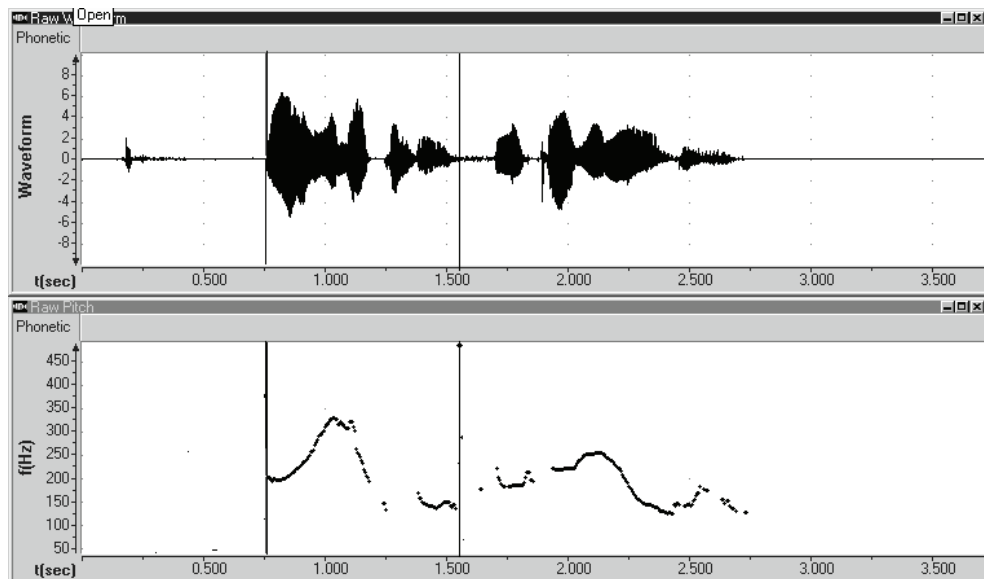
(49) *На улице* → *никого не* ↘ *было*.

Тонограмма 11

(49а) На улице↗ никого не было↘.

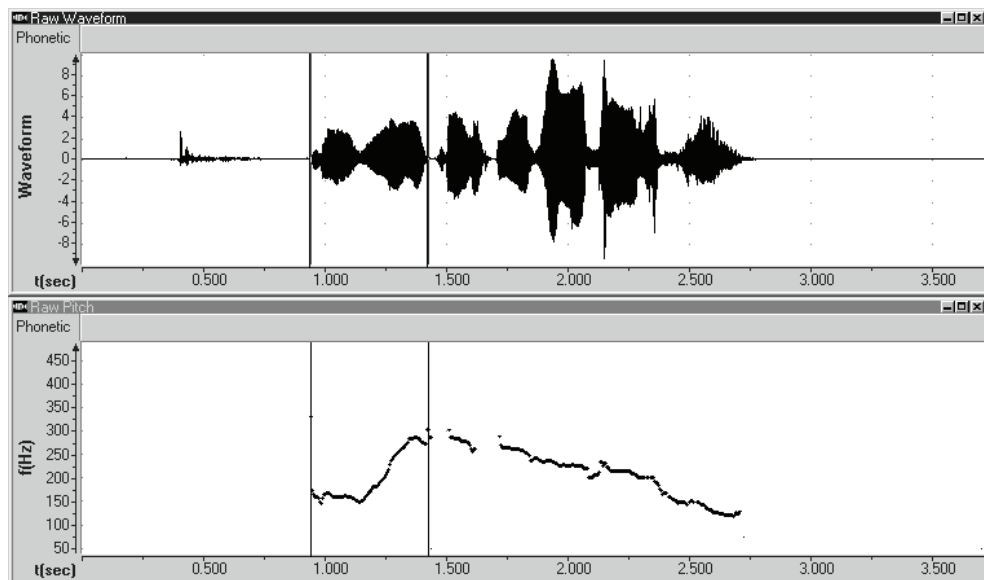
Тонограмма 11а

На улице↗ никого не было↘

(50) Давно↗ здесь не было дождя↘.

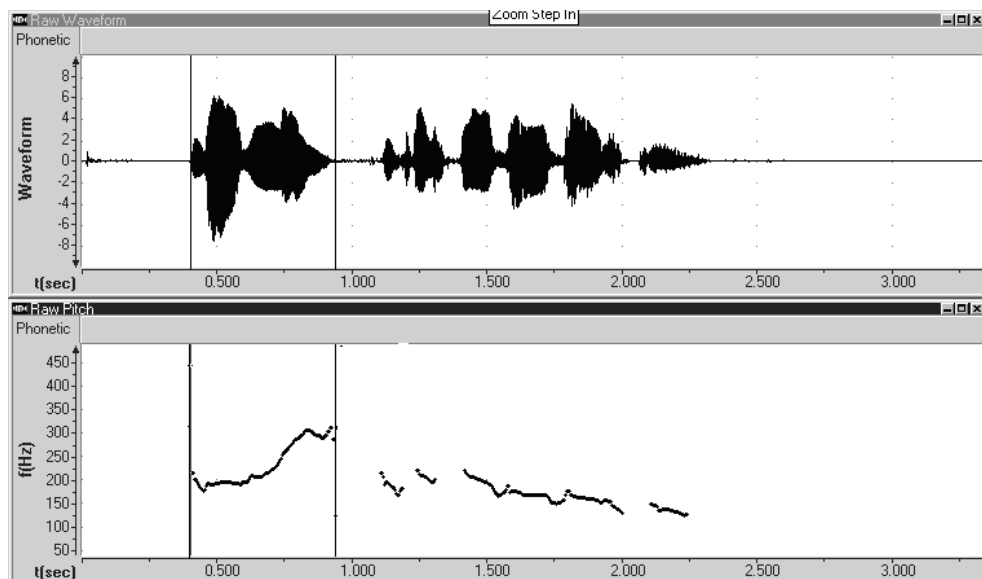
Тонограмма 12

Давно↗ здесь не было дождя↘.

(50a) *Давно↗ здесь не было дождя↘.

Тонограмма 12a

*Давно↗ здесь не было дождя↘.

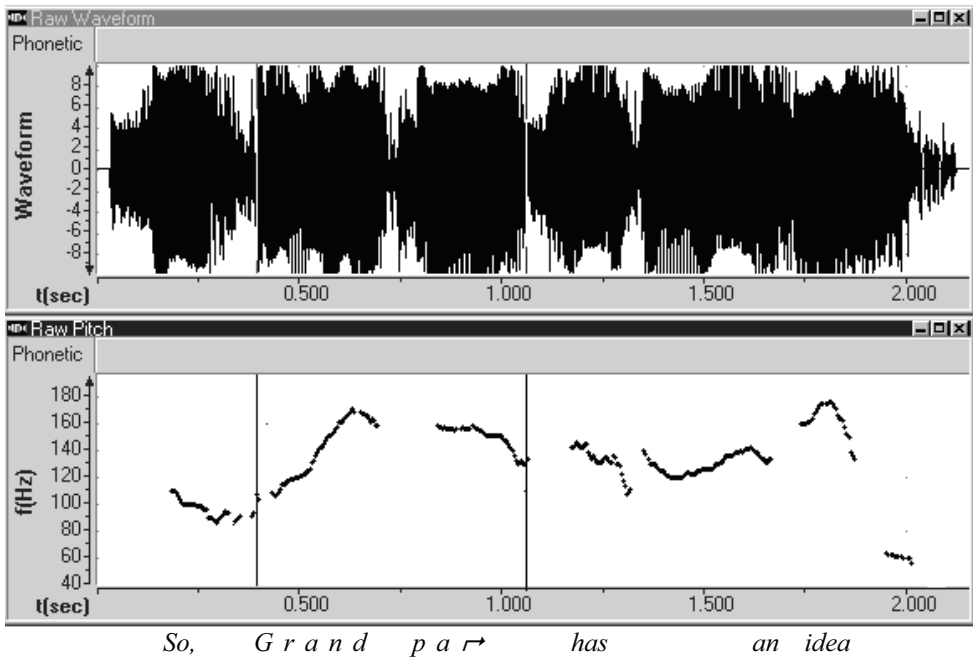
О семантических, коммуникативных и просодических особенностях наречия *давно*, которое не бывает препозитивной темой, см. [Падучева 1997, Янко 2001: 255—271], а здесь поясним, что в примере (50a) акцент типа ИК-3 невозможен, потому что *давно* здесь не тема, а компонент ремы. *Давно* в (50) и (50a) выделено курсорами. Мы намеренно используем здесь особые свойства слова *давно*, чтобы продемонстрировать невозможность взаимозамены акцентов там, где ИК-6 маркирует не тему.

Пример (51) из аудиокурса по изучению английского языка (американский вариант) показывает, что в английском языке, как и в русском, тема может быть реализована без падения на заударных, т. е. по типу ИК-6, см. Тонограмму 13.

(51) *So, Grandpa*↗ *has an idea.*
'Ну вот, у дедушки идея'

И наконец, обратимся к способу маркирования темы, который практически отсутствует в русском языке. Это нисходяще-восходящий акцент с подъемом на заударных слогах, если они есть, типа русского ИК-4 на акцентоносителе темы.

Ниже, в разделе 4.3 будет показано, что русский акцент типа ИК-4, по Е. А. Брызгуновой, отличается особой семантикой, которая связана с сопоставлением, противопоставлением объектов или мнений либо выбором эле-

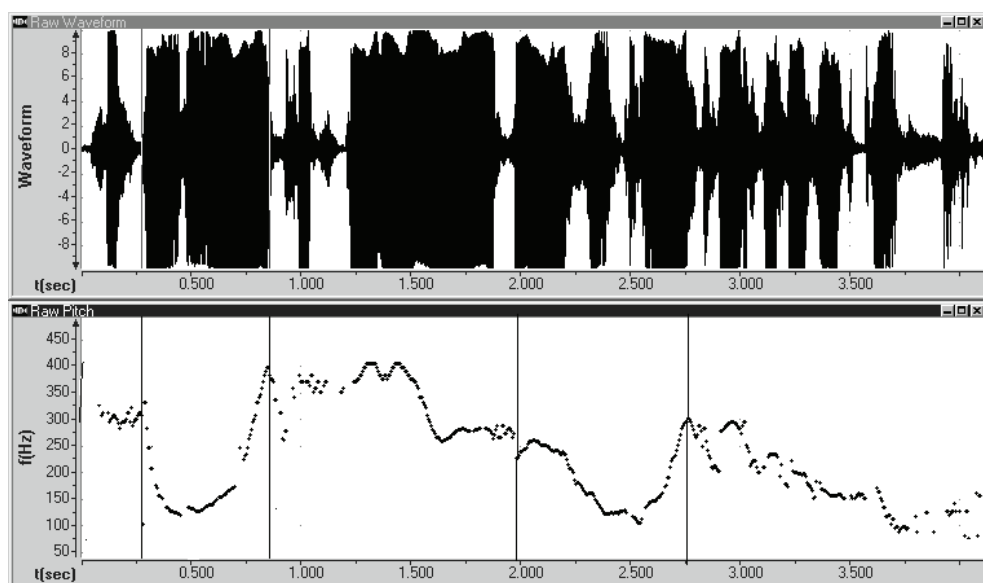
мента из множества, т. е. русский акцент ИК-4 обозначает, что объект или ситуация рассматриваются на фоне других объектов или ситуаций, подобных им. В таких языках, как английский и немецкий, у нисходяще-восходящего акцента типа русского ИК-4 такой семантики нет, однако в английском и в немецком акцент типа русского ИК-4 обозначает связь между предложениями в тексте: он маркирует дискурсивную незавершенность в монологическом тексте или оформляет реплики в диалоге. И только в одном из обследованных нами языков — в польском — акцент типа русского ИК-4 регулярно используется для обозначения темы. Приведем примеры.

- (52) *Historia ↘ przedstawia nam malowidła ↗ z bardzo dawnych czasów.*
 'История представляет нам картины очень древних времен'

В польском примере (52) две темы и, соответственно, два акцентоносителя тем — *historia* 'история' и *malowidła* 'картины'. Каждый акцентоноситель несет акцент типа русского ИК-4. ИК-4 здесь реализуется с очень существенным перепадом частот. На тонограмме ударный и заударный слоги словоформ *historia* и *malowidła* взяты в курсоры.

Предложение (53) показывает, что в польском языке нисходяще-восходящий акцент типа русского ИК-4 может фиксироваться и на односложных словах *tak* 'так' и *że* 'что (изъяснительный союз)'. При этом, как и в русском

Тонограмма 14

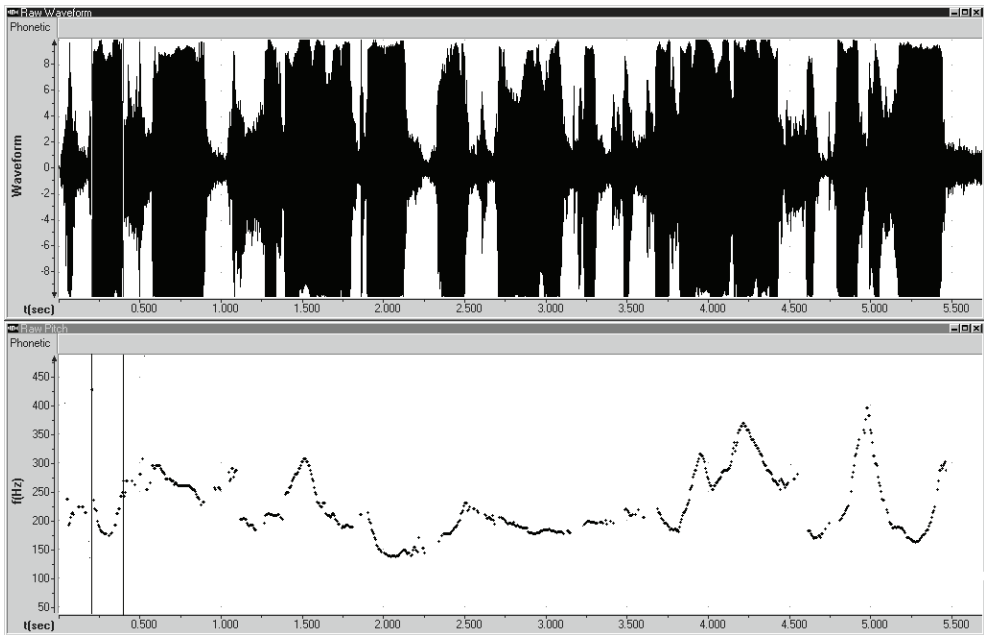
Historia ↘ ↗ *przedstawia* *nam* *malowidła* ↘ ↗ *z bardzo dawnych czasów*

и других обследованных языках, типичное нисходяще-восходящее движение тона реализуется на одном гласном. В примере (53) гласный слова *tak* выделен курсорами.

- (53) *I tak* ↘ ↗, *badania amerykańskie* ↘ ↗ (*tutaj mam akurat przed sobą* ↘ ↗) *mówią na przykład, że* ↘ ↗ *⟨tylko 7% ↘ ↗ wszystkich informacji, które uzyskujemy w rozmowie ↘ ↗, pochodzi ze słów, 38% ↘ ↗ wnioskujemy z tonu głosu, a 55% z mowy ciała⟩.*

‘Итак, американские исследования (я это держу прямо перед собой) говорят, например, что только 7% всей информации, которую мы получаем устно, приходит к нам из слов, 38% — из интонации, и 55% — из языка тела’

В работе [Лобанов, Цирульник, Жадинец, Piorkovska 2005] делается вывод о том, что польскому языку присуще восходящее движение тона на ударных при выражении незавершенности. Этим, в частности, польский отличается от русского, для которого более характерно выражение незавершенности через подъем, наоборот, на ударном слоге акцентоносителя незавершенности. В целом наши данные подтверждают этот вывод, однако здесь следует сделать следующее уточнение. При выражении текстовой незавершенности в обследованных нами польских данных акцент типа русского ИК-3, т. е. с подъемом на ударном слоге акцентоносителя незавершенности, действи-

I tak ↗, badania amerykańskie ↘ (tutaj mam akurat przed sobą ↗) mówią na przykład, że ↘...

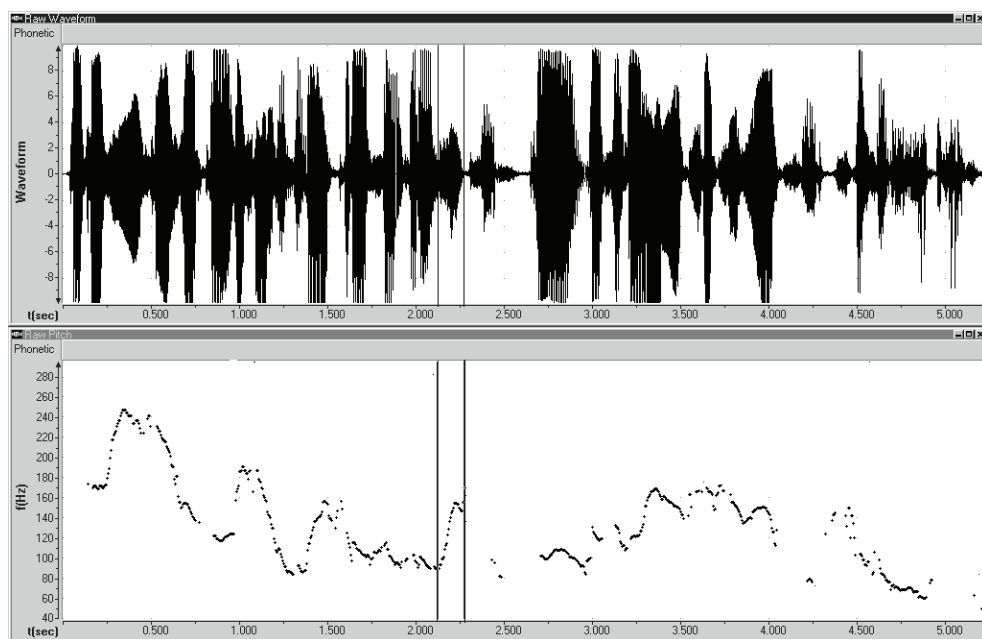
тельно не встретился ни разу. Что же касается выражения тем, то здесь подъем на ударном слоге акцентоносителя встречается достаточно часто, и особенно в речи мужчин. Для более эмоциональной женской речи действительно более характерен подъем — причем в очень существенных диапазонах частот — на заударной части. Приведем пример темы с подъемом на ударном слоге акцентоносителя (типа русского ИК-3):

- (54) *Okazuje ↗ się, że 52% rodziców ↗ to zdecydowani przeciwnicy stosowania kar.*
 ‘Оказалось, что 52% родителей — решительные противники применения телесных наказаний’

В этом примере два акцентоносителя тем: *okazuje się* ‘оказалось’ и *rodziców* ‘родителей’, несущие подъем на ударном слоге. Ударный слог словоформы *rodziców* взят в курсоры, см. Тонограмму 16.

Итак, заключим, для всех обследованных языков прототипическим способом маркирования темы может считаться акцент типа русского ИК-3 с подъемом на ударном слоге и падением на заударных, если они есть. Далее, в русском и в английском фонетическом варианте такого подъема в беглой речи следует признать подъем на ударном слоге акцентоносителя темы, после ко-

Тонограмма 16

Okazuje się, że 52% rodziców to zdecydowani przeciwnicy stosowania kar.

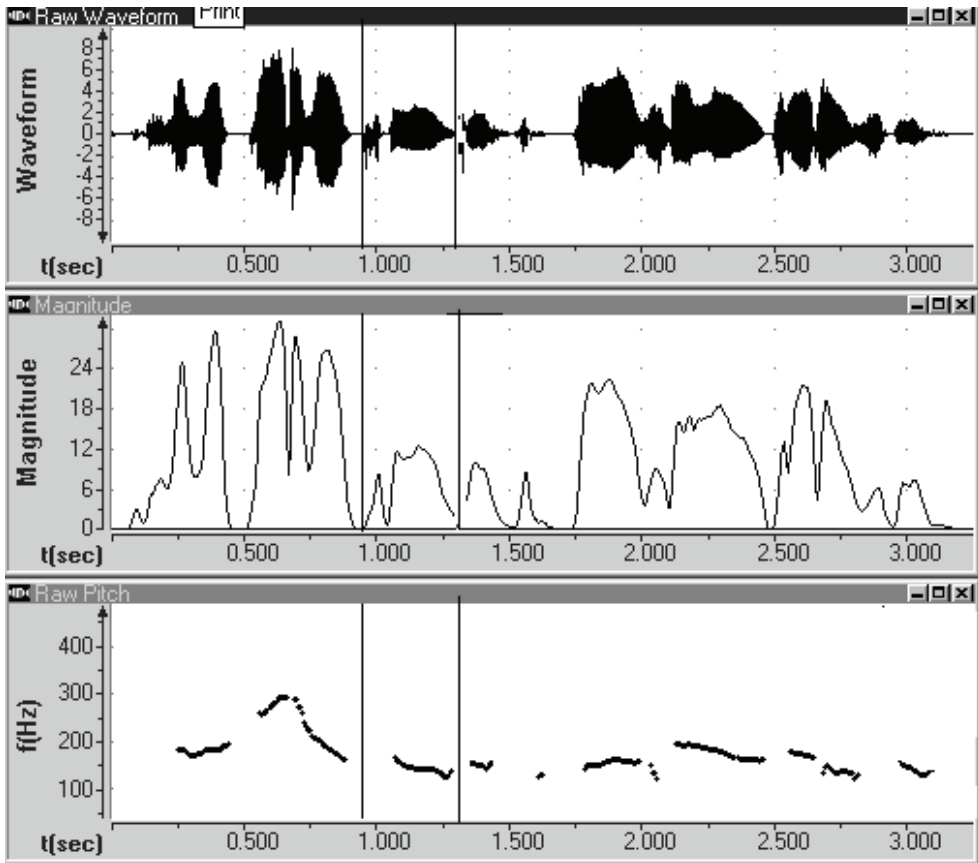
торого падения на заударных не наблюдается. Это подъем типа русского ИК-6. Кроме того, для английского и французского языков достаточно характерным способом маркирования темы в размеренной речи служит крутое падение тона на ударном слоге акцентоносителя, которое начинается с высокого уровня и которому предшествует подъем на том же или другом слоге темы. В русском языке такой способ маркирования темы тоже встречается, но весьма редко. И наконец, в польском языке наряду с подъемом на ударном слоге акцентоносителя для маркирования темы используется акцент типа русского ИК-4 с подъемом на заударном слоге (если таковой имеется), которому предшествует падение на ударном слоге. Если заударные слоги отсутствуют, нисходяще-восходящее движение тона захватывает последний или единственный слог акцентоносителя и совершается в больших диапазонах частот.

2.1.1.2.1. Особенности контрастных тем

Между реализацией русских контрастных тем с контрастом на прилагательном и контрастных тем в других обследованных языках наблюдаются существенные различия. Обратимся к русскому примеру (55) с контрастной темой *первая*.

(55) *Его первая книга была самая интересная.*

Тонограмма 17

Его первая книга была самая интересная

В русском языке вслед за акцентоносителем контрастной темы следует интонационный спад, который проявляет себя в пониженной интенсивности и в низком уровне частоты при произнесении синтаксической вершины атрибутивной синтагмы. В примере (55) это словоформа *книга*. Графики частоты и интенсивности (график интенсивности расположен над графиком частоты) указывают на понижение частоты, интенсивности и отсутствие существенных движений тона на ударном слоге словоформы *книга*. Ударный слог словоформы *книга* на графиках взят в курсоры.

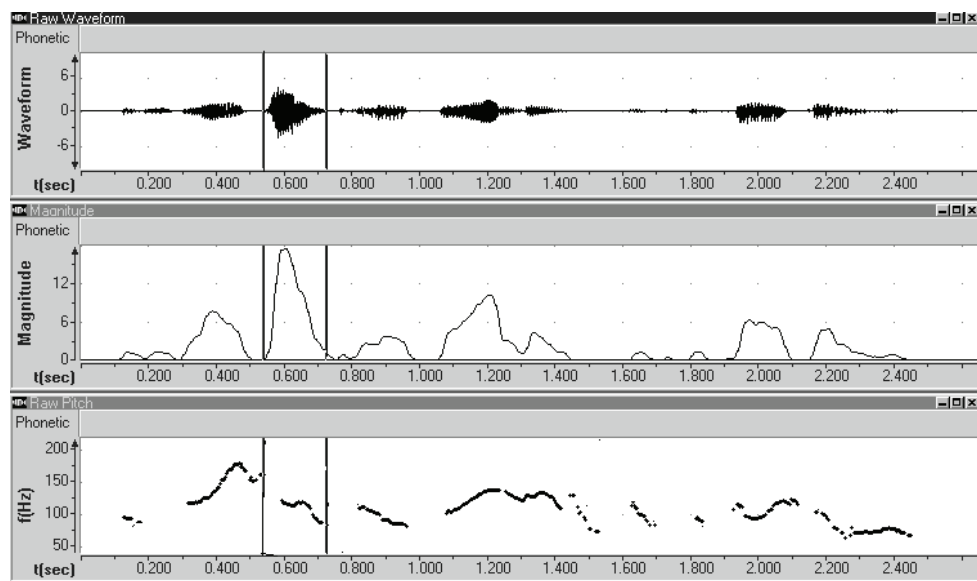
В других языках заударная редукция, подобная русской, отсутствует. Так, в датском языке это прежде всего явственно ощущается на слух. С перцептивной точки зрения возникает впечатление, что интонационно выделеными оказываются обе словоформы: и препозитивное прилагательное — но-

ситель контраста, и синтаксическая вершина. Продemonстрируем этот эффект на датском примере (56). Здесь акцент принимают оба компонента контрастной темы — и контрастная тема *nye* [nʏə] ‘новая’ и опорная словоформа (синтаксическая вершина) *bog* [bou] ‘книга’. Природа этих акцентов различна, но перцептивный эффект состоит в том, что обе словоформы — и словоформа *nye*, и словоформа *bog* — на слух воспринимаются как акцентно выделенные. В чем состоит специфика этих акцентов?

Обратимся к примерам. Рассмотрим графики, отражающие произнесение примера (56) информантом Г., ср. Тонограмму 18.

- (56) *Hans nye bog kan jeg bedre lide end den foregående.*
 Его новая книга могу я больше любить, чем та предыдущая
 ‘Его новая книга нравится мне больше предыдущей’

Тонограмма 18

Hans nye bog kan jeg bedre lide end den foregående.

Как показывает кривая частоты, контрастная тема *nye* ‘новая’ выделена восходящим тоном с большим перепадом частот. Это характерный для датского — а также и для русского языка — акцент контрастной темы. Между тем на словоформе *bog* ‘книга’ (выделена курсорами) особого тонального выделения нет. Однако перцептивно словоформа *bog* ощущается как явно выделенная. Представляется, что выделение здесь определяется повышенной интенсивностью, которая дает себя знать при произнесении этого и других аналогичных примеров всеми нашими датскими информантами. Здесь пояс-

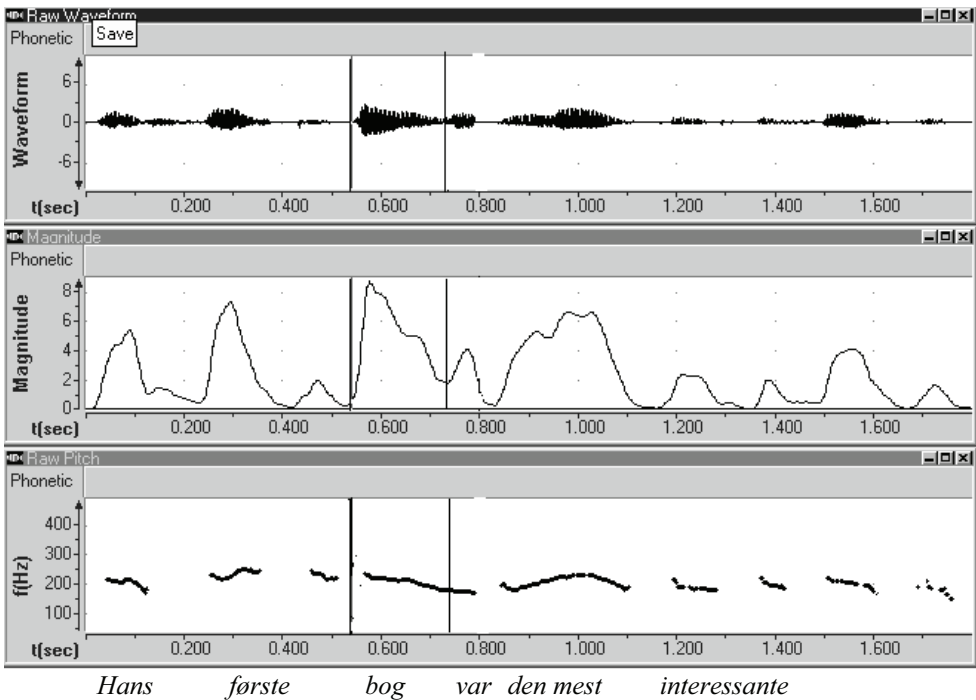
ним, что серия примеров про новую (первую) книгу принадлежит массиву диагностических предложений, который в разное время независимо предлагался для интерпретации нескольким разным информантам. Действительно, на графике интенсивности на словоформу *bog* приходится пик интенсивности.

Подъем интенсивности находится именно на том месте, где он явственно вычленяется на слух, поэтому можно предположить, что график интенсивности в данном случае достаточно достоверен. Таким образом, данные об интенсивности — это то, что подкрепляет наши перцептивные впечатления.

В примере (57) в произнесении информантки Л. наблюдается та же картина. На словоформе *bog* (она взята в курсоры), так же как и в предложении (56), наблюдается пик интенсивности.

(57) *Hans første bog var den mest interessante.*
 ‘Его первая книга была самая интересная’

Тонограмма 19

К обсуждению датских контрастных тем мы вернемся в разделе 6.9.2, посвященном выбору акцентоносителя в датских контрастных темах.

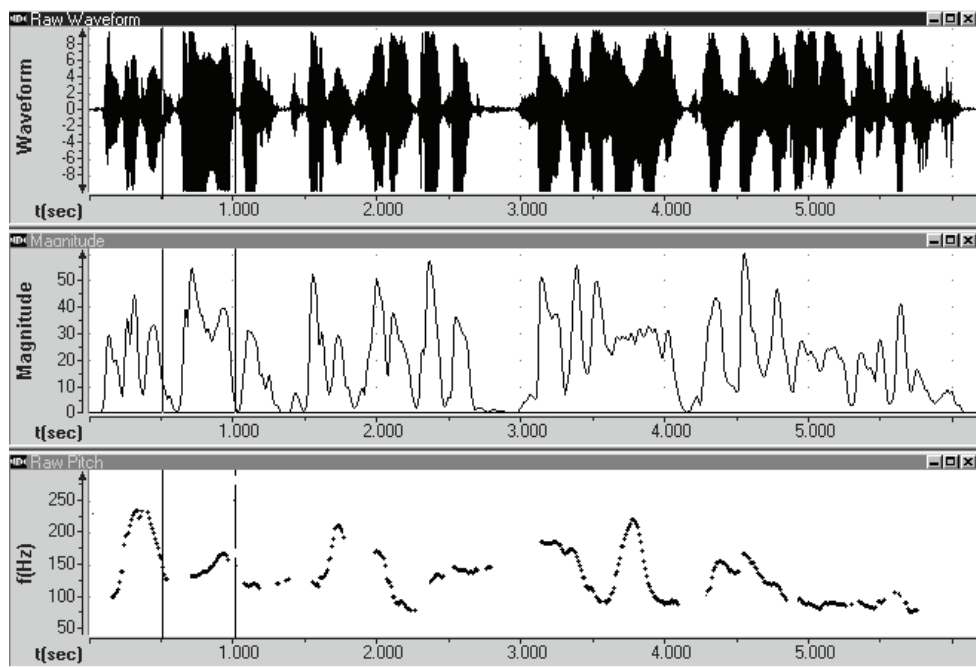
Совершенно аналогично, в польском языке синтаксическая вершина тоже получает явственно ошутимое на слух акцентное выделение, которое инст-

рументально вычленяется, прежде всего, по графику интенсивности. На тонограмме в словосочетании *z drugiej strony* ‘с другой стороны’ словоформа *strony* выделена курсорами. Таким образом, контрастная словоформа *drugiej* несет на себе акцент типа ИК-3, что прекрасно видно на графике частоты, а словоформа *strony* выделена интенсивностью. Таким образом, ожидаемая редукция на *strony*, если отталкиваться от сравнения с русским языком (ср. рус. *с другой ↗ стороны*), здесь отсутствует.

(58) *Z drugiej ↗ strony aż 41% sądzi, że lanie jest niezbędnym elementem wychowania.*

‘С другой стороны, 41 процент опрошенных считает порку необходимым элементом воспитания’

Тонoграмма 20

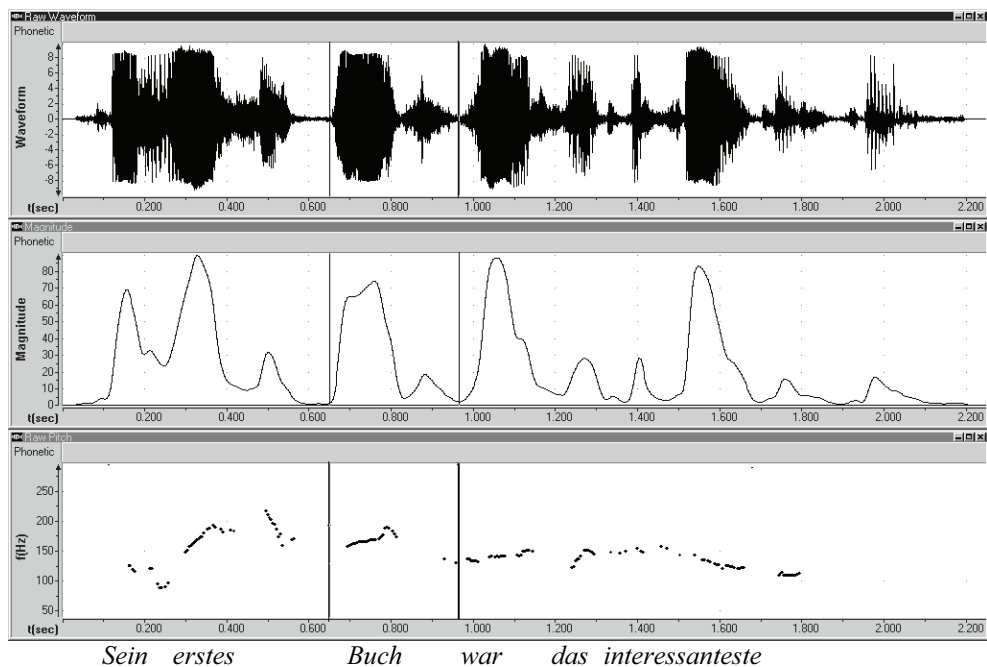
Z drugiej ↗ strony aż 41% sądzi, że lanie jest niezbędnym elementem wychowania

Все немецкие записи (59) тоже говорят об отсутствии редукции на синтаксической вершине словосочетания *Sein erstes Buch* ‘его первая книга’ словоформе *Buch* ‘книга’ (на тонограмме выделена курсорами):

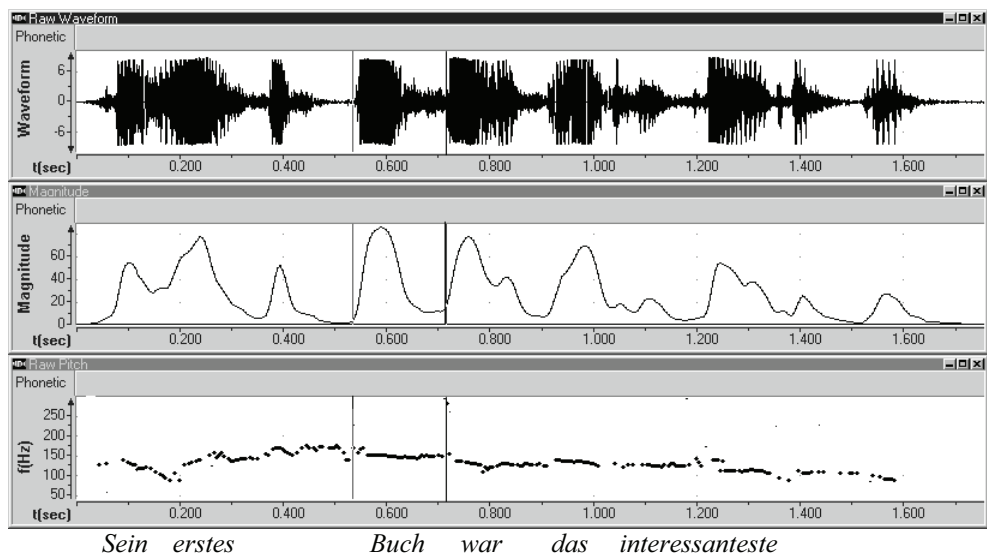
(59a) *Sein erstes Buch war das interessanteste.*

‘Его первая книга была самая интересная’

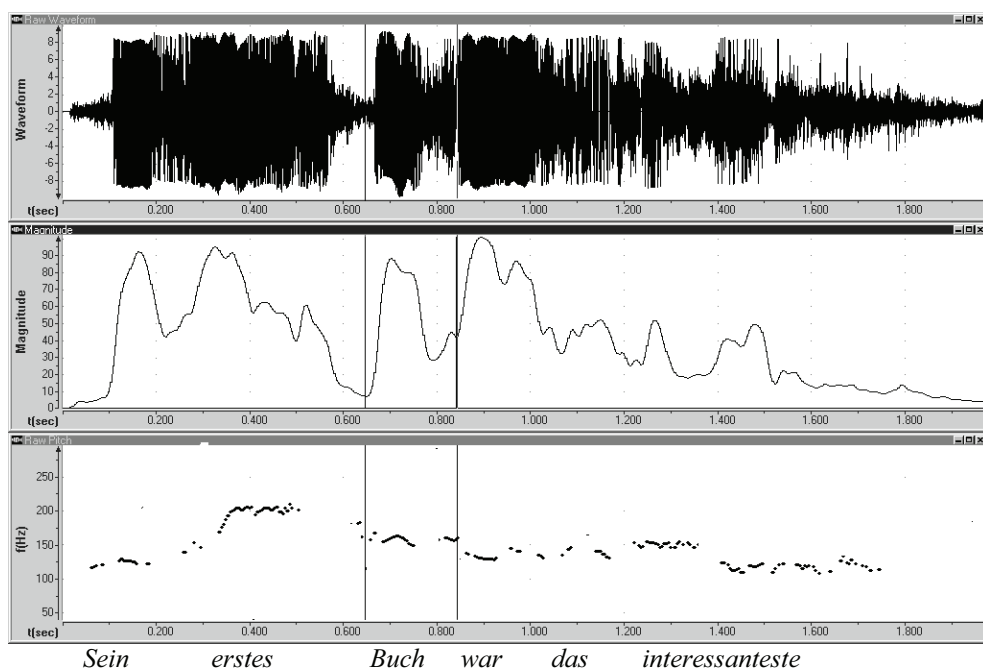
Тонограмма 20а

Тонограмма 20b

Тонограмма 20с

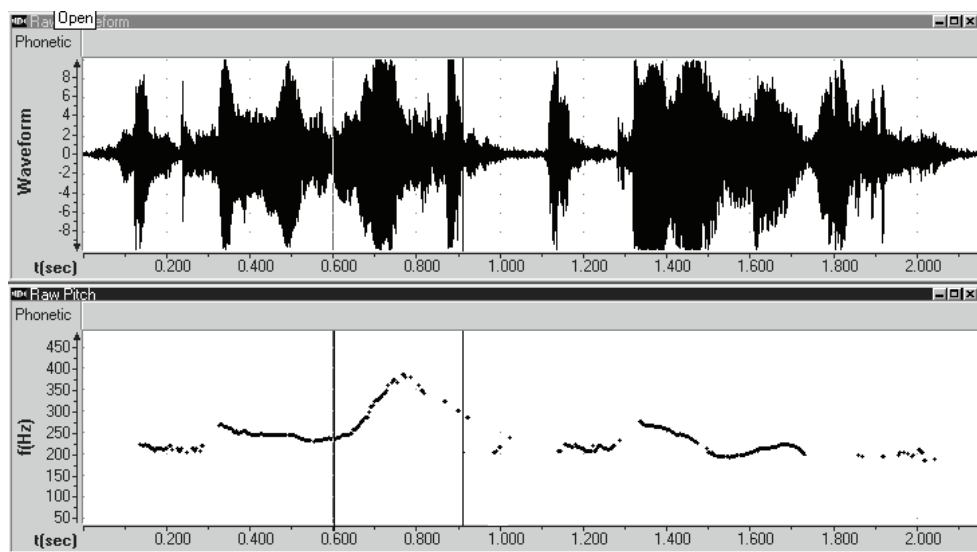

Обратимся к данным французского языка. В примерах, которые служат эквивалентами предложений, рассмотренных выше, в произнесении всех наших информантов какое бы то ни было выделение на прилагательном вообще отсутствует. Это прекрасно ощущается на слух. Отметим, что в рассмотренных на французском материале примерах про книгу прилагательное предшествует определяемому существительному. Тонограммы 21 и 21а, отражающие произнесение двух разных информантов, показывают, что интонационно маркированной оказывается только словоформа *livre* 'книга'. Тонограммы полностью подтверждают слуховой анализ. Словоформа *livre* выделена курсорами.

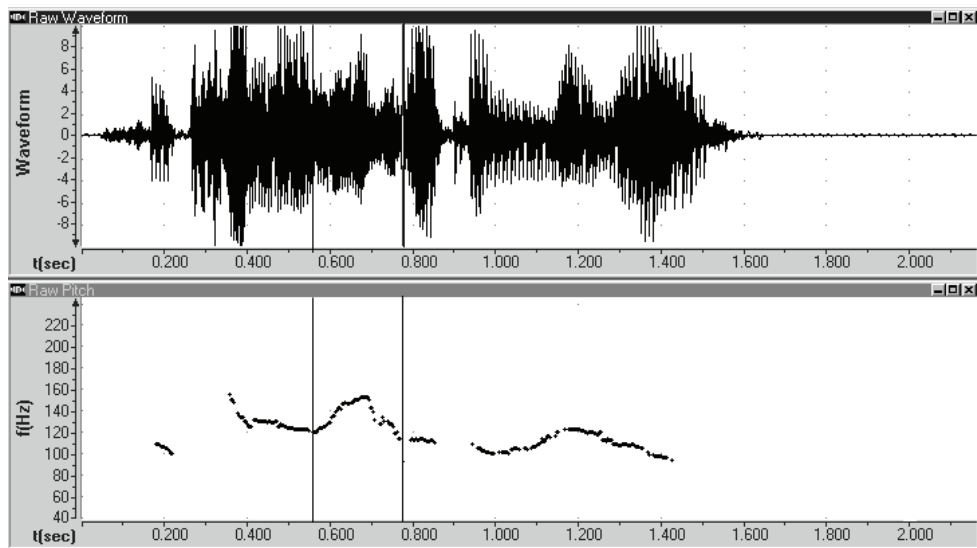
- (60) *Son premier livre était le meilleur.*
 'Его первая книга была самая лучшая'

Наиболее близким русскому в рассмотренном отношении оказывается английский язык. В примере (61) словоформа *book* 'книга' (взята в курсоры) произносится на низких частотах и перепад частот между контрастной темой и соответствующей синтаксической вершиной очень существен (исполнение информантки С., тонограмма 22). Интенсивность, правда, падает не столь явно, как в русском, который обнаруживает наибольшую степень редукции. Перцептивно словоформа *book* не воспринимается как интонационно выделенная.

Тонограмма 21

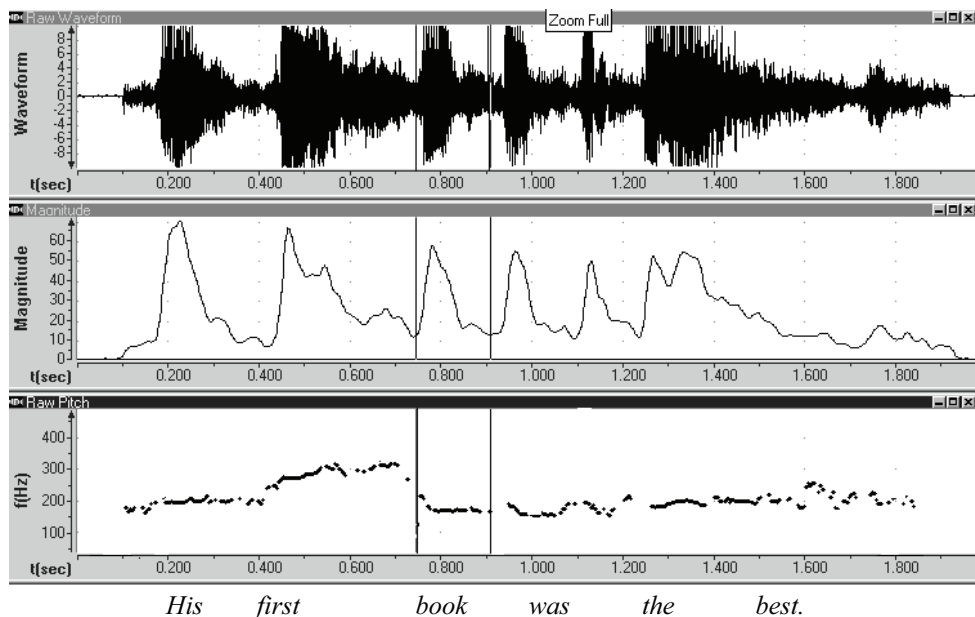
*Son premier livre**était le meilleur* (женский голос)

Тонограмма 21а

*Son premier livre**était le meilleur* (мужской голос)

- (61) *His first book was the best.*
 ‘Его первая книга была лучшая’

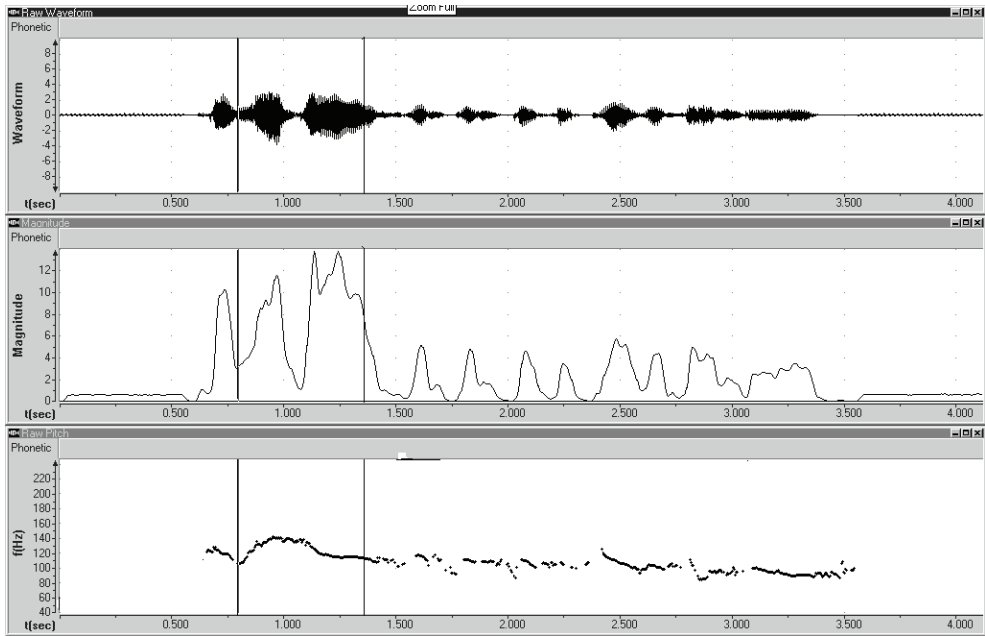
Тонограмма 22

И наконец, феномен отсутствия редукции на опорной словоформе в атрибутивной теме с контрастом на прилагательном в английском языке иллюстрирует пример (62) из английской спонтанной речи. Информант-американец непринужденно рассказывает об изучении русского языка. Его мысль состоит в том, что русский язык ему нужен не для того, чтобы изучить новый язык, а как средство общения, т. е. для того, чтобы во время работы в Москве наладить общение с москвичами. Носителем акцентного пика в именной группе *my goal* ‘моя цель’ служит словоформа *my* ‘моя’. Между тем видно, что словоформа *goal* ‘цель’ никак не теряет в интенсивности. Это очень хорошо ощущается ухом русскоязычного слушающего, ожидающего после тонального пика на *my* редукции на *goal*. Однако редукции не наступает.

- (62) *But my goal is just to speak it conversationally.*
 ‘Но моя цель только научиться разговорной речи’

Феномен акцентирования обеих словоформ в структуре атрибутивной синтагмы в датском, польском, немецком и английском языках мы наблюдаем только в контексте контрастной темы. Для контрастной ремы изоморфные — как можно было бы ожидать — примеры отсутствуют. Можно предположить,

But my goal is just to speak it conversationally.

что различие между контрастной темой и контрастной ремой состоит в том, что контрастная тема располагается в начале повествовательного предложения, когда характерные противопоставления находятся на пике различимости. Между тем, в контексте ремы основное различие, которое могло бы проявить себя в ударности синтаксической вершины, расположенной в контексте ремы, как правило, в абсолютном финале, в силу физиологических причин может просто сходить на нет. Здесь требуются дополнительные исследования.

В результате можно заключить, что в датском, польском, немецком и английском языках при реализации контрастной темы-прилагательного в контексте атрибутивной именной группы интонационному выделению подвержены оба члена: и прилагательное, играющее роль контрастной темы, и существительное, служащее синтаксической вершиной группы. При этом контрастная тема неизменно выражается подъемом тона с существенным перепадом частот, а существительное выделяется повышением интенсивности и/или тонально. В этом мы видим существенное отличие других языков от русского, в котором за контрастной темой неминуемо следует спад интенсивности и понижение тона.

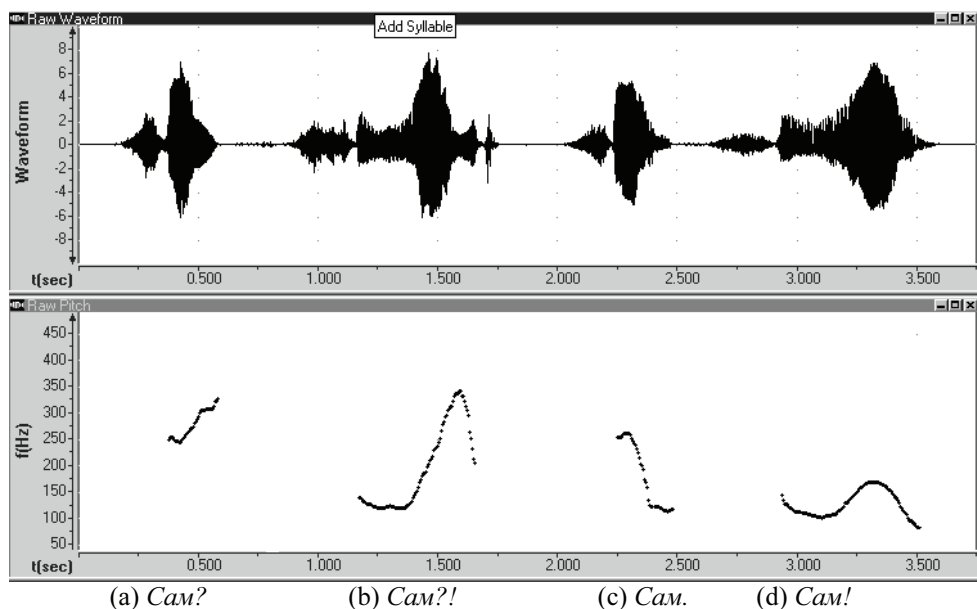
2.1.1.3. Эмфаза

Анализ русского, английского, французского и датского материала показывает, что перечисленные языки обнаруживают существенное единообразие при интонационном выражении эмфазы. Некоторое разнообразие вносят особенности словесного ударения в английском и французском, широко использующих возможности, предоставляемые характерным для этих языков вторичным словесным ударением.

Анализ интонационных средств выражения эмфазы начнем с русского лабораторного примера (63), где слово *сам*, в силу своего лексического значения склонное к эмфатическому употреблению (см. [Янко 2001: 287—289]), пробегает различные коммуникативные значения, скомбинированные и не скомбинированные с эмфазой: а) *Сам?* (*да-нет-вопрос*, эмфаза отсутствует), б) *Сам?!* (*да-нет-вопрос* в контексте эмфазы со значением ‘неужели сам?!’), в) *Сам* (*рема*, эмфаза отсутствует), д) *Сам!* (*рема* в контексте эмфазы со значением ‘реальность превзошла ожидания’).

(63) (а) *Сам?*; (б) *Сам?!*; (в) *Сам.*; (д) *Сам!*.

Тонограмма 24

Примеры (а)—(б) и (с)—(д) составляют минимальные пары, где второй член пары — это осложненный эмфазой коррелят первой. Фактически здесь иллюстрируется осложнение эмфазой коммуникативных значений, которые выражаются восходящим (типа ИК-3) и нисходящим (типа ИК-1) акцентами

соответственно. Для полноты картины в данный ряд примеров следовало бы также добавить пару «простая тема vs. эмфатическая тема», но мы здесь ограничиваемся приведением простого и эмфатического вопросительного компонента *да-нет*-вопроса, в предположении что тема и вопросительный компонент вопроса, как не осложненные, так и осложненные модифицирующими значениями, маркируются одинаково. В данном предположении есть известная доля условности, т. к. в действительности интонационные различия между темой и *да-нет*-вопросом, как правило, существуют и состоят в том, что вопросительный компонент *да-нет*-вопроса маркируется подъемом в больших диапазонах частот, чем тема, однако в данном случае этим различием, как кажется, можно пренебречь¹⁶. В дальнейшем будет рассмотрен пример и эмфатической темы.

Ранее мы считали, что для эмфазы как при исходном подъеме (в теме и вопросе), так и при падении (в реме) у образующего (фиксирующегося на ударном слоге акцентоносителя) тона акцента (темы, ремы, вопроса) появляется предшествующее отклонение тона в противоположную сторону, которое мы назвали искривлением (см. [Янко 2001: 64—67]). Тonoграмма 24 действительно демонстрирует «искривление» тона на графиках изменения частоты при реализации примеров (b) (по сравнению с (a)) и (d) (по сравнению с (c)). Однако наши данные показывают, что в такое описание можно внести существенные уточнения. Обратимся к показаниям осциллограммы, графика изменения интенсивности, графика изменения частоты основного тона (собственно тонограммы) и спектрограммы примеров (a)—(d), представленным на Тonoграмме 24a¹⁷. Вертикальными линиями выделены области, соответствующие реализации гласного [a].

Обратимся к тонограммам (a) и (b). Сравнение тонограмм показывает, что эмфатический вопрос совершается в больших диапазонах частот, чем простой *да-нет*-вопрос. Далее, свойственному вопросу подъему тона действительно предшествует отклонение тона вниз. Кроме того, существенно удлиняется ударный и единственный в данном случае слог акцентоносителя эмфазы. И наконец, для эмфазы оказывается характерной задержка подъема (или — при реме — падения) тона за счет удлинения начала слога, в частности, за счет долготы начальных согласных, если они есть.

На фрагменте тонограммы (b) можно наблюдать задержку тонального пика за счет существенного удлинения начальной фазы слога. Осциллограмма четко демонстрирует сдерживание амплитуды в начале слога. За счет этого эмфатически выделенный слог приобретает двухчастный характер: за-

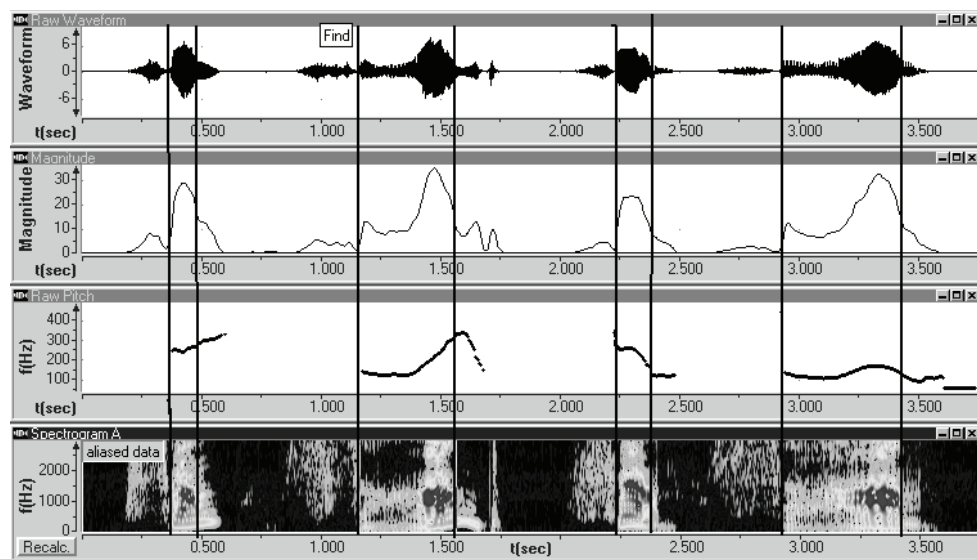
¹⁶ О мелодических отличиях темы от вопроса см. [Венцов, Фужерон 2004: 232].

¹⁷ Здесь, как и выше, комплекс графиков, отражающих интонационные параметры предложений, мы условно называем тонограммой.

держка изменения тона и амплитудный перепад достаточно четко делят слог на две части. Двухчастный характер ударного (в данном случае — единственного) гласного прослеживается также и на графике интенсивности и на спектрограмме. Эти графики показывают, что при эмфазе интенсивность некоторое время держится на низком уровне, а затем резко возрастает. Возникает эффект своего рода «блеющего» голоса. Нетрудно также наблюдать существенное удлинение начального согласного слога. Область шума, соответствующего согласному [с], отчетливо видна на всех графиках, кроме графика изменения частоты тона. Эмфаза увеличивает длительность звучания начального согласного примерно в полтора раза.

Сравнение графиков простой и эмфатической ремы (с) и (d) демонстрирует аналогичный механизм образования эмфазы в контексте падения тона. На тонограмме (с) наблюдается типичное для ремы падение, а на тонограмме (d) перед падением возникает тональное «искривление», о котором говорилось выше, плюс удлинение согласного и «сдерживание» амплитуды и интенсивности в инициали гласного.

Тонoграмма 24(a—d)

(a) C - a - m? (b) C - a - m?! (c) C - a - m. (d) C - a - m!

Таким образом, эмфаза характеризуется не только ранним таймингом начального этапа, но и запаздыванием — удлинением — финала. Наша гипотеза состоит в том, что эмфаза имеет два пика и характеризуется своего рода ранне-поздним таймингом, при котором инициаль ударного слога наступает с опережением по сравнению с не-эмфатическими реализациями, а финаль рас-

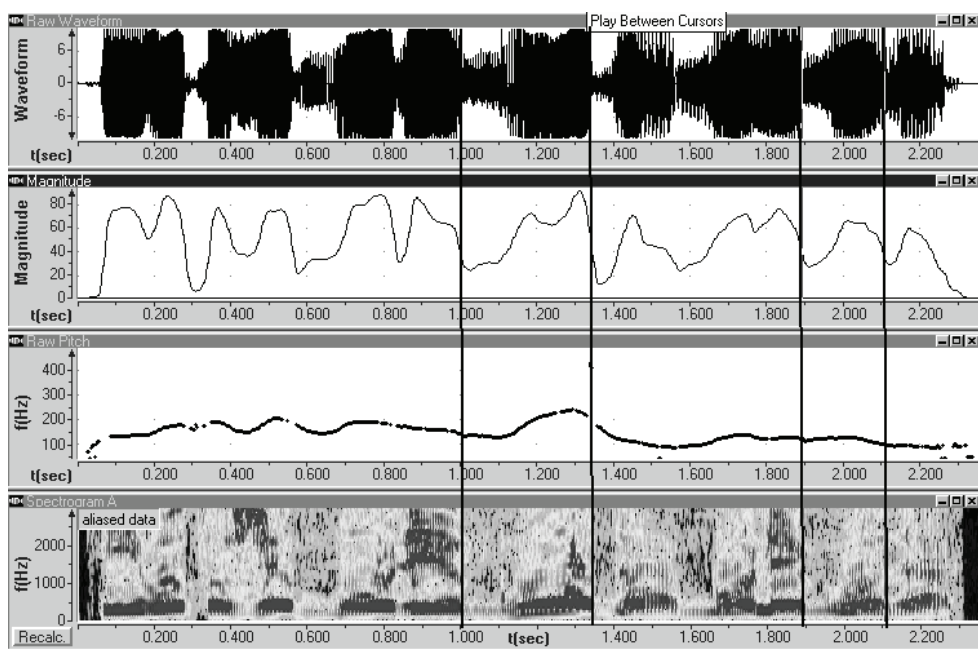
тягивается и тем самым запаздывает. Дополнительные свидетельства в пользу этой гипотезы будут представлены ниже при анализе русских восклицательных предложений типа *Какая прекрасная погода!*, реализующих интонационную конструкцию ИК-5, по Е. А. Брызгуновой, и при анализе реализации эмфазы на французских многосложных словах, в которых при эмфазе возникает вторичное ударение в начале словоформы. Об эмфазе во французском языке см. [Féry 2001; Фаустова 2006б].

При переходе от лабораторного примера к примерам, взятым из неподготовленной речи, отметим, что не все выделенные выше признаки реализуются в текстах в полной мере. Это явственно ощущается на слух и, возможно, соответствует некоторой условной шкале эмфатичности, где выражение чувств «дозировано» говорящим в зависимости от степени возбуждения, изумления, негодования, которые им владеют. Таким образом, лабораторные примеры (63) демонстрируют своего рода «идеальную» эмфазу, когда говорящий использует все средства языка в полном блеске. Практически все примеры на эмфазу, которые понимаются как эмфатические, т. е. такие, в которых эмфаза сохраняет свою идентичность, содержат «искривление» тона, о котором говорилось выше. Предшествующее главному движению отклонение тона в противоположную сторону может приходиться как на первую половину ударного слога, так и на начальный согласный, как, например, в предложении (64) из речи адвоката, подзащитный которого стараниями бывшей жены более года числится умершим и не может восстановить себя в списках живых. В эмфатически выделенной словоформе *года* в эмфатической теме *более года* предшествующее подъему падение приходится на согласный [г], имеющий увеличенную долготу и интенсивность. На тонограмме ниже две встречаемости слога [го] выделены вертикальными чертами (аналогами курсоров).

(64) *Вот уже более года, более года, (он не может восстановить свое положение как физическое лицо).*

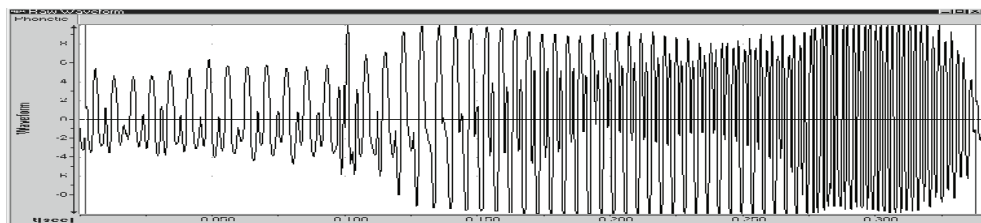
Ударный слог [го] эмфатически выделенной словоформы *года* (го1) имеет длительность 340 миллисекунд. Этот слог легко сравнить с [го] в повторе (го2), который следует за эмфазой, — для большей убедительности адвокат повторяется, — где тот же слог имеет длительность около 200 мсек. Две встречаемости словоформы *года* удачно позволяют сравнить эмфатическое и неэмфатическое произнесение. Эмфаза в данном примере имеет, как легко видеть, увеличенную длительность, повышенный диапазон частот и перепад интенсивности по модели сдерживания интенсивности в начале слога. Известный амплитудный перепад, тоже по модели сдерживания начала, при эмфазе иллюстрируют приводимые ниже осциллограммы двух слогов го- в словоформе *года*: го1 в эмфатической реализации при первой встречаемости и го2 в отсутствие эмфазы — при второй.

Тонограмма 25

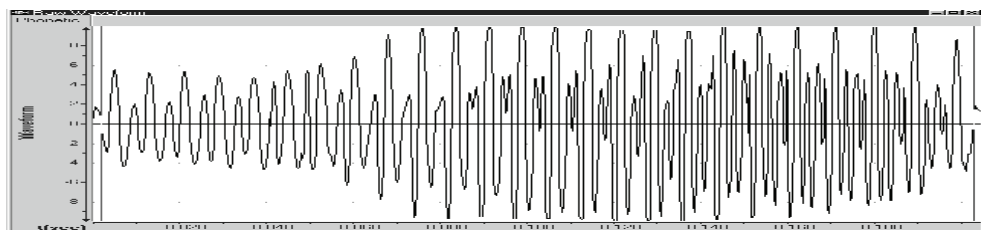
И вот уже более г о да, более г о да...
 →340 мсек← →200 мсек←
 г01 г02

Осциллограмма 1

г01

Осциллограмма 2

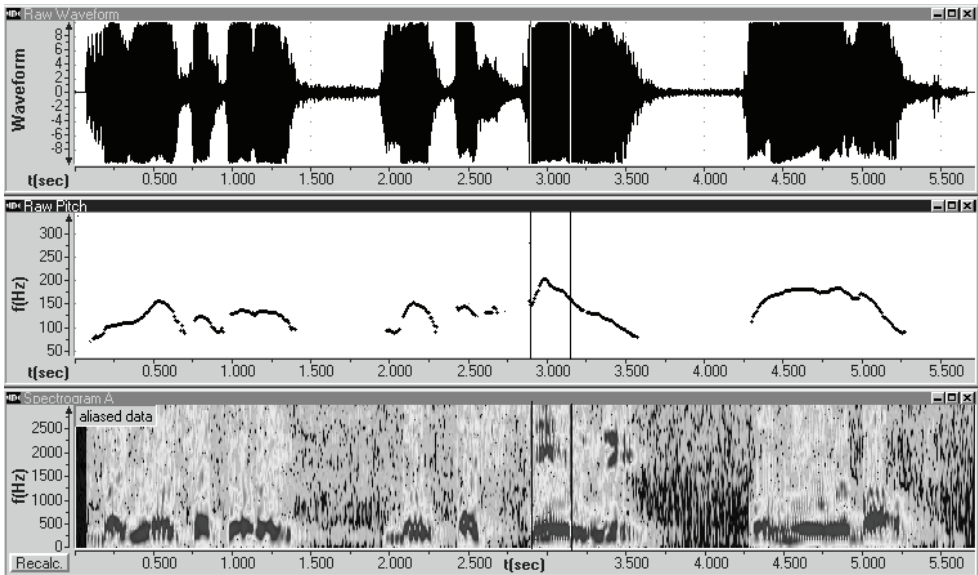

г02

Пример (65) взят из рассказа врача о чудесном исцелении больного в результате переливания крови. Врач рассказывает о том, как больной, который не вставал с постели и даже не улыбался, после процедуры прошелся по палате в танце: «был постельный (!)» — говорит доктор, «а после процедуры отбил чечетку». На тонограмме курсорами выделен ударный гласный [e] акцентоносителя эмфазы *постельный*. Время звучания у него по сравнению с другими ударными гласными в предложении увеличено примерно в полтора раза. Гласный [e] длится здесь примерно 230 мсек. Увеличена и долгота согласного [с]. Это хорошо видно на осциллограмме.

(65) *Больной был постельный, он не улыбался.*

Тонограмма 26

Больной, который был постельный он не улыбался
[e] 250 мсек

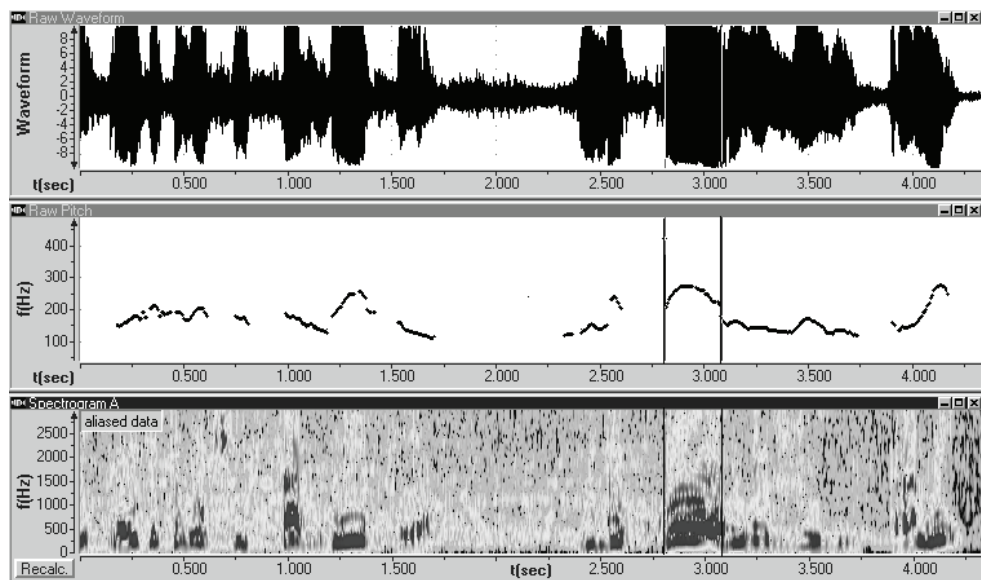
Обратимся к примеру (66) из эмоционального рассказа актрисы о чтении памяти В. Шукшина.

(66) а. *А ведь это, в общем-то, событие!*; б. *В духовной жизни страны...*

В данном предложении, разделенном паузой на две части — *А ведь это, в общем-то, событие* и *в духовной жизни страны* две эмфатически выделенные словоформы — *событие* и *духовной*. Более наглядно признаки эмфатической ремы раскрываются при реализации словоформы *духовной*. Соглас-

ный [x] имеет долготу 200 мсек, а гласный [o] — 275 мсек. На тонограмме ясно видно «искривление» движения тона на [o] ([o] в курсорах).

Тонограмма 27

А ведь это, в общем-то, собы тие!

→[c]← →[ы]←
160 мсек 170 мсек

В дух о вной жизни страны...

→[x]← →[o]←
200 мсек 275 мсек

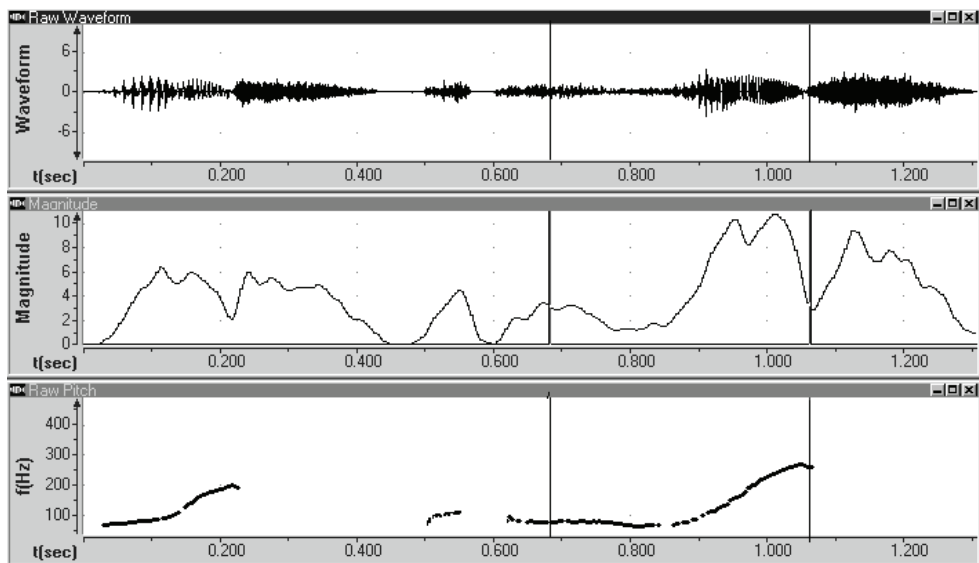
Для сравнения с русским приведем весьма показательный пример (67) эмфатического вопроса из датского языка. Интонационная реализация вопроса со значением ‘неужели?!’ практически не отличается от русской. Говорящий очень ярко выражает свое изумление по поводу того, что голос, который он слышит в телефонной трубке, принадлежит Йенсу, а не Лене: <Кто-кто?> Ах, Йенс?! (А я думал, это Лена). Приведем текст диалога с подстрочником полностью.

- (67) a. — *Hej! Det er Jens i telefonen.*
‘— Здравствуйте! Говорит Йенс’
b. — *Hvem er det?*
‘— Кто-кто?’
c. — *Jens.*
‘— Йенс’
d. — *Ah, det er Jens?!*
‘— Ах, это Йенс?!’

е. — *Jeg troede ellers, det var Lene.*

‘— А я думал, это Лена’

Тонограмма 28

(c) *Jens.*

Йенс
→[jen]←
220 мсек

(d) *Ah, det er J e n s?!?*

[a deɐ jɛns]
Ах, это есть Йенс?!
→[jen]←
350 мсек

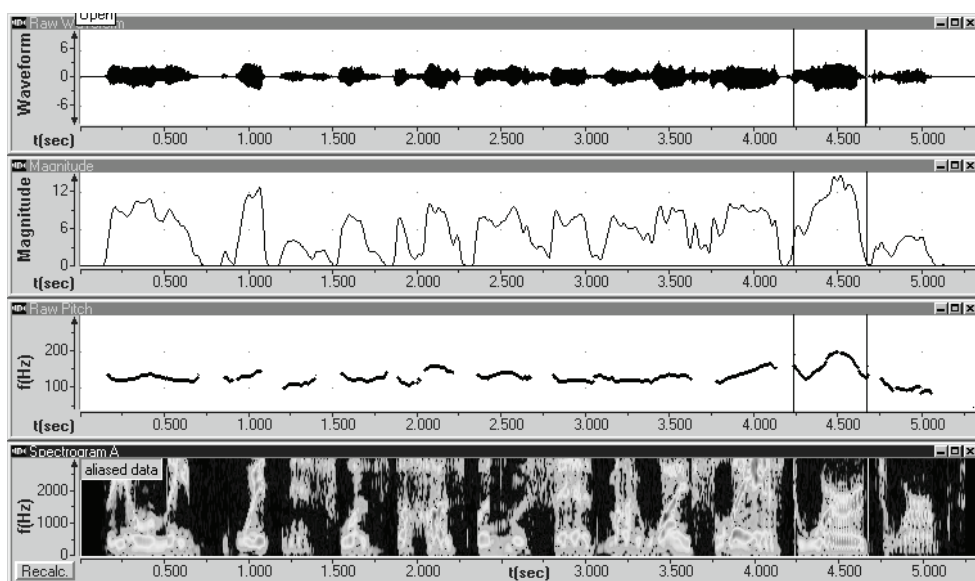
Тонограмма (28) демонстрирует расширение диапазона частот при эмфазе, что ясно видно из сопоставления эмфатического *Jens* с *Jens* в предшествующей реплике, служащей ответом на вопрос *кто-кто?*, увеличение длительности в эмфатическом слове, тоновый и амплитудный (что показывает осциллограмма) перепад на согласном [j]. График интенсивности показывает, что нарастание интенсивности в начале первой встречаемости в данном фрагменте диалога словоформы *Jens* происходит гораздо более круто, чем при второй — эмфатической — встречаемости. При второй встречаемости мы видим задержку нарастания интенсивности, существенное растяжение, начиная с согласного [j]. Неоднородность эмфатического *Jens* в данном примере налицо, тем более что первоначально данный диагностический пример был нацелен на анализ средств контраста, а не эмфазы: наш информант самостоятельно интерпретировал вторую встречаемость *Jens* как эмфатическую, выражая тем самым свое изумление по поводу того, что голос Йенса оказался говорящему голосом Лены.

Эмфатическую рему в английском языке иллюстрирует пример (68) из криминальной радиохроники. Акцентоноситель эмфазы — словоформа *words*. Фрагмент [wə:] на графиках выделен курсорами. Графики демонстрируют перепад частот, амплитудное сдерживание и постепенное нарастание интенсивности. Длительность фрагмента [wə:] — 430 мсек.

(68) *The only witness was the husband who said: “my wife’s last words were...”*

‘Единственным свидетелем был муж, который сказал: последние слова-а моей жены были...’

Тонограмма 29

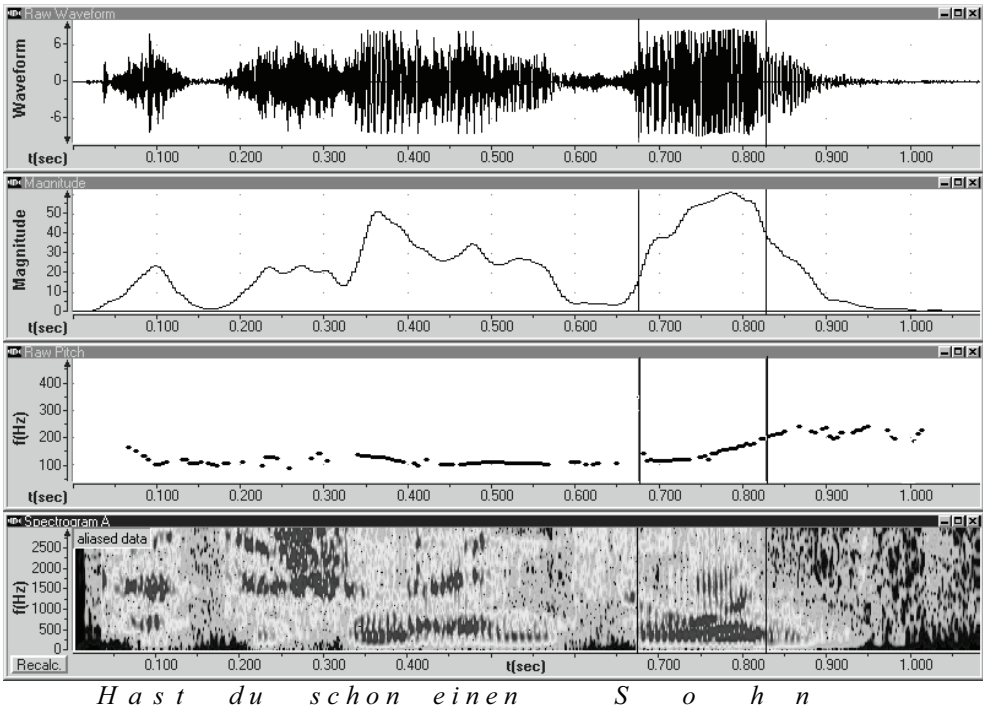
The only witness was the husband who said: “my wife’s last words were...”
 →[wə:]←
 430 мсек

Немецкий пример (69) взят из массива диагностических предложений. В этом примере реализуются практически все выделенные выше признаки эмфазы. Графики демонстрируют ожидаемую картину, которая характеризуется перепадом тона «ровный низкий — подъем», перепадом амплитуды, удлинением гласного и существенным удлинением согласного [z]. Двухчастный характер гласного [o] в *Sohn* прослеживается на всех графиках. Гласный [o] в *Sohn* взят в курсоры. Осциллограмма демонстрирует явную негомогенность амплитуды колебаний с перепадом слева от временного центра гласного [o], график интенсивности сигнализирует о скачке интенсивности, тонограмма

говорит об изменении частоты тона с ровного низкого на восходящий. Спектрограмма тоже указывает на изменение интенсивности частотных составляющих звука [o]. Изменение наблюдается несколько левее от временного центра гласного [o].

(69) *Hast du schon einen Sohn?!*
 ‘У тебя уже есть сын?!’

Тонограмма 30

2.1.1.3.1. Эмфаза, реализующаяся на материале двух слогов¹⁸

Остановимся отдельно на выражении эмфазы, при котором эмфаза реализуется не на одном слоге словоформы акцентоносителя, а на двух слогах многосложных слов в языках с вторичным словесным ударением (например, в английском и французском) или захватывает сразу две словоформы. В этом случае эмфатическое «искривление» движения тона происходит таким образом, что основное движение тона, маркирующее тему (восходящее) или рему

¹⁸ В данном разделе использованы аудиоматериалы, собранные Н. А. Фаустовой (см. [Фаустова 2006]).

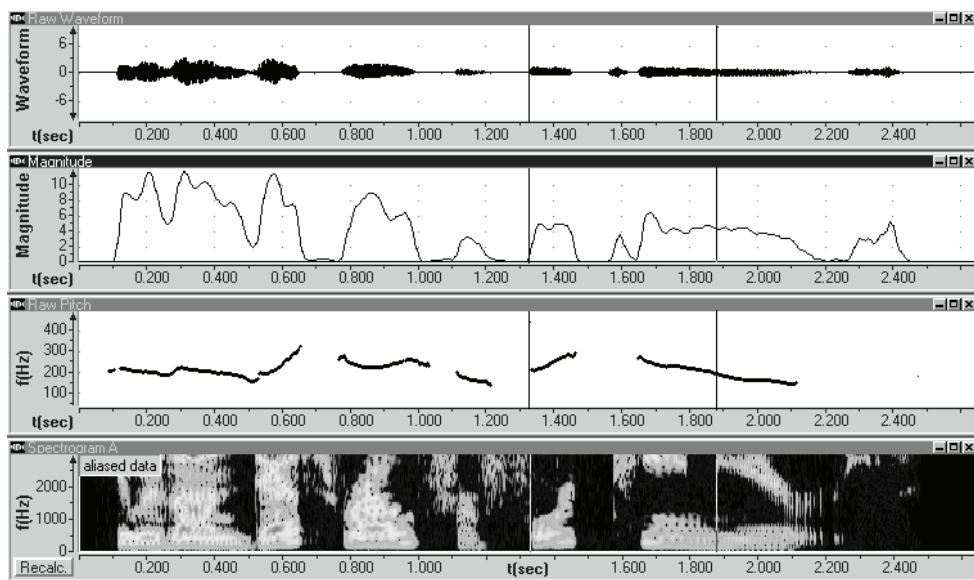
(нисходящее), приходится на второй ударный слог, а необходимый «заход» в противоположную сторону — на первый. Захват эмфазой одновременно двух словоформ в русском языке представлен восклицательными предложениями, ср. русский пример (73) ниже.

Обратимся вначале к английскому примеру эмфатической ремы (70) из речи диктора американского радио. В этом примере эмфаза приходится на числительное *fourteen* ‘четырнадцать’ и привносит в предложение значение ‘четырнадцать лет — это огромный срок’. Английское числительное *fourteen* имеет два акцентных пика — на *four* и на *teen*. На графике мы наблюдаем существенный подъем на *four* и падение на *teen*. Между *four* и *teen* имеется существенная пауза, служащая средством разделения эмфатической артикуляции на две фазы. Числительное *fourteen* на графиках выделено курсорами.

(70) *He was on death row for fourteen years.*

‘Он числился умершим на протяжении четырнадцати лет’

Тонограмма 31

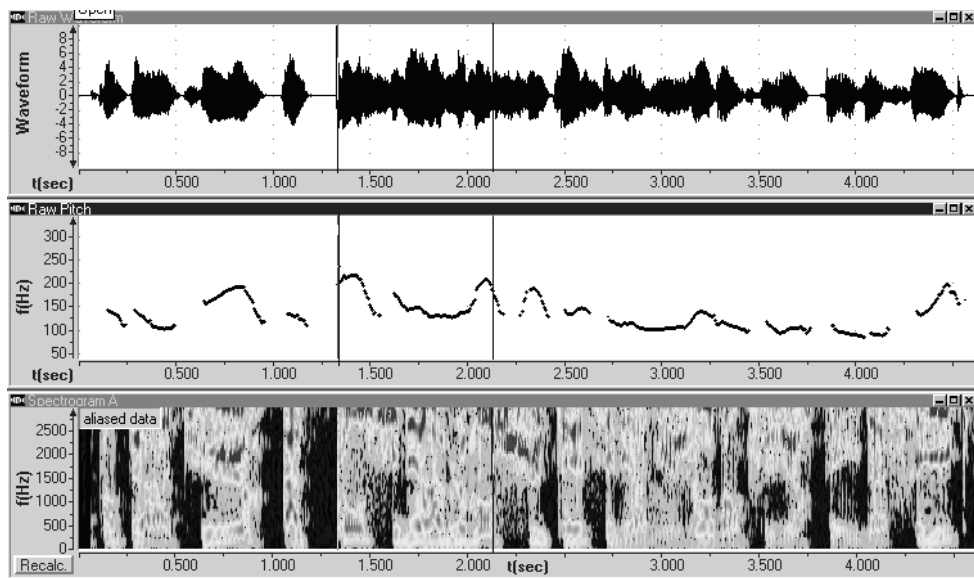
He was on death row for fourteen years

Аналогично, в предложении (71) из французской радиопрограммы новостей словоформа *considérablement* реализует два компонента эмфатического акцента: падение на *con-* и результирующий подъем на *-ment*. Словоформа *considérablement* выделена курсорами.

(71) *Température a considérablement chuté ces derniers jours dans plusieurs pays d'Afrique...*

‘Температура существенно упала в последние дни в нескольких странах Африки...’

Тонограмма 32

Température a considérablement chuté ces derniers jours dans plusieurs pays d'Afrique...

Пример (71) из программы новостей имеет довольно сложную коммуникативную организацию, которая объясняется тем, что говорящий (в данном случае это диктор, читающий готовый текст) преследует цель выдать максимальное количество информации одной строкой. Предложение перегружено информацией, плюс говорящий с помощью эмфатической интонации показывает, что падение температуры в Африке до столь низких отметок еще никогда не фиксировалось. Мы предлагаем следующую интерпретацию данного примера. Словоформа *considérablement* служит акцентоносителем эмфатической темы при реме *chuté*: *considérablement chuté* ‘резко — понизилась’. Предложение на этом не кончается, т. к. в жанре сообщения новостей, как было показано в [Янко 1994б], в предложении может быть более одной ремы: здесь в начале предложения сообщается о неслыханном падении температуры — этому фрагменту сообщения соответствует рема *chuté*, затем в том же предложении говорится о том, что беспрецедентные холода наступили в последние дни во многих странах Африки. Акцентоносителем последнего фрагмента сообщения служит словоформа *d’Afrique* — здесь мы видим подь-

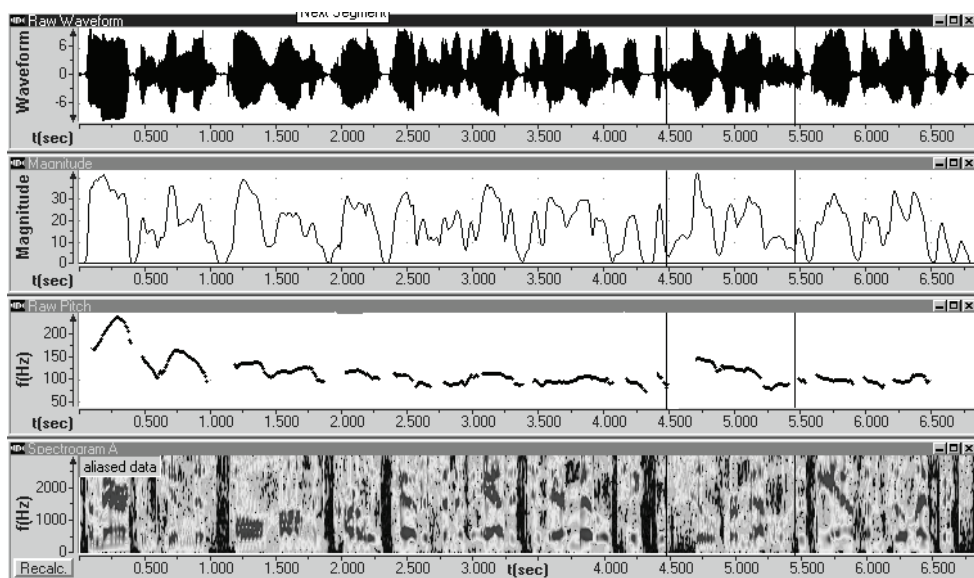
ем тона на последнем слоге, который в данном случае служит показателем незавершенности текста. В дальнейшем диктор сообщит о том, что особенно холодно было в городе Джибути.

И наконец, в примере (72) из американской спортивной хроники эмфаза на реме *silver medals* 'серебряные медали' захватывает две словоформы: *silver* и *medals*. На ударном слоге *silver* фиксируется подъем (плюс существенное удлинение согласного [s] и скачок интенсивности), а на *medals* — падение, вся группа в целом расположена на графике частот существенно выше предшествующего фона. Именная группа *silver medals* на графиках выделена курсорами.

(72) *American gymnasts Paul Hamm and Carly Patterson have added to the medal table silver medals at the Athens Olympics.*

'Американские гимнасты Пол Хамм и Карли Патерсон пополнили копилку наград серебряными медалями на Олимпийских играх в Афинах'

Тонограмма 33

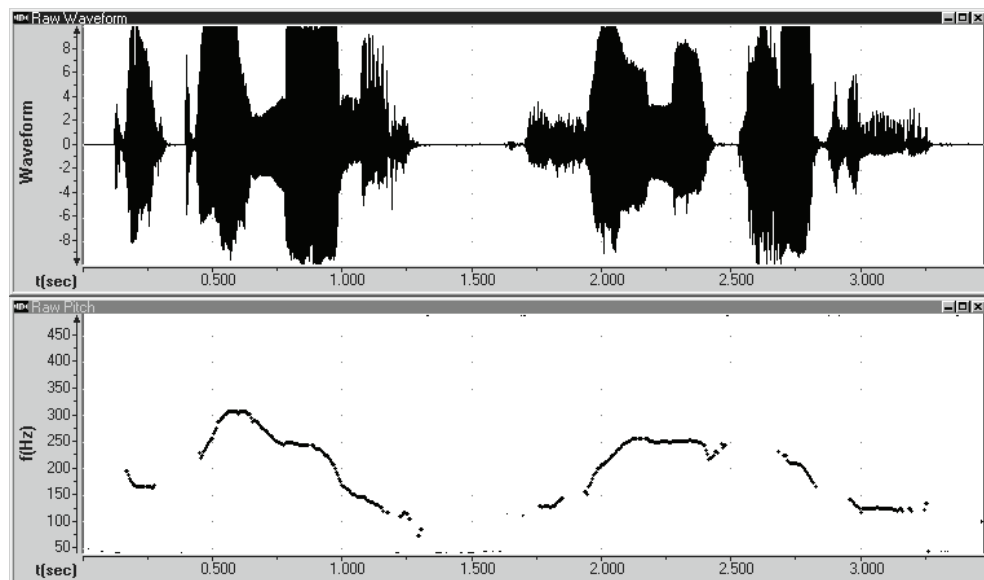
American gymnasts Paul H. and Carly P. have added to the medal table silver medals at the Athens Olympics

Что касается русского языка, то наша гипотеза состоит в том, что пятая интонационная конструкция, по Е. А. Брызгуновой, реализует эмфатическую рему с двумя акцентоносителями, несущими подъем в начале предложения и падение с существенным перепадом частот в финали, ср.: *Какая поэзия!*;

Сколько девушек! Замечательно! Отвратительно! Ужасно!. Об ИК-5, по Е. А. Брызгуновой см. [Русская грамматика 1982, I: 116—117]. Ср. прочитанный и записанный автором в лабораторных условиях пример ИК-5 (73):

(73) *Какой номер! Замечательно!*

Тонограмма 34

Какой номер!

З а м е ч а т е л ь н о !

В *Какой номер!* мы видим подъем на слоге [кој] и падение на [но], а в *Замечательно!* подъем на [ме] и падение на [ча]. В результате можно предположить, что эмфатическая рема, которая реализуется на одном слоге, например в односложных *Стыд!* или *Сын!*, представляет собой результат компрессии интонационной конструкции ИК-5, по Е. А. Брызгуновой. Для эмфатической темы или эмфатического вопроса *Сын?!*, в основе которых лежит подъем тона на ударном слоге, картина, естественно, будет другой.

Подведем итоги. С точки зрения структуры плана содержания эмфаза реализуется не автономно, а в композиции с коммуникативными значениями, формирующими речевые акты сообщения и вопроса с образованием эмфатических тем, рем и эмфатических компонентов вопросов. В зависимости от степени эмоциональности говорящего максимальный набор признаков, присущий эмфазе, в проанализированных выше примерах был реализован более или менее полно. В целом с точки зрения плана выражения эмфаза характеризуется следующими признаками:

- увеличением долготы ударного слога в среднем в полтора-два раза по сравнению с не-эмфатической долготой;
- существенным удлинением инициальных согласных;
- тональным перепадом, состоящим в присоединении к образующему движению тона — восходящему (в теме или *да-нет*-вопросе) или нисходящему (в реме) — предшествующего образующему (основному) отклонения движения тона в противоположную сторону, т. е. своего рода «искривление» тона;
- амплитудным перепадом по модели начального сдерживания амплитуды;
- сдерживанием интенсивности вплоть примерно до середины гласного ударного слога акцентоносителя эмфазы.

В условиях единого акцентоносителя эмфаза характеризуется неоднородным звучанием со своего рода «зажатым» началом и полноценным концом, что создает перцептивный эффект «блеющего» голоса. Однако эмфаза может фиксироваться на сегментном материале различного объема и иметь не только один, но и два акцентоносителя с двумя ударными слогами. В условиях двух ударных слогов эмфаза реализуется с основным — в зависимости от коммуникативной функции нисходящим или восходящим — тоном на втором ударном слоге и противоположным по направлению тоном — на первом ударном слоге.

Можно заключить, что эмфаза характеризуется расчленением артикуляции на две фазы и удлинением каждой из них по сравнению с соответствующими не-эмфатическими реализациями тем, рем и компонентов вопросов. Поскольку начальная часть акцентоносителя эмфазы начинается исподволь с опережением артикуляции, которая могла бы быть при «дефолтной» — не-эмфатической — реализации, а конечная часть запаздывает, можно говорить об эффекте «ранне-позднего» тайминга, характеризующего эмфазу. Подобная картина наблюдается во всех обследованных языках.

2.1.2. Иллокутивный лексикон

В предыдущих разделах предметом анализа служили предложения, относящиеся к крупным классам, таким как повествовательное предложение и *да-нет*-вопрос. Структуры этих предложений способны подвергаться синтаксическим и линейно-акцентным преобразованиям, компоненты таких предложений — темы, ремы и компоненты вопросов — могут соединяться с контрастом с образованием контрастных тем, контрастных рем, контрастных компо-

нентов вопросов и императивов, эти компоненты подчиняются базовому принципу выбора акцентоносителя и вступают во взаимодействие с дискурсивными показателями незавершенности. В данном же разделе мы обратимся к частным иллокуциям, которые не принадлежат иллокутивной грамматике языка. Они хранятся в памяти говорящих в готовом виде. Они не подвержены преобразованиям, не соединяются с контрастом и показателями незавершенности, некоторые из них даже нечувствительны к выбору акцентоносителя и влиянию сегментного материала. Эти иллокуции весьма многочисленны и могут заслонять от исследователя системный характер основных русских иллокуций. Задача состоит в том, чтобы отделить один тип от другого и включить единицы, которые могут быть описаны операционально, в грамматику языка.

Итак, перейдем к сфере иллокутивных идиом — фразеологическим и фразеологизованным речевым актам, которые фиксируются в своего рода иллокутивном словаре.

2.1.2.1. Интонация обращений

Уникальные иллокуции представляют собой открытое множество, и для многих из них интонация служит основным средством выражения. Для представления здесь уникальных иллокуций приведем несколько примеров. Наиболее типичные представители иллокутивных идиом — это обращения. С. В. Кодзасов [1998] выделяет следующие семантические и прагматические признаки общения, релевантные для формирования обращений: степень удаленности говорящего от слушающего, социальные и ситуативные отношения между коммуникантами, отражающие доминантное положение одного из них, иллокутивные силы и состояния, сопровождающие обращение (побуждение, предостережение, недовольство). В нашей работе мы вновь обращаемся к вокативным просодиям, в частности, с точки зрения принципов выбора носителя акцентного пика в более чем однословных обращениях. Русский язык различает не только разные степени пространственной удаленности говорящего от слушающего, но и различные комбинации степеней удаленности с другими признаками: «говорящий и слушающий находятся в официальной обстановке, т. е. соблюдают психологическую дистанцию» vs. «говорящий и слушающий находятся в неофициальной обстановке», «слушающий находится в поле зрения говорящего» vs. «слушающий находится вне поля зрения говорящего», «говорящий и слушающий вступили в коммуникацию до момента речи» vs. «говорящий и слушающий до момента речи не вступили в коммуникацию» и другие признаки.

2.1.2.1.1. Адресат далеко

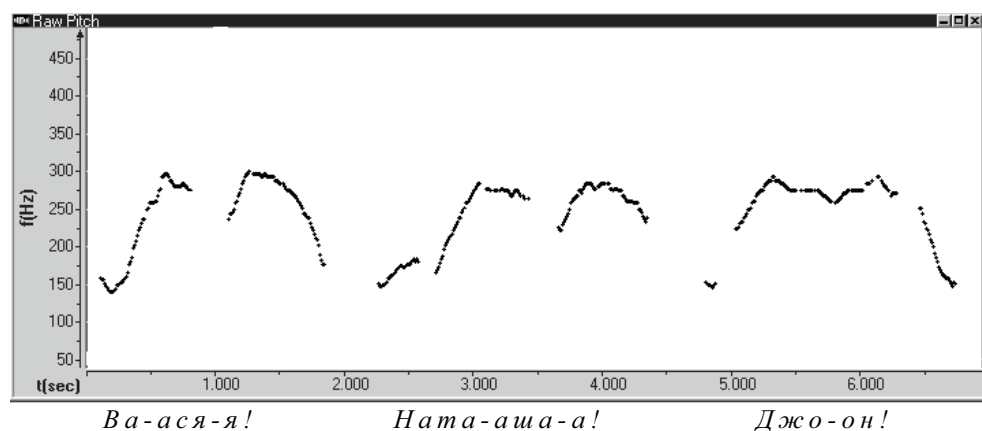
В ситуации пространственной удаленности говорящего от слушающего вокативные типы различаются в зависимости от того, видит ли говорящий слушающего или не видит (или не знает, слышит ли адресат его зов).

2.1.2.1.1.1. Адресат в поле зрения говорящего

Обратимся к ситуации, в которой слушающий существенно удален от говорящего, но говорящий, тем не менее, видит слушающего и считает, что может «докричаться» до него. Тонограмма ниже показывает, что в этом случае, независимо от сегментного материала, на имени адресата фиксируется одна и та же акцентная кривая, которая занимает примерно одинаковое время звучания, независимо от длины слова. Перед нами интонационный тип, который ложится на сегментный материал подобно музыке («as when chanted», по выражению [Pierrehumbert 1980: 87—88]). Обратимся к тонограмме.

(74) *Ва-а-ся-я!*; *Ната-а-ша-а!*; *Джо-он!*.

Тонограмма 35

Сравнительный анализ данного акцентного контура при реализации на материале словоформ, содержащих и не содержащих заударные слоги, например, *Вася* и *Джон*, показывает, что финальный компонент тональной структуры фиксируется на последнем заударном слоге, как в *Вася-я*, если он есть, и смещается на ударный слог, как в *Джо-он*, если заударных слогов нет (ср. также *Макси-им!*). Ударный гласный приобретает двухчастный характер, когда между двумя компонентами образуется гортанная смычка или амплитудный перепад, т. е. если заударный слог в словоформе отсутствует, он фактически создается искусственно за счет растяжения ударного слога. Таким

образом, перед нами акцентная структура, ориентированная на наличие заударного сегментного материала и подвергающаяся компрессии, если заударные слоги отсутствуют. При компрессии весь акцентный контур целиком фиксируется на последнем ударном или единственном слоге акцентоносителя¹⁹. Предударный сегментный материал в реализации данного акцентного контура практически не участвует.

Если имя (титул) слушающего состоит более чем из одной словоформы, носителем акцента служит конечный компонент: *Марь Ван-на-а!*. При обращении к Марии Ивановне носителем акцента здесь служит словоформа *Ивановна*, фонетически адаптированная к реализации данного акцентного контура. Таким образом, акцентоносителем становится конечная словоформа в линейной цепочке речевого акта:

(75) а. *Галина Петро-вна-а!*; б. *Гвардии сержа-ант!*; с. *Сержант гвардии-и!*; д. *Миссис Макке-ензи-и!*.

Минимальная пара (75b) vs. (75c) показывает, что акцентоноситель здесь выбирается в соответствии с принципом линейной структуры, т. е. что синтаксическая структура на выбор акцентоносителя не влияет. Таким образом, русский язык отступает здесь от своего основного — базового — принципа выбора акцентоносителя в коммуникативном компоненте речевого акта. Напомним, что этот принцип основан на синтаксических предпочтениях. О синтаксических приоритетах при выборе акцентоносителя см. раздел 2.1.1.1.2.1²⁰.

2.1.2.1.1.2. Адресат вне поля зрения говорящего

Особый вокативный тип представлен в ситуации зова адресата, когда слушающий не знает, находится ли адресат в пределах слышимости. Говоря-

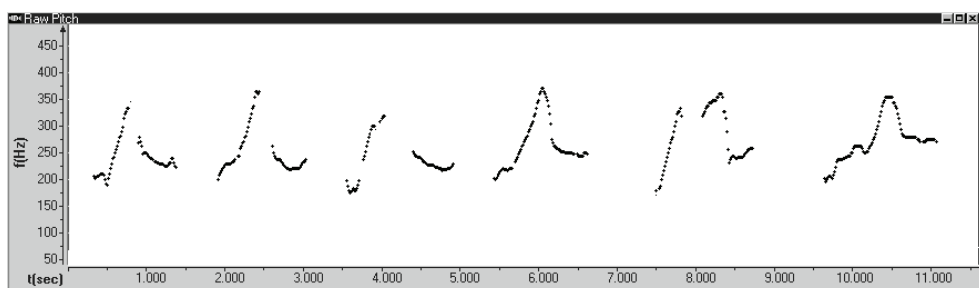
¹⁹ Напомним, что компрессия (compression) как структурный признак акцентной конструкции противопоставлена усечению (truncation), при котором фрагмент акцентного контура, который в идеале приходится на заударный сегментный материал, в его отсутствие просто отсекается. Усечению, например, подвержен акцент типа ИК-3, по Брызгуновой, когда заударное падение, если заударных слогов нет, не смещается на финал ударного слога, как это было бы при компрессии, а просто отсутствует.

²⁰ Напомним, что синтаксические иерархии, действующие при выборе акцентоносителя в коммуникативных компонентах речевых актов, включают, например, следующие предпочтения при условии, что все именные и глагольные группы имеют новый — не активированный в предтексте — референт: второе дополнение имеет приоритет перед первым дополнением и подлежащим; подлежащее имеет приоритет перед финитной формой глагола; несогласованное определение имеет приоритет перед определяемым именем; определяемое имеет приоритет перед согласованным определением; отчество имеет приоритет перед именем, см. раздел 2.1.1.1.2.1.

щий обращается с призывом к невидимому адресату в пустой или в темной комнате, в прихожей дома, когда неизвестно, на месте ли хозяева, к спящему, не будучи полностью уверенным в том, что спящий его слышит, говорящий зовет слушающего (слышащего или не слышащего его) в толпе, в лесу среди деревьев. Это зов в условиях поиска. С. В. Кодзасов называет такие обращения репликами пробуждения [Кодзасов 1998: 154]. Рассмотрим тонограмму.

- (76) а. *Хозяйка-а?!; б. Маруся-я?!; с. Где это ты та-ам?!; д. Хеллоу-у?!; е. Есть кто-нибу-удь?!; ф. Иван Ивановы-ыч?!.*

Тонограмма 36

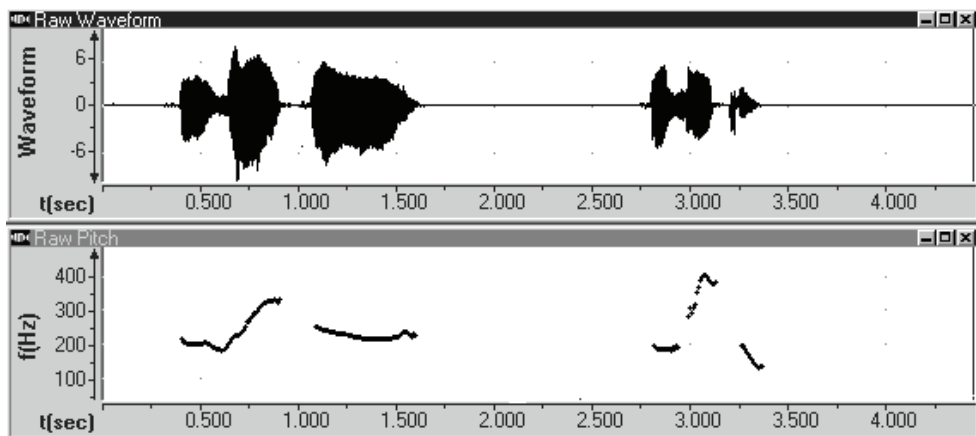
Хозяйка-а?! Маруся-я?! Где это ты та-ам?! Хеллоу-у?! Есть кто-нибу-удь?! Иван Ивановы-ыч?!

Здесь мы наблюдаем низкий ровный тон на предупредных, за которым следует существенный подъем на ударном слоге первой или единственной словоформы обращения. Затем возникает падение тона по принципу компрессии: если заударные слоги есть, падение приходится на заударные, если заударных нет, падение смещается на ударный слог. Завершается контур растянутым, ровным и достаточно высоким тоном. Терминальный тон также практически не зависит от сегментного наполнения: несущий материал может быть получен за счет растяжения последнего гласного звука. Если обращение включает две словоформы имени, титула или места, где, по мнению говорящего, может находиться слушающий, то акцентоносителем служит последняя словоформа: *Иван **Ивановы-ыч**?!; Господин **профессор**-ор?!; Эй, на **баржэ-е**?!.* Если в качестве обращения к неизвестному лицу, которого к тому же может и не быть там, где говорящий надеется его найти, выступает вопрос, состоящий из более чем одной словоформы, на ударный слог начальной словоформы приходится подъем, а падение сдвигается на ударный слог конечной словоформы, как в примерах (76с) и (76е).

Минимальная пара (77) «зов vs. да-нет-вопрос» ниже позволяет сравнить анализируемый вокативный контур и фонетически близкий акцент ИК-3 в да-нет-вопросе. Бросающееся в глаза различие — уровень произнесения последнего слога: в вокативной конструкции он гораздо выше и более длителен, чем в вопросе.

(77) *Хозяйка-а?! vs. Хозяйка?*

Тонограмма 37

*Хозяк а - а - а?!**Хозяйка?*

2.1.2.1.2. Адресат близко

При обращении к слушающему, который находится в ближайшем поле зрения говорящего, русский язык различает следующие параметры: «говорящий вступил в коммуникацию со слушающим» vs. «говорящий не вступил в коммуникацию со слушающим» и «говорящий обращается к слушающему в официальном тоне» vs. «говорящий обращается к слушающему в неофициальном тоне». Более или менее официальный тон при обращении можно также понимать как «психологическую близость vs. удаленность» говорящего от слушающего. Психологическая близость между двумя коммуникантами не является постоянной величиной: она меняется в зависимости от ситуации. Более или менее официальная обстановка общения может определять психологическое расстояние между говорящим и слушающим и влиять на выбор формы обращения.

2.1.2.1.2.1. Неофициальное обращение к адресату

При неофициальном обращении к слушающему, который находится близко от говорящего, но еще не вступил с говорящим в коммуникацию, так же, как и при обращении к слушающему, который находится на значительном расстоянии от говорящего, русский язык опять же прибегает к линейному принципу акцентирования. Однако, если при обращении к удаленному слушающему акцентоносителем служит финальная словоформа вокативной

конструкции, то при обращении к слушающему, который находится близко — как в пространственном, так и в психологическом отношении, центр тяжести переносится на начало имени (титула) слушающего. Иначе говоря, если имя говорящего состоит из более чем одной словоформы, акцентный пик наступает на первом компоненте словосочетания:

- (78) а. *Марья Ивановна, вам чайку налить?*; б. *Ваша честь! У защиты вопрос к свидетелю*; с. *Молодой человек, купите букетик!*; д. *Дежурный по смене, пройдите к пульту!*; е. *Дорогие гости, прошу к столу!*; ф. *Гости дорогие, прошу к столу!*; г. *Гвардии сержант, зайдите к начальнику!*; h. *Сержант гвардии, зайдите к начальнику!*; j. *Господин гвардии сержант, зайдите к начальнику!*.

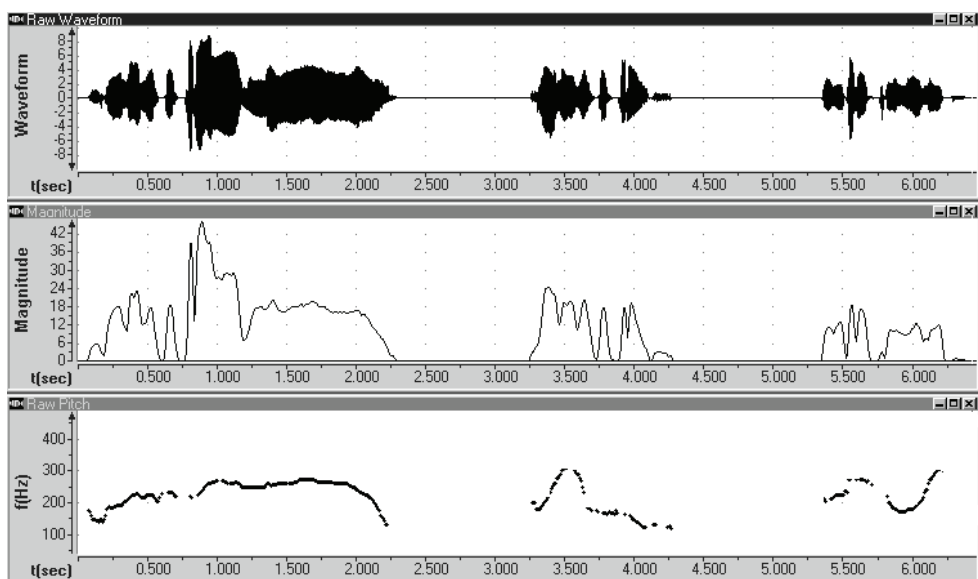
Титул или имя при этом имеют тот порядок следования компонентов, который разработан узусом для каждого имени или классов имен, таких как «имя-отчество», «имя-фамилия», «определяемое слово — согласованное определение», «несогласованное определение — определяемое слово» (*Ваша светлость; дорогие друзья; господин комиссар; гражданин начальник; дежурный по этажу; генерал армии*). Для некоторых типов терминов языком разработаны нестандартные модели порядка слов, такие как: *гвардии поручик* (стандартным порядком слов здесь был бы порядок *поручик гвардии*), *часовых дел мастер* (стандартным порядком слов здесь был бы порядок *мастер часовых дел*), *отставной козы барабанищик, всея Руси царь Николай Второй, ордена Ленина Краснознаменный ансамбль*.

Анализ минимальной пары (78e) vs. (78f) и тройки (78g) vs. (78h) vs. (78j) показывает, что выбор акцентоносителя опять же основан не на синтаксических предпочтениях, а на линейном упорядочении словоформ в словосочетании: изменение порядка слов при сохранении лексико-синтаксической структуры меняет акцентоноситель. Ср. например, *дорогие гости* vs. *гости дорогие*.

Сравнительная тонограмма апелляции к слушающему, находящемуся далеко от говорящего (пример (79a)), и апелляции к слушающему, находящемуся близко (в пространственном и психологическом отношении) от говорящего, но не вступившего с ним в контакт (пример (79b)), приводится на Тоннограмме 38.

- (79) а. *Галина Петро-овна-а!*; б. *Галина Петровна, <вам чайку налить?>*

В примере (79a) повышенная длительность и акцентный пик наблюдаются в финале речевого акта на словоформе *Петровна*. В примере же (79b) акцентный пик фиксируется на словоформе *Галина*, а словоформа *Петровна* редуцируется: она произносится на низких частотах голоса говорящего и в убыстренном темпе; релевантные движения тона на ней отсутствуют.

а. Галина **Петро-овна-а!**;б. Галина Петровна, *⟨вам чайку налить?⟩*

2.1.2.1.2.2. Официальное обращение к адресату, или пространственная близость при психологической дистанции

Обратимся к формированию обращений в официальном тоне. Минимальная пара (80а) и (80б) показывает, что при зове слушающего, находящегося близко от говорящего, но в условиях соблюдения личностной дистанции, русский язык опять же использует линейную стратегию выбора акцентоносителя и акцентоносителем служит конечная словоформа:

- (80) а. Дорогие *гости*, прошу к столу; б. Гости *дорогие*, прошу к столу;
 с. Гвардии *сержант*, зайдите к начальнику; д. Сержант *гвардии*, зайдите к начальнику.

Что касается собственно движений тона, то в зависимости от целей говорящего на акцентоносителе могут фиксироваться следующие акценты: ИК-2, ИК-6 и ИК-4. При ИК-2 обращение приобретает жесткий приказной тон:

- (81) Галина **Петровна**☹, *⟨зайдите к начальнику⟩*.

При ИК-6 обращение имеет семантически наименее нагруженное, т. е. не отягощенное дополнительными значениями, «нейтральное», употребление:

(82) Галина **Петровна**↗, ⟨зайдите к начальнику⟩.

При ИК-4 обращение приобретает более живую — «человечную» — окраску с оттенком кокетства или заигрывания:

(83) Галина **Петровна**↘↗, ⟨зайдите к начальнику⟩.

Итак, при формировании обращений к слушающему, который находится далеко от говорящего, видимого или невидимого, при официальном и неофициальном обращении к слушающему, который находится близко от говорящего, но не вступил со слушающим в контакт, русский язык отходит от своего основополагающего принципа при выборе акцентоносителя ритмических групп, ориентированного на синтаксические иерархии и фактор активации, и использует линейную иерархию, при которой акцентоносителем становится начальная (при неофициальном обращении к слушающему, который находится близко) или финальная (при обращении к слушающему, который находится далеко, и при официальном обращении к слушающему, который находится близко) ортотоническая словоформа в линейризованной цепочке, представляющей имя (титул) слушающего. (По поводу ортотонических словоформ поясним, что по способности иметь словесное ударение и быть акцентоносителем ритмических групп они противопоставлены атоническим словоформам, например, предлогам, некоторым местоимениям и другим служебным словам, которые лишены способности быть акцентоносителем коммуникативно релевантных акцентов.)

2.1.2.1.2.3. Адресат близко, и процесс коммуникации уже начался

Если слушающий находится в непосредственной пространственной близости от говорящего и уже пребывает с говорящим в процессе коммуникации, обращения говорящего к слушающему обнаруживают склонность к клитизации, в частности, с помещением обращения в позицию Ваккернагеля и характерным для русского языка усечением последнего гласного:

(84) *Подвинься, Зин; Я, Вань, такую же хочу* (Высоцкий).

Об обращениях в позиции Ваккернагеля (см. [Renou 1936: 61; Gonda 1971: 146—147]).

2.1.2.1.3. Местоимение мой в составе обращений

В связи со способностью словоформ быть акцентоносителем ритмической группы остановимся на местоимении *мой*, которое входит в большое

число закрепленных в русском узусе обращений: *мой дорогой, милая моя, мой господин, моя радость, радость моя, счастье мое, солнышко мое, горе мое луковое, сын мой, дочь моя, рыбка моя, птичка моя*. Выше было показано, что при ближней апелляции к слушающему акцентоносителем акцентного пика становится начальная словоформа, которой, в частности, может быть притяжательное местоимение: **Ваши** величество, прошу к столу; **Ваши** светлость, ну как же так?; **Ваши** высокопреосвященство, не извольте беспокоиться; **Ваши** честь, у защиты вопрос к свидетелю.

Между тем у местоимения *мой* в отличие от местоимения *ваш* способность быть акцентоносителем меняется в зависимости от коммуникативной ситуации. Так, в составе галлицизмов *мой господин, мой капитан* и *мой генерал* местоимение *мой* может выступать в роли акцентоносителя всего словосочетания в полном соответствии с описанной выше ситуацией неформального вступления в контакт со слушающим, находящимся близко от говорящего, когда акцентируется начальная словоформа, т. е. в данном случае — местоимение *мой*:

(85) **Мой** господин, пожалуйста к столу.

Атоническая форма местоимения *мой* в тех же коммуникативных ситуациях также вполне возможна и даже, видимо, более частотна, если вообще здесь можно ставить вопрос о частотности столь редкой конструкции русского языка, которую в устной речи можно наблюдать разве что в театральном исполнении:

(86) **Мой** господин, пожалуйста к столу.

В составе устойчивого обращения *мой дорогой* перенос акцента на *мой* возможен только в речевых актах упрека, сетования и уговора — контекстов, которые вообще стимулируют перенос акцента на первый компонент словосочетания-обращения, независимо от порядка слов:

(87) **Мой** дорогой, ну как же так?; **Дорогой** мой, ну как же так?

При простом неофициальном обращении, не содержащем упрека или мольбы, переноса акцента на *мой* не происходит:

(88) **Мой** дорогой, пойдем позавтракаем (ср. ?**Мой** дорогой, пойдем позавтракаем).

В составе других обращений — вне контекста слова *дорогой* и обращений *мой господин, мой капитан* и *мой генерал* — местоимение *мой* сохраняет атоническую форму даже в контексте упрека:

- (89) *Солнышко мое, ну как же так?!* (ср. **Мое солнышко, ну как же так?!*); *Моя радость, ну как же так?!* (ср. **Моя радость, ну как же так?!*) *Доченька моя, ну как же так?!*; *Мое счастье, ну как же так?!* (ср. **Мое счастье, ну как же так?!*).

Таким образом, местоимение *мой* по сравнению с местоимением *ваши* в составе обращений подвержено клитизации в гораздо большей степени, чем *ваши*. Оно может быть акцентоносителем только в составе обращений *мой господин*, *мой капитан* и *мой генерал* в условиях ближней апелляции к слушающему, а также в составе обращения *мой дорогой (моя дорогая)* при иллокутивной силе упрека, сетования и мольбы. В обращениях всех других типов местоимение *мой* клитизируется с переносом акцентного пика на определяемое имя. Кроме того, в составе обращений местоимение *мой* имеет тенденцию к расположению на втором месте в позиции Ваккернагеля (*друг мой; солнышко мое; милая моя; ясное мое солнышко; солнышко мое ясное; горяшко мое; горе мое луковое*), что служит дополнительным свидетельством склонности местоимения *мой* к клитизации.

* * *

Описание вокативных контуров не укладывается в рамки языка интонационных конструкций и предполагает индивидуальный подход к каждому типу обращений. Для разного типа обращений языком разработаны специальные мелодические структуры. Особенностью обращений служит отступление русского языка от базового принципа выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей в соответствии с синтаксическими приоритетами и фактором активации и переход к чисто линейному акцентированию: в условиях пространственной и психологической удаленности слушающего акцентный пик иконически приходится на конечную словоформу обращения, и наоборот, при пространственной близости и неформальном общении акцентируется начало обращения²¹.

2.1.2.2. Интонация циклической нецелесообразной деятельности

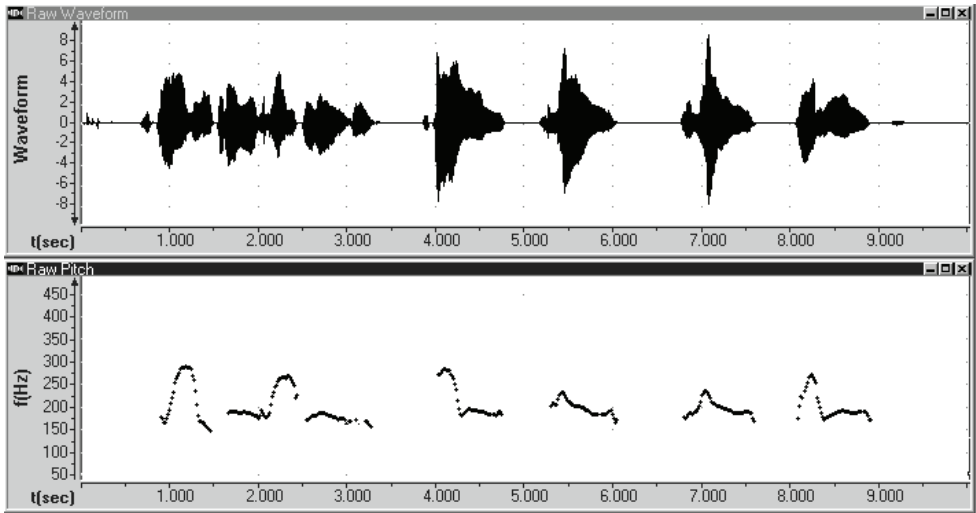
Еще одну интонационную структуру, которая относится к сфере иллокутивного лексикона, ибо она не состоит из известных компонентов, а реализуется, как песня, в готовом виде, мы предлагаем называть структурой, отражающей циклическую нецелесообразную деятельность. Обратимся к приме-

²¹ Описание вокативных контуров английского языка можно найти в диссертации [Pierrehumbert 1980: 55—56, 94-96, 112, 115, и там же литература по теме].

рам (90). Они подобраны по принципу постепенной минимизации сегментного материала. Таким способом мы надеемся показать, что лежащий в основе данной иллокуции интонационный контур реализуется даже в условиях односложных сегментных единиц, ср. словоформу *ждем* в примерах (90b) и (90c).

(90) (a) *Стоим в метро, ждем поезда*; (b) *Стоим, ждем-м*; (c) *Ждем-м, годим-м*.

Тонотрама 39

Стоим в метро, ждем поезда. Стоим, ждем-м. Ждем, годим.

Независимо от сегментного материала на каждом из компонентов структуры, реализующейся в условиях повтора, фиксируется восходяще-нисходящий тон, который завершается ровным, высоким тоном. Затем фигура повторяется, ср. также другие предложения, требующие того же «унылого» контура: *Махнула раз, вышел нос, махнула два, вышли губы; Сунулся туда, сунулся сюда*.

Итак, в разделах 2.1.2.1 и 2.1.2.2 показано, что существуют уникальные интонационные контуры, которые хранятся в памяти говорящих в готовом виде. Эти структуры весьма многочисленны и они могут заслонять от исследователя системный характер основных русских иллокуций. Задача данного раздела состоит в том, чтобы отделить один тип (грамматический) от другого (словарного). Можно также предположить, что между этими двумя типами существует множество переходных случаев, когда некоторые элементы структуры речевых актов обнаруживают известную вариативность при заполнении конкретным языковым материалом, а другие — неспособны к варьированию и хранятся в памяти говорящих в готовом виде. В разделах 2.1.2.3 и 2.1.2.4

будут рассмотрены другие интонационно-коммуникативные конструкции, которые обнаруживают различную степень зависимости от сегментного материала и которые тоже нельзя назвать полностью свободными.

2.1.2.3. Интонация ментальной деятельности

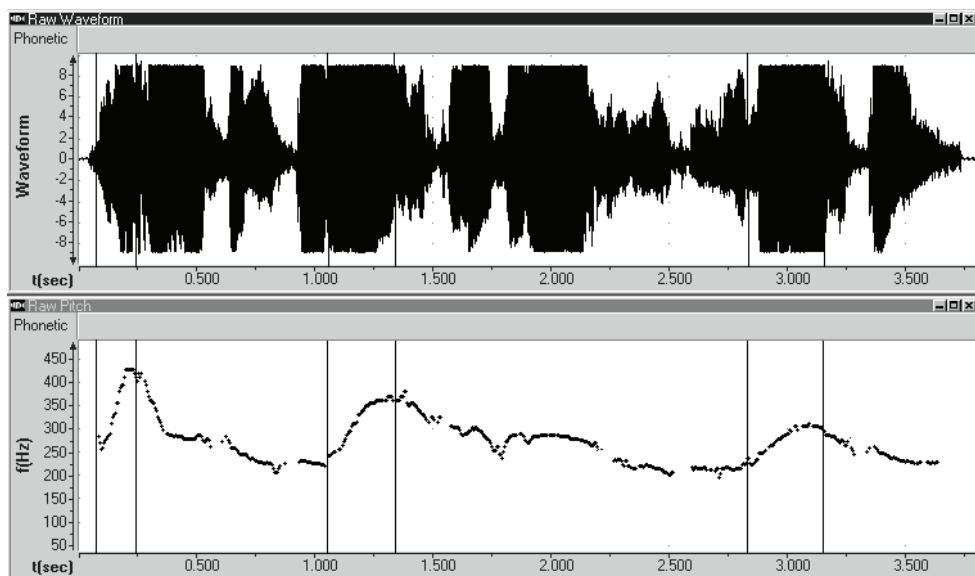
Данный раздел посвящен еще одному идиоматичному интонационному контуру, который мы называем интонацией ментальной деятельности, т. к. этот интонационный тип направлен на отражение средствами интонации разного рода информационных и мыслительных процессов. Это припоминание (*Там тогда еще **знако-омы** собрались...*; *Мы заехали на **поля-янку**, **погуля-яли** там...*); недоумение (*Куда-то мои **очки-и** запропастились*); погружение в мечты (*А я **колба-аски** купила*); передача чужой речи (*Тетя сказала: надо чего-то там **уко-олы** делать*). При передаче чужой речи говорящий не копирует интонацию того, чья речь цитируется, а придает соответствующему фрагменту речи просодию воспоминаний.

Наиболее характерен такой интонационный тип для имитации процесса припоминания. Интонация показывает, что говорящий погружается в воспоминания и, возводя взор к небу, перечисляет, что происходило в прошлом. Растянутая артикуляция в таком случае моделирует мыслительный процесс, на реализацию которого требуется известное время. Интонация демонстрирует ментальное усилие говорящего: говорящий «шевелит мозгами».

Соответствующий акцент характеризуется подъемом тона и существенным удлинением ударного слога акцентоносителя ремы. Вся заударная область ровная (иногда с небольшим естественным падением, как в примере (91)), высокая и растянутая. Предударная зона ровная и низкая. Этот акцент мы обозначаем значком для ИК-6 (↗) плюс удвоение гласного ударного слога, ср. пример (91):

(91) *Мы ↗ заехали на поля-янку↗ на березовую, погуля-яли↗ там.*

Тонограмма показывает, что на словоформах *полянку* и *погуляли* фиксируется пологий, т. е. совершающийся в длительных временных интервалах, подъем с последующим ровным или слегка нисходящим тоном, который не падает до базового уровня. Этот подъем существенно отличается от подъема ИК-3 темы, который можно видеть на этой же тонограмме на словоформе *мы*. На *мы* фиксируется крутой подъем с падением до базового уровня на последующем слоге *за-* в словоформе *заехали*, а на словоформах *полянку* и *погуляли* наблюдается растяжение как ударного слога, так и заударного фрагмента. Достаточно высокий уровень тона держится вплоть до конца синтагмы. То легкое падение на заударных, которое мы наблюдаем в словоформах *полянку*

Мы заехали на по-ля-я нку на березовую, погу ля-я ли там.

и погуляли, можно объяснить физиологией произнесения предложения на выдохе. При известном усилии этого падения может и не происходить. Ударный слог имеет существенно более длительное время звучания, чем у словоформы *мы* (выделено курсорами). Слог *мы* длится 0,154 сек, а слог *-ля-* в *погуляли* — 0,344 сек²² (слог *ля* выделен курсорами). Слог *-ля-* в *полянку* тоже выделен курсорами. Данная стратегия очень частотна в русской речи. Во многих предложениях рассматриваемого типа есть темы, как тема *мы* в примере (91).

2.1.2.3.1. Выбор акцентоносителя в предложениях, моделирующих ментальную деятельность

Предложения ментальной деятельности — это яркий пример вторичных иллокуций, и выбор акцентоносителя в них имеет особенности, которые демонстрируют отступление от базового принципа выбора акцентоносителя в сообщениях и вопросах. На первом этапе выбора приоритетной группы действуют правила для рем с синтаксической структурой типа именной (NP) или глагольной (VP) группы и целых предложений (S), см. раздел 2.1.1.1.2.1 выше (акцентоносители выделены жирным шрифтом): *Надо **уко-о**лыг→ делать;* *Мышь мальчика в **ру-уку**→ укусила;* *Там тогда еще мышь какого-то ма-*

²² Ср. о растяжении на ИК-6 в работе Г. А. Бариновой [1973].

альчика → укусила; *Но-очь* → настала²³. Однако, если такая группа имеет внутреннюю структуру и представляет собой атрибутивную группу с несогласованным определением или имеет вид «имя-фамилия», то происходит смещение акцентоносителя с несогласованного определения на определяемую вершину и с фамилии на имя:

(92) *А я пирожко-ок с капустой испекла; А я там Ва-асю Иванова встретила; Вот бы сейчас пирожко-ок с капустой!*

При этом стандартный выбор акцентоносителя в предложении, не осложненном иллокутивной силой воспоминания или мечты, приходится на несогласованное определение и на фамилию:

(92а) *Я испекла пирожок с капустой; Я там встретила Васю Иванова.*

Между тем в именах-отчествах, в именных группах с согласованным определением, приложением и в глагольных группах переноса не происходит:

(93) **Вот бы сейчас ки-и-слои капустки!; *Вот бы сюда Гали-ину Петровну!; *Вот бы сюда профе-ессора Шефера!; *Вот бы купить собаку!*

Норма здесь состоит в акцентировании определяемого слова при согласованном определении, отчества при имени, имени при титуле и дополнении при глаголе, т. е. норма следует базовому выбору:

(93а) *Вот бы сейчас кислой капу-устки!; Вот бы сюда Галину Петро-овну!; Вот бы сюда профессора Ше-ефера!; Вот бы купить соба-аку!*

Данная акцентная стратегия применима не только к повествовательным предложениям, но и к вопросам, которые в контексте подобной интонации становятся вопросами-недоумениями. Носителем акцента в таком вопросе служит вопросительное слово, ср. минимальную пару (94)—(94а), где (94) — это повествовательное предложение, а (94а) — вопрос:

(94) *Куда-то мои очки-и → запропалились;*

(94а) *Куда-а → мои очки запропалились?*

С точки зрения лексико-синтаксической структуры различие между (94) и (94а) только в частице *-то*, присутствующей в повествовательном предло-

²³ О принципах выбора акцентоносителя — базовом и периферийных — см. раздел 2.1.1.1.2 выше, о переносе акцента по сравнению с базовым выбором акцентоносителя в коммуникативно релевантном компоненте предложения см. также раздел 4.1.2 ниже.

жении (94). Но переход от повествовательного предложения к вопросу, практически с тем же значением, немедленно меняет акцентоноситель — им становится вопросительное слово (ср. (94а)). Что касается косвенных вопросов, они могут следовать обеим моделям выбора акцентоносителя: если глагол пропозициональной установки служит в предложении вершиной, акцентоноситель в придаточном выбирается по правилам для повествовательных предложений.

(95) *Не знаю, куда мои очки-и ↗ запропалились.*

Если же глагол рассматривается как вводное слово, акцентоносителем становится вопросительное слово:

(95а) *Куда-а ↗ мои очки запропалились, не знаю.*

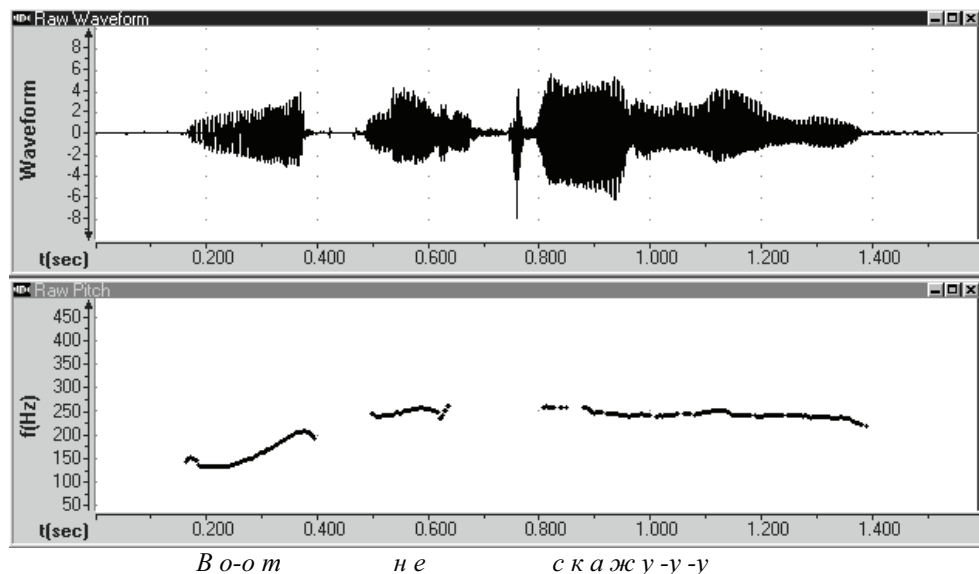
Особый выбор акцентоносителя, который тоже не соответствует базовому принципу, у предложений недоумения с *вот*: **Во-от** ↗ *не скажу* (в ответе на вопрос *Как проехать по Москве?*); **Во-от** ↗ *не знаю*; **Во-от** ↗ *дела!*

На реплику *Во-от не скажу* как на выражение сомнения и неуверенности в отличие от реплики агрессии *А вот и не скажу* обратила внимание Р. Ратмайр [2002: 182—197].

Тонаграмма показывает подъем на *вот* с последующим ровным тоном на последующих слогах вплоть до конца предложения.

(96) **Во-от** ↗ *не скажу-у-у.*

Тонаграмма 41

Интонация ментальной деятельности в повествовательных предложениях и вопросах занимает промежуточное положение между жесткими идиомами, такими как *Во-от* ↗ *не скажу*, и свободными сочетаниями, потому что акцентоноситель интонационного пика выбирается здесь согласно определенным правилам и ограничениям на лексическую и синтаксическую структуру предложения отсутствуют. Что касается ограничений, которые связаны с анализируемым интонационным типом, то они касаются сочетаемости с модифицирующими значениями, такими как контраст и эмфаза, и показателями дискурсивной незавершенности. Данный интонационный тип оказывается достаточно нагруженным семантически и с модифицирующими значениями не сочетается. Таким образом, можно заключить, что интонация ментальной деятельности занимает промежуточное положение между интонационными идиомами и свободными предложениями, которые строятся в соответствии с правилами иллокутивной грамматики.

2.1.2.3.2. Интонация ментальной деятельности в европейских языках

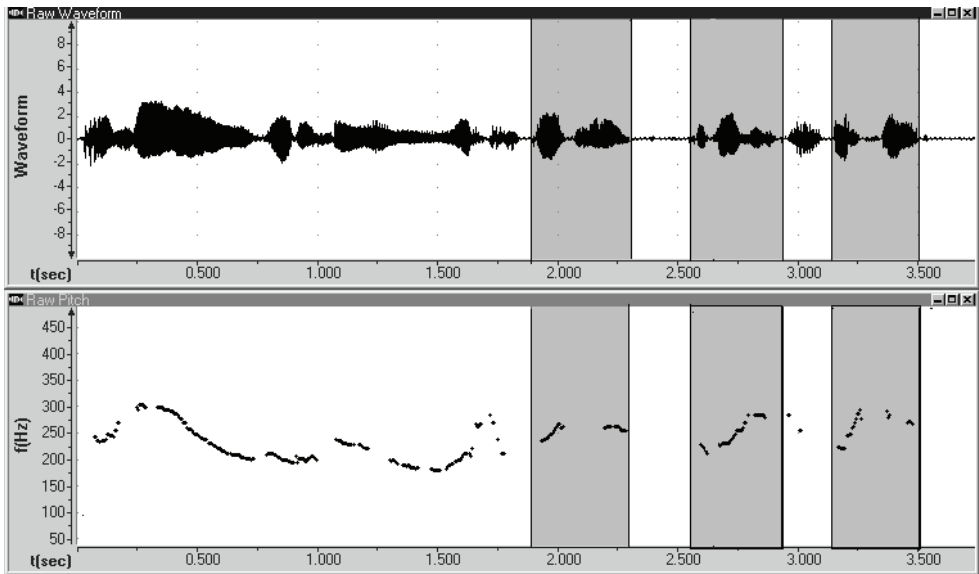
Интонационный контур, имитирующий ментальную деятельность, встречается и в европейских языках. В коротком рассказе нашей информантки — носительницы копенгагенского (стандартного) диалекта датского языка о посещении бассейна анализируемая интонационная стратегия встретилась четыре раза. Обратимся к примеру:

(97) *Altså var der så en mand der spurgt' ↗ mig // på russisk ↗, // hvor jeg kom ↗ fra...*

И, в общем, там был, ну, один человек, который спросил меня по-русски, откуда я приехала.

Подъем с ровными заударными фиксируется здесь на ритмических группах *spurgt' mig* 'спросил меня', *på russisk* 'по-русски', *kom fra* 'приехала откуда'. Между этими группами в речи имеются паузы. Ритмические группы на тонограмме выделены курсорами. Паузы в тексте примера обозначены двойной косой чертой. Подъем фиксируется соответственно на словоформе *spurgt'* 'спросил', ударном слоге (первом) словоформы *russisk* 'русский' и словоформе *kom* 'приехала'. Наблюдается известное растяжение на ударном и заударных слогах. Русский эквивалент данного предложения с используемой здесь интонационной разметкой должен быть представлен следующим образом:

(97а) *И, в общем, там был, ну, один человек ↗ // который спрoси-ил ↗ меня // по ру-усски ↗, // откуда я прие-ехала ↗...*

*Altså e-e-e var der så e-e-e en mand der **spurgt** mig på russisk, hvor jeg **kom** fra*

Другие датские примеры интонации ментальной деятельности приводятся в разделе 6.8, посвященном интонации воспоминаний в датском языке.

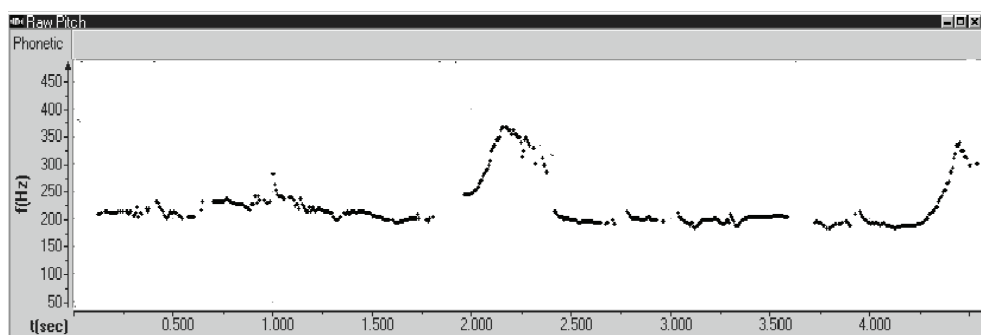
Эксперимент с французским языком нельзя считать абсолютно чистым, потому что по понятным причинам во французском языке трудно судить о том, какое движение тона могло бы быть на заударных слогах, если бы они были. Между тем, именно заударные слоги существенны для идентификации данной интонационной структуры в русском и других языках. Во французских примерах акцентоноситель находится в конце предложения и заударные, соответственно, отсутствуют. Представляется, однако, что пример (98) ниже (а также и другие многочисленные примеры из рассказов наших информантов) иллюстрирует как раз искомую стратегию. Пример (98) взят из рассказа информантки о прилете в Шереметьево. Пролонгированное время звучания и подъем в больших диапазонах частот на акцентоносителе аналогичны тому, что мы наблюдаем в русском языке.

(98) *Alors, c'est la première fois que je viens à **Moscou**↗, et on est arrivé avec un **ami**↗.*

Ну, тогда я в первый раз была в Москве, и я приехала с другом...

Характерен анализируемый интонационный контур и для польского языка с тем же, что и в русском, растяжением ударного и заударных слогов.

Тонограмма 43

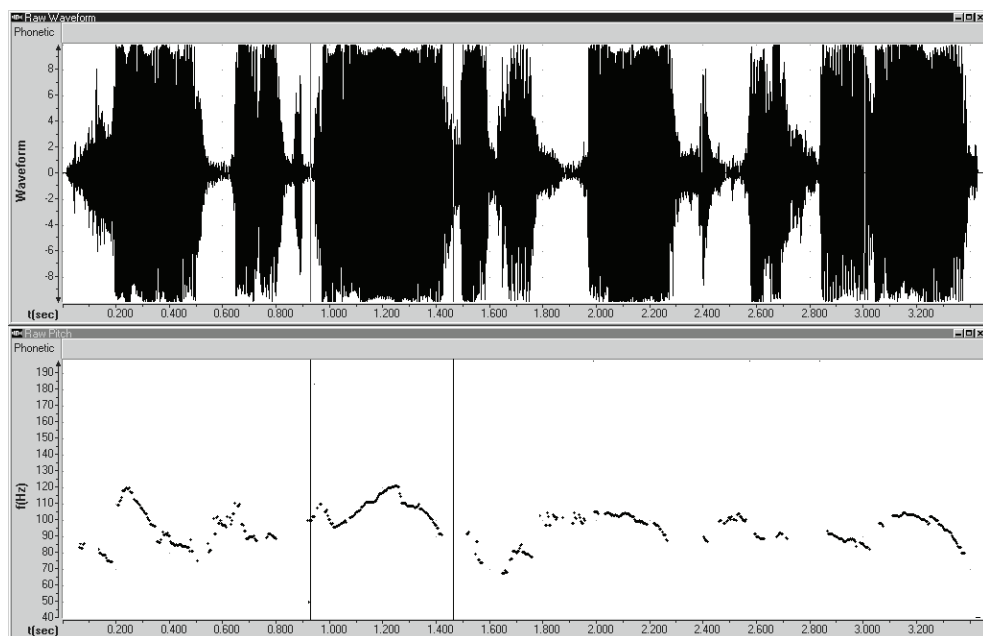
Alors, c'est la première fois que je viens à Moscou, et on est arrivé avec un ami.

В примере (99) ниже один из носителей акцента типа ИК-6 словоформа *tkaniny* 'ткани' выделен курсорами. Заударные слоги несколько понижаются, но не достигают того уровня, как это бывает на заударных при акценте типа ИК-3.

(99) *Zbierał stare tkaniny*↗, *dawne stroje*↗, *historyczną broń*↗, ⟨*wyroby rzemiosła artystycznego*⟩.

'Собирал старые ткани, старинную одежду, оружие, изделия художественных промыслов'

Тонограмма 44

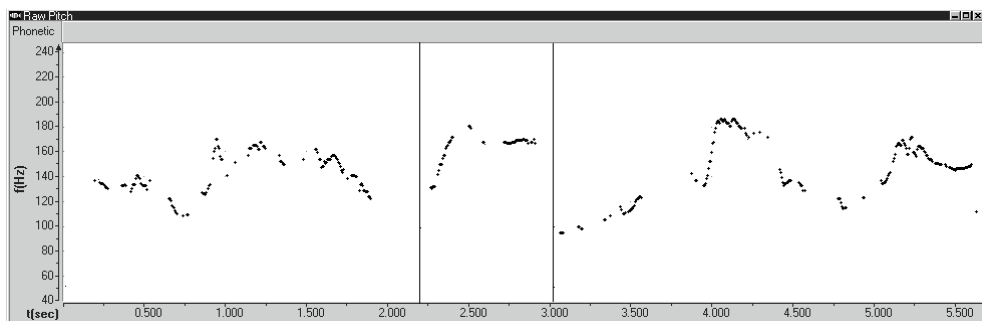
Zbierał stare tkaniny↗, *dawne stroje*↗, *historyczną broń*↗...

Немецкий язык также широко использует интонационную конструкцию с подъемом на ударном слоге акцентоносителя и ровным растянутым движением тона на заударных и в тех же прагматических контекстах, что и другие обследованные языки. Ср. пример (100), заимствованный нами из работы [Палько 2006]. Пример взят из передачи радиостанции Deutsche Welle. Речь идет о музыкальном фестивале в Лейпциге.

(100) ... *daß wir eben nicht nur große Oper spielen, sondern auch **Kammeroper***↗, *sei es **Lyrik***↗ *oder sei es **Prosa***↗ ...

‘... что мы как раз не только большие оперы играем, но также камерные оперы, лирику или прозу...’

Тонограмма 45

daß wir eben nicht nur große Oper spielen, sondern auch Kammeroper, sei es Lyrik, oder sei es Prosa ...

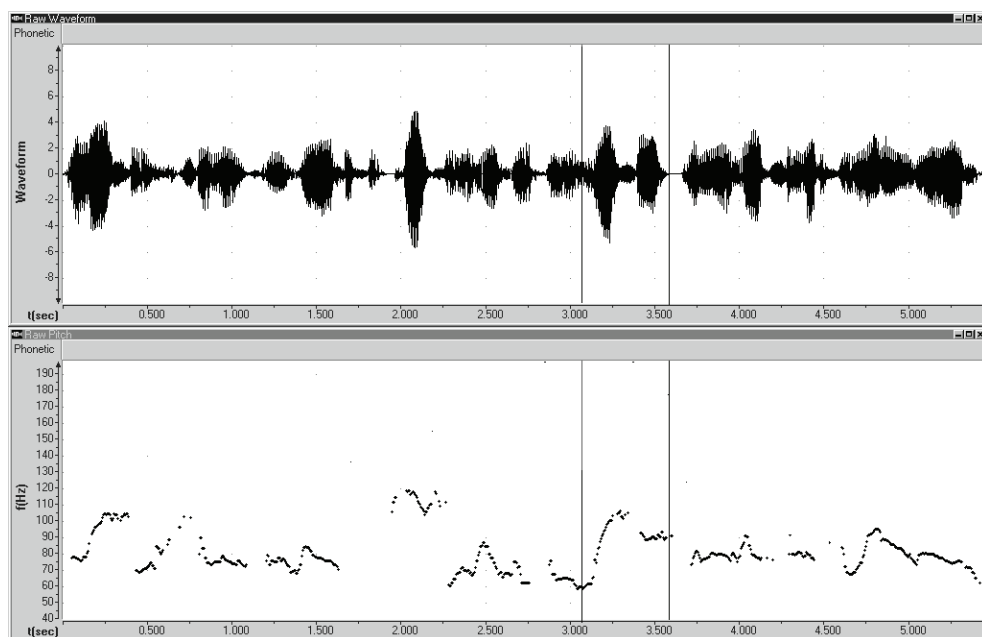
Словоформа *Kammeroper* выделена курсорами, на ней и на словоформам *Lyrik* и *Prosa* фиксируется искомый акцент.

Для английского языка интонация ментальной деятельности в том виде, в котором она представлена в других обследованных языках, нехарактерна, и в нашем массиве примеров встретилась только один раз. Информант-американец, высокообразованный человек с философским складом ума, исполняет акцентный контур без особой растянутости на ударном слоге акцентоносителя, но семантика погружения в размышления, которая характерна для анализируемой стратегии, ощущается здесь очень отчетливо, и стратегия повторяется в данном примере четыре раза. Ее акцентоносители — словоформы *relations*, *culture*, *Russia* (на тонограмме выделена курсорами) и *Leningrad*.

(101) ...*relations*↗ *with someone from a very different culture*↗, *you have that here in Russia*↗, *you may have somebody from Leningrad*↗ ...

‘... общение с кем-то, принадлежащим совсем другой культуре, — у вас есть это в России, вы можете встретить кого-то из Ленинграда...’

Тонограмма 46

...relations↔ with someone from a very different culture↔ — you have that here in Russia↔, you may have somebody from Leningrad↔...

По устному сообщению Г. Раппапорта, характерное для интонации ментальной деятельности растяжение на акцентоносители и словоформах, которые следуют за акцентоносителем, можно наблюдать в речи американских подростков. Таким образом, в английском языке растянутый вариант интонации ментальной деятельности — это крайне разговорная и неформальная речевая стратегия. Но в нашем массиве таких примеров нет. Для иллюстрации своих слов Г. Раппапорт привел следующий гипотетический пример, который служит имитацией разговорной речи молодежи:

(102) *I am Gil **Ra-ppa**port↔, I live in **Te-exas**↔, I work at the **unive**-
ersity↔...*

‘Я Гил Раппапорт, я живу в Техасе, я работаю в университете’.

Можно заключить, что интонационный контур имитации в речи ментальной деятельности с подъемом на ударном слоге акцентоносителя и относительно ровными и растянутыми заударными представлен во всех обследованных языках. Существенной чертой интонации ментальной деятельности служит уникальный выбор носителя подъема тона, который не совпадает с базовым русским принципом выбора акцентоносителя.

2.1.2.4. Интонация обоснования

Предложения о причине (*thetic*, или предложения с неингерентной темой) впервые были исследованы на материале английского языка В. Матезиусом. Об этих предложениях на английском и русском материале существует большая литература, см. например: [Hatcher 1956; Schmerling 1974; Sasse 1987, 1995; Bonnot, Fougeron 1982, 1983; Lambrecht 1994: 13—25; Николаева 1981; 1982: 67; 1996: 53; Баранов, Кобозева 1983; Янко 1991; 2001: 182—197]. Обратимся к анализу этих предложений как к примеру особого коммуникативного и интонационного типа с богатой семантикой, которая не сочетается с семантикой модифицирующих значений и не вступает в композиции в показателями незавершенности текста. Предложения о причине несут большую текстовую нагрузку, потому что в них средствами коммуникативной и интонационной структуры выражается связь текущего предложения с предтекстом, обоснованием которого они служат: *⟨Тише.⟩ Бабушка* ↗ *спит* ('Не надо шуметь, потому что спит бабушка'); *⟨— Бабушка расстроена.⟩ Иванов* *руку* ↗ *сломал* ('Бабушка расстроена, потому что Иванов сломал руку'). Особым свойством таких предложений служит то, что, по нашим данным, они встречаются не во всех языках. Предложения этого типа послужили диагностическим контекстом для выработки принципов выбора акцентоносителя в синтаксической структуре целого предложения (S) и глагольной группы (VP), о которых говорилось в разделе 2.1.1.1.2.1. Эти принципы основаны, в частности, на иерархии акцентоносителей, которая совпадает с иерархией упорядочения актантов глагола и других членов предложения. Для английского и русского иерархии совпадают. Обратимся к русскому примеру.

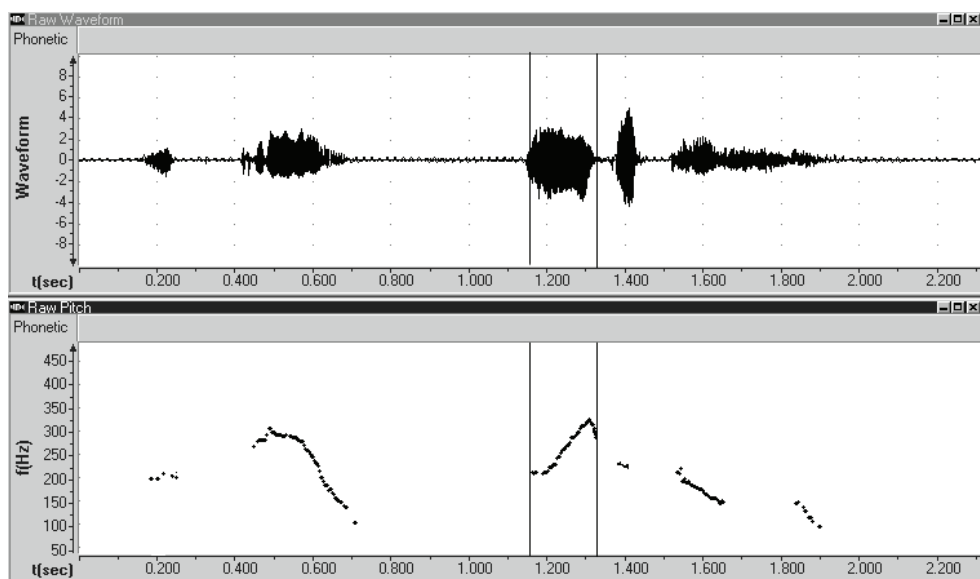
(103) *⟨Открой.⟩ Папа* ↗ *пришел*.

Тонаграмма демонстрирует крутой подъем плюс небольшое падение на ударном *па-* в словоформе *nána* (ударный слог на тонаграмме выделен курсорами)²⁴, за которыми следует резкое падение на заударном *-па*, продолжающееся на последующей атонированной словоформе *пришел*. Таким образом, контекстом для подъема на ударном слоге акцентоносителя здесь служит произнесение последующих слогов в нижнем регистре голоса говорящего.

Аналогично, английский эквивалент русского предложения (104) (американский вариант) демонстрирует подъем на ударном слоге. Ударная односложная словоформа *dad* завершается известным падением, а заударные словоформы отмечены явной редукцией. Курсорами выделена словоформа *dad*.

²⁴ По поводу идентификации акцента, который фиксируется на словоформе *па-па*, в этом и в других аналогичных примерах как ИК-2 см. раздел 2.1.1.1.1.1.

Тонограмма 47

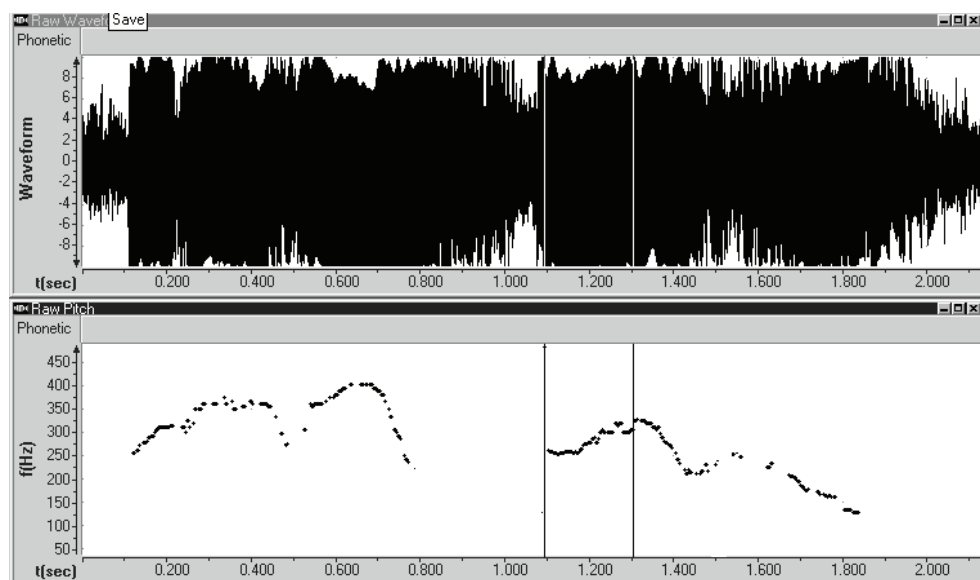

⟨Открой.⟩

Папа пришел.

(104) ⟨Open the door.⟩ Dad has come.
 ‘Открой дверь. Папа пришел’

Тонограмма 48

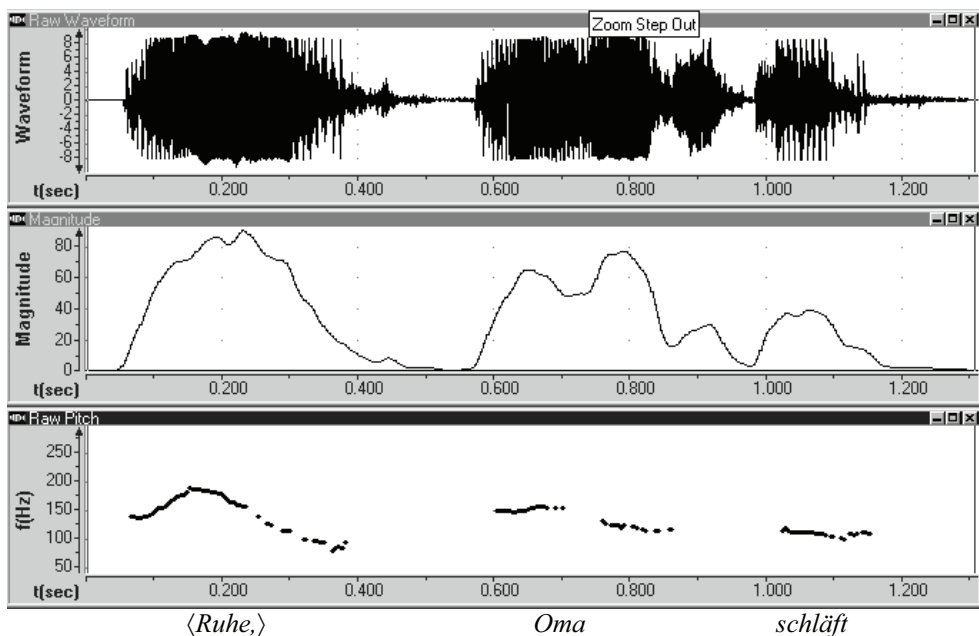
⟨Open the door.⟩

Dad has come.

Наши немецкие информанты также были единодушны в артикуляции аналогичных примеров, произнося их с тональным пиком на начальном имени и редукцией на заударном слоге имени и на глаголе, ср. графики 49 и 50 произнесений предложения (105) двумя разными информантами:

(105) *⟨Ruhe,⟩ Oma schläft.*
 ‘Тихо. Бабушка спит’

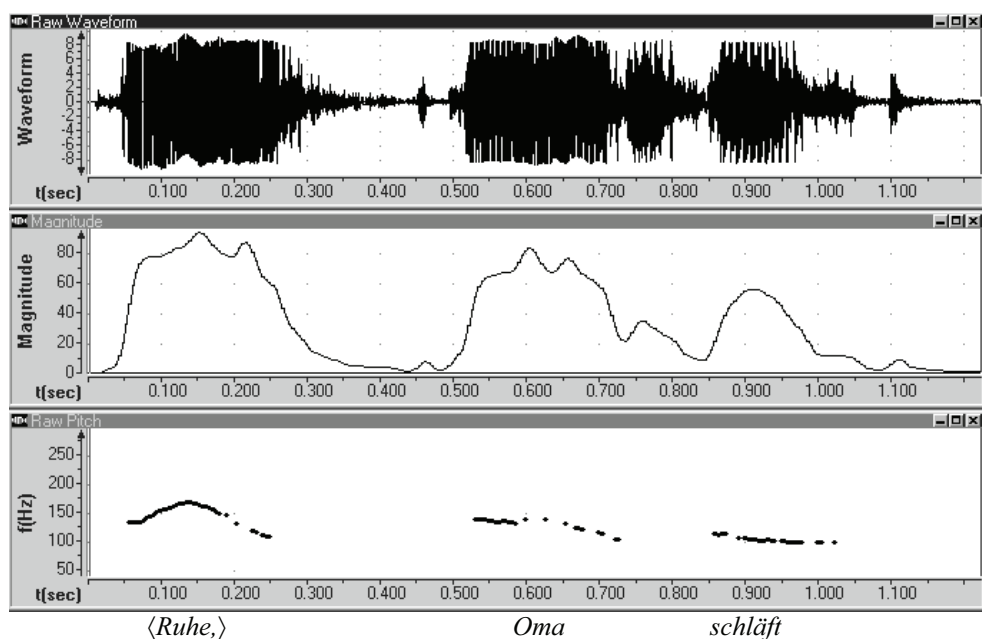
Тонограмма 49

Между тем, в датском языке ожидаемого интонационного параллелизма в реализации подобных контекстов не обнаруживается. Задавая по-русски или по-английски носителям датского языка вопрос, каков датский эквивалент предложений *⟨Tause.⟩ Бабушка спит* или *⟨Open the door.⟩ Dad has come*, мы неизменно получали ответ, что по-датски так не говорят. Действительно, при чтении разными информантами предложений, которые служили переводами русских и английских предложений о причине, мы получали одинаковый результат, суть которого иллюстрируется примером (106) ниже (а также другими примерами из подраздела 6.9.1 раздела 6, специально посвященного датскому языку).

Чтобы перейти к результатам поиска в датском языке тетических (thetic) предложений о причине, следует коротко изложить позицию датских лингвистов по поводу интонационной структуры датского предложения. В осно-

Тонограмма 50

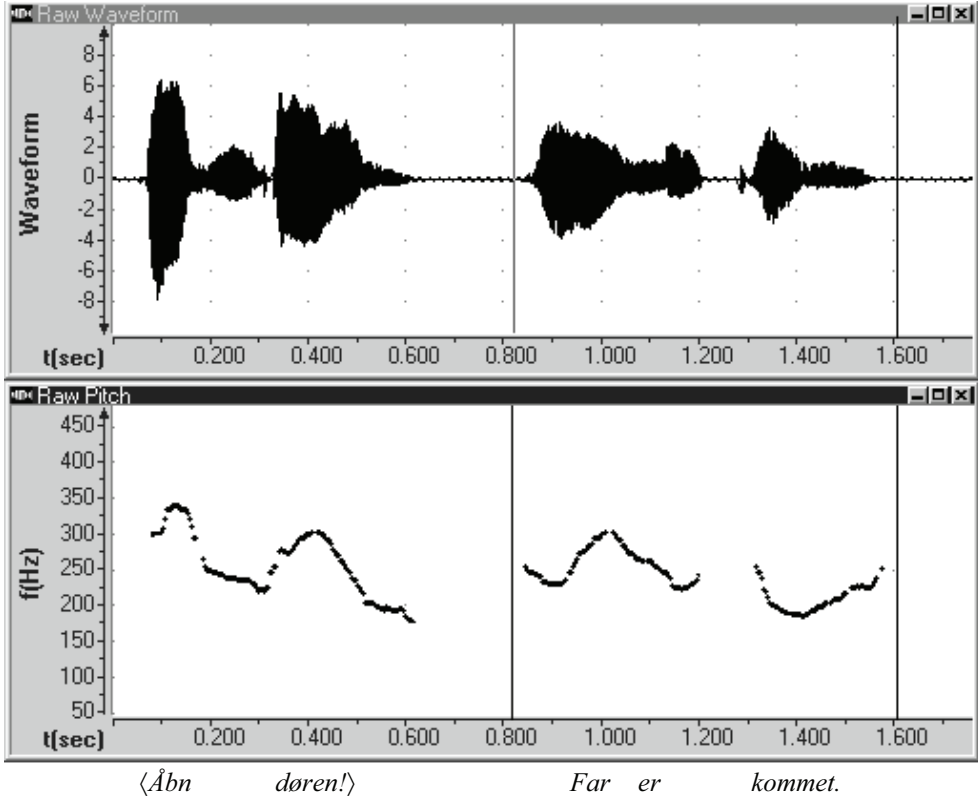
вополагающих работах Н. Греннум (Торсен) о датской интонации представлена следующая точка зрения, см. например [Grønnum 1992; 1998: 298—310].

Датское предложение представляет собой последовательность тактовых групп. Каждая тактовая группа имеет следующую структуру. Ударный слог — нисходящий. На заударных, если они есть: на первом заударном — подъем, на втором — падение. Тактовые группы расположены с определенной степенью уклона к концу предложения в зависимости от функционального типа предложения, т. е. сообщение имеет больший уклон, чем вопрос.

Между тем, наши исследования показывают, что таким образом формируются только нерасчлененные предложения типа *Пришла весна*. Предложения же других типов имеют структуру в принципе такую же, как в известных нам языках, т. е. с расчленением предложения на тему и рему и с соответствующими теме и реме интонационными показателями. (Подробнее об этом говорится в разделе 6, посвященном датскому языку, подраздел 6.9.1.) Однако предложения о причине, у которых в русском и английском четко вычленяется акцентный пик с последующей редукцией на заударных, в датском языке имеют структуру, которая в точности соответствует представлениям датской лингвистики о структуре короткого предложения. Обратимся к датскому примеру (106).

- (105) *Åbn døren!* *Far er kommet.*
 ‘Открой дверь! Папа пришел’

Тонограмма 52

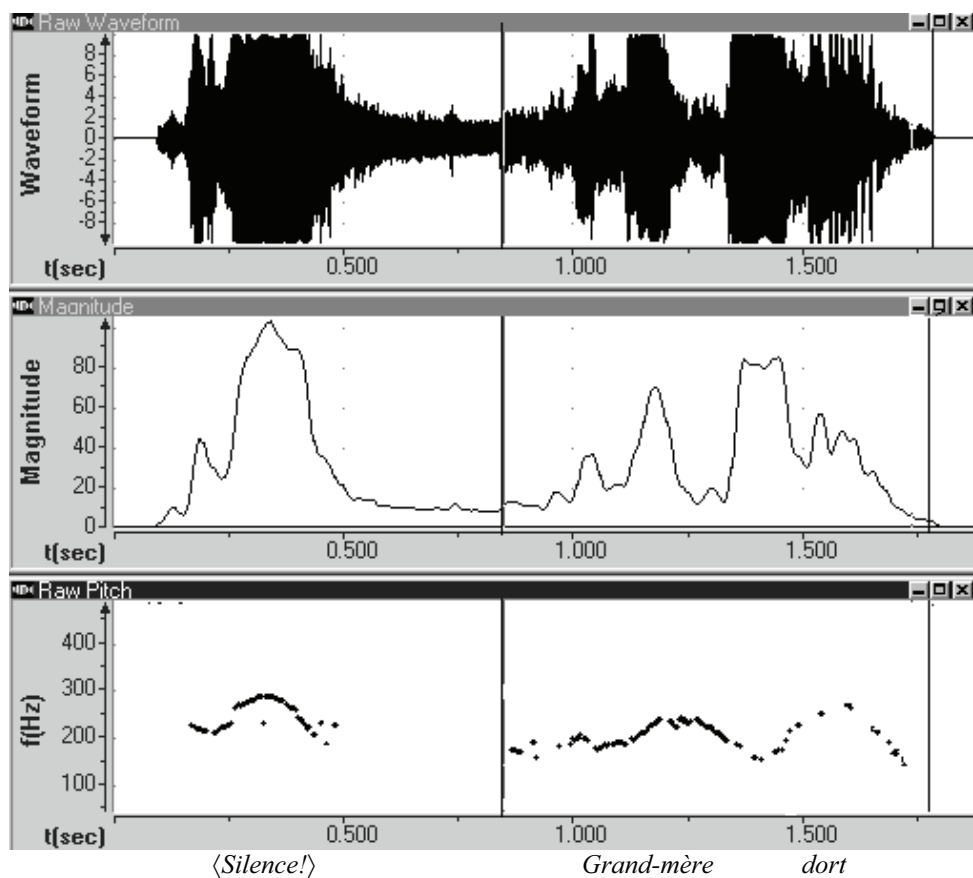

Тонограмма показывает, что в предложении нет ни пика на словоформе *far* ‘папа’, ни редукции на *komet* ‘пришедший’. Фрагмент *Far er kommet* на графиках выделен курсорами. Такая же картина наблюдается в примерах, прочитанных другими информантами, и в других предложениях с той же функцией в тексте. Действительно, перформативный характер обоснования, который есть в русском или английском, в датском произнесении отсутствует.

Неожиданно, обратившись к французскому языку, мы обнаружили, что, судя по имеющимся у нас данным, предложения о причине как класс предложений с особой коммуникативной и интонационной структурой и особой семантикой отсутствует и во французском. При независимом чтении предложения *«Silence!» Grand-mère dort* ‘«Тише!» Бабушка спит’ и *«Ouvre,» papa est là!* ‘Открой, папа пришел’ разными информантами мы получили практически одинаковый результат. Сравним тонограммы. Предложения *Grand-mère dort* и *papa est là* на графиках выделены курсорами.

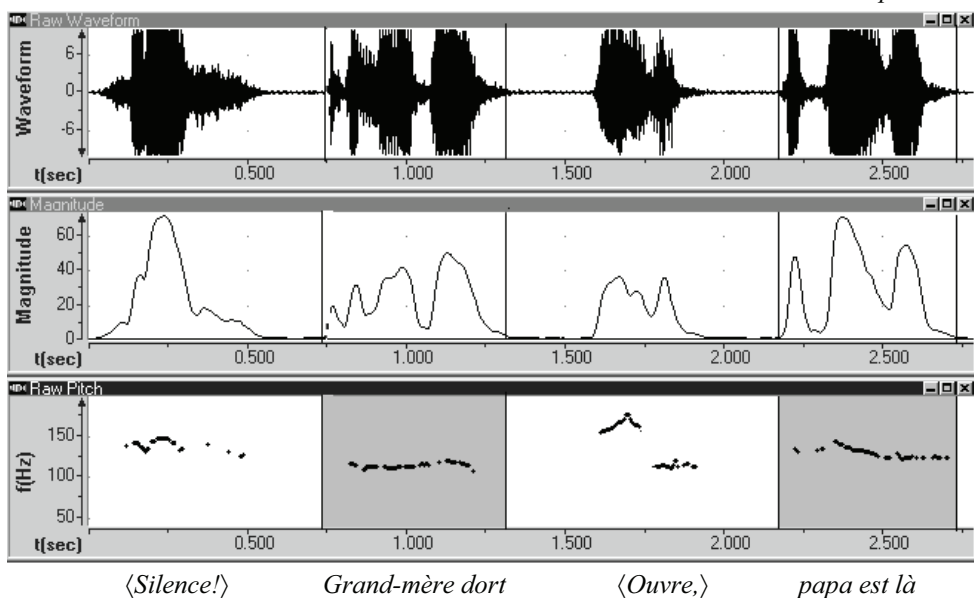
(107) <Silence!> *Grand-mère dort.*
 ‘(Тише!) Бабушка спит’

Тонограмма 53

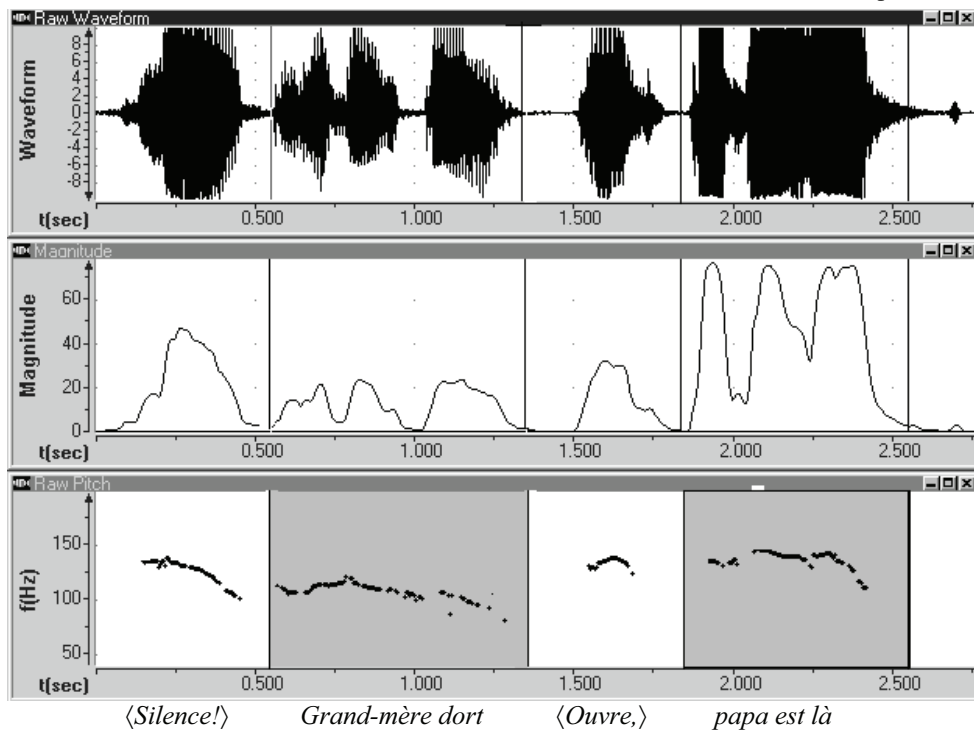

Графики 53—55 показывают, что произнесения предложений *Grand-mère dort* ‘Бабушка спит’ и *papa est là* ‘Папа пришел, папа здесь’ не обнаруживают редуции на фрагментах *dort* ‘спит’ и *est là* ‘здесь’. Между тем, фонетические возможности для реализации интонационной структуры, аналогичной русским и английским, во французском языке (и в датском), безусловно, есть. Однако при этом реализуется другое коммуникативное значение. Так, во французском примере (108), в ответе на вопрос *Un des étudiants est malade?* ‘Кто-нибудь из студентов болен?’ *Pierre est malade* ‘Пьер болен’ акцентоносителем служит словоформа *Pierre*, на которой фиксируется акцентный пик, а на компоненте *est malade* ‘болен’ — наступает редуция, потому что этот фрагмент активирован: он полностью заимствуется из вопроса.

Тонограмма 54

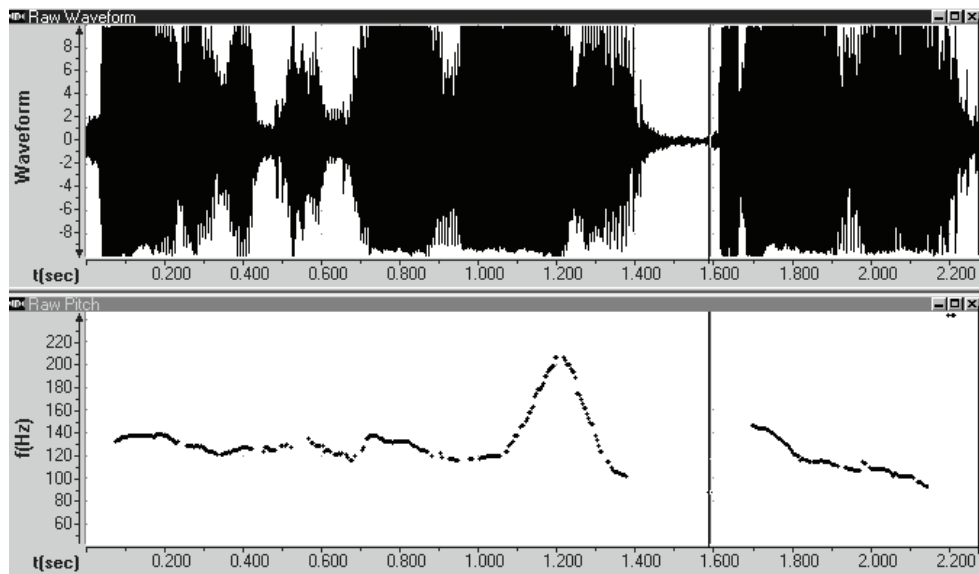

Тонограмма 55

(108) — *Un des étudiants est malade? — Pierre est malade.*
 ‘— Кто-нибудь из студентов болен? — Пьер болен’

Тонограмма 56

— *Un des étudiants est malade?* — *Pierre est malade.*

В принципе, ответ на вопрос в примере (108) — это интонационный аналог русских и английских предложений о причине, ср. *Тише, Пьер болен* с пиком на словоформе *Пьер*. Однако, в отличие от русского и английского, французский язык не использует эту акцентную стратегию для построения предложений о причине, в чем мы убедились на примере предложения (107) и других.

Итак, что касается французского, вопрос о предложениях о причине в этом языке еще требует дальнейшего изучения, а в отношении датского языка вопрос о существовании в нем нерасчлененных предложений о причине такого типа, как в русском и в английском, видимо, можно считать закрытым. В датском языке соответствующие смыслы выражаются другими — не интонационными — способами.

2.1.3. Признаки, релевантные для идентификации интонационных единиц

Для представления акцентов в грамматике и в словаре мы предлагаем выделять следующие признаки:

- значения (или функции), которые способен выражать акцент (включая соответствующий каждому значению функциональный и тональный контекст);
- вхождение акцента в структуру средств выражения одно- vs. двухкомпонентных коммуникативных структур (ср. предложение *Дед посадил репку*, включающее тему *дед* и рему *посадил репку*, и предложение *Джон умер*, включающее только одну рему);
- соотносительность акцентного пика с определенным акцентоносителем (ср., с одной стороны, пример *Джон умер* с акцентоносителем словоформой *Джон* и, с другой стороны, рассмотренную выше группу примеров с нечувствительным к акцентоносителю вокативным контуром зова адресата в условиях поиска (*Хозяйка-а?!; Есть кто-нибудь?!*);
- следование определенной системе правил выбора акцентоносителя;
- тональные параметры (форма частотной кривой, интенсивность, длительность, уровень, крутизна, или перепад тона в единицу времени, тайминг, или зависимость движения тона от распределения ударных и безударных слогов акцентоносителя и его контекста, и сопутствующие признаки, такие как паузация);
- отношение к отсутствию заударных слогов, тональный рисунок которых может усекается, как при ИК-3, и сжиматься, как при ИК-4, когда весь рисунок кривой основного тона без потерь фиксируется на единственном или последнем слоге акцентоносителя;
- способность сочетаться с показателями модифицирующих коммуникативных значений (контраста, эмфазы).

Выделенные признаки позволяют относить акцент или склонять чашу весов в пользу отнесения акцента к типам «единица интонационной грамматики» или «единица словаря». Так, акценты, входящие в двухкомпонентные структуры скорее принадлежат грамматике, а акценты, входящие в однокомпонентные структуры, статистически чаще принадлежат словарю; акценты и контуры, нечувствительные к выбору акцентоносителя и не зависящие от сегментного материала, принадлежат словарю; акценты, способные сочетаться с показателями модифицирующих значений, принадлежат грамматике, а единицы, не способные входить в композиции, принадлежат словарю; единицы, подверженные усечению в отсутствие заударных слогов, принадлежат грамматике, а единицы, подверженные компрессии скорее принадлежат словарю.

* * *

В разделе 2 были выделены элементы семантического представления иллюкативных смыслов русского языка и показано, что часть смыслов компо-

зиционально сочетается с другими смыслами, образуя иллокутивную грамматику, а часть не вступает в композиции с другими смыслами и требует индивидуальной фиксации в иллокутивном словаре. Были также рассмотрены интонационные средства плана выражения иллокутивных смыслов и выделен набор признаков, релевантных для различения интонационных единиц русского языка.

3. Интонация текста

В данном разделе анализируются интонация поддержания связности нарративного текста, в частности, во взаимодействии с интонацией предложения. Мы надеемся выделить принципы, которые отражают сочетаемость локальных, т. е. ограниченных масштабами предложения, коммуникативных смыслов, таких как тема и рема, с дискурсивными показателями незавершенности текста и позволяют вычислять тональные средства выражения этих смыслов и их композиций (скажем, сочетания значений 'рема' плюс 'незавершенность'), а также находить по заданной лексико-синтаксической структуре предложения слова — носители соответствующих тональных пиков.

Пример композиции коммуникативных значений представлен в предложении разговорной речи *Я тогда пиджак > снял ^*..., где в соответствии с нашей гипотезой, которая обсуждается ниже, падение тона на дополнении *пиджак* служит показателем ремы, а подъем на глаголе *снял* — показателем того, что текст еще не кончился. В этом предложении мы наблюдаем характерное для русского языка раздельное — аналитическое — выражение локальных и дискурсивных значений, при котором у ремы и текстовой незавершенности разные акцентоносители¹. Стратегия, которая предусматривает для ремы и незавершенности различные акцентоносители, рассматривается на фоне распространенного в русском и в других языках иного типа выражения дискурсивной незавершенности, при котором простое предложение в составе сложного концептуализуется как тема. Исходя из тех отношений, которые существуют между темой и ремой, тема включает в себе ожидание ремы, т. е. тоже представляет собой род незавершенности. Так, предложение с лексико-синтаксической структурой, приведенной выше, в роли темы может

¹ Это иллюстрирует положение, выдвинутое О. Ф. Кривновой о том, что интонационные показатели говорят о процессе «прохождении» информации при формировании речевого акта, в частности, о включенности речевого акта в структуру объемлющего текста, ср. «... информация, отформатированная средствами языка, передается слушающему в виде последовательно поступающих фонетически организованных вербально-смысловых квантов, которые часто отделены физическими паузами и к тому же снабжены просодическими указателями, сообщающими о текущем состоянии акта высказывания относительно его конечной цели» [Кривнова 2007: 10].

быть реализовано с подъемом на словоформе *пиджак*: *Я тогда снял пиджак*↗... Дискурсивной незавершенности в чистом виде здесь нет, но есть близкое незавершенности значение темы, которое в составе сложного или простого, но распространенного предложения, включающего однородные группы, может служить для моделирования структуры, подобной связному нарративу: *Я тогда снял пиджак*↗, *поскорее побежал на почту*↗, *дал жене телеграмму о снижении цен на фрукты*↗, *потому что личный покой прежде*↘ *всего*. В этом предложении, как минимум, три темы. Рема последнего предложения служит заключительной ремой всего фрагмента текста. В последнем предложении *потому что личный покой прежде всего* может выделяться и его внутренняя (четвертая в составе этого сложного предложения) тема *личный покой* с акцентоносителем *личный*: *потому что личный*↗ *покой прежде*↘ *всего*. Словоформа *личный* служит здесь акцентоносителем темы.

В нарративе такие сложные предложения-тексты даже могут быть не завершены ремами, потому что говорящий, не закончив повествования, переключается на другой сюжет. В таком случае незаконченным остается не только повествование, но и не завершённый ремой речевой акт, ср. фрагмент из речи ребенка о том, какой он видел сон: *Она бежала*↗, *ударилась*↗ *обо что-то, потом упала*↗, *из носа текла кровь*↗, *я подошел*↗, *испугался*↗... О базе данных устных отчетов детей об их сновидениях, из которой почерпнуты многие приводимые здесь примеры, см. [Кибрик, Подлеская 2003].

Этот последний тип незавершенности, при котором отсутствует различие между темой и незавершенностью, а граница между предложением и текстом, соответственно, стирается, мы называем синтетическим, потому что категории предложения и текста имеют здесь единый акцентоноситель. Именно этот тип поддержания незавершенности текста мы наблюдаем в большинстве западноевропейских языков.

Рассмотренные выше два типа выражения текстовой незавершенности — аналитический и синтетический — могут дополнительно осложняться значениями контраста, эмпазы и верификации, что меняет выбор акцентоносителей по сравнению с предложениями в отсутствие этих значений. Так, в незавершённом предложении с контрастом *⟨Он не привязан,⟩ а прибыл*↘ *гвоздями*↗... выбор акцентоносителей не такой, как если бы контраста *⟨привязан vs. прибыл⟩* не было. В отсутствие контраста распределение акцентов было бы следующее: *Он гвоздями*↘ *прибыл*↗... Оно соответствовало бы модели, которая представлена выше примером *Я тогда пиджак*↘ *снял*↗...

Далее. Дополнительные дискурсивные значения, соединяющиеся с незавершённостью, могут привноситься в предложение и с помощью разнообразия восходящих акцентов, которых в русском языке более одного. Поясним это положение. Выше, говоря о подъеме тона в связи с незавершённостью,

мы приводили примеры с типичным (наименее семантически нагруженным) русским подъемом тона типа ИК-3 (по Брызгуновой), при котором на ударном слоге словоформы-акцентоносителя фиксируется подъем, а на заударных, если они есть, падение. Между тем, если на акцентоносителе фиксируется подъем с относительно ровными и растянутыми заударными типа ИК-6, предложение включается в контекст мечтательного воспоминания *Я тогда пиджа-акг сня-ял, телеви-изорг включил...* Подъем же на заударных типа ИК-4, которому предшествует падение (или ровный низкий тон) на ударных, или, в отсутствие заударных, — нисходяще-восходящий тон на ударном слоге акцентоносителя в русском языке привносит в повествование семантику педантичного рассказа «по порядку». В рассказе по порядку говорящий заранее очерчивает для себя множество событий или объектов, о которых собирается говорить, и выстраивает их в цепочку, т. е. задает на этом множестве отношение линейного порядка: *Я тогда снял пиджак↘↗, включил телевизор↘↗...* О текстовой функции ИК-4 более подробно см. ниже разделы 3.4 и 4.3.

Семантике, привносимой типом восходящего акцента, посвящен раздел 3.4, а здесь заметим, что в русском языке основным немаркированным акцентом темы и незавершенности служит акцент типа ИК-3 (по Брызгуновой) с падением на заударных, если они есть. В других же языках, например в немецком и в польском, немаркированным способом выражения текстовой незавершенности служит акцент типа русского ИК-4 с подъемом на заударных или конечной части ударного слога, если заударных нет. При этом никакой особой семантики рассказа «по порядку», как при русском ИК-4, здесь не возникает. Следовательно, тип акцента привносит в предложение особую семантику, в разных языках эта семантика различна, и в качестве немаркированного типа указания на незавершенность в языках могут использоваться разные акценты.

Цель данного раздела — выделить стратегии указания на незавершенность в русском языке, в частности, в композиции с контрастом и эмфазой, определить набор и линейную последовательность акцентоносителей в предложении, а также показать, что выделенные здесь стратегии и их комбинации с контрастом и эмфазой — разные. Там, где у русской незавершенности находятся интересные западноевропейские параллели, мы приводим соответствующие примеры.

В разделе 3.1 рассматривается стратегия манифестации незавершенности, при которой маркером незавершенности служит сказуемое, как в предложении *Я тогда пиджак↘ снял↗...* В разделе 3.2 рассматривается стратегия незавершенности, при которой начальные предложения в составе сложного (или распространенного предложения с однородными членами) оформлены как темы, как в рассмотренном выше примере *Она бежала↗, ударилась↗ обо что-то, потом упала↗, из носа текла кровь↗, я подошел↗, испугался↗...* В разделе 3.3 анализируются стратегии незавершенности,

осложненной контрастом и эмфазой (раздел 3.3.1), а также верификацией (раздел 3.3.2). В разделе 3.4 рассматриваются набор акцентов, обслуживающих стратегии незавершенности, и приносимая этими акцентами семантика.

3.1. Конечное сказуемое как показатель незавершенности

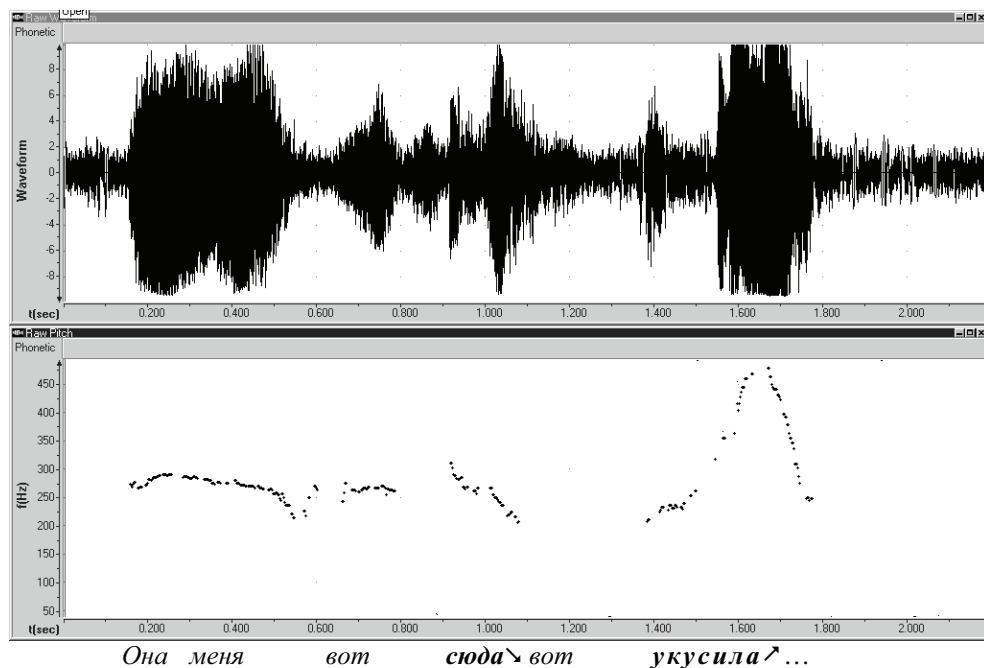
В данном разделе мы обратимся к стратегии, проиллюстрированной выше при постановке задачи предложением *Я тогда пиджак↘ снял↗...* Рассмотрим эту стратегию более детально и в контексте большего числа примеров. Обратимся к фрагменту из рассказа маленького мальчика о том, какой он видел сон.

- (1) *Стоял я с тетей Наташей возле двери, а мышь вот эта вот была в подвале. Да, около подвала, ну вот. Она на меня как поползла, я ее ногой хотел убить, а потом, — это — рукой прихлопнуть. Она меня вот сюда вот укусила, мне тетя чё-то сказала: ... Укус это ... чё-то там надо... чё-то... уколы делать.*

Рассмотрим предложение (1a) — фрагмент текста (1) — и соответствующую ему Тонограмму 1.

- (1a) *Она меня вот сюда↘ вот укусила↗...*

Тонограмма 1

Тонограмма показывает, что в этом предложении два тональных пика: падение типа ИК-1 на *сюда* и подъем типа ИК-3 на *укусила*. На ударном слоге *-си-* глагола *укусила* наблюдается существенное повышение частоты основного тона. Заударный слог *-ла* характеризуется заударным падением с большим перепадом частот. Возникают два вопроса: что обозначают эти акценты и почему каждый из них фиксируется на этих, а не на других словоформах?

Акценты, совершающиеся в больших диапазонах частот, заставляют предположить возможный контраст. Однако, как кажется, когда мальчик говорит, что *мышь укусила его «вот сюда»*, т. е. в руку, это не значит, что он хочет подчеркнуть, что *мышь укусила его в руку*, а не в какое-нибудь другое место. Мальчик просто сообщает о том, куда укусила его *мышь*. Если это сообщение, возникает гипотеза о том, что словоформа *сюда* — это акцентоноситель сообщаемой части предложения, или ремы. Дополнительным аргументом в пользу этого решения может служить сравнение предложения (1а) с предложением (1б), у которого та же лексико-синтаксическая структура, что и у (1а), но акцентоноситель ремы расположен в конце предложения, т. е. в «дефолтной», немаркированной, позиции.

(1б) *Она укусила меня вот сюда*↘.

Мы видим, что акценты (падение тона) и акцентоносители падения в предложениях (1а) и (1б) совпадают.

Обратимся теперь к глаголу *укусила* в примере (1а). Почему носителем восходящего акцента ИК-3 здесь служит глагол и что обозначает восходящий тон? Акцент на глаголе заставляет предположить верификацию в терминах П. Адамца [1978: 101—103]. Однако, что касается предложения (1а), о каком бы то ни было событии, которое ожидалось бы или о котором говорилось бы в предположительном смысле и которое требовалось бы подтвердить или опровергнуть, в тексте нет. Кроме того, если мы имеем дело с верификацией, то акцент на глаголе единственный, а в предложении (1а) два акцента: на *сюда* и на *укусила*. Значит, акцент на *укусила* не обозначает верификации.

Далее. Предположим, что здесь перед нами не верификация, а простой контраст, например, *укусила*, *⟨а не поцеловала⟩*. Однако контекст говорит о том, что такого значения здесь тоже нет. Таким образом, апелляция к понятию контраста не объясняет распределения акцентов в предложении (1а).

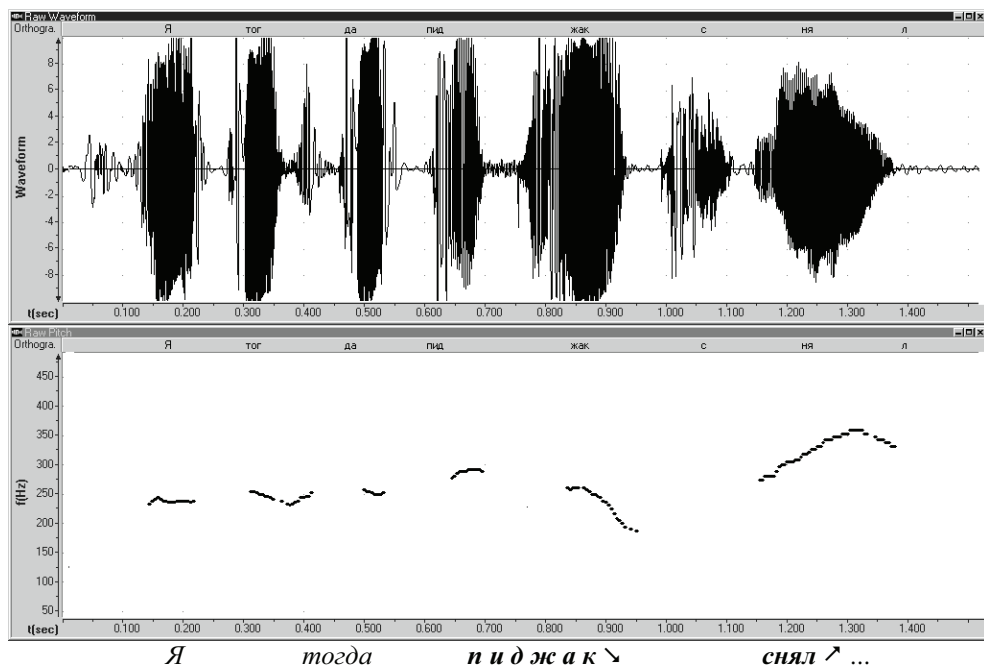
Обратимся к более широкому языковому материалу. Рассмотрим другие примеры с той же коммуникативной и линейно-акцентной структурой, что и в предложении (1а). Прежде всего, нашим требованиям отвечает пример *Я тогда пиджак↘ снял↗*..., к которому мы обращались выше:

(2) а. *Я тогда пиджак↘ снял↗*, б. *на почту↘ поскорее побежал↗*,
с. *жене телеграмму о снижении цен на фрукты↘ дал↗*. *⟨Потому что личный покой прежде всего.⟩*

Предложение (2а) и глагольные группы (2b) и (2с) демонстрируют ту же коммуникативную и интонационную структуру, что и предложение (1а). Например, на тонограмме 2 предложения (2а) можно наблюдать подъем на *снял* в конце предложения и падение на *пиджак*.

(2а) Я тогда *пиджак* ↘ *снял* ↗ ...

Тонаграмма 2

(Для получения тонограммы предложение (2а) было прочитано информантами в лабораторных условиях.)

Если сравнить предложения (2) с их коррелятами (2.1) типа «тема — рема» с ремой в конце предложения, нетрудно заметить, что носители нисходящего акцента и в предложениях примера (2) совпадают с акцентоносителями ремы в предложениях (2.1):

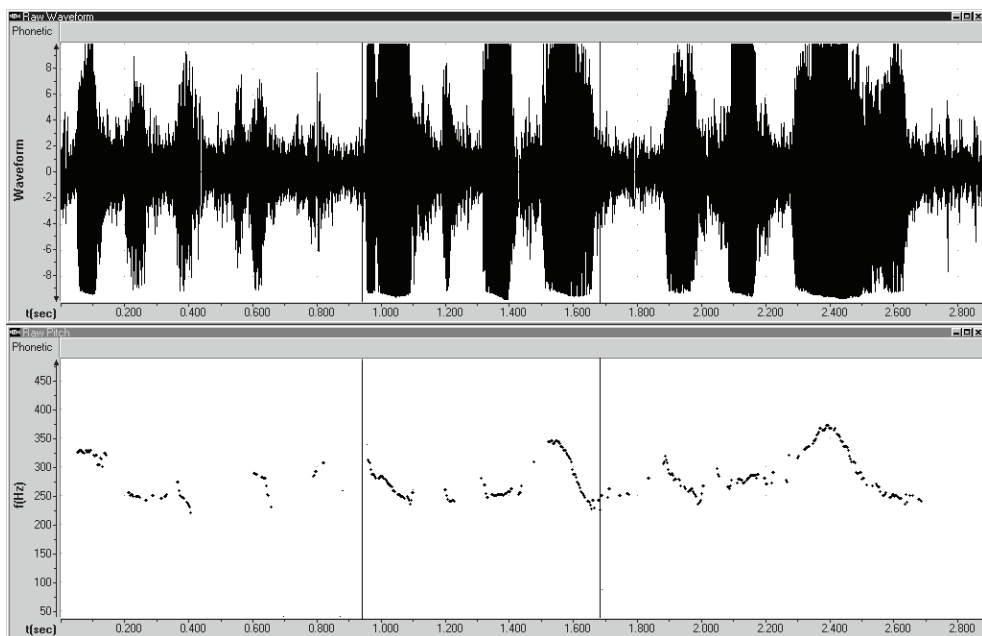
(2.1) а. Я тогда *снял пиджак* ↘; б. Я *побежал на почту* ↘; с. Я *дал жене телеграмму о снижении цен на фрукты* ↘.

Обратимся к другим примерам из базы данных детской речи, которые — предположительно — тоже реализуют анализируемый здесь тип незавершенности.

(3) ⟨И вот во сне ⟩ какое-то чувство *страха* ↘ *охватило* ↗, ⟨и вот во сне у меня...⟩

Тонограмма примера (3) демонстрирует падение частоты тона на подлежащем *чувство страха* с акцентоносителем словоформой *страха* и подъем типа ИК-3 на сказуемом *охватило* с повышением на ударном слоге *-ти-* и падением на *-ло*. Фрагмент *страха*↘ *охватило*↗ на тонограмме выделен курсорами.

Тонограмма 3

... какое-то чувство *страха*↘ *охватило*↗, *<и вот во сне у меня...>*

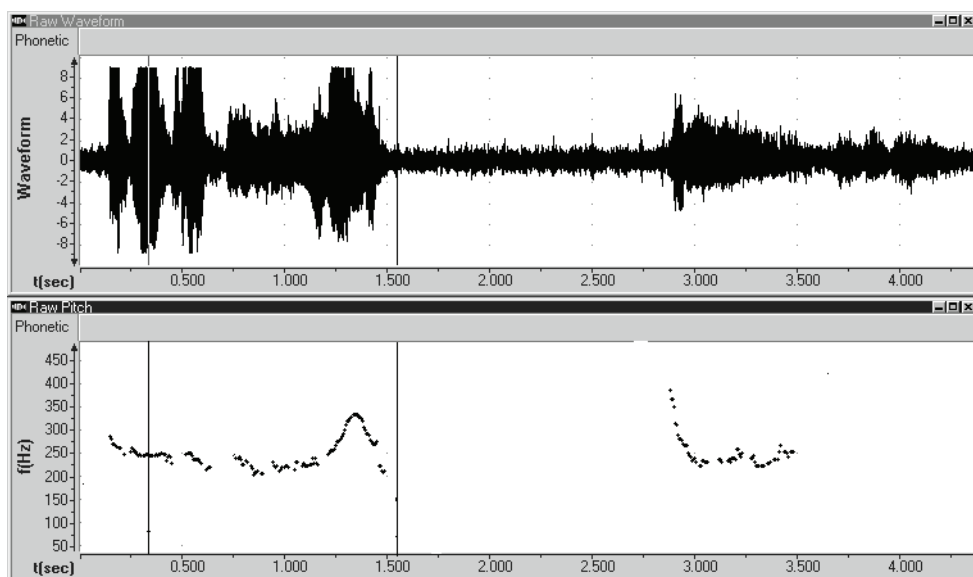
Аналогично, в примерах (4) и (5) на актанте наблюдается падение, а на конечном сказуемом — подъем: *обратно*↘ *уже бежали*↗; *из комнаты*↘ *выхожу*↗.

(4) *И когда обратно*↘ *уже бежали*↗, *<ммм сейчас...>*

(5) *Я из комнаты*↘ *выхожу*↗, *<когда вхожу, она уже наполовину пустая.>*

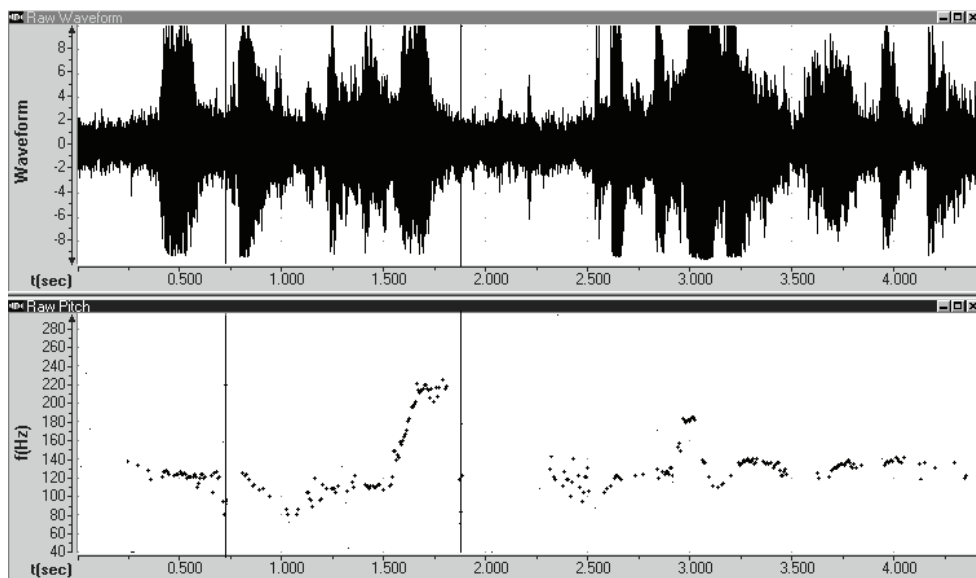
Если сравнить предложения (3)—(5) и (3а)—(5а) с той же лексико-синтаксической структурой, что и (3)—(5), но свободные от контекста, т. е. в отсутствие незавершенности, окажется, что носители нисходящего акцента в (3)—(5) совпадают с акцентоносителями ремы в (3а)—(5а). Это словоформы *страха*, *обратно*, *комнаты*.

Тонограмма 4

*И когда **обратно** уже **бежали**,* *⟨м-м-м сейчас...⟩*

Тонограмма 5

*Я из **комнаты** **выхожу**,* *⟨когда вхожу, она уже наполовину пустая.⟩*

(3а) *Во сне меня охватило какое-то чувство **страха**↘.*

(4а) *Уже бежали **обратно**↘.*

(5а) *Я выхожу из **комнаты**↘.*

Совпадение акцентоносителей дает основание полагать, что и в (3)—(5) носители нисходящего акцента служат акцентоносителями ремы. Что же касается восходящего тона в предложениях (1а), (2), (3)—(5), то он фиксируется на глаголе. Наша гипотеза состоит в том, что «ударность» глагола указывает на то, что текст еще не кончился, т. е. функция подъема тона на глаголе не локальная, а дискурсивная: ударность глагола направлена на связь с текстом. Ср. предложения (1а) и (2)—(5) с их минимальными парами — предложениями (1с) и (3б)—(5б) соответственно, в которых никакого указания на то, что продолжение следует, нет:

(1с) *Она меня вот **сюда**↘ укусила.*

(3б) *Какое-то чувство **страха**↘ охватило.*

(4б) *Уже **обратно**↘ бежали.*

(5б) *Я из **комнаты**↘ выхожу.*

Глагол² здесь, как и следовало ожидать, «безударен»³.

Остается вопрос, почему ударность именно глагола служит указанием на незавершенность текста? Наша гипотеза состоит в следующем: глагол здесь выбирается, так сказать, по «остаточному» принципу. Поясним. В соответствии с принципами выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих с различной синтаксической структурой (см. раздел 2.1.1.1.2.1) имен-

² Сделаем терминологическое уточнение, которое касается положения о глаголе как показателе незавершенности при использовании анализируемой здесь стратегии. Более точно в этом случае было бы говорить не об акцентировании глагола, а об акцентировании сказуемого, ср. пример с нефинитным сказуемым в роли акцентоносителя незавершенности: *У меня **пиджак**↘ снят↗, **воротник**↘ **растегнут**↗, телеграмма **жене**↘ дана↗...* Однако выше, говоря о незавершенности типа *пиджак*↘ *снял*↗, мы пользовались термином «глагол», так как глагол — это прототипическое сказуемое и статистически большинство восходящих акцентов незавершенности при использовании рассматриваемой здесь стратегии приходится именно на финитную форму глагола. Между тем финитный глагол, в свою очередь, служит акцентоносителем верификации, и при ударности глагола всегда возникает вопрос, что перед нами — незавершенность или верификация. Итак, при сравнительной «диагностике» незавершенности и верификации контекст верификации заставил нас использовать термин «глагол», хотя в применении к незавершенности более точно было бы использовать термин «сказуемое».

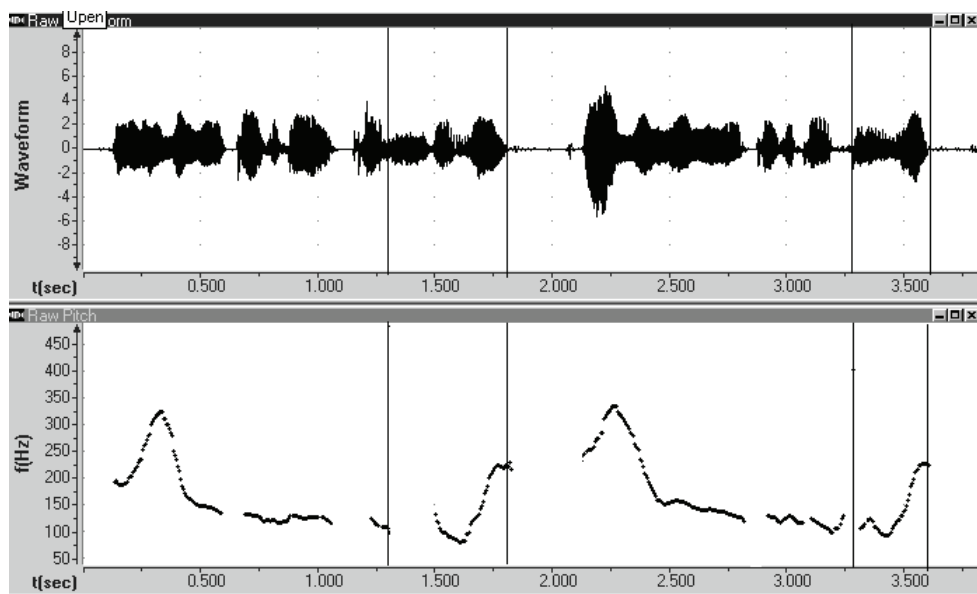
³ «Безударность» здесь понимается в смысле отсутствия коммуникативно релевантных акцентов.

ные группы предложения — это статистически наиболее вероятные акцентоносители тем и рем. Поэтому, в соответствии с нашей гипотезой, роль «окна» в текст приходится на глагол⁴: в предложениях типа (1а) и (2)—(5) акцент на глаголе «работает» не на предложение, а на текст.

Для полноты картины заметим, что если глагол в предложении связан одновременно и с локальной функцией, т. е. он акцентоноситель ремы, и с дискурсивной, т. е. он имеет и катафорическую функцию, то на нем фиксируется композиция обоих акцентов — одновременно и нисходящий (или низкий ровный), и восходящий, предвещающий продолжение текста, т. е. в сумме — нисходяще-восходящий акцент типа ИК-4:

(6) *Она меня тогда укусила↘↗; Он ее мне тогда дал↘↗.*

Тонограмма 6

Она меня тогда укусила; Он мне ее тогда дал

На тонограмме (6) ударный и заударный слоги словоформы-акцентоносителя *укусила* и единственный слог словоформы-акцентоносителя *дал* выделены курсорами.

⁴ Глагол, вообще говоря, тоже может быть акцентоносителем ремы, если неактивированных именных групп в предложении нет: *⟨В консерваторию он не попал.⟩ Пел↘ плохо; Она меня тогда укусила↘.* Но, в принципе, глагол, во всяком случае в отсутствие в предложении контрастов, — это статистически наиболее «свободный» от локальных акцентов компонент предложения.

Покажем теперь, что рассматриваемая стратегия незавершенности текста используется только в разговорной речи и не годится для возвышенного стиля. Ср. предложение (7) из Пушкина:

(7) *Природа жаждущих степей // Его в день гнева* ∨ *породила.*

В примере (7) акцентоноситель ремы — словоформа *гнева*. Это одно из возможных прочтений данного предложения. Возможны и другие трактовки. Так, при чтении стихов коммуникативное членение может вообще не отражаться: стихотворный текст читается нараспев на ровном тоне. Существенно только, что прочтение (7), которое мы изображаем здесь с помощью интонационной разметки, возможно и весьма вероятно.

Далее. У предложения (7) есть продолжение. Значит, теоретически, рассмотренная выше стратегия поддержания связности текста должна была бы быть приложима к предложению (7):

(7а) [?]*Природа жаждущих степей // Его в день гнева* ∨ *породила* ↗.
И зелень мертвую ветвей // И корни ядом напоила.

Однако такая трактовка не соответствует стилю текста. Неуместность прочтения (7а) — свидетельство в пользу того, что рассмотренная стратегия принадлежит сугубо разговорному стилю, ср. также: [?]*И он к устам* ∨ *моим приник* ↗ // *И вырвал грешный мой язык.*

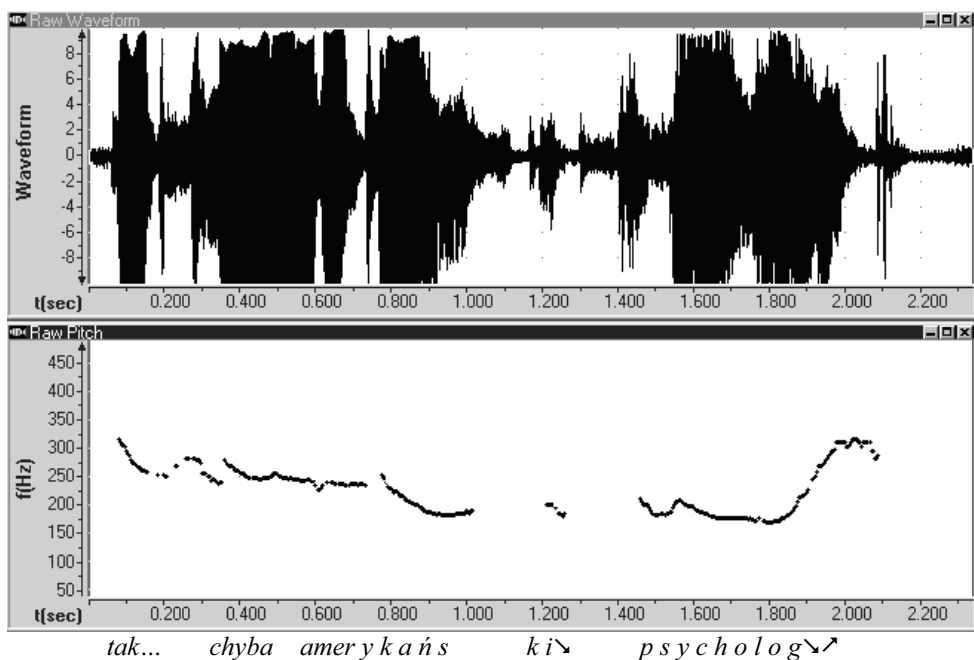
Таким образом, анализируемая линейно-акцентная стратегия характеризуется падением на акцентоносителе ремы и подъемом на сказуемом. Падение в линейной цепочке коммуникативно релевантных акцентов предшествует подъему. Стратегия поддержания связности текста со сказуемым в роли маркера незавершенности используется, когда говорящий хочет выразить, что каждое событие в цепи событий мыслится как отдельное и что описание этого события «продвигает» повествование вперед. Это особая стратегия русского языка, при которой для ремы и незавершенности предусмотрены отдельные акцентоносители. Такой тип выражения незавершенности мы называем аналитическим. Он встречается не во всех языках. Фактически во всем исследованном нами материале встретилось только два примера текстового интонационного аналитизма — в польском языке и в английском языке. При этом обе ремы — и в польском, и в английском — имеют уточняющую семантику, и выбор их акцентоносителей, а также акцентоносителей незавершенности определяется правилами не для простых рем, а для контрастных. Показателем незавершенности здесь, как правило, оказывается не сказуемое, см. раздел 3.3 ниже, посвященный композиции трех значений — ремы, незавершенности и контраста. Приведем здесь польский и английский примеры аналитизма в выборе акцентоносителя с кратким комментарием. Обратимся к польскому примеру (8).

(8) *Sluchajcie, pamietam, gdzie czytalam o takim eksperymencie, który przeprowadził psycholog, tak..., chyba amerykański psycholog, i... przysłuchiwał się on rozmowom, naciskając stoper, mierząc czas...*

‘Послушайте, помню, где-то читала о таком эксперименте, который проводил психолог, вроде, американский психолог, ... прислушивался к разговорам, нажимая на кнопку, замеряя время...’

В тексте (8) как пример аналитической стратегии незавершенности мы рассматриваем фрагмент *tak... chyba amerykański psycholog* ‘... кажется, американский психолог’.

Тонограмма 8

С перцептивной точки зрения, — и тонограмма это подтверждает — в данном фрагменте имеется два интенсивных акцента — нисходящий на *amerykański* и подъем типа ИК-4 на *psycholog*. Ударность словоформы *amerykański* обусловлена уточняющим характером предложения. Говорящий уже упоминал о том, что исследования, которые составляют предмет разговора, проводил какой-то психолог, и, возвратившись мыслью назад, уточняет, что психолог-то был американский. Здесь перед нами уточняющая рема *amerykański*. Затем на словоформе *psycholog* мы видим типичный польский акцент незавершенности типа русского ИК-4 с низким ровным тоном на [хо] и крутым подъемом на заударном [log]. Здесь словоформа *amerykański* служит акцентоносителем ремы (уточняющей), а словоформа *psycholog* — акцентоносителем незавер-

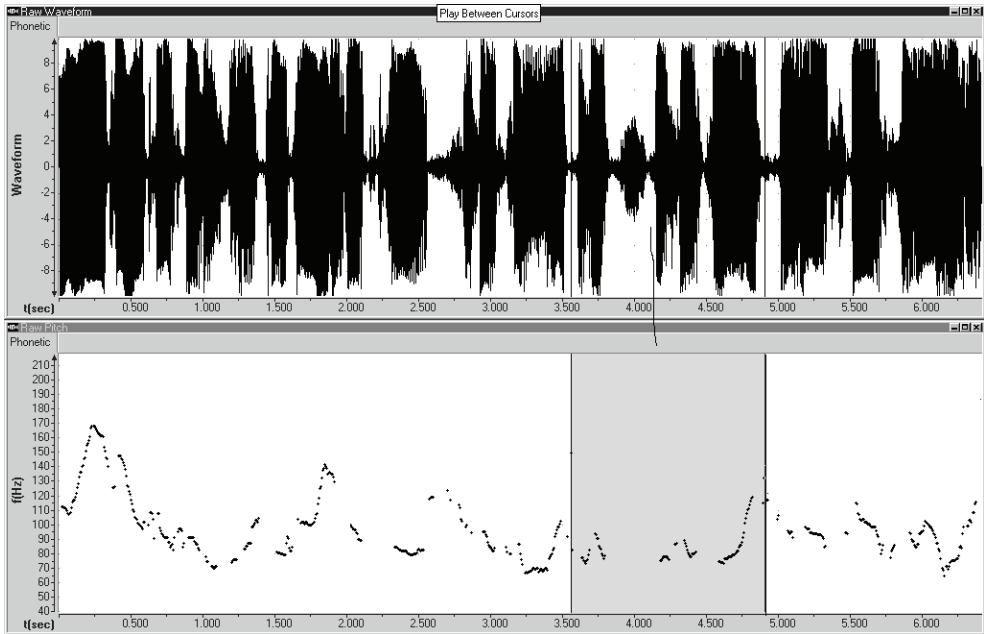
шенности. Аналогичное распределение акцентоносителей мы найдем и в примерах из подраздела 3.3 ниже, посвященного аналитической незавершенности в контексте контраста и эмфазы в русском языке. Судя по польскому и английскому примерам, к значениям, влияющим на выбор акцентоносителей, таким как контраст и эмфаза, следует добавить и уточняющую рему как частный случай контраста. Нетрудно экстраполировать польский пример на русский материал: в русской речи фрагмент текста ... *Эксперименты проводил один психолог. Вроде, американский* ↘ ↗ *психолог* ↗ ... тоже вполне вероятен.

Далее. В примере (9), взятом из американской радиопередачи, говорящий делает поправку к собственным словам в форме ремы самокоррекции: назвав имя писателя, говорящий уточняет, что он имел в виду не одну книгу этого писателя, а многие книги (*books*). В результате в одном фрагменте текста соседствуют рема самокоррекции *books* и показатель незавершенности восходяще-нисходящий акцент на словоформе *Kerouac*. Это автор книг, о которых ведет речь говорящий. Обратимся к тексту и к тонограмме.

(9) *⟨When I came across buddhism ↘ ↗ I looked through the book of Jack Kerouac ↘ ↗⟩ — books ↘ ↗ of Jack Kerouac ↘ ↗ — ⟨and unexplored zen ↘ ↗ ...⟩.*

‘⟨Когда я столкнулся с буддизмом, я просмотрел книгу Джека Керуака⟩ — книги Джека Керуака — ⟨и непознанное дзэн...⟩’

Тонаграмма 9

When I came across buddhism ↘ ↗ I looked through the book of Jack Kerouac ↘ ↗, books ↘ ↗ of Jack Kerouac ↘ ↗, and unexplored zen ↘ ↗ ...

В данном фрагменте четыре показателя незавершенности текста. Это словоформа *buddhism*, две встречаемости фамилии *Kerouac* и словоформа *zen*. Все незавершенности маркируются нисходяще-восходящим акцентом типа русского ИК-4. Во фрагменте *books of Jack Kerouac* два тональных пика: на *books* и на *Kerouac*. Фрагмент *books of Jack Kerouac* на тонограмме выделен курсорами.

Аналитизм, которым характеризуется английский пример (9), объясняется присутствием в предложении уточняющей ремы (разновидности контрастных рем). Можно заключить, что контраст повышает степень аналитизма при выражении текстовой незавершенности.

Итак, в данном подразделе была рассмотрена стратегия поддержания незавершенности текста, характерная для русской разговорной речи. При этой стратегии на акцентоносителе ремы, который выбирается согласно общим принципам выбора акцентоносителя, фиксируется падение тона. На сказуемом фиксируется подъем тона, а само сказуемое продвигается на последнее место в предложении. Падение тона на акцентоносителе ремы располагается в линейной цепочке предложения ранее акцентоносителя незавершенности. При такой стратегии каждое из излагаемых событий мыслится говорящим как отдельное, и упоминание о нем продвигает повествование вперед. Стратегия, при которой у ремы и незавершенности отдельные акцентоносители, характерна для русской разговорной речи. Она не встречается в возвышенном стиле. Стратегию с автономными акцентоносителями для ремы и незавершенности мы называем аналитической. Она не характерна для рассмотренных нами западноевропейских языков. Однако польские и английские примеры показывают, что при осложнении текста контрастами способность к аналитизму у языков повышается и акцентоноситель контрастной ремы, в отличие от простой ремы, обретает способность комбинироваться с отдельным акцентоносителем незавершенности.

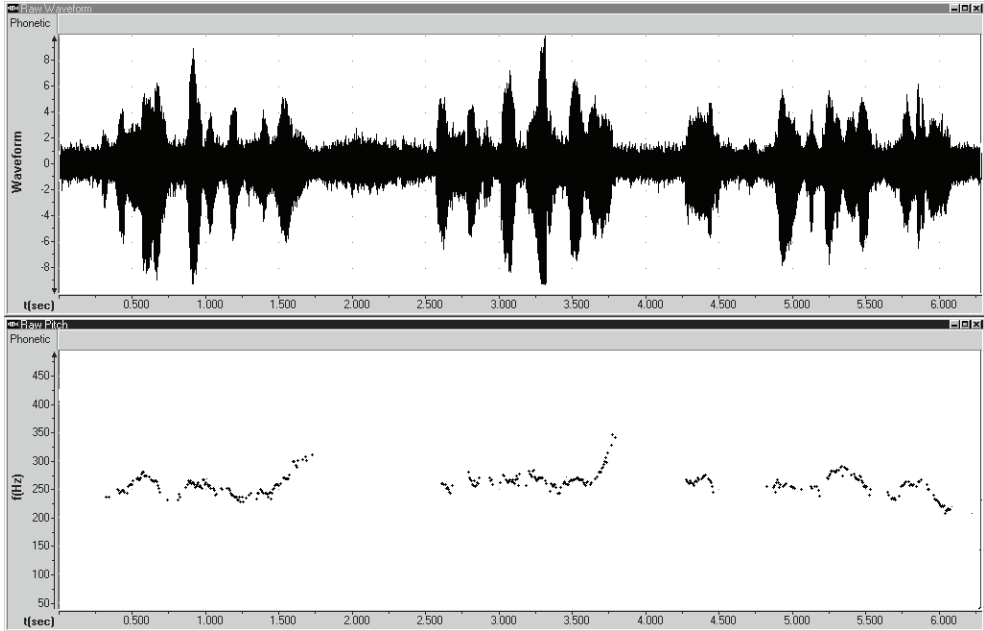
3.2. Множественные темы

Обратимся к другой стратегии поддержания связности текста. Эту стратегию иллюстрирует пример (10), который опять же взят из рассказа ребенка. Эта стратегия основана на принципе множественных тем: неконечные предложения фрагмента, реализующего эту стратегию, играют роль тем, конечное предложение — рема⁵.

⁵ Выбор акцентоносителя при такой стратегии следует правилам выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей с синтаксической структурой целого предложения S, а если в составляющих текста есть свои внутренние темы, то в соот-

- (10) *За мной бегала баба-Яга↗, в общем, я от нее бегу↗, <и думаю, куда же мне побежать>↘.*

Тонограмма 10

За мной бегала баба-Яга↗, в общем, я от нее бегу↗, и думаю, куда же мне побежать>↘.

Тонограмма 10 демонстрирует два подъема на акцентоносителях *баба-Яга* и *бегу*. Это акцент типа ИК-3 (в отсутствие заударных слогов).

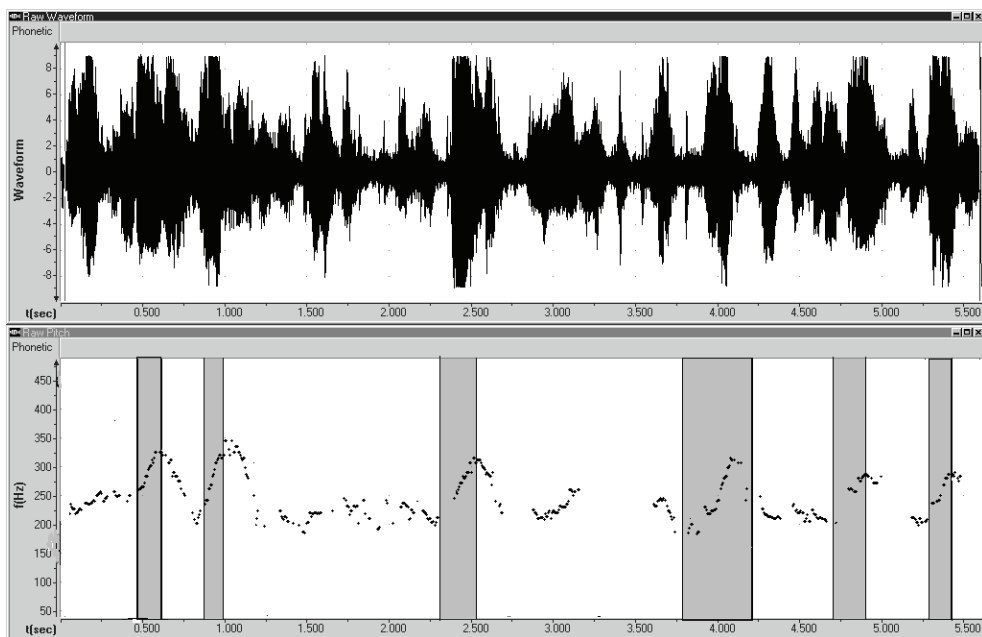
При такой стратегии события могут пониматься как одновременные или как последовательные, но никакой внутренней законченности каждому из этих событий в отдельности не приписывается. Скорее, они рассматриваются как сюжетный фон для какого-то более важного события.

Приведем другие примеры. Обратимся к тонограмме предложения, к которому мы уже обращались выше при постановке задачи. Здесь этот пример приводится под номером (11). Это тоже фрагмент из реальной речи.

- (11) *Она бежала↗, ударилась↗ обо что-то, потом упала↗, из носа текла кровь↗, я подошел↗, испугался↗...*

ветствии с синтаксической структурой остатка предложения выбор акцентоносителя может подчиняться правилам для целого предложения, а также для именной (NP) или глагольной группы (VP), см. раздел 2.1.1.1.2.

Тонограмма 11

Она бежала↗, ударилась↗ обо что-то, потом упала↘, из носа текла кровь↗, я подошел↗, испугался↗...

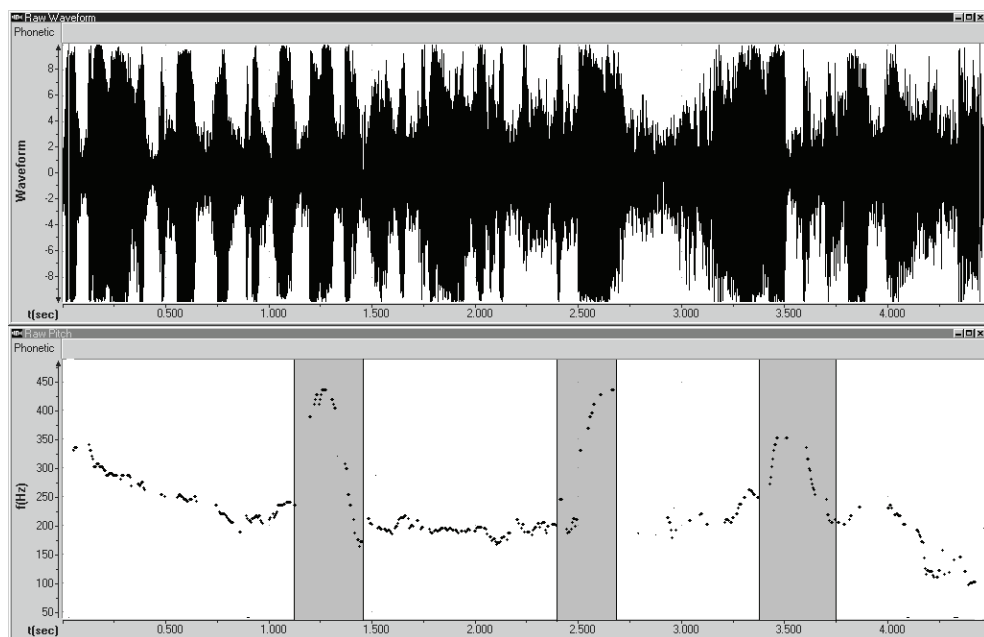
Тонограмма 11 показывает, что на словоформах *бежала*, *ударилась*, *упала*, *кровь*, *подошел* и *испугался* фиксируется акцент типа ИК-3. Ударные слоги акцентоносителей взяты в курсоры. Акцентоносители выбраны в полном соответствии с правилами выбора акцентоносителей, имеющих синтаксическую структуру целого предложения S, и с учетом фактора активации (правила см. в 2.1.1.1.2.1).

Эту же стратегию иллюстрирует рассказ пострадавшей от взрыва газа из телевизионной программы новостей (12).

(12) *Потом я уже подошла в другую комнату↗, вот у меня выбито стекло↗, но запаха↗ газа не ощущаю↘.*

Здесь предложения *Потом я уже подошла в другую комнату* и *вот у меня выбито стекло* представлены как темы. Последнее предложение *но запаха газа не ощущаю* разделено на тему *запах газа* с акцентоносителем словоформой *запах* и реме *не ощущаю*, которая служит заключительной ремой всего фрагмента. Тонограмма 12 показывает, что на акцентоносителях тем фиксируется подъем ИК-3 с повышением на ударном слоге и падением на заударных, если они есть. В словоформах *комнату* и *запах* заударных слоги есть, и на них фиксируется падение, а в словоформе *стекло* заударных нет.

Тонограмма 12

Потом я уже подошла в другую комнату↗, вот у меня выбито стекло↗, но запаха↗ газа не ощущаю↘

Словоформы *комнату*, *стекло* и *запаху* выделены курсорами. Кроме того, в неконечных предложениях факультативно могут быть свои внутренние темы. В примере (12) таких тем нет.

Покажем теперь, что стратегия множественных тем применима и к лексико-синтаксической структуре (2) о пиджаке. Для удобства сравнения повторим здесь пример (2) под номером (2.2). Вслед за ним приведем пример (2.3), в котором тот же сюжет изложен с использованием стратегии множественных тем, которая рассматривается в данном подразделе:

(2.2) а. Я тогда **пиджак**↘ снял↗, б. на **почту**↘ поскорее **побежал**↗, с. жене телеграмму о снижении цен на **фрукты**↘ дал↗. (Потому что личный покой прежде всего.)

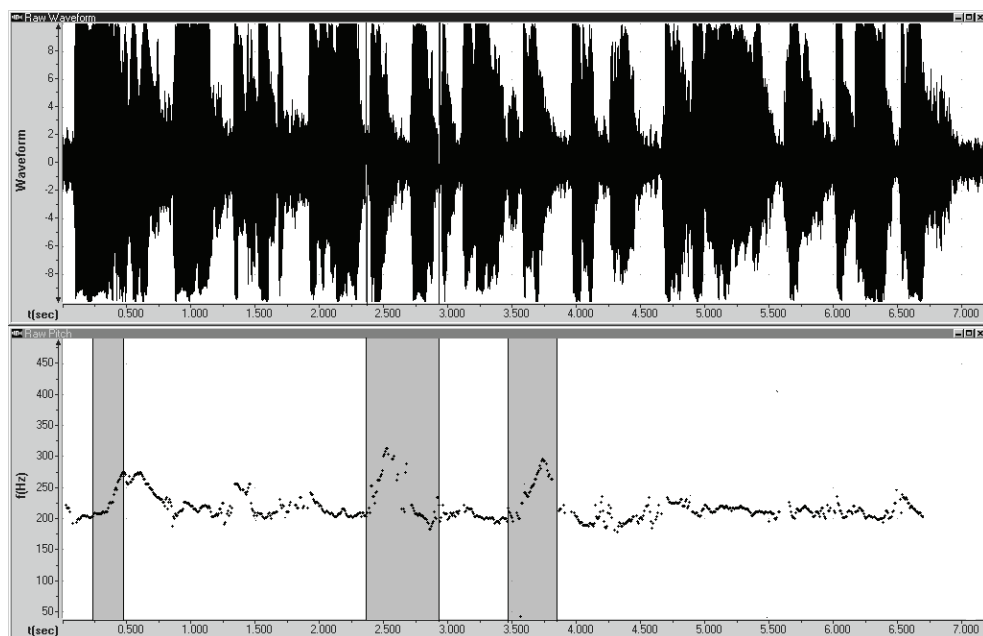
(2.3) а. Я тогда снял **пиджак**↗, б. поскорее **побежал** на **почту**↗, с. дал жене телеграмму о снижении цен на **фрукты**↗, (потому что личный покой для меня всегда прежде всего.)

Примеры (2.2) и (2.3) демонстрируют разные способы «упаковки» одной и той же информации. Указание на то, что текст еще не кончился, есть и в (2.2) и в (2.3). Это говорит о том, что одни и те же события могут излагаться разными способами в зависимости от коммуникативных стратегий говорящего.

Стратегии, аналогичные русской стратегии множественных тем, есть во всех исследованных языках. Отличие может состоять в том, что основной акцент, обслуживающий эту стратегию, а в русском это акцент типа ИК-3, отличается от русского. Так, в английском языке, как в британском, так и в американском варианте, незавершенность, выраженная акцентом с подъемом на ударном слоге и падением на заударных типа ИК-3, судя по нашим данным, встречается достаточно редко, ср. единственный в нашей базе данных пример (13) из речи американской учительницы.

- (13) *I know↗ you may have heard about the terrible accident↗ in the World trade↗ center, don't worry, we will keep you informed.*
 'Я знаю, вы уже могли слышать об этой ужасной катастрофе в Международном центре торговли, не волнуйтесь, мы будем держать вас в курсе событий'

Тонограмма 13

I know↗ you may have heard about the terrible accident↗ in the World trade↗ center, don't worry, we will keep you informed.

В примере (13) мы наблюдаем три восходящих акцента с падением на заударных. Словоформы-акцентоносители *know* 'знаю', *accident* 'несчастный случай', *trade* 'торговля' взяты в курсоры. Сочетание *I know* 'я знаю' здесь представляет собой начальную тему. В качестве заударных выступает последовательность атонических словоформ *you may have*. Словоформа *accident*

формально служит акцентоносителем второй темы, а фактически маркирует незавершенность. Словоформа *accident* взята в курсоры, на первом слоге у нее фиксируется подъем, а на втором и третьем — тон падает. Словосочетание *in the World trade center* в качестве акцентоносителя имеет словоформу *trade* в соответствии с правилами выбора акцентоносителя в атрибутивных синтагмах английского языка (ср. *coffee shop* с акцентоносителем *coffee*⁶). На заударной словоформе *center* тон падает. В английском и в польском текстовая незавершенность, как правило, маркируется акцентом с подъемом на заударных (типа русского акцента ИК-4), ср. английский пример (14) из речи американца, научного сотрудника, работающего в Москве, и польский пример (15) из радиопередачи.

В примере (14) незавершенность маркируется акцентом типа русского ИК-4 с подъемом на втором компоненте последнего или единственного слога акцентоносителя, т. е. в условиях, когда заударные слоги отсутствуют. В двух акцентоносителях из примера (14) словоформ *months* ‘месяцы’ и *learn* ‘учиться’ заударных нет. На них ясно видно характерное нисходяще-восходящее движение тона. Словоформы *months* и *learn* взяты в курсоры, см. Тонограмму 14.

(14) *I've been studying Russian now for six months ↘ ↗, it's not easy to learn ↘ ↗, it's turning to make more sense to me...*

‘Я учу русский уже шесть месяцев, его нелегко учить, он уже становится более понятным’

Заметим также, что в английском, а также в польском языке начальная тема в предложении может маркироваться как акцентом с подъемом на ударном слоге (т. е. по типу ИК-3), так и подъемом на заударных (по типу ИК-4), и подъем на ударных для начальной темы даже более характерен, ср. раздел 2.1.1.2. Между тем в качестве показателя незавершенности текста и для английского, и для польского более характерен подъем на заударных. Обратимся к примеру (15), типичному примеру незавершенности в польском языке. Словоформа *studia* ‘учеба в высшем учебном заведении’ выделена курсорами. На ударном слоге фиксируется падение тона, а на заударных — подъем в больших диапазонах частот, см. Тонограмму 15.

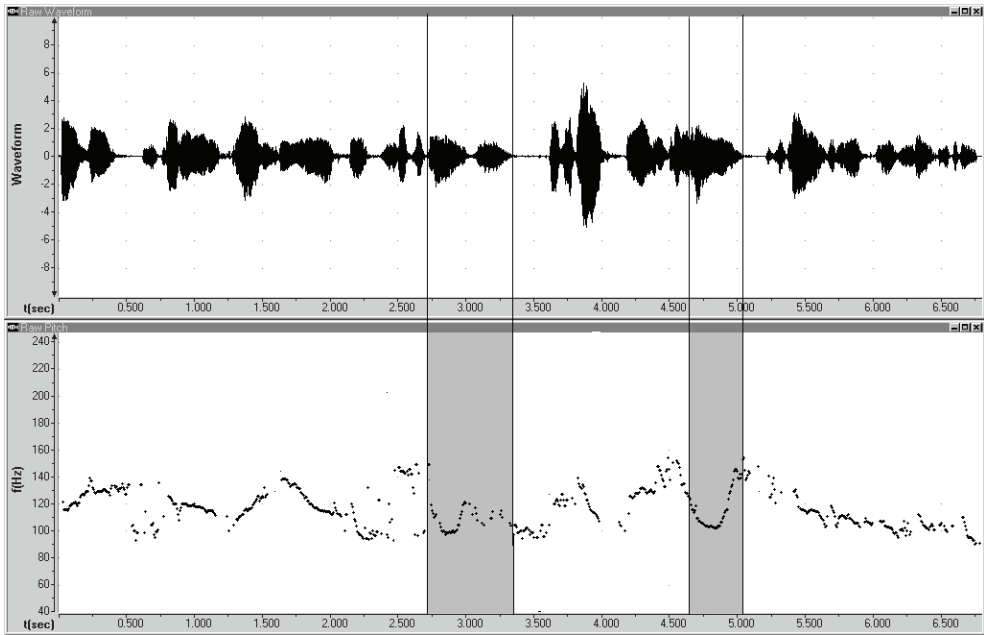
(15) *Jedna córka kończy studia ↘ ↗, a druga ma sześć lat.*

‘Одна дочь кончает институт, а другой шесть лет’

Ниже, в разделе 3.5, будет показано, что незавершенность с подъемом на заударных в русском языке имеет особую семантику, связанную с сопоставле-

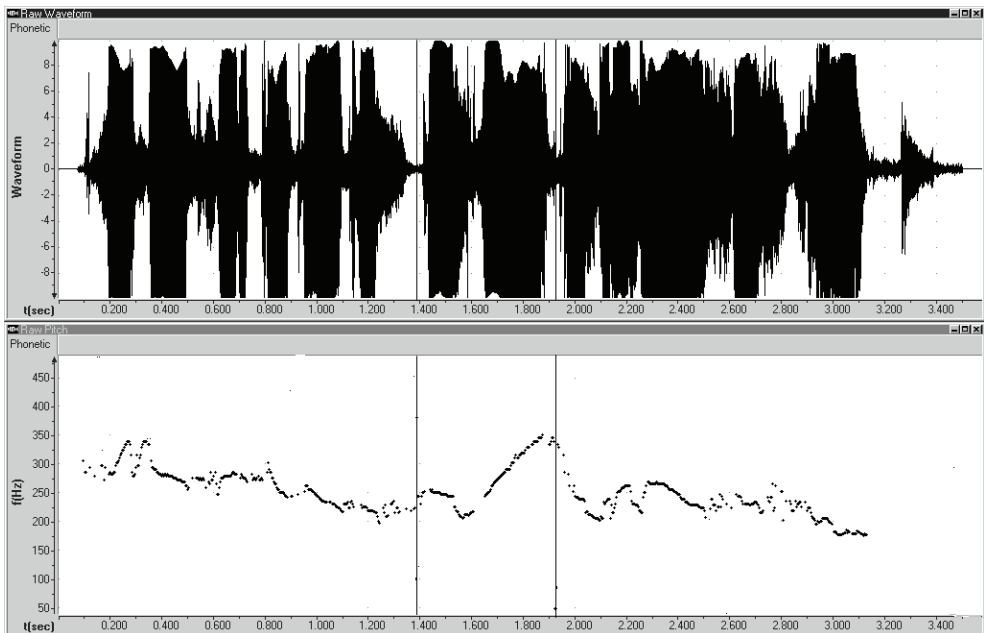
⁶ Ср. также аналогичные правила для немецкого языка, описанные в работе [Светозарова 1993].

Тонограмма 14

I've been studying Russian now for six months↗, it's not easy to learn↗, it's turning to make more sense to me...

Тонограмма 15

Jedna córka kónczy studia↗, a druga ma sześć lat

нием объектов или мнений, противопоставлением объектов, рассмотрением одного объекта на фоне других. В английском и в польском у подъема на ударных такой семантики нет. В этих языках подъем на ударных служит немаркированным показателем текстовой незавершенности, а также, наряду с подъемом на ударном, — и темы.

Итак, в данном подразделе была рассмотрена синтетическая стратегия поддержания незавершенности текста, при которой незавершенность фактически не отличается от темы: все неконечные фрагменты текста имеют вид тем по отношению к завершающей фрагмент текста реме. Такая стратегия незавершенного текста встречается во всех известных нам языках. Это наименее семантически маркированная стратегия незавершенности, не накладывающая никаких ограничений на логическую связь между событиями в сюжете: они могут быть как параллельными, так и последовательными. Различия по языкам сводятся в данном случае к тому, какой из восходящих акцентов служит немаркированным показателем данного типа незавершенности. Так, в русском языке это подъем тона типа ИК-3 с подъемом на ударном слоге и падением на заударных, если они есть. А для английского и польского языков более характерен подъем на заударных, которому предшествует падение на ударном слоге акцентоносителя, т. е. акцент типа русского ИК-4.

3.3. Незавершенность в контексте контраста, эмфазы и верификации

В данном подразделе рассматривается незавершенность, у которой, как и у стратегий, рассмотренных в разделах 3.1 и 3.2, основным средством выражения служит акцент типа ИК-3, но где выбор акцентоносителей не укладывается в картину, представленную в разделах 3.1 и 3.2. Основная задача данного раздела — проанализировать типы незавершенности, не совпадающие с рассмотренными выше, и выяснить, в чем состоят различия между ними.

3.3.1. Незавершенность в контексте контрастной и эмфатической ремы

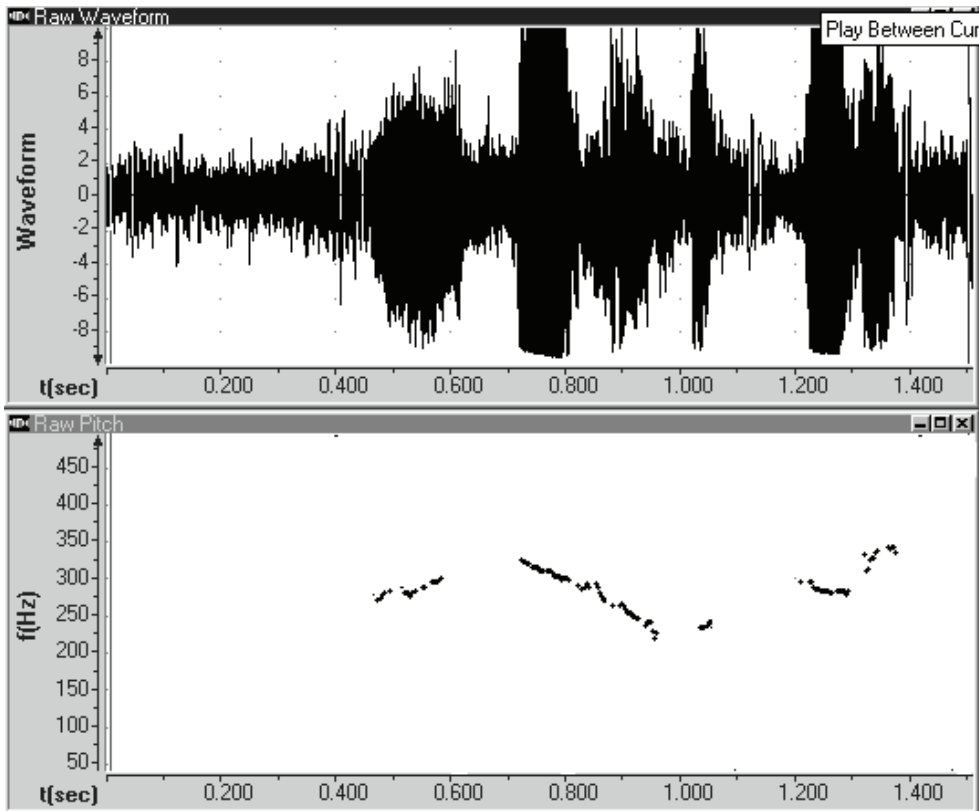
Как было показано в разделе 3.1, выражением одной из стратегий незавершенности в русском языке служит восходящий акцент типа ИК-3 на сказуемом плюс предшествующий нисходящий акцент типа ИК-1 на акцентоносителе ремы (если акцентоноситель ремы не глагол), ср. примеры (1а) и (2)—(5) выше. Между тем в группе примеров (16)—(20) ниже тоже наблюдается последовательность акцентов ИК-1—ИК-3 (или ИК-2—ИК-3), однако с иным,

чем в примерах (1a) и (2)—(5), выбором носителей соответствующих акцентов. Обратимся к этим примерам из базы отчетов детей об их сновидениях.

- (16) *Не сходила*↘ *так в туалет*↗...
 (17) *Он не привязан, а прибит*↘ *гвоздями*↗...
 (18) *Это была третья*↘ *часть моего сна*↗...
 (19) *Там я ходил еще*↘ *по какому-то лабиринту*↗...
 (20) *Не хотелось*↘ *мне этого делать*↗...

Рассмотрим тонограммы. На тонограмме предложения (16) мы наблюдаем падение на *сходила* и подъем на ударном слоге словоформы *туалет* в отсутствие заударных.

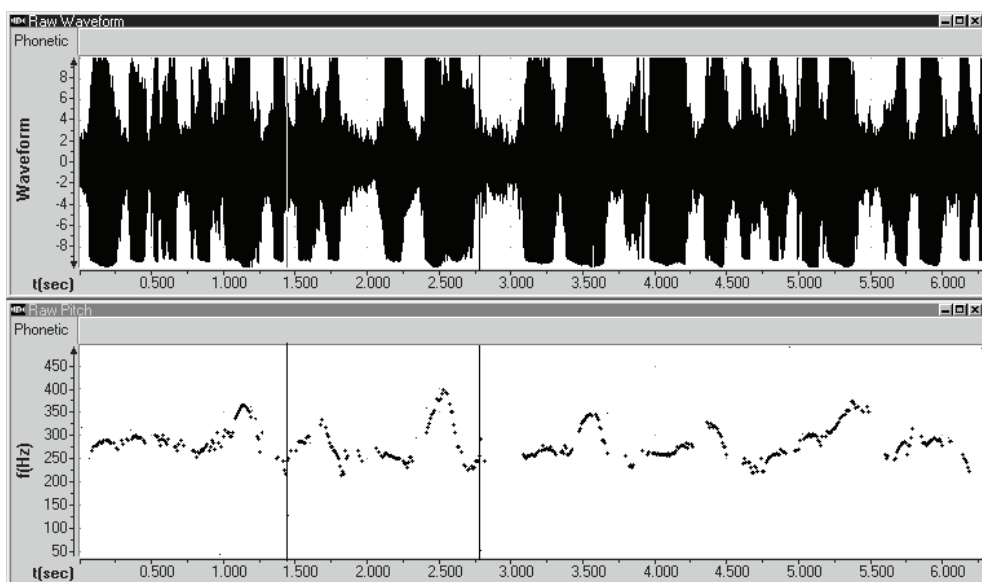
Тонограмма 16

Не сходила↘ *так в туалет*↗...

В примере (17) компонент *прибит гвоздями* выделен курсорами. Здесь наблюдается падение на ударном слоге словоформы *прибит* и подъем типа ИК-3 на *гвоздями* с повышением частоты на ударном слоге и падением на заударном.

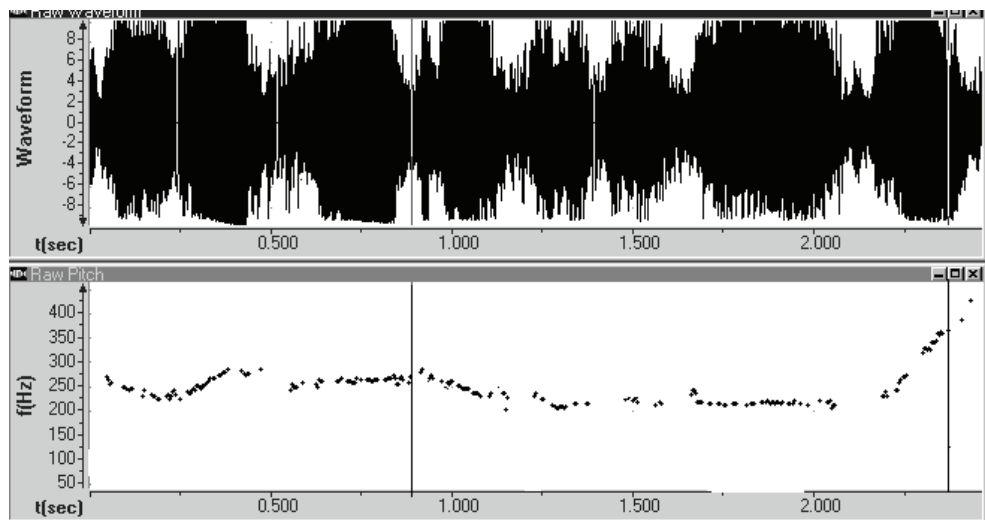
Тонограмма 17

И он это не привязан, а **прибит**↘ **гвоздями**↗, и не за руки, а вот просто вот за рукава его пальто

В примере (18) фрагмент **третья**↘ **часть моего сна**↗ выделен курсорами. Ясно видно небольшое падение на словоформе *третья* и подъем в отсутствие заударных на словоформе *сна*.

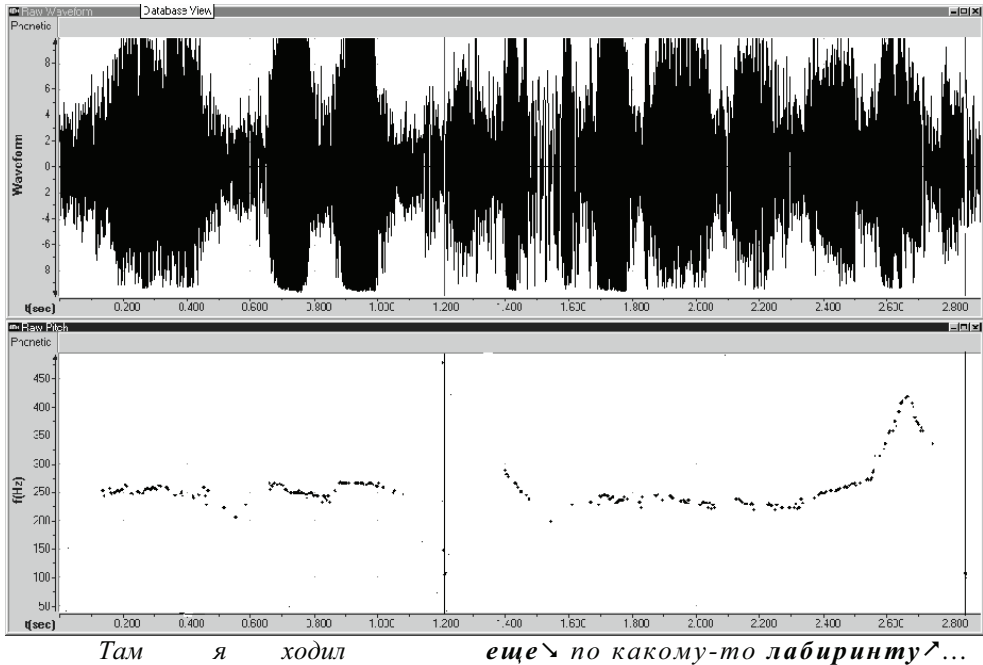
Тонограмма 18

Это была **третья**↘ **часть моего сна**↗...

В примере (19) фрагмент *еще* по какому-то лабиринту... выделен курсорами. На *еще* небольшое падение и подъем на словоформе *лабиринту* с падением на заударном слоге.

Тонограмма 19

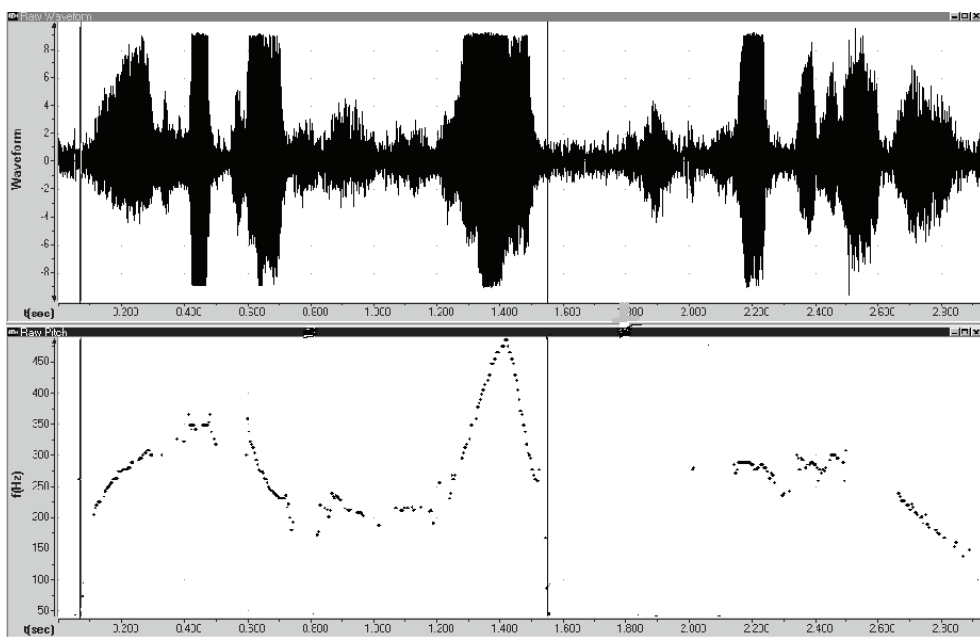

Фрагмент *еще* по какому-то лабиринту... выделен курсорами.

На тонограмме примера (20) можно видеть падение — в больших диапазонах частот — на *хотелось* и подъем на *делать* с крутым падением на заударном слоге. Фрагмент *Не хотелось* мне этого *делать*... выделен курсорами.

Как объяснить распределение акцентов и выбор акцентоносителей в примерах (16)—(20)? Нетрудно заметить, что в примерах (16)—(20) представлены разнообразные ситуации, связанные с контрастом. Так, в примере (16) говорящий корректирует ожидания слушающего, который должен был бы предположить, что говорящий реализовал свое намерение. Это намерение, между тем, осталось неосуществленным, рассказчица подчеркивает: *так и не сходил*... В примере (17) контраст выражен эксплицитно: *не привязан, а прибит*... В примере (18) контекст подсказывает, что третьей части сна предшествовали первая и вторая и что говорящий фиксирует внимание слушающего на переходе именно к третьей части. В примере (19) фигурирует слово *еще* в его контрастном употреблении. Оно здесь обозначает, что говорящий раньше уже ходил по лабиринту, и в точке отсчета ему приходится снова

Тонограмма 20

Не хотелось мне этого делать, но все-таки я перешла

ходить по лабиринту; об этом значении, требующем интонационного акцентирования *еще*, см. [Николаева 1985: 69, 122]. За всеми ситуациями стоит некоторое сопоставление или противопоставление объектов. Таким образом, примеры (16)—(19) содержат в себе лингвистические или экстралингвистические контексты контраста. В примере (20) мы наблюдаем не контраст, а скорее эмфатическое выделение, связанное с выражением чувств говорящего, никак не желающего делать то, к чему вынуждают его обстоятельства: *Ну не хотелось...* Эмфаза, как и контраст, требует особого акцентного выделения. Об интонировании контраста и эмфазы см. разделы 2.1.1.1.2.2 и 2.1.1.1.2.3 выше.

Итак, русский язык располагает средствами для композиционного выражения в одном предложении трех коммуникативных значений: ремы, контраста и дискурсивной незавершенности. Акценты и акцентоносители в таком случае выбираются в соответствии со следующими принципами. Контраст и рема выражаются синкретично. В контрастной реме акцентоноситель выбирается по правилам выбора акцентоносителя в контрастной коммуникативной составляющей (см. раздел 2.1.1.1.2.3 выше)⁷. Он несет нисходящий акцент

⁷ Напомним, что в контрастной коммуникативной составляющей акцентоноситель выбирается в соответствии со следующими правилами. Если под контраст попадает

(ИК-1 или ИК-2), потому что маркирует рему, а то, что эта рема контрастная, выражается повышенной интенсивностью и увеличенным диапазоном частот. Акцентоноситель контрастной ремы располагается в цепочке релевантных акцентов на первом месте. Акцентоноситель же, связанный с выражением незавершенности, выбирается по правилам выбора акцентоносителя в том же предложении, как если бы контраста в предложении не было, т. е. как это было бы в семантически наименее нагруженной — «дефолтной» — коммуникативной ситуации. Ср. (16а)—(20а), которые служат коррелятами (16)—(20), соответственно в отсутствие контраста и в отсутствие незавершенности.

(16а) *Я не сходила в туалет*↘.

(17а) *Он прибит гвоздями*↘.

(18а) *Это была третья часть моего сна*↘.

(19а) *Там я ходил по какому-то лабиринту*↘.

(20а) *Мне не хотелось этого делать*↘.

Акцентоносители незавершенности в (16)—(20) совпадают с «дефолтными» акцентоносителями в соответствующих лексико-синтаксических структурах (правила выбора акцентоносителей см. в разделе 2.1.1.1.2.1 выше). Акцентоноситель незавершенности несет восходящий акцент типа ИК-3 и располагается на втором месте цепочки из двух релевантных акцентов.

При эмфазе распределение выбора акцентоносителей то же, что и при контрасте, но акцент, выражающий эмфазу, имеет интонационные признаки, характерные для эмфатической ремы. О толковании эмфазы и ее тональном выражении см. раздел 2.1.1.3 выше. Принципы распределения акцентоносителей при эмфазе не отличаются от таковых при контрасте, поэтому мы помещаем примеры на контраст (16)—(19) и эмфазу (20) в один список.

Покажем теперь, что тип акцентирования в предложениях (16)—(20) отличается от стратегий, рассмотренных в разделах 1 и 2. Сравним акцентирование в примерах (16)—(20) с акцентированием в (16b)—(20b). Тип (16b)—(20b) имели бы лексико-синтаксические структуры (16)—(20) при использовании стратегии, рассмотренной в разделе 3.1 выше.

(16b) *Я в туалет*↘ не сходила↗... (ср. (16) *Не сходила*↘ в туалет↗...);

(17b) *Он гвоздями*↘ прибит↗... (ср. (17) *Он ... прибит*↘ гвоздями↗...);

референт одиночной словоформы, то она ударна и образует цельную контрастную составляющую. Если под контраст попадает референт составляющей, которая представляет собой именную группу (NP), глагольную группу (VP) или целое предложение (S), то акцентоноситель выбирается по правилам для именных, глагольных и синтенциальных групп соответственно.

- (18b) *Это третья часть моего сна*↘ *была*↗... (ср. (18) *Это была третья*↘ *часть моего сна*↗...);
- (19b) *Там я по какому-то лабиринту*↘ *ходил*↗... (ср. (19) *Там я ходил еще*↘ *по какому-то лабиринту*↗...);
- (20b) *Мне этого делать*↘ *не хотелось*↗... (ср. (20) *Не хотелось*↘ *мне этого делать*↗...).

Значение контраста в искусственно сконструированных примерах (b) сходит на нет, но значение незавершенности текста здесь есть.

Итак, мы показали, что тип акцентирования, представленный в настоящем разделе 3.3.1, отличается от типа акцентирования, который представлен в разделе 3.1. Покажем теперь, что анализируемый здесь тип акцентирования, отличается и от стратегии с множественными темами, описанной в разделе 3.2. Для этого скомбинируем множественные темы с контрастом и реконструируем тип акцентирования, которое диктуют правила выбора акцентоносителя контрастных тем. Итак, если бы в предложения с множественными темами был привнесен контраст, лексико-синтаксические структуры (16)—(20) имели бы расстановку акцентов, аналогичную, например, расстановке акцентов в (17c) и (18c):

- (17c) *Он не привязан, а **прибит***↗, *и не за руки, а за рукава **пальто*** (ср. (17) *Он ... **прибит***↘ *звездами*↗...);
- (18c) *Это была **третья***↗ *часть моего сна, (и на этом меня разбудили)* (ср. (18) *Это была **третья***↘ *часть моего сна*↗...).

Таким образом, в (17c) и (18c) незавершенность принимает облик темы, с которой скомпонован контраст. Это синтетическая стратегия с одним акцентоносителем, поэтому ее сравнительная «диагностика» не представляет трудности: в примерах (16)—(20) — два акцента. Примеры (17c) и (18c) можно назвать представителями стратегии множественных контрастных тем. Этот термин демонстрирует отличие (17c) и (18c), с одной стороны, от простых (не контрастных) множественных тем и, с другой стороны, от аналитической стратегии выражения незавершенности в контексте контраста. В результате мы показали, что стратегии, рассмотренные в разделах 3.1, 3.2 и 3.3.1, все разные.

Резюмируем. Русский язык разрабатывает специальную стратегию для выражения в предложении контраста / эмфазы в композиции со значением дискурсивной незавершенности. Контраст в этом случае выражается интенсивным нисходящим акцентом на акцентоносителе, выбранном в соответствии с принципами русского языка для контрастных тем, а сам акцентоноситель располагается на первом месте в цепочке акцентоносителей. Акцентоноситель дискурсивной незавершенности выбирается по принципам выбора акцентоносителя ремы в соответствующем предложении без контраста и распола-

гается на втором месте в цепочке акцентоносителей, т. е. тяготеет к концу предложения. Эту стратегию иллюстрируют примеры (16)—(20). Было показано, что другим способом выражения контраста в комбинации с незавершенностью служит стратегия множественных тем, осложненная контрастом, или, иначе, стратегия множественных контрастных тем. Этот тип иллюстрируется предложениями (17с) и (18с). Стратегия в (16)—(20) демонстрирует пример интонационного аналитизма, при котором для текстовой незавершенности выделяется отдельный акцентоноситель. При стратегии же в (17с) и (18с) отдельного акцентоносителя для текстовой незавершенности не предусмотрено. Следовательно, в русском языке есть как минимум два разных способа выразить текстовую незавершенность в композиции с контрастом. В следующем разделе рассматривается стратегия манифестации незавершенности в контексте верификации.

3.3.2. Незавершенность в контексте значений верификации, свершившегося факта и необходимого условия

Комбинация значений 'незавершенность' плюс 'верификация' (по Адамцу, см. [Адамец 1978]) реализуется в рамках стратегии множественных тем, введенной в рассмотрение в подразделе 3.2. При этой стратегии незавершенность не отличается от темы. Верификация в контексте темы заслуживает отдельного рассмотрения, т. к. соединение значений 'тема' и 'верификация' дает идиоматичное значение, не всегда в точности сводимое к комбинации составляющих его значений. Таким оригинальным значением оказывается референция к положению дел, наступление которого служит условием для наступления другого положения дел или сигналом перехода к нему: 'Когда событие E_1 наступает (становится фактом), становится возможным и событие E_2 '. Здесь в фокусе не собственно положение дел E_1 , а его наступление, позволяющее перейти к E_2 .

Значение сигнала к переходу от E_1 к E_2 , или условия E_1 , необходимого для реализации E_2 , весьма характерно для повествования именно о цепи событий: *Вот Вася **пришел**, и мы все пошли гулять*; *Вот Вася **придет**, и мы все пойдем гулять*; *Вот погода хорошая **будет**, и мы пойдем гулять*; *Вася **пришел**, и мы пошли гулять*; *Я из комнаты **вышла**, а там папа стоит*. Напомним, что показателем верификации как в контексте темы, так и в контексте ремы служит выбор в качестве акцентоносителя глагола в личной форме, см. раздел 2.1.1.1.2.4.

В повествовательном монологическом тексте верификация в рамках темы встречается неизмеримо чаще, чем верификация в рамках ремы, где верификация означает не сигнал и не условие, а имеет значение 'Е действи-

тельно имеет место в мире': уже **пришел**, таки **пришел**, действительно **пришел**. Верификация в контексте ремы не требует продолжения и характеризует совсем другой тип текста: полемический диалог или дискуссию. При последнем типе дискурса высказываются различные мнения, получающие впоследствии подтверждение — верифицирующиеся — или, наоборот, опровергающиеся. Так, лексико-синтаксическая структура *Я вышла из комнаты*, в контексте верификативной ремы реализующаяся как *Я **вышла** ↘ из комнаты*, может означать 'вышла, как и ожидалось', 'вышла, а можно было подумать, что не выйду', 'вышла, и это верно'. Это предложение также может быть ответом на вопрос *вышла или нет?*. Все эти смыслы более сообразны диалогу, чем связному повествованию о цепи событий.

База данных рассказов детей об их сновидениях содержит примеры верификативной темы в большом количестве, что подтверждает наше предположение о том, что свершившийся факт, за которым следует его логическое продолжение, — это типичная ситуация повествования о цепи событий. Рассмотрим примеры (21)—(24) из рассказов детей и пример (25) из кинофильма:

(21) *А потом вот я **пошла** ↗ домой, а зайчик за мной бежал-бежал.*

(22) *⟨А бабушка говорит: «Саи, собака-то не закрыта»⟩ Собака **выходит** ↗ из будки, ⟨а вместо того чтобы бежать эээ со двора, начинаю с ней биться⟩.*

(23) *⟨... он такой был белый, улыбался, лягушка на голове.⟩ Затем видовцы⁸ **пришли** ↗ и перерисовали его ... очень не так. ⟨Они перерисовали. У него были щуритые глаза, нос, не улыбающийся рот, брови, и вместо лягушки шишка⟩.*

(24) *Я **посмотрела** ↗ на окно, ... на само стекло ... там никого не было.*

(25) *⟨Расскажи нам, как вы с завхозом за продуктами ездили? — А чего тут рассказывать?⟩ **Завели** ↗ мотор, да и поехали.*

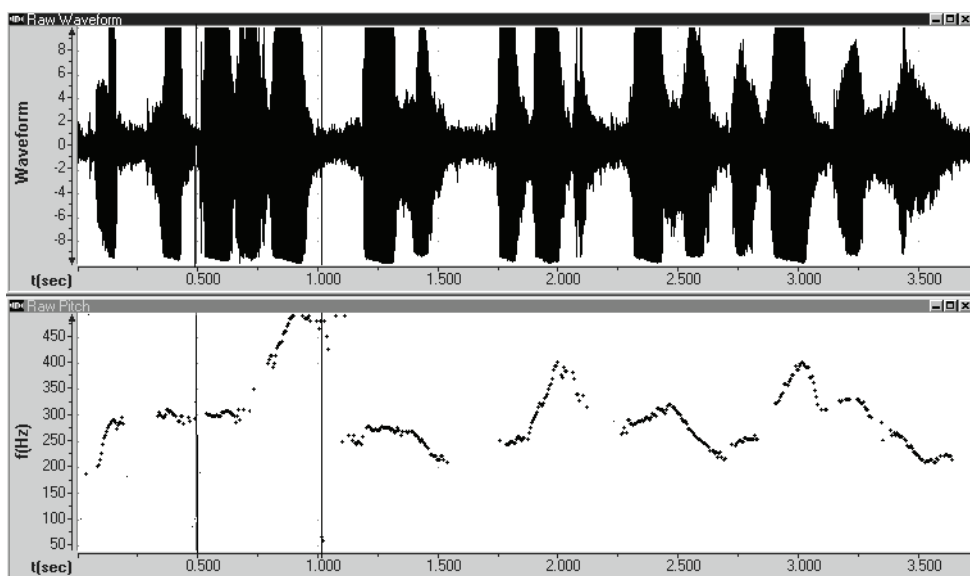
Обратимся к тонограммам примеров (21)—(25). В примере (21) подъем типа ИК-3 на глаголе *пошла* отчетливо читается по тонограмме. Словоформа *пошла* выделена курсорами.

В примере (22) наблюдается подъем на глаголе *выходит*. Курсорами выделен фрагмент *выходит из будки*. На фрагменте *из будки* реализуется существенная степень редукции — говорящий произносит эти слова скороговоркой и на низком уровне, что создает условия для реализации заударного падения, присущего ИК-3.

В примере (23) курсорами выделена словоформа *пришли*, несущая акцент типа ИК-3 в отсутствие заударных слогов.

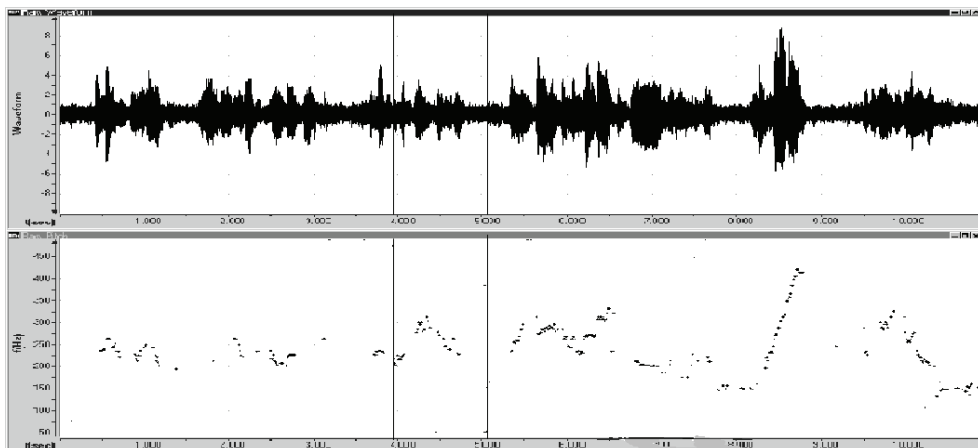
⁸ Видовцы — сотрудники телекомпании ВИД.

Тонограмма 21

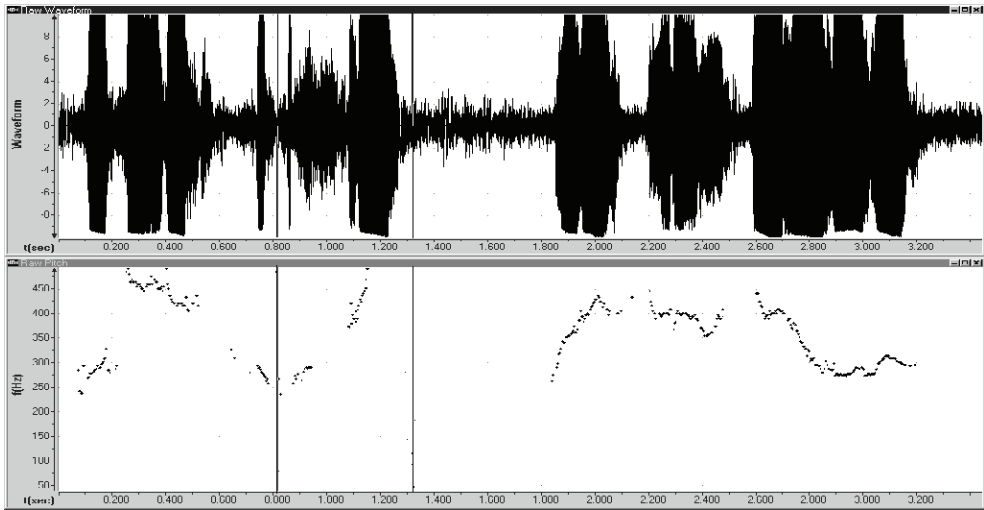
А потом вот я пошла ↗ домой, а зайчик за мной бежал-бежал.

Тонограмма 22

*бабушка говорит: Сиди, собака-то не закрыта. Собака **выходит** ↗ из будки, (а вместо того чтобы бежать со двора, начинаю с ней биться)*

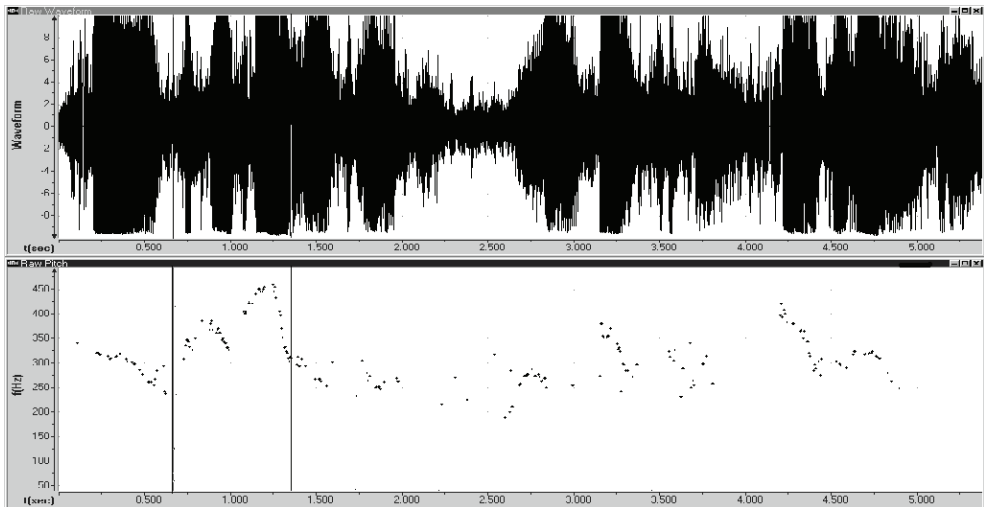
Тонограмма 23

*Затем видюцы **пришли** и перерисовали его*

В примере (24) курсорами выделена словоформа *посмотрела*, на ней фиксируется очевидный подъем по типу ИК-3 с редукцией на заударных. Словосочетание *на окно* тоже отличается существенная степень редукции. Тоннограмма показывает, что оно произносится на низком уровне.

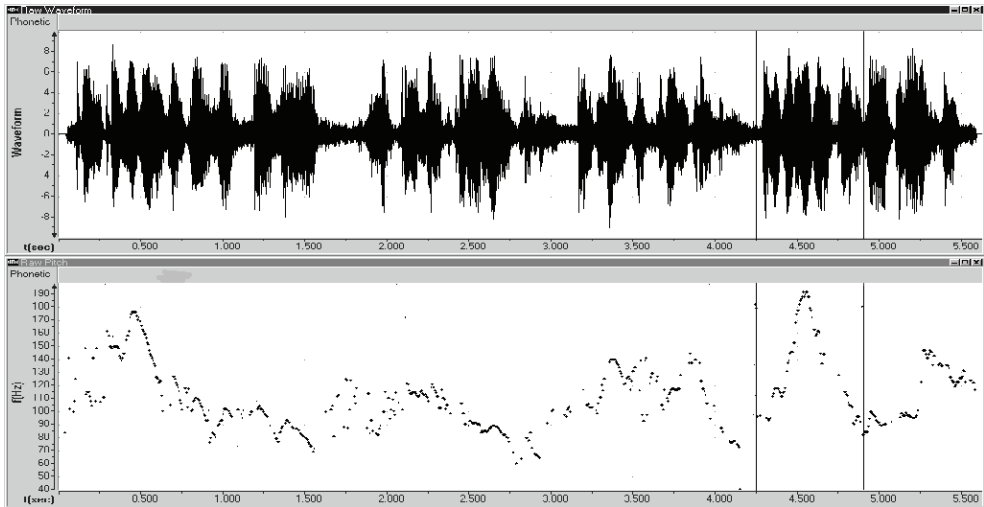
Тонограмма 24

*Я **посмотрела** на окно, ... на само стекло ... там никого не было*

В примере (25) курсорами выделено сочетание *завели мотор*. На ударном слоге глагола *завели* фиксируется подъем, затем на дополнении *мотор* наступает заударная редукция.

Тонограмма 25

Расскажи нам, как вы с завхозом за продуктами ездили? А чего тут рассказывать? *Завели* мотор, да и поехали.

Во всех примерах (21)—(25) мы наблюдаем подъем типа ИК-3 на глаголе. Если бы говорящий использовал здесь не верификативную стратегию сообщения о факте, а стратегию сообщения о неверифицированном событии, описанную в разделе 3.2, предложения с лексико-синтаксической структурой (21)—(25) имели бы другой акцентоноситель, ср. примеры (21a)—(25a):

(21a) *А потом вот я пошла **домой*** ↗, а зайчик за мной бежал-бежал.

(22a) *Собака выходит из **будки*** ↗...

(23a) *Затем пришли **видовцы*** ↗ и перерисовали его.

(24a) *Я посмотрела на **окно*** ↗, ... на само стекло ... там никого не было.

(25a) *Завели **мотор*** ↗, да и поехали.

Ср. также другие пары уже фигурировавших выше примеров, где первый член пары реализует стратегию в режиме верификации, а второй — стратегию простых тем, рассмотренную в разделе 1.2: *Вася **пришел*** ↗, и мы пошли гулять vs. *Пришел **Вася*** ↗, и мы пошли гулять; *Вот погода хорошая **будет*** ↗, и мы пойдем гулять vs. *Вот будет хорошая **погода*** ↗, и мы пойдем гулять; *Я из комнаты **вышла*** ↗, а там папа стоит vs. *Я вышла из **комнаты*** ↗, а там папа стоит.

Различие в семантике между (21)—(25) и (21a)—(25a) весьма тонкое: в примерах (21a)—(25a) акцент на том, в чем состоит событие (которое служит

сигналом или условием для наступления нового положения дел), а в примерах (21)—(25) — акцент на том, что такое событие действительно имело или будет иметь место. Здесь противопоставлено представление о событии как таковом экзистенциальной семантике наступления такого события. Обе стратегии повествования широко распространены в устных рассказах.

Информация, содержащаяся в примерах (21)—(25), может быть «упакована»⁹ и в формате стратегии с ремой в первом предложении, т. е. когда семантика незавершенности вообще остается невыраженной:

(21b) *Я пошла **домой***↘. *А зайчик за мной бежал-бежал.*

(22b) *Собака **выходит из будки***↘. *И я начинаю с ней биться.*

В примерах (21b) и (22b) перед нами стратегия с простыми (не-верификативными) ремами. Это тоже весьма распространенный способ построения предложений, включенных в структуру текста. Он очень широко представлен в английской речи, что, видимо, отражает стремление говорящего не продвигаться с увлечением по сюжету вперед с постоянным указанием на то, что продолжение следует, а неспешно останавливаться на каждом шаге.

Между тем, стратегия с верификативной ремой (в отличие от верификативной темы) в изложении неконечного события в цепи событий выглядит совсем неуместно:

(21c) *Я **пошла***↘ *домой. А зайчик за мной бежал-бежал.*

(22c) *Собака **выходит***↘ *из будки. И я начинаю с ней биться.*

Мы видим, что интерпретация верификативной ремы требует не нарративного, а диалогического или внутренне полемического контекста. Можно предположить, что при изложении цепи событий верификация естественно совместима только с темой. Тогда она служит для референции не столько собственно к событию, сколько к факту его наступления: наступление одного события дает «зеленый свет» для следующего.

Итак, контекст верификативной темы служит основой для выработки языком дискурсивного приема, который применяется при изложении цепи событий, где одно — не первое — событие наступает после того, как реализовалось предыдущее положение дел. Первое служит второму условием или сигналом к наступлению. Противопоставление верификативных тем верификативным ремам лишний раз демонстрирует необходимость различения двух типов дискурсивной связности — связности монологического текста, функция которой указывать на то, что продолжение повествования следует, и связности диалога, функция которой — в поддержании адекватности диало-

⁹ В терминах У. Чейфа [1982].

гических реплик: получения ответов на вопросы, построения подтверждений высказанных ранее гипотез и ожиданий, опровержения ложных заключений и др. Для первого типа связности русским языком, в частности, разработана стратегия, в основе которой лежит верификативная тема, а для второго типа связности весьма характерны разнообразные контексты верификативных рем. Монологическая связность сопровождается прежде всего нарративный режим повествования и интерпретации, а диалогическая — речевой. Естественно, и в речевом режиме компоненты диалога, относящиеся к речи одного собеседника, могут иметь нарративную структуру: *Пришел Вася*↗, *и все сели обедать*↘. О противопоставлении нарративного и речевого режимов см. [Падучева 1996: 13 и далее].

Покажем теперь, что рассмотренная в данном подразделе стратегия отлична от стратегии связного текста, рассмотренной в разделе 1, ср. *Я тогда тиджак*↘ *снял*↗... Основанием для сравнения служит восходящий акцент ИК-3, носителем которого в обоих случаях служит глагол.

Обратимся к семантике. В данном разделе была высказана гипотеза, что соединение коммуникативных значений 'тема' и 'верификация' дает результирующие значение факта, т. е. положения дел, которое действительно имеет место в мире. Если это предположение верно, то в контексте референции к событиям и процессам, которые мыслятся как таковые, т. е. безотносительно к условиям истинности, и которые, тем самым, противопоставлены фактам, стратегия, обозначающая факт, должна быть неприменима. О противопоставлении 'событие' vs. 'факт' см. [Арутюнова 1998: 488—539]. Рассмотрим лексико-синтаксическую структуру (26), соотносящуюся с событием в его протекании.

(26) *Я в тот момент как раз разговаривал по телефону и поэтому не заметил, как пришел Вася.*

И действительно, восходящий акцент на глаголе, говорящий о референции к факту, в контексте лексико-синтаксической структуры (26) совершенно неуместен:

(26a) *?**Я в тот момент как раз **разговаривал**↗ по телефону и поэтому не заметил, как пришел Вася.*

Акцентоносителем темы здесь может служить только словоформа *телефону*. Выбор между возможностями типа *пошла домой*↗ vs. *пошла*↗ *домой* здесь отсутствует, т. к. «фактивная» ударность глагола в контексте чисто событийной семантики невозможна:

(26b) *Я в тот момент как раз разговаривал по **телефону**↗ и поэтому не заметил, как пришел Вася.*

(26с) *Я в тот момент как раз по телефону↗ разговаривал и поэтому не заметил, как пришел Вася.*

Между тем стратегия с двумя акцентами, описанная в разделе 1, которая с верификацией не связана, в применении к рассматриваемой лексико-синтаксической структуре вполне уместна:

(26d) *Я в тот момент как раз по телефону↘ разговаривал↗ и поэтому не заметил, как пришел Вася.*

Итак, семантика видо-временной формы глагола в лексико-синтаксической структуре (26) и специального — «событийно-процессного» — контекста противоречит коммуникативному значению линейно-акцентной конструкции предложения с ее референцией к факту. Между тем стратегия незавершенности, рассмотренная в разделе 1, у которой подъем тона типа ИК-3 фиксируется тоже на глаголе, но которая также имеет и акцент типа ИК-1 на акцентоносителе именной группы, прекрасно сочетается со значением события, разворачивающегося перед глазами наблюдателя. Значит, эти две стратегии разные. Следовательно, верификативная стратегия, рассматриваемая в данном подразделе, отлична от той, которая рассмотрена выше в разделе 3.1.

Заметим, что в рамках семантических структур, которые обозначают или могут обозначать факт, например, предложение (2а) о пиджаке, уместны все стратегии — и стратегия, описанная в разделе 3.1 (ср. пример (27а) ниже), и стратегия, описанная в разделе 3.2 (пример (27b)), и стратегия, описанная в настоящем разделе 3.3.2 (пример (27с)):

(27а) *Я как раз пиджак↘ снял↗ и побежал на почту.*

(27b) *Я как раз снял пиджак↗ и побежал на почту.*

(27с) *Я как раз снял↗ пиджак и побежал на почту.*

Эти примеры показывают, что в рамках одного и того же сюжета говорящий может использовать разные стратегии, которые зависят от его коммуникативного замысла и дискурсивных приемов построения предложения и текста, сложившихся в речи.

Итак, композиция значений темы и верификации образуют идиоматичное значение свершившегося факта, который служит необходимым условием или сигналом для наступления другого события. На значении свершившегося факта строится стандартная фигура текста, повествующего о событиях, некоторые из которых понимаются как условия для наступления следующих за ними положений дел. Акцентоносителем верификативной темы служит глагол, и можно заметить, что со статистической точки зрения восходящий акцент типа ИК-3 на глаголе в базе данных нарративных текстов гораздо более

частотен, чем нисходящие ИК-1 или ИК-2. В базе данных интервью и допросов удельный вес верификативных рем с нисходящим акцентом на глаголе был бы больше: *Да, видел*↘; *Нет, не пошел*↘.

3.4. Вклад акцентов в семантику незавершенности текста

Традиционно считается, что показателем незавершенности текста в большинстве языков служит подъем тона. Между тем анализ русского материала и других языков, и в частности, анализ предпринятый в разделах 3.1—3.3 выше, где основным предметом были акцентоносители незавершенности, показывает, что существует несколько типов подъема, которые имеют различный тайминг, т. е. различные типы наложения тонального рисунка на комбинацию ударных и заударных слогов слова-акцентоносителя, разные функции в предложении и в тексте, и различную сочетаемость со способами выбора акцентоносителя. Основными средствами указания на текстовую незавершенность, которые были рассмотрены в разделах 3.1—3.3 выше, были акценты типа русских ИК-3 с подъемом на ударном слоге и падением на заударных, если они есть, и ИК-4 с подъемом на заударных или на второй части ударного слога, если заударных нет. Рассмотрим этот вопрос систематически. Обратимся к списку акцентов, маркирующих незавершенность. Они представлены в таблице:

ИК-3 ↗	ИК-4 ↘↗	ИК-6 ↗	квазиИК-6 ↗↗
-----------	------------	-----------	-----------------

- ИК-3 — типичный русский подъем на ударном слоге акцентоносителя, завершается резким падением на заударных слогах, если они есть. Этот акцент рассмотрен в разделе 2.1.1.1.1 выше. Встречается во всех обследованных западных языках, с тем отличием от русского, что в них падение на заударной области, как правило, бывает менее крутым, чем в русском языке¹⁰.

¹⁰ Это свойство русского языка может объяснять некоторые его типологические отличия от других языков, например, редукцию опорного слова в составе темы, при том что опорному слову предшествует контрастно выделенное определение. Так, в разделе 2.1.1.2.1, посвященном контрастным темам, было показано, что в русской контрастной теме *его новая книга* в предложении *Его новая книга нравится мне больше предыдущей* с контрастом на *новая*, словоформа *книга* имеет гораздо более существенную степень редукции, чем в соответствующих западноевропейских пред-

- ИК-4 — подъем на заударных, который следует за падением на ударном слоге, или, при отсутствии заударных, подъем в составе интегрального нисходяще-восходящего тона: *А Вася*↘↗?; *А дом*↘↗?. (Рассмотрен в разделе 2.1.1.1.1 выше.) В английском, немецком и польском языках акцент, подобный русскому ИК-4, с подъемом на заударных или на втором компоненте ударного слога акцентоносителя, отличается большим диапазоном частот как в нисходящей, так и в восходящей части. В русском и в западных языках имеет различные функции. В русском языке соотносится с маркированными значениями, выражающими контраст, сопоставление, противопоставление, выбор из упорядоченного множества (см. раздел 4.3 ниже). Между тем в английском, немецком и польском языках акцент типа ИК-4 — это немаркированный акцент незавершенности текста, а в польском — также и темы (ср. выше раздел 2.1.1.2).
- ИК-6 — подъем на ударном слоге, за которым следует ровный или слабо нисходящий тон на заударных. Мы различаем два типа ИК-6 с различной семантикой. ИК-6 стандартной длительности и ИК-6 с ударным и заударными слогами носителя акцента продленной (примерно в полтора-два раза) длительности¹¹. Для построения текста характерен тот вариант ИК-6, который в русском отличается продленной длительностью. Встречается во всех обследованных языках, однако в английском достаточно редко. Причем пролонгированный вариант ИК-6, по наблюдениям наших информантов, в английском языке характерен для неформальной речи подростков, и примеры такого типа в наших массивах отсутствуют. Для построения текста в английском языке используется акцент типа ИК-6 стандартной длительности. Для других же обследованных языков в качестве стратегии изложения событий используется пролонгированный тип ИК-6.
- КвазиИК-6 — достаточно редкий для русского языка тип подъема на ударном слоге, который сопровождается поступательным подъемом на заударных. Придает речи взволнованный характер. В составе интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой отсутствует. Обозначается двумя стрелками вверх ↗↗. Несмотря на то, что приводимый здесь пример единственный в нашем массиве данных, мы считаем,

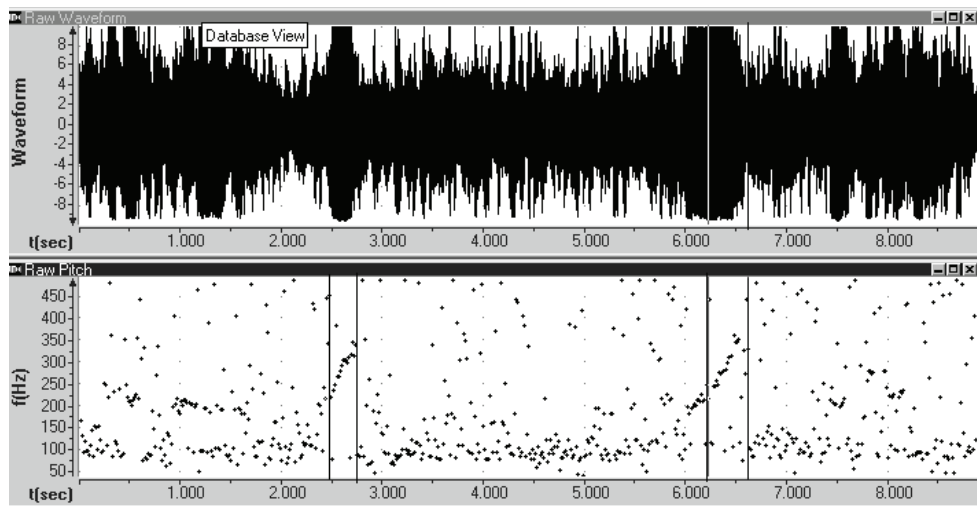
ложениях, где корреляты словоформы *книга* сохраняют свое ударение. Ср. англ. *His new book* и датск. *Hans nye bog*, где, несмотря на контраст на *new* в английском и *nye* 'новый' в датском, английская словоформа *book* и датская *bog* 'книга' в существенной степени сохраняют свое ударение.

¹¹ О пролонгированном варианте ИК-6 в разговорной речи см. [Баринова 1973].

что соответствующий акцент отражает не индивидуальное произношение конкретного говорящего, а характеризует русский язык, хотя и не является частотным. КвазиИК-6 характерен для рассматриваемых в данном подразделе стратегий изложения череды событий. Для иллюстрации квазиИК-6 обратимся к примеру (28).

(28) Я, конечно, сижу за уроками *рыдаю* ↗, пришла *мама* ↗, сказала: «Что ты наделала!»

Тонограмма 28

Я, конечно, сижу за уроками — *рыдаю* ↗, пришла *мама* ↗, сказала: что ты наделала? ↗

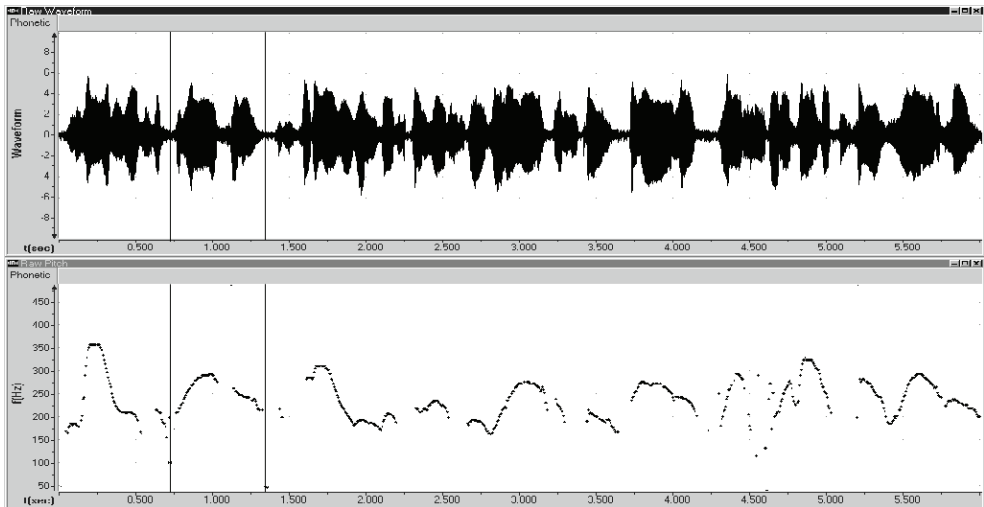
Запись сделана с очень большим зашумлением, поэтому мы не решаемся подвергать график ретуши из боязни уничтожить значимые участки кривой. Во всяком случае, носители релевантных акцентов представлены на графике достаточно отчетливо: хорошо представлен подъем на ударном слоге и продолжение подъема на заударных. На ударных слогах акцентоносителей *рыдаю* и *мама* фиксируется восходящий тон, за которым на заударных подъем тона продолжается. Словоформы *рыдаю* и *мама* взяты в курсоры. Растяжение, характерное для акцента ИК-6, реализующегося в режиме расслабленного припоминания, здесь отсутствует. Перед нами отрывисто-взволнованная интонация перечисления деталей драматичной ситуации: ребенок рассказывает о ссоре с отцом.

Стратегии, у которых незавершенность маркируется акцентом типа ИК-3, в данном подразделе не рассматриваются, т. к. этой проблеме были отведены предыдущие подразделы 3.1, 3.2 и 3.3. Приведем примеры незавершенности с использованием акцентов типа ИК-6 (продленной длительности) и типа ИК-4.

Интонационную структуру, которая в качестве основного средства выражения имеет акцент ИК-6 (продленной длительности), нельзя в точном смысле назвать показателем незавершенности. Она выражает близкое значение, которое мы выше в разделе 2.1.2.3 назвали имитацией ментальной деятельности. Это значение часто используется при изложении череды событий, т. е. фактически фигурирует в контексте незавершенности. Здесь оно обозначает процесс припоминания: говорящий вспоминает не одно событие, а череду событий или их деталей. Интонация показывает, что говорящий погружается в воспоминания и, вспомнив, старается перечислить все, что происходило или могло произойти. Некоторые примеры, отражающие погружение говорящего в воспоминания, были приведены выше в разделе 2.1.2.3. Рассмотрим здесь еще несколько примеров. Обратимся к примеру (29) из выступления свидетельницы (бабушки) на суде:

(29) *Жили↗ они очень пло-охо↗, устраивал↗ он бесконечные дра-аки↗, сканда-алы↗, наш ребенок↗ стал не-ервным↗...*

Тонограмма 29

Жили↗ они очень пло-охо↗, устраивал↗ он бесконечные дра-аки↗, сканда-алы↗, наш ребенок↗ стал не-ервным↗...

В примере (29) акцент типа ИК-6 встречается четыре раза. Здесь он маркирует ремы предложений, составляющих рассказ бабушки о безобразиях зятя. ИК-6 фиксируется на словоформах *плохо*, *драки*, *скандалы* и *нервным*. Словоформа *плохо* выделена курсорами. Во всех предложениях, составляющих данный фрагмент, есть темы. Акцентоносители этих тем — словоформы *жили* (*Жили↗ они очень пло-охо↗*), *устроивал* (*устроивал↗ он бесконечные дра-аки↗*) и *ребенок* (*наш ребенок↗ стал не-ервным↗*). На темах фиксируется

ся показатель темы — ИК-3. Тонограмма (29) наглядно демонстрирует различие акцентов ИК-3 и ИК-6. Так, акцент ИК-3 на словоформе *жили*, который соседствует с ИК-6 на словоформе *плохо*, имеет существенно более крутые, чем при ИК-6, подъем и заударное падение, а ИК-6 на *плохо* — очевидное растяжение ударного и заударных. После подъема на ИК-6 тон тоже несколько опускается, но падение не достигает такого низкого уровня, как при ИК-3. Данная тонограмма демонстрирует также вовлеченность атонических словоформ *они* и *очень*, лишенных собственного ударения, и безударных слогов ортотонических слов в реализацию акцентов ИК-3 и ИК-6.

Примеры, иллюстрирующие функционирование акцентов типа ИК-6 в жанре рассказа воспоминания на английском, французском и польском материале см. в разделе 2.1.2.3, посвященном интонации ментальной деятельности, а примеры из датского языка — в разделе 6, специально посвященном датскому языку (см. подраздел 6.8).

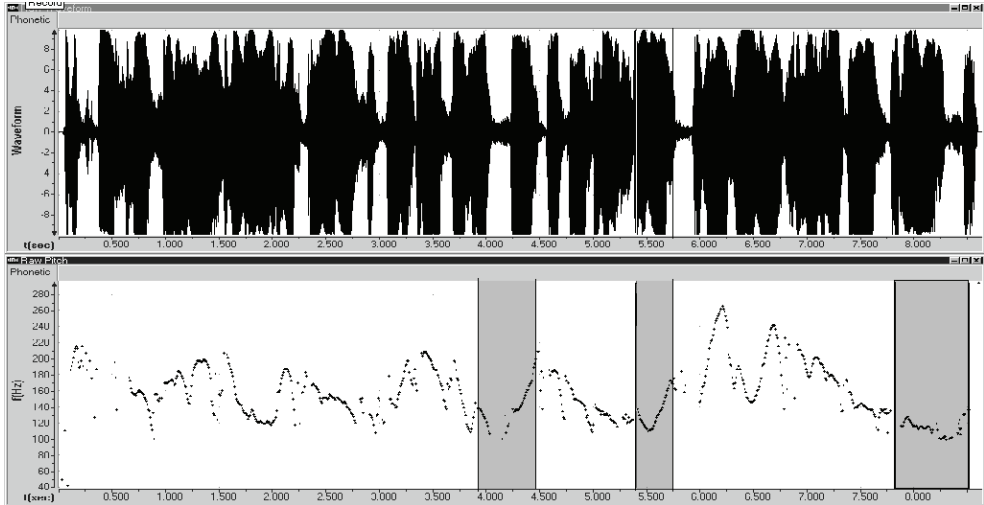
Перейдем к использованию акцента ИК-4 в структуре текста. К этому вопросу мы еще вернемся впоследствии при анализе нестандартных употреблений ИК-4 в разделе 4, посвященном интонационным инновациям, где также рассматриваются стандартные контексты ИК-4 и инвариантное значение. В данном разделе мы рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих вклад акцента типа ИК-4 в структуру русского текста.

Русской речи специфический акцент с подъемом на заударных слогах акцентоносителя (или на второй части ударного слога акцентоносителя, если он последний или единственный) придает семантику «рассказа по порядку». ИК-4 указывает не только на то, что текущий шаг повествования имеет продолжение, но и на то, что следующий шаг повествования — тоже не последний. ИК-4 в структуре связного текста выражает катафору, которая распространяется не на один, а как минимум на два шага вперед. Говорящий предлагает слушающему набраться терпения и выслушать все по порядку. Перед нами не просто незавершенность, а незавершенность, просчитанная на несколько шагов вперед. Когда говорящий подойдет к концу повествования, его интонационная стратегия изменится, потому что семантика 'буду долго говорить, следующий компонент текста — не последний' по мере того, как говорящий приблизится к концу своего повествования, изживет себя. Обратимся к примерам.

В примере (30) архитектор обсуждает использование зданий, отчуждаемых правительством Москвы, и проблемы, с которыми сталкиваются люди, проживающие или работающие в этих зданиях. Архитектор рассказывает, какова процедура выдворения бывших собственников или арендаторов из помещений, которые они занимали. Оратор старается быть последовательным в изложении процедуры отчуждения.

- (30) ... подписывается разрешение Госкомимущества на приватизацию ↘↗, этого помещения ↘↗, людям ничего не предоставляется ↘↗...

Тонограмма 30

подписывается разрешение Госкомимущества на приватизацию ↘↗, этого помещения ↘↗, людям ничего не предоставляется ↘↗

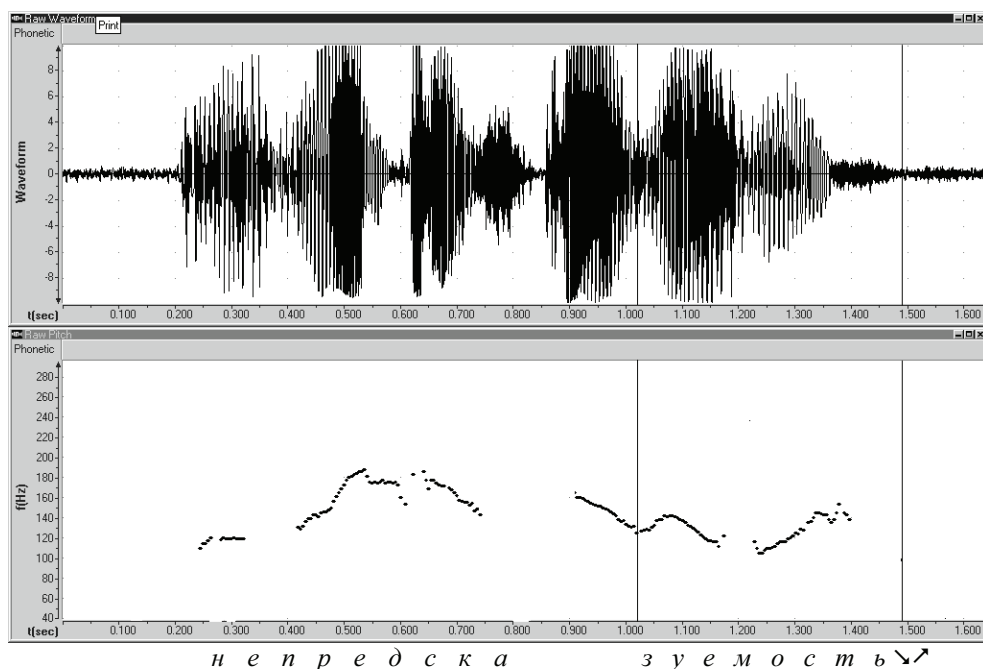
Тонограмма демонстрирует падение на ударном и подъем на заударных на словоформах *приватизацию*, *помещения* и *предоставляется*. Фрагменты *-зацию* словоформы *приватизацию*, *-щения* словоформы *помещения* и *-вляется* словоформы *предоставляется* взяты в курсоры.

Обратимся к примеру (31) из выступления по радио известного джазмена. В этом рассказе акцент типа ИК-4 маркирует все элементы перечисляемого им ряда ценностей, кроме предпоследнего и, естественно, последнего. Очевидно, что стратегия маркирования незавершенности в структуре, которую говорящий строит как перечисление, т. е. как спланированную заранее упорядоченную цепочку, как нельзя лучше подходит для использования ИК-4. Оратор подчеркивает: «еще раз перечислю». То, что перед нами не в точном смысле цепочка положений дел, а цепочка ценностей, обозначенных именными (и одной глагольной: *не продаваться никому*) группами, не меняет дела, т. е. здесь перед нами полноценное средство построения текста.

- (31) Я еще раз перечислю: это желание быть свободным ↘↗, независимым ↘↗, не продаваться ↘↗ никому, непредсказуемость ↘↗ и, конечно, индивидуализм ↗ и эгоизм ↘.

Для большей наглядности обратимся к Тонограмме 31а отдельного фрагмента данного пассажа — словоформе *непредсказуемость*. (Тонограмма всего пассажа была бы здесь трудночитаемой.)

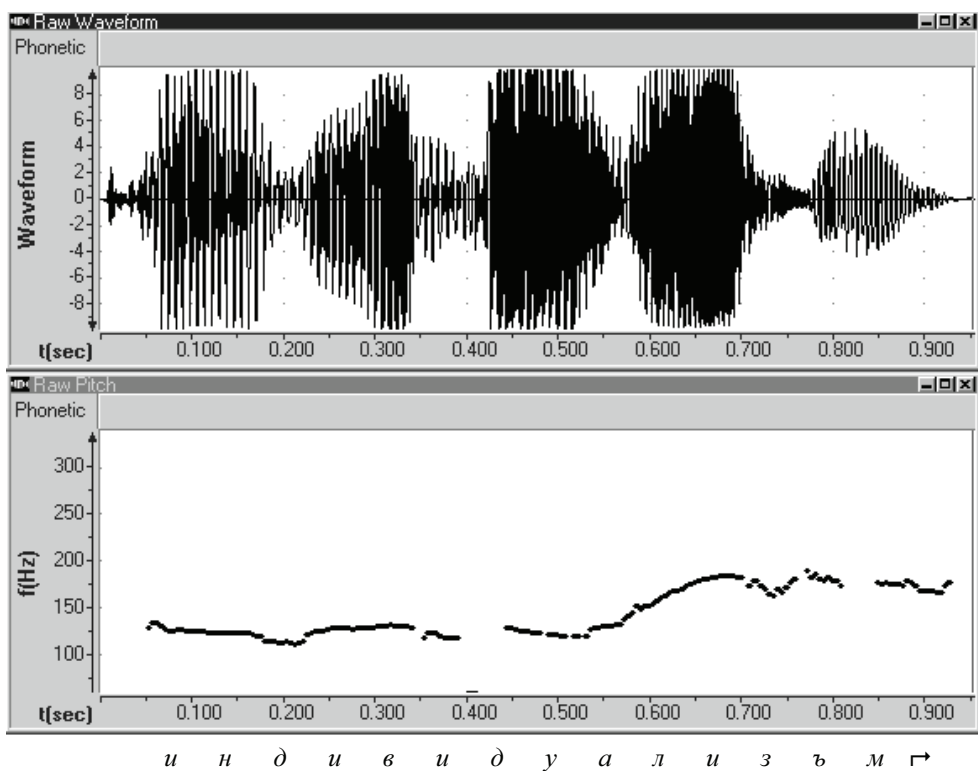
Тонограмма 31а

Тонограмма демонстрирует падение плюс подъем на словоформе *непредсказуемость*. На слоге *-зу-* фиксируется падение, а на *-емость* — подъем. Фрагмент *-зуюмость* взят в курсоры. В примере (31) говорящий очень последовательно использует возможности данной интонационной стратегии. На предпоследнем шаге перечисления — это словоформа *индивидуализм* — говорящий использует уже немаркированный показатель незавершенности с подъемом на ударном слоге. На ударном слоге *-ли-* мы видим подъем тона с последующим ровным тоном на слоге [зъм] по типу ИК-6. Акцент ИК-4 здесь был бы неуместен, потому что перечисление кончается, см. Тонограмму 31b.

Стратегия незавершенности, маркированная акцентом типа ИК-4, в русской речи используется при изложении кулинарных рецептов, технологии изготовления различных артефактов, при объяснениях на уроках и лекциях, в официальном стиле речи при стремлении говорящего подчеркнуть последовательность в изложении, в бытовом общении при изложении событий «по порядку». В других языках — в английском, немецком и польском — акцент типа ИК-4 с высокими заударными служит основным немаркированным показателем текстовой незавершенности и нагрузки рассказа «по порядку» не несет. Сравнительный анализ функций акцента типа ИК-4 в русском и других

Тонограмма 31b

языках читатель найдет в разделе 4.3 ниже, где обсуждаются источники нестандартных употреблений ИК-4 в русской публичной речи.

* * *

Рассмотрены русские интонационные стратегии поддержания незавершенности текста в комбинации со значениями контраста, эмфазы и верификации, выражение значений и их композиций средствами изменения частоты тона и выбора словоформ-носителей акцентных пиков, а также особенности функционирования стратегий в тексте.

4. Норма и инновации

Интонационные инновации менее заметны в языке, чем образование новых слов, новые явления в области синтаксических конструкций или морфологии. Новое слово легче обнаруживается носителями языка и исследуется лингвистами, чем мена носителя интонационного пика или расширение функций интонационной конструкции. В наибольшей степени интонационные инновации распространяются в средствах массовой коммуникации. Публичная речь более подвержена влияниям извне и в большей степени рассчитана на произведение впечатления на аудиторию, в частности, путем осторожного нарушения нормы. Разговорная же речь более консервативна. Анализ инноваций представляет интерес не только сам по себе, но он также способен внести новую струю в исследование эталонной русской речи, так как для того, чтобы исследовать инновацию, мы должны хорошо представлять себе структуру стандарта. С другой стороны, русские инновации позволяют по-новому взглянуть на интонационный строй влиятельных языков мира, прежде всего, английского, и его возможное воздействие на другие языки, даже если вопрос о заимствовании из одного языка в другой нельзя признать окончательно решенным.

Возникает ряд вопросов. Каковы параметры нестандартных инновационных интонационных явлений по сравнению со стандартными? Каковы основные инновации в русской интонации? Каковы источники инноваций?

Мы предлагаем выделять следующие критерии отнесения явления к инновационным нарушениям нормы.

- Инновационное средство интуитивно воспринимается исследователем и информантами как странное, но эффективное и неуклонно проникающее в публичную речь.
- Инновация отсутствует в обыденной неподготовленной речи, которая, таким образом, принимается за эталон.
- Инновация сосуществует в речи со стандартными средствами в тех же функциях, за исключением производимого инновационным средством эффекта легкой неожиданности.
- С точки зрения статистики стандартные средства преобладают.

Итак, интонационные инновации возникают в речи людей, которые профессионально занимаются вещанием на большую аудиторию. Прежде всего,

это сотрудники средств массовой коммуникации — дикторы радио и телевидения, шоумены, актеры, политики, сотрудники информации в магазинах, дикторы, озвучивающие вещание в трамваях, автобусах и метро, и наконец, лекторы, профессиональные докладчики и преподаватели, с помощью различных, в том числе и интонационных, средств стремящиеся овладеть вниманием готовой заснуть аудитории. В результате под нормой здесь понимается интонация обыденной разговорной речи. Нам известно три явления, которые с точки зрения такого понимания эталона можно назвать инновациями.

Первое явление, о котором здесь пойдет речь, было описано Н. Д. Светозаровой [1993]. Отступление от стандарта состоит в переносе акцентоносителя в атрибутивной группе и в именах собственных. В норме в атрибутивной группе акцентоносителем служит определяемое, если определение согласованное (*Киевский вокзал*¹), и определяющее, если определение несогласованное (*Площадь трех вокзалов*). В именах собственных акцент приходится на фамилию, которая располагается после имени (*Вася Иванов*), и на отчество, которое следует за именем (*Иван Иванович*). При инновационной стратегии акцентоносители меняются и возникают такие реализации, как *следующая остановка Московский вокзал* в ситуации, когда на линии других вокзалов, кроме Московского, нет (при норме *следующая остановка Московский вокзал*), *следующая станция Проспект Мира* (при норме *следующая станция Проспект Мира*), ...*это все же Соединенные Штаты* (при норме *Соединенные Штаты*), *Мы все сильно зависели от работы отдела, поэтому большое спасибо Сергею Ивановичу* (при норме *спасибо Сергею Ивановичу*)².

Два других явления касаются расширения сферы применения русских акцентов ИК-2 и ИК-4 в речи дикторов радио и телевидения.

При экспансии ИК-2 нисходящий акцент ИК-2 подменяет собой восходящий акцент ИК-3 темы или комбинируется с ним в пределах темы. Так, при произнесении *Американские ученые* \S *составили список продуктов, которые выводят из нашего организма токсичные вещества* на начальном подлежащем, т. е. в позиции, вообще говоря, зарезервированной восходящим акцентом ИК-3 темы (здесь это словоформа *ученые*), наблюдается нисходящий акцент ИК-2, который совершается в больших диапазонах частот. Сравним его с менее претенциозным — «спокойным» — произнесением с ИК-3 на *ученые*:

¹ Ударное слово словосочетания выделено полужирным шрифтом.

² Один из моих студентов, посещавший курс по русской интонации и не читавший статьи Н. Д. Светозаровой [1993], обратил внимание на неканонический перенос акцента типа ... *и нападающий Сергей Иванов, и защитник Захар Пацутин* в речи спортивных комментаторов. Здесь важно, что чуткое ухо студента уловило не только то, что он сталкивается с известным отступлением от русского стандарта, но и то, что это явление получает распространение в публичной речи.

Американские ученые ↗ составили список продуктов, которые выводят из нашего организма токсичные вещества³. Экспансия ИК-2 встречается исключительно в речи дикторов, лекторов и чтецов, в теле- и радиопередачах, на лекциях и в ученых спорах, преимущественно в речи мужчин. Это средство создания напряженности и динамизма. В обыденной речи оно практически не встречается.

И наконец, третью инновацию мы называем экспансией ИК-4. При расширении сферы применимости акцент ИК-4 тоже получает новые, не свойственные ему функции, которых в обыденной речи у него не наблюдается, и в речи шоуменов, театральных деятелей, в подготовленной речи профессиональных лекторов звучит изысканно, порой театрально. Так, в примере из рекламного шоу *Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались* ↘ ↗, *запоминайте названия продуктов спасателей*⁴. Другой — менее напыщенный — диктор произнес бы это предложение с акцентом ИК-3 на акцентоносителе: *Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались* ↗, *запоминайте названия продуктов спасателей*.

Мы предполагаем, что у инноваций есть два источника: во-первых, это внутренние собственно русские вполне стандартные явления, которые могут служить моделями для изменений по аналогии, и, во-вторых, западные, и прежде всего американские, образцы. Достоверно доказать или опровергнуть положение о том, что внутренние или внешние явления по отдельности или в совокупности служат толчком для возникновения инноваций, невозможно: судить об источнике инноваций можно только на уровне гипотез. Ниже при анализе каждого из явлений мы приводим как русские, так и английские аналоги, которые могут оказывать на инновационные процессы известное влияние.

4.1. Перенос акцентоносителя в атрибутивных группах и в именах собственных

Как уже было сказано выше, на вариативность *Соединенные Штаты* vs. *Соединенные Штаты*, где форма *Соединенные Штаты* представляет норму, а *Соединенные Штаты* — инновацию, впервые обратила внимание Н. Д. Светозарова в 1993 году [Светозарова 1993]; см. также [Кодзасов 1996: 202]. Н. Д. Светозарова же выделила две структуры, которые составляют аналогию для инновационного варианта выбора акцентоносителя. Эти структуры

³ Тонограмма этого произнесения будет рассмотрена ниже, в подразделе 4.2.

⁴ Тонограмма этого произнесения также будет рассмотрена ниже, в подразделе 4.3.

представляют собой внутренние — собственно русские — аналоги инновации и один внешний — немецкий — образец. Во-первых, Н. Д. Светозарова показала, что в русском языке существуют два совершенно нормативных контекста, которые характеризуются переносом акцентоносителя. Первый контекст — это контраст и эмпфаза, при которых требуется перенос акцентоносителя на словоформу, служащую предметом противопоставления или сильных чувств говорящего: *последняя глава, а не первая; огромные преимущества*. Второй контекст — это обращения: *Иван Петрович, ну как же так можно?!; Марья Петровна! Идите к нам*. Ср. вне контекста обращения: *Меня зовут Марья Петровна; Вчера приходил Иван Петрович*. Во-вторых, Н. Д. Светозарова рассмотрела немецкие сложные слова с семантической структурой «определяющее-определяемое», имеющие акцент на первой части сложного слова (*der Schreibtisch* букв. 'письменный стол', *die Wasserleitung* 'водопровод'⁵). Наблюдения специалистов по немецкому языку, преподающих немецкий язык русскоязычной аудитории, показывают, что такие слова, как правило, вызывают ошибки у русских студентов, ставящих ударение в немецких словах в соответствии с правилами, определяющими выбор акцентоносителя в атрибутивной синтагме в русском языке. Немецкий принцип выбора акцента не совпадает с русским, что приводит к ошибкам русскоговорящих, изучающих немецкий язык. Между тем немецкая модель — это прототип русской инновации. По поводу немецких параллелей Н. Д. Светозарова высказывается осторожно, просто приводя немецкие аналоги и никак не указывая на них в качестве возможного источника влияния. В дальнейшем, следуя образцу, предложенному Н. Д. Светозаровой, мы надеемся привести английские (нормативные) аналоги анализируемых русских инноваций, не высказывая прямых предположений об источнике инноваций, но имея, тем не менее, в виду, что влияние англоязычных средств массовой коммуникации в современном мире переоценить невозможно.

Итак, к анализу явления переноса акцентоносителя в атрибутивных группах и в именах собственных, предложенному Н. Д. Светозаровой, мы добавим следующее: 1) коллекцию примеров неканонического переноса акцентоносителя, почерпнутых нами из устной речи говорящих по радио, телевидению, в официальной обстановке, например, на заседаниях (раздел 4.1.1); 2) нормативные типы русских словосочетаний со «сдвинутым» акцентом, которые ускользнули от внимания Н. Д. Светозаровой (4.1.2); 3) английские примеры, аналогичные немецким, приведенным Н. Д. Светозаровой (4.1.3).

⁵ А. Либерман приводит интересные примеры из немецкого языка с приставкой *über-*, где только место акцента различает значения слов: *überführen* 'перевезти' vs. *überführen* 'уличить', *übersetzen* 'перевезти' *übersetzen* 'перевести на другой язык' [Lieberman 2006: 85].

4.1.1. Примеры неканонических сдвигов в выборе акцентоносителя

Обратимся к многочисленным примерам, иллюстрирующим неканонический перенос акцентоносителя. В примере (1) из телевизионного шоу капитан команды, играющей в некую игру, связанную с экстремальными испытаниями, отвечая на вопросы ведущего, использует в одном тексте одновременно обе стратегии расстановки акцентов — нормативную и инновационную:

- (1) (— *Кого ты как капитан команды пошлешь на встречу с быком?*)
— Это **Ваня Шефер**, это Алексей **Чадов** и это Слава **Чичварин**.

Инновационная расстановка акцентов проявляет себя в словосочетании **Ваня Шефер** в условиях, когда в команде есть только один человек по фамилии Шефер и нет никаких оснований предполагать противопоставление Вани Шефера другому Шеферу, которого зовут не Ваня. Между тем акцент здесь приходится на имя, а не на фамилию, как этого требовала бы норма. А в словосочетаниях **Алексей Чадов** и **Слава Чичварин** наблюдается «старая», нормативная, расстановка акцентов. Аналогичные примеры смещения стратегий мы находим и в работе Н. Д. Светозаровой [1993].

Следующий пример из рекламы нового лекарства иллюстрирует перенос акцента с несогласованного определения на вершинную словоформу:

- (2) *Под действием Жизнедара перестанут расти склеротические бляшки на **стенках** сосудов.*

В примере из обсуждения итогов научного конкурса на заседании мы тоже сталкиваемся с переносом акцентоносителя на прилагательное в словосочетании **Московский университет** при полном отсутствии противопоставления, т. е. о ни о каком другом университете в тексте речь не идет:

- (3) *Институт мировой литературы и Институт русской литературы представлены в равных процентах, и совсем мало проектов **Московского** университета.*

Аналогично в теле- и радиопередачах можно услышать большое количество примеров, в которых ораторы, злоупотребляя стратегией переноса акцента, добиваются эффекта привлечения внимания слушающего к сообщаемому ... *есть **Дальний** восток, есть **Севастопольский** гарнизон **Черноморского** флота; Ровно через **десять** лет пойдет строительство первой линии метро.*

Возникает вопрос: каковы же стандартные — канонические — случаи переноса акцентоносителя, т. е. на каком фоне следует рассматривать неканонический, но приобретающий известную значимость перенос акцента в рамках словосочетания?

4.1.2. Канонические сдвиги акцентоносителя в контексте вторичных иллокутивных сил

В разделе 2.1.2.1 выше, посвященном интонации обращений, было показано, что в обращениях русский язык отступает от основного — базового — принципа выбора акцентоносителя, который регламентируется синтаксическими приоритетами и фактором активации⁶, и переходит к чисто линейному принципу выбора акцентоносителя. Так, при ближней апелляции к слушающему акцентируется начальная словоформа имени или титула адресата: — *Галина Петровна, вам чайку налить?* (ср. *Пришла Галина Петровна*); *Ваша честь, у защиты вопрос к свидетелю* (ср. *На карту поставлена ваша честь*); *Молодой человек, купите букетик* (ср. *Галину Петровну провожал молодой человек*); *Дежурный по этажу, пройдите на вахту* (ср. *На вахту явился дежурный по этажу*), а при дальней — финальная: *Дорогие го-ости-и, обе-еда-ать*; (ср. *Гости дороги-и-е-е, обе-еда-ать*); *Гвардии сержа-ант, идите сюда* (ср. *Сержант гварди-ии, идите сюда*)⁷. Примеры показывают, что в обращениях при изменении порядка слов акцентоноситель меняется. Это значит, что язык следует здесь линейному принципу выбора акцентоносителя, потому что, когда акцентоноситель выбирается в соответствии с парадигматическими факторами, такими, как синтаксические иерархии и активация референтов именных и глагольных групп, как это происходит в повествовательных предложениях и вопросах, акцентоноситель сохраняется: *Мы ждем дорогих гостей* vs. *Мы ждем гостей дорогих*. В последней минимальной паре акцентоносителем обоих предложений служит словоформа *гостей* независимо от порядка слов.

⁶ По поводу синтаксических иерархий, действующих при выборе акцентоносителя в коммуникативных компонентах речевых актов, напомним, что они включают, в частности, следующие предпочтения, при условии что все именные и глагольные группы имеют новый — не активированный в предтексте — референт: второе дополнение имеет приоритет перед первым дополнением и подлежащим; подлежащее имеет приоритет перед финитной формой глагола; несогласованное определение имеет приоритет перед определяемым именем; определяемое имеет приоритет перед согласованным определением; отчество имеет приоритет перед именем, см. раздел 2.1.1.1.2.1.

⁷ Заметим, что выбор акцентоносителя в обращениях включает больше параметров, чем просто противопоставление по степени удаленности говорящего от слушающего. К этим параметрам относится и то, насколько официальным оказывается общение между говорящим и слушающим, вступил ли говорящий со слушающим в коммуникацию до момента речи или нет, а также видит ли говорящий слушающего или не видит. Эти параметры и их влияние на выбор акцентоносителя в разделе 2.1.2.1 рассматриваются более детально.

Перенос акцентоносителя в обращениях при ближней апелляции — это основной источник сдвига акцентоносителя по сравнению с тем выбором, который имел бы место, если бы использовался базовый русский принцип выбора акцентоносителя. Что же касается дальней апелляции, то, хотя принцип выбора здесь, как и при ближней апелляции, тоже линейный, результаты этого выбора статистически не слишком отличаются от тех, которые были бы получены при синтаксическом выборе. Сравним. Если Марья Ивановна находится рядом — мы говорим *Марья Ивановна!*. Этот выбор отличен от результатов базового — синтаксического принципа, где акцентоноситель — словоформа *Ивановна*: *Пришла Марья Ивановна*. А если Марья Ивановна далеко, то мы зовем: *Марья Иванна-а!*, где акцентоноситель *Ивановна* экстенционально совпадает с тем, который служил бы результатом синтаксического выбора. Попутно следует признать, что исходная — достаточно частная — задача анализа ненормативного выбора акцентоносителя выводит нас на важный глобальный факт: в русском языке кроме базового принципа выбора акцентоносителя есть и другие принципы выбора акцентоносителя, например, линейный.

Возникает ряд вопросов. В каких других типах речевых актов, кроме обращений, происходит нормативный перенос акцента? В словосочетаниях каких синтаксических типов перенос акцентоносителя возможен или обязателен?

Обратимся к вторичным иллокуциям. Это понятие было введено выше в разделе 1 для обозначения маркированных типов речевых актов, в которых к первичной иллокутивной силе сообщения, вопроса, императива и обращения добавляется вторичная иллокуция упрека, мольбы, сетования или уговора. От наложения вторичных иллокутивных функций своей первичной функции сообщения, вопроса или императива предложения не теряют.

4.1.2.1. Упреки, уговоры, сетования и мольбы

Нетрудно заметить, что при иллокутивной силе уговора, упрека или сетования переноса акцента требует не только обращение к слушающему (*Ну Галина Петровна!*; *Ваше сиятельство!*), но также и соответствующие императив или вопрос. В императиве акцент переносится с дополнения на глагол (*Ну пойдите в кино!*) при том, что вне контекста уговора акцентоносителем была бы словоформа *кино* (*Пойдемте в кино!*). А в вопросе при иллокутивной силе сетования и упрека акцентоносителем становится вопросительное слово: *Ну когда же Наташа придет?!* (ср. *Когда придет Наташа?*). Таким образом, перенос акцентоносителя наблюдается не только в рамках собственно обращения, но и в соответствующем императиве или вопросе:

- (4) *Ну прошу тебя, ну пожалуйста, ну купи мне белый карандаш!* (ср. *Купи мне, пожалуйста, белый карандаш!*); *Ты же не справишься сам,*

*ты же еще маленький, ну **давай** я тебе помогу (Если ты не успеваешь, давай я тебе **помогу**); Иван Петрович, ну **куда** же ушли ваша секретарша?! (ср. Куда ушли ваша **секретарша**?).*

Таким образом, в контексте уговора, мольбы, сетования и упрека в императиве и в вопросе акцентоносителем становится иллюкутивный показатель: глагол в повелительном наклонении и вопросительное слово.

4.1.2.2. Подчеркнуто вежливые просьбы

В ситуации подчеркнуто вежливой — заискивающей — просьбы акцентоносителем становится группа, которая выбирается в соответствии с синтаксической иерархией, т. е. в соответствии с базовым принципом, но если эта именная группа имеет внутреннюю структуру, то в рамках этой именной группы наблюдается локальный нормативный сдвиг акцента с несогласованного определения на препозитивное определяемое и с фамилии на имя:

- (5) *Мне, пожалуйста, **пирожок** с капустой; Будьте добры, мне **затычку** для ванны; Я бы хотела **ботинки** для мальчика; Будь добра, принеси мне **чайник** для заварки; Мне, пожалуйста, **бланки** на визу; Мне бы **бутербродик** с колбаской; Как бы позвать **Васю** Иванова?*

Ср. примеры простых сообщений (5а) вне контекста заискивающей просьбы:

- (5а) *У нас сегодня к обеду пирожки с **капустой**; Котенок играет с затычкой для **ванны**; Мама взяла для нас на прогулку по бутерброднику с **колбаской**.*

При заискивающе-вежливой просьбе глагол в императиве, если он имеет дополнение, в отличие от контекста уговора, акцентированию не подвергается. Не происходит переноса акцента и в сочетаниях «имя-отчество»:

- (6) **Позовите, пожалуйста, **Ларису** Ивановну; *Мне бы **Ларису** Ивановну; ²Вы лучше **идите** домой; ³Вы бы лучше **или** домой; *Принесите чаю, пожалуйста.*

Норма здесь состоит в акценте на отчестве и на дополнении, т. е. она такая же, как и в немаркированных — первичных — типах речевых актов:

- (6а) *Позовите, пожалуйста, Ларису **Ивановну**; Мне бы Ларису **Ивановну**; Вы лучше идите **домой**; Вы бы лучше или **домой**; Принесите чаю, пожалуйста.*

4.1.2.3. Идентификации и самоидентификации

Еще один из известных нам типов вторичных иллокуций, допускающих — факультативно — перенос акцента, — это предложения идентификации, в частности, самоидентификации говорящего в условиях, когда слушающий знает и слышит говорящего, но не видит его, например, в разговоре по телефону или из-за закрытой двери. В этой ситуации внутри именной группы, которая выбирается в соответствии с синтаксической иерархией, может происходить локальный перенос акцента с фамилии на имя:

- (7) *Здравствуйте, это **Вася** Иванов; Привет, это **Машиа** Шефер; Вы меня не узнаете? Я же **Вася** Иванов; — Кто эта дама в берете? — Это же **Машиа** Шефер; Ты же **Васю** Иванова не узнал.*

Другие типы переносов — с отчества на имя и с несогласованного определения на определяемую вершину — здесь запрещены:

- (8) **Алло, это **Галина** Петровна; *Откройте, это **соседка** сверху; *Здравствуйте, это **помощник** министра; *С вами говорит **мама** Васи.*

Норма здесь состоит в акцентировании отчества и несогласованного определения:

- (8а) *Алло, это **Галина** **Петровна**; Откройте, это **соседка** **сверху**; Здравствуйте, это **помощник** **министра**; С вами говорит **мама** **Васи**.*

Отсутствует перенос и в приветствии, которое сопровождает название имени:

- (9) ****Добрый** день, это **Вася** Иванов.*

4.1.2.4. Воспоминания и мечты

Последний из известных нам типов речевых актов, требующих переноса акцента, — это погружение в приятные воспоминания, предвкушения и мечты о будущем. Перенос затрагивает только согласованные определения и фамилии:

- (10) *Мне бы сейчас **бутербро-одик** с колбаской!; Вот бы сюда к нам **Ва-асю** Иванова!; А я там с **Ва-асей** Ивановым встречалась.*

Ср. выбор акцентоносителя в немаркированных повествовательных предложениях в соответствии с базовым принципом:

- (11) *Мама взяла нам с собой на прогулку по бутерброднику с колбаской. К нам приехал Вася **Иванов**. Я там встречалась с Васей **Ивановым**.*

В именах-отчествах, в именных группах с согласованным определением, приложением и в глагольных группах переноса не происходит:

- (12) **Вот бы нам сейчас **ки-и-сло**й капустаки!; *Вот бы сюда **Гали-ину** Петровну!; *Вот бы сюда **профе-ессора** Шефера!; *Вот бы **купить** собаку!*

О деталях акцентуации предложений, имитирующих воспоминания, предвкушения и мечты, см. раздел 2.1.2.3 выше.

В результате выделяется ряд особых иллокуций — это обращения, упрёки, мольбы, приказы, вежливые просьбы, идентификации, самоидентификации, предвкушения и воспоминания, в которых расстановка акцентов отличается от расстановки акцентов в других — стандартных — типах речевых актов. Каждый из этих особых типов сопровождается характерным для уговора, мольбы, приказа, зова, предвкушения и воспоминания интонационным контуром и тембром. Вопрос о тональных и тембровых характеристиках мы сейчас оставляем в стороне, т. к. здесь нас интересуют не собственно мелодические характеристики предложения, а выбор словоформы-носителя акцентного пика. Рассмотренные здесь типы речевых актов, возможно, не исчерпывают всех особых иллокуций, допускающих перенос акцента в словосочетаниях по сравнению со стандартными иллокуциями, такими как сообщения, вопросы и нейтральные императивы. Однако и приведенных типов, видимо, достаточно для того, чтобы продемонстрировать разнообразие принципов акцентирования словосочетаний в контексте различных иллокутивных сил.

4.1.2.5. Синтаксические структуры, подверженные переносу акцентоносителя

Нестандартная расстановка акцентов охватывает словосочетания следующей синтаксической структуры: именные группы с несогласованным определением, именные группы с препозитивным согласованным определением, сочетания «имя-отчество», сочетания «имя-фамилия», конструкции с приложением, глагольные группы «императив плюс дополнение» и «инфинитив плюс дополнение». Принципы переноса акцента в рассмотренных выше особых типах речевых актов в рамках перечисленных синтаксических конструкций собраны и проиллюстрированы примерами в таблице.

Таблица

	Именные группы						Глагольные группы
	Согл. опр.+ имя	Имя + несогл. опр.	Имя-отч.	Имя + фамилия	Конструкции с приложением		
Обращения	+ Святой отец! ; Старший лейтенант Иванов!	+ Дежурный по этажу! ; Начальник смены!	+ Галина Петровна!	+ Надежда Дурова, ваш выход!	+ Братец Кролик! ; Студент Иванов! ; Рядовой Иванов!	∅	∅
1							
Просьбы, мольбы, приказы	∅	∅	∅	∅	∅	+	Ну купи мне белый карандаш! ; Иди домой! ; Зайди к начальнику
2							
Вежливые просьбы	- * Мне бы кислой капусты	+ Мне бы пирожок с капустой	- * Мне бы Ларису Иванову!	+ Мне бы Васю Иванова	- * Мне бы студента Иванова!	-	* Принесите чаю, пожалуйста
3							
Идентификации	- * Это старший лейтенант Иванов	- * Откройте, это соседка сверху	- * Алло, это Галина Петровна	+ Это Вася Иванов	- * Это рядовой Иванов	∅	∅
4							
Воспоминания и мечты	- * Вот бы студа ки-и-слы капусты!	+ Вот бы сейчас бутербро-одик с колбаской!	- * Вот бы студа Галину Петровну!	+ Вот бы студа Ва-асю Иванова!	- Вот бы студа профессора Шефера!	-	* Вот бы купить собаку!
5							

В таблице выделено два основных столбца — для именных и для глагольных групп. В рамках именных и глагольных групп детализируются классы с различной синтаксической структурой словосочетаний. В строках приводятся неформальные определения рассматриваемых здесь типов иллокуций. На пересечении строк и столбцов расположены примеры, иллюстрирующие соответствующее пересечение признаков, если такое сочетание признаков возможно, например, «обращение» плюс «имя-отчество». Знак пустого множества (\emptyset) используется для обозначения того, что некоторый тип речевого акта не определен для данной синтаксической структуры, например, обращение — для глагольной группы. Знак + (плюс) означает, что перенос акцента в конкретной синтаксической структуре в рамках конкретного речевого акта происходит, а знак – (минус) — что не происходит.

Можно видеть, что первая и вторая (исключая строки заглавия) строки в таблице взаимно дополняют друг друга, т. е. соответствующие речевые акты могут фигурировать в речи по отдельности как автономные обращения (*Галина Петровна!*) и императивы (*Пойдемте обедать!*), так и в рамках сложного речевого акта, объединенного общей иллокуцией уговора, зова, приказа:

- (13) *Галина Петровна, ну пойдёмте обедать; Рядовой Иванов, зайдите к начальнику.*

Итак, можно заключить, что в контексте маркированных типов речевых актов — вежливых просьб, призывов, молений, мечтаний и идентификаций — происходит перенос акцента (по сравнению с носителем акцента, который был бы выбран в соответствии с базовым принципом русского языка) с отчества или фамилии на имя (*Иван Петрович!*), с несогласованного определения на определяемую вершину (*пирожок с капустой*), с определяемой вершины на препозитивное согласованное определение (*Молодой человек!*) и с дополнения — на глагол (*Зайдите к начальнику!*). Для каждого такого типа речевого акта русским языком разработаны индивидуальные принципы акцентирования, которые не совпадают с выбором акцентоносителя в нейтральных типах речевых актов, т. е. в сообщениях, вопросах и в простых, не осложнённых вторичными иллокутивными силами, императивах и обращениях. Кроме того, в нейтральных типах речевых актов возможны практически любые типы переноса акцентов в контексте контраста и эмфазы. Таким образом, вырисовывается достаточно сложная картина акцентирования словосочетаний в контексте особых типов речевых актов, а также контраста и эмфазы. Наша гипотеза состоит в том, что такое разнообразие акцентных типов словосочетаний может оказывать влияние и на речевые акты, в которых условия для контра-

ста, эмфазы и вторичных иллокуций отсутствуют, но в которые неканоническая расстановка акцентов привносит элементы повышенной эмоциональности и демагогического напора говорящего.

4.1.3. Английская модель выбора акцентоносителя в именной группе

Акцентные модели английских именных групп и сложных слов исследованы в статье [Zwicky 1986], где устанавливается соответствие между акцентной моделью и значением именной группы. Одна из моделей демонстрирует выбор акцентоносителя, аналогичный русским «инновационным» употреблением. Мы говорим *World trade center*, что в буквальном смысле соответствует русскому 'Международный торговый центр'; ср. также *coffee shop* 'кофейная лавка', *noun phrase* 'именная группа'⁸. Эти факты, видимо, не менее важны, чем факты немецкого языка, потому что роль английского языка в современной коммуникации невозможно переоценить. Мы бы, однако, не стали немедленно предполагать здесь англоязычное влияние на русский язык: каковы бы ни были источники вариативности, о них можно судить лишь на уровне гипотез. Тем более, что в становлении инноваций могут одновременно действовать и внешние, и внутренние факторы.

* * *

Итак, в результате действия инновационной стратегии выбора акцента в именных группах мы получаем средства выражения, совпадающие со средствами выражения контраста или с некоторыми средствами выражения особых иллокутивных сил — настоятельных просьб, молений, приказов, настойчивых апелляций к слушающему. При этом видимый контраст, а также эмфаза и эксплицитные средства выражения просьб и обращений в обозначаемых ситуациях отсутствуют. Диктор говорит *Московский вокзал* на линии, где, кроме Московского, других вокзалов нет. Капитан команды говорит *Ваня Шефер* в ситуации, в которой фигурирует только один участник с фамилией Шефер. Эффект контраста и настойчивой апелляции к слушающему служит,

⁸ А. Либерман отмечает случаи различного акцентирования английских именных групп, например, *Vanity Fair* при референции к роману Теккерея, когда ударны оба компонента словосочетания, и *Vanity Fair* при именовании популярного журнала, а также *fringe benefits* (и *fringe benefits*) 'дополнительные льготы' и *Fringe Festival* (театральный фестиваль маргиналов), однако не дает никакого объяснения этим различиям.

в соответствии с нашей гипотезой, тому, что эти конструкции закрепляются. Наиболее влиятельной при возникновении ненормативных сдвигов акцента нам представляется модель выбора акцентоносителя в предложениях идентификации и просьбы: — *Это же Вася Иванов* и *Ну посмотрите же на Васю Иванова*, потому что в предложениях со сдвигом акцентоносителя могут действовать близкие иллокутивные силы: ‘Это Проспект Мира, не сомневайтесь’, ‘Мы благодарны Сергею Ивановичу, обратите же на него внимание’. Контраст, даже не истинный, а мнимый, и настойчивое обращение к слушающему могут придавать коммуникации семантику борьбы мнений, идеи выбора, а соответственно, и полемическую живость, дискуссионность, стремление привлечь внимание, убедить, настоять на своем. В следующих разделах мы надеемся показать, что инновационные стратегии, связанные с расширением функций русских акцентов типа ИК-2 и ИК-4, также приводят к созданию эффекта сопоставления, противопоставления, борьбы мнений и настойчивой апелляции к слушающему.

4.2. Расширение функций ИК-2

При расширении сферы применимости акцента типа ИК-2 нисходящий акцент ИК-2 подменяет собой восходящий акцент ИК-3 темы. Это явление получило широкое распространение в речи дикторов и лекторов, работающих в режиме подготовленного монолога⁹. Оно служит специальным средством создания напряженности и динамизма, помогая оратору овладеть ситуацией и оживить внимание аудитории. В обыденной спонтанной речи не встречается.

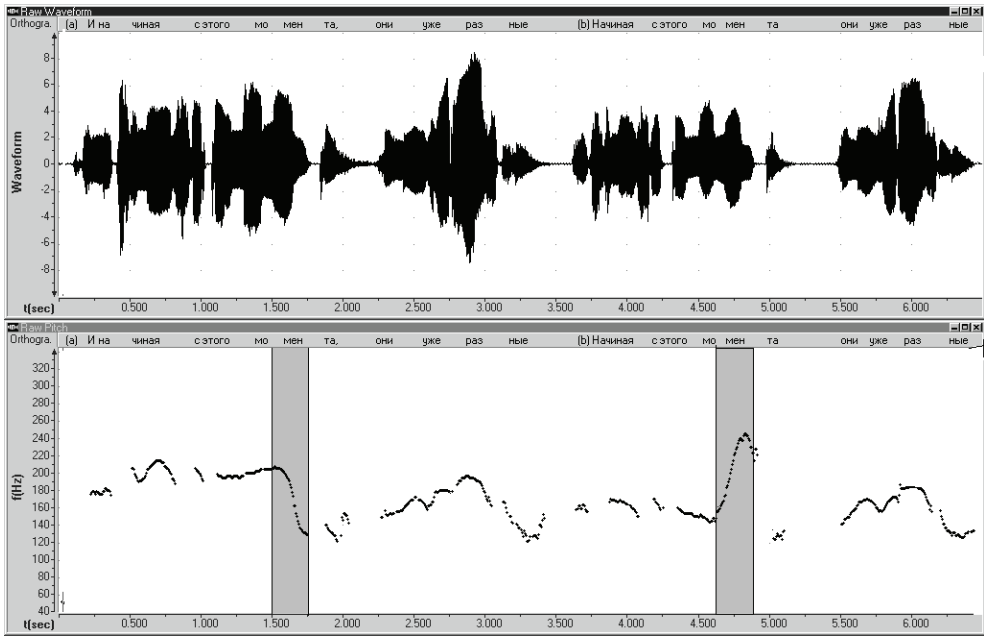
Обратимся к примерам. На Тонограмме 1 отражены два разных способа интонирования одной и той же лексико-синтаксической структуры *Начиная с этого момента они уже разные*. При произнесении (14а) на словоформе *момента* фиксируется акцент ИК-2 (двойная стрелка вниз после словоформы-акцентоносителя). При произнесении же (14б) на той же словоформе фиксируется типичный акцент темы ИК-3:

(14а) *Начиная с этого момента*↘ *они уже разные* √.

(14б) *Начиная с этого момента*↗ *они уже разные* √.

⁹ Отличия подготовленной речи лектора от спонтанной неподготовленной речи обсуждаются в работе [Ермакова, Земская 1993: 35]. Особенности речи лектора посвящена также статья [Голанова 1993: 137—157], в которой читатель найдет множество ссылок на литературу по теме.

Тонограмма 1

Начина с этого момента↘, они уже разные↘. Начиная с этого момента↗, они уже разные↘.

Ударный слог в словоформе *момента* в примерах (14a) и (14b) взят в курсоры. Произнесение типа (b) осознается как обычное, нейтральное, а произнесение (a) содержит в себе внутренний нажим, желание говорящего указать на особую значимость текущего фрагмента текста, привлечь внимание либо к соответствующему референту или концепту, либо просто к речи. Чтение (a) служит характерной чертой лишь некоторых носителей и только в определенном стиле речи типа лекторской, например в ученом споре или на лекции. Поскольку в бытовой речи акцентирование такого типа не применяется, мы называем этот акцент лекторским выделением.

Лекторское выделение не совпадает по коммуникативной функции ни с ремой, ни с темой, ни с контрастом, ни с эмфазой. Это особое средство говорящего, которое можно также назвать повышенным, или гипертрофированным, словесным ударением. Особенно эффектно лекторское выделение выглядит в начале предложения, как в примере (14a), т. к. начало предложения в нейтральном стиле зарезервировано за восходящим акцентом темы, ср. (14b). Возникает вопрос. Если за лекторским выделением стоит некоторый особый смысл, то как с ним сочетаются другие смыслы, которые тоже выражаются интонационно? И в чем заключается языковая техника, с помощью которой в языке оформляется сочетание в рамках одной коммуникативной составля-

ющей разных коммуникативных значений: темы и «лекторского выделения», ремы и «лекторского выделения»?

Основное свойство лекторского выделения состоит в том, что при совпадении акцентоносителей темы и лекторского выделения показатель лекторского выделения «поглощает» показатель темы, как в примере (14а). Это ведет к своего рода эффекту «отсутствия ИК-3» в речи некоторых лекторов. «Отсутствие ИК-3» — это, безусловно, преувеличение, потому что мы наблюдаем здесь не отсутствие, а только снижение частотности ИК-3, т. к. в речи пропадают только те потенциальные показатели темы, у которых акцентоносители совпадают с акцентоносителями лекторского выделения. Кроме того, когда ИК-3 служит для формирования *да-нет*-вопроса, ИК-3 в речи любого оратора естественно, сохраняется: *Они разные?*?

Какова же акцентная структура предложения, если акцентоносители темы и лекторского выделения различаются? В этом случае внутри темы можно наблюдать два последовательных акцента, причем восходящий акцент темы находится на втором месте в линейной цепочке акцентов. Поясним, что акцент темы в рамках каждой конкретной темы может быть только конечным коммуникативно релевантным акцентом этой конкретной темы, потому что любые заударные компоненты тем и рем атонируются. Обратимся к тонограмме 2. В рамках темы *необходимость учета новых слов* лекторским выделением отмечена словоформа *необходимость*.

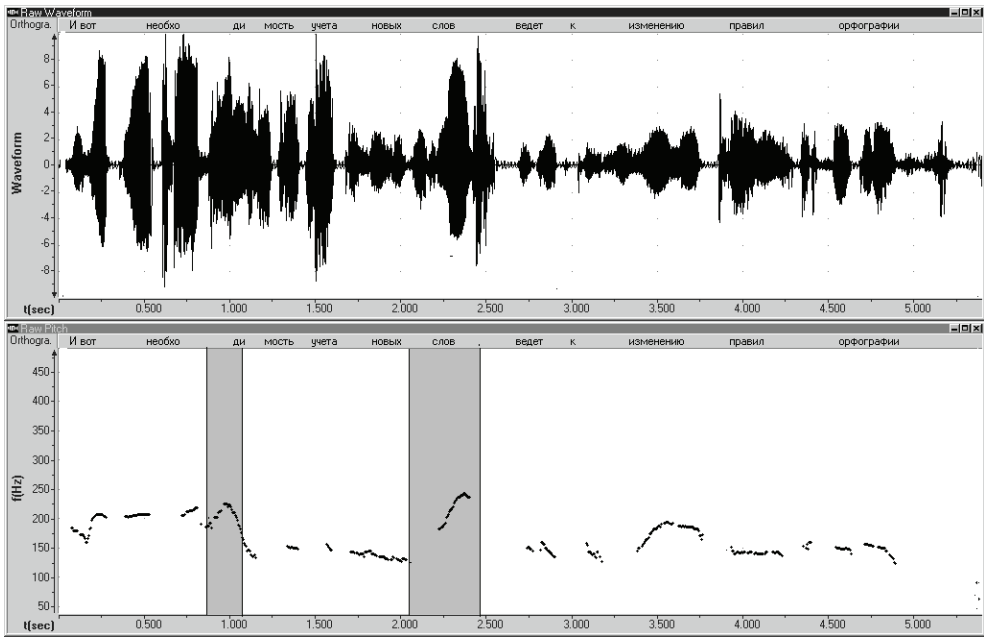
(15) *И вот необходимость* ∑ *учета новых слов* ∟ *ведет к изменению правил орфографии* √.

Пример (15) иллюстрирует встречу двух акцентов внутри составляющей *необходимость учета новых слов*, где на словоформе *необходимость* фиксируется лекторское выделение — это нисходящий акцент ИК-2 (он хорошо виден на тонограмме), — а словоформа *слов* служит акцентоносителем темы, и на ней фиксируется восходящий акцент темы ИК-3. Ударный слог словоформы *необходимость* и словоформа *слов* выделены курсорами. ИК-2 на словоформе *необходимость* реализуется, как можно видеть, с характерным для ИК-2 подъемом, который предшествует падению. Итак, если акцентоносители темы и лекторского выделения не совпадают, показатель темы ИК-3 сохраняется.

Если лекторское выделение и акцентоноситель темы немедленно следуют друг за другом, то происходит своего рода «дифтонгизация» акцентов ИК-2 и ИК-3 с возникновением нисходяще-восходящей мелодики, подобной той, что мы наблюдаем на тонограмме предложения (16) из метеорологической сводки, ср. отрезок тональной кривой, выделенный курсорами.

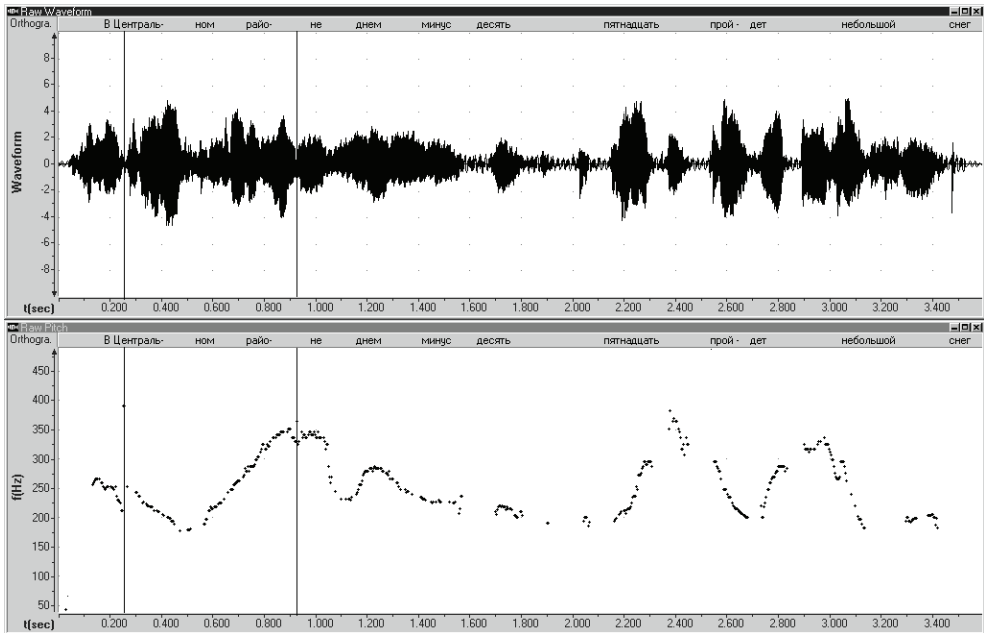
(16) *В Центральном* ∑ *районе* ∟ *днем минус десять-пятнадцать, (пойдет небольшой снег).*

Тонограмма 2

И вот необходимость Σ учета новых слов \nearrow ведет к изменению правил орфографии \searrow .

Тонограмма 3

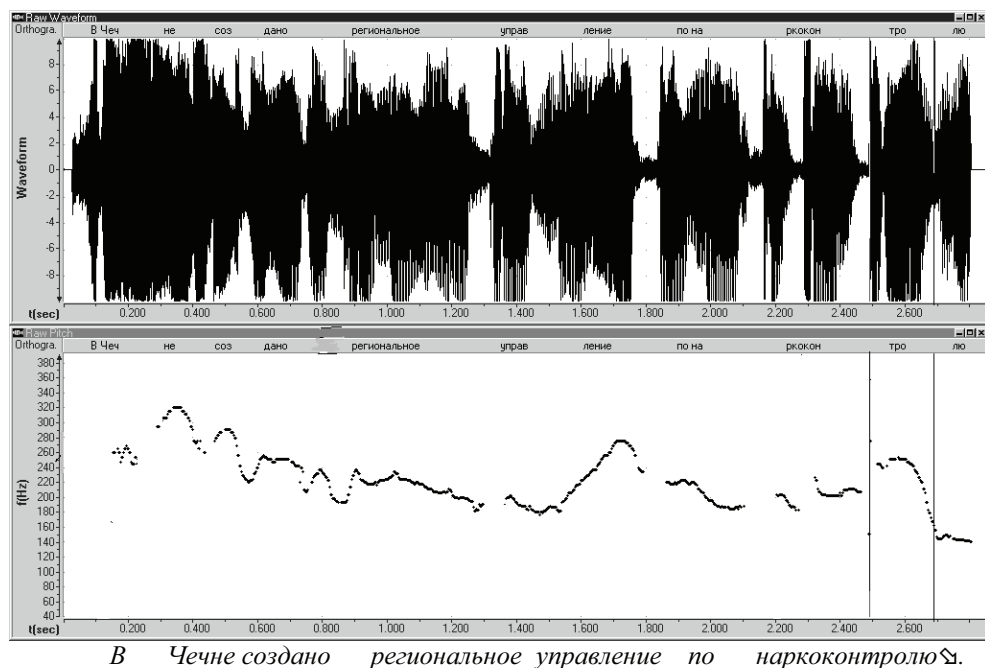
В Центральном Σ районе \nearrow днем минус десять-пятнадцать, \langle пройдет небольшой снег \rangle .

Здесь словоформа *Центральном* отмечена лекторским выделением, а словоформа *районе* служит акцентоносителем темы. Возникает нисходяще-восходящая фигура «ИК-2–ИК-3», по форме тональной кривой подобная ИК-4. Однако говорить о совпадении с ИК-4 здесь нельзя из-за несовпадения распределения ударных и заударных слогов при ИК-4, с одной стороны, и при последовательности «ИК-2+ИК-3» — с другой. ИК-4 характеризуется падением на ударном слоге и подъемом на заударном, если заударный есть. Между тем у сочетания «ИК-2+ИК-3» обе составляющие акцента приходятся на разные ударные слоги каждая. Это хорошо видно на Тонограмме 3. Здесь на ударном слоге словоформы *Центральном* фиксируется падение, а затем на ударном слоге словоформы *районе* — подъем.

Перейдем к лекторскому выделению в композиции с ремой. Совпадение акцентоносителей ремы и лекторского выделения ведет к замещению акцента ИК-1 темы акцентом лекторского выделения ИК-2, как этого и следовало ожидать исходя из рассмотренной выше сочетаемости лекторского выделения с темой. На тонограмме предложения (17) из сводки новостей в конце предложения на месте нейтрального плавного падения по типу ИК-1 мы наблюдаем более энергичное падение ИК-2. Соответствующий фрагмент акцентной кривой заключен в курсоры.

(17) *В Чечне создано региональное управление по наркоконтролю* ♪.

Тонограмма 4

Как уже говорилось выше, ИК-2 — это крутое (т. е. быстрое и требующее существенного перепада частот) падение тона. Для его реализации требуется и известный предварительный подъем, т. е. к концу предложения в примере (17) возникает новый высотный пик, что отличает предложение с конечным ИК-2 от плавного понижения с ИК-1 в финале. Семантический и перлокутивный эффект использования лекторского выделения в рамках ремы понятен — это воздействие на массового слушателя. Как мы видим, прием лекторского выделения используют не только лекторы и ученые-спорщики, но и дикторы радио и телевидения, сообщающие новости, для придания своей речи энергичного и взволнованного тона.

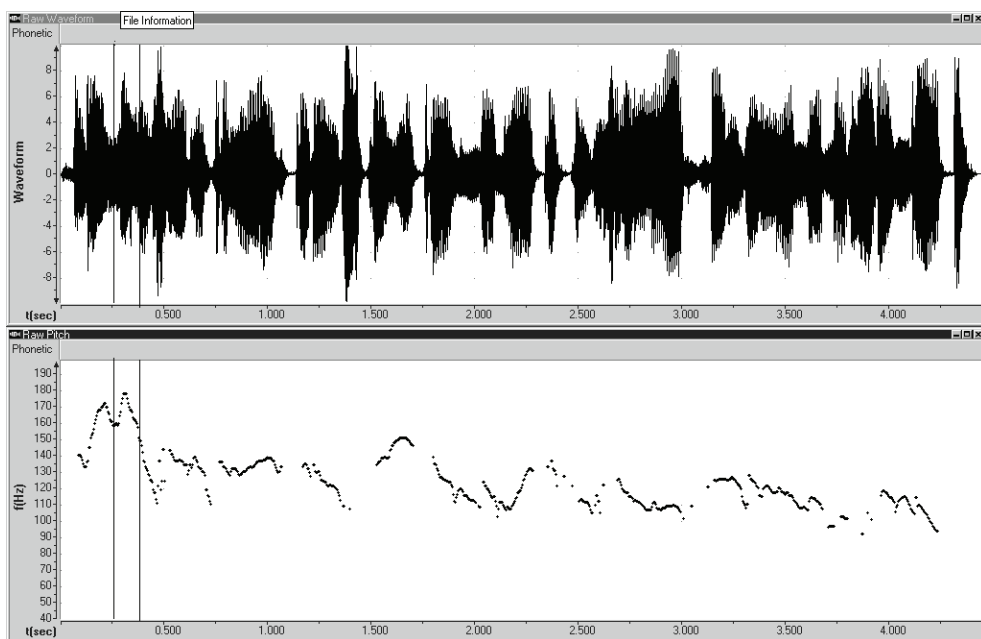
Перейдем к следующему средству оказания речевого воздействия говорящего на пассивного слушателя. Это средство тоже сводится к экспансии ИК-2, но, в отличие от лекторского выделения, оно связано с особой комбинацией коммуникативных компонентов предложения, которая нарушает плавное течение мысли говорящего от зачина предложения — темы — к реме. Вначале мы обратимся к примерам и их интерпретации, а затем попытаемся ответить на вопрос, чем эта вторая коммуникативная и, соответственно, линейно-акцентная структура отличается от лекторского выделения, ибо с поверхностной точки зрения они могут иметь близкие средства выражения.

Пример (18) иллюстрирует тоже особую акцентную структуру, которой можно придать несколько иную интерпретацию, чем та, которую мы давали предложениям с начальным лекторским выделением.

(18) *Госдума* приняла сегодня в первом чтении проект бюджета пенсионного фонда на будущий год.

Внешне линейно-акцентная структура предложения (18) и, скажем, примера (14а) сходны. И там, и тут мы наблюдаем начальный акцент ИК-2. Но в случае (18) акцентоноситель ИК-2 соотносится с референтом, который в этом предложении явным образом вводится в рассмотрение. Это Госдума. Слог -ду- в (18) выделен курсорами. И в этом же предложении, после введения Госдумы в рассмотрение, ей дается и некоторая дополнительная характеристика, а именно, говорится о ее работе. Значит, здесь в одном и том же предложении одновременно вводится в рассмотрение новый объект и в этом же предложении про этот объект сообщается нечто новое. Таким образом, речевой акт здесь строится по принципу «два в одном»: два сообщения на один речевой акт.

Предложения, которые заключают в себе одновременно два сообщения — первое, вводящее в рассмотрение новый объект, и второе, дающее этому объекту определенную характеристику, — анализировались в статье И. И. Ковтуновой [1979]. Так, по поводу предложения подобного типа из текста

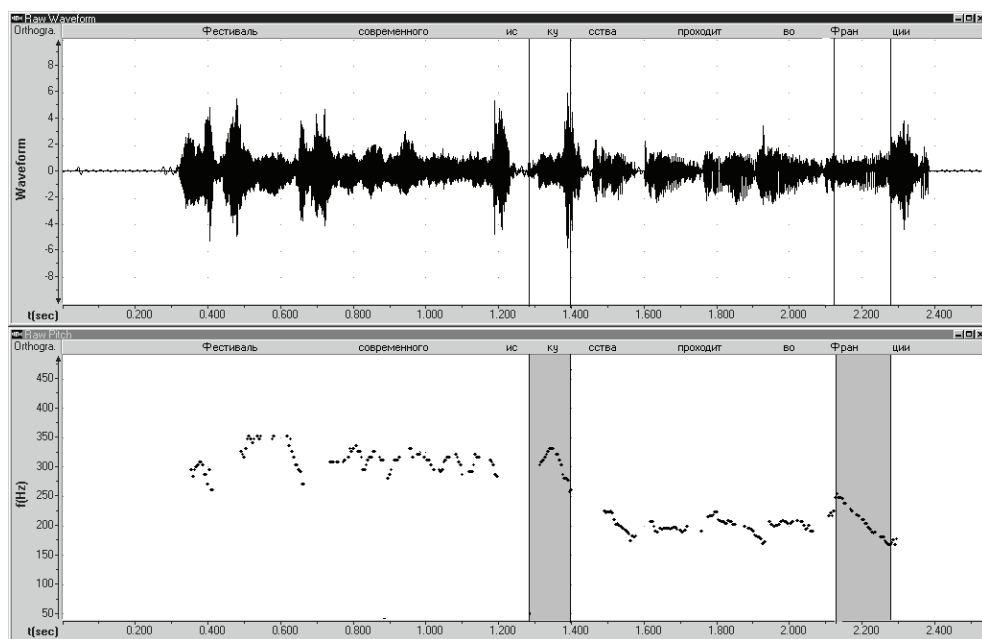
Госдума приняла сегодня в первом чтении проект бюджета пенсионного фонда на будущий год

Л. Толстого И. И. Ковтунова пишет следующее. Предложение *Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции* «заключает в себе по существу два сообщения: 1) Была страшная буря; и 2) Эта буря рвалась и свистела...» [Ковтунова 1979: 264].

Рассмотрим другие предложения и покажем, что примеры, подобные предложению (18), достаточно частотны при сообщении новостей. Так, в примере (19) тоже вводится в рассмотрение новый объект, который составляет основной предмет сообщения. Здесь говорится об открытии фестиваля. Сообщения о появлении на сцене (нового лица), открытии (ассамблеи, форума, фестиваля, выставки, конференции), приезде (гостя) — это типичные предложения введения в рассмотрение. Особенность предложений (17)—(18) и других, которые приводятся ниже, состоит в том, что в них о вводимом в рассмотрение предмете дополнительно сообщается некая новая информация.

(19) *Фестиваль современного искусства проходит во Франции*

В (19) сообщается об открытии фестиваля современного искусства, и здесь же говорится, что фестиваль проходит во Франции. Реконструируемая семантическая структура данного предложения может быть представлена парой предложений:

Тонограмма б¹⁰

Фестиваль современного искусства проходит во Франции

(19.1) 'Открылся фестиваль современного **искусства**';

(19.2) 'Он проходит во **Франции**'.

Акцентоносители гипотетических сообщений, соответствующих условным толкованиям (19.1) и (19.2), единицы *искусства* и *Франции* выделены в толкованиях полужирным шрифтом.

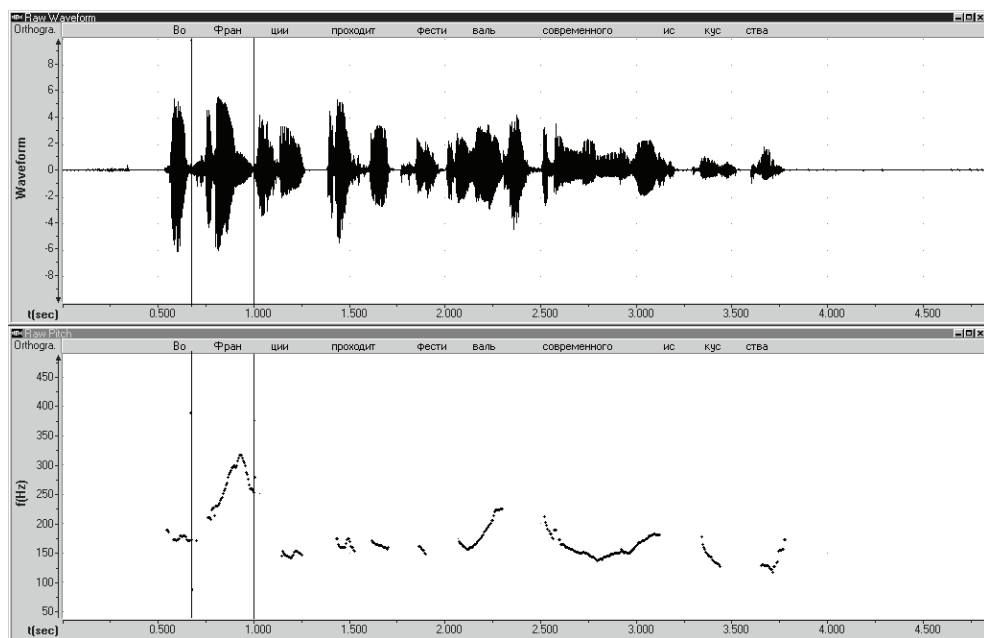
Ударные слоги словоформ-акцентоносителей в предложении (19) — слог *-ку-* словоформы *искусства* и слог *фран-* — словоформы *Франции* на тонограмме б выделены курсорами. Именно эти словоформы получают в предложении (19) нисходящие акценты. Акцентоноситель ремы с бытийным значением (или значением введения в рассмотрение, появления на сцене) получает акцент ИК-2 и располагается в начале предложения, а акцентоноситель ремы с характеризующим значением получает акцент ИК-1 и располагается в исхо-

¹⁰ По поводу тонограммы б заметим, что словоформа *искусства* с двумя свистящими [с] и глухим [к], служит не самым наглядным примером для читателя, т. к. движение тона на глухих, и особенно на свистящих, не отражается на графике частот. Для сравнения можно рассмотреть аналогичную акцентную фигуру на словоформе *Госдума*, со всеми согласными звонкими, в примере (18) и в других предложениях, где графики движения тона весьма четкие.

де предложения. Нейтральный способ отразить информацию, которая содержится в предложении (19), может быть представлен парой предложений (19.1) и (19.2), которая отражает семантическую структуру предложения (19), если предположить, что марровские кавычки в толкованиях сняты. Другой немаркированный способ выразить ту же информацию представлен предложением (19а). Пример (19а) искусственно построен и прочитан автором на основе лексико-синтаксической структуры (19). (Пример же (19) получен в записи сообщения новостей на радио.)

(19а) *Во Франции* проходит фестиваль современного искусства.

Тонограмма 7

Во Франции проходит фестиваль современного искусства.

В примере (19а) *во Франции* — это локальный детерминант в роли темы и вводимый в рассмотрение предмет *фестиваль современного искусства* в роли ремы: то, что группа *во Франции* представляет собой тему, выражено подъемом тона на ударном слоге словоформы *Франции*. Этот слог на тонограмме выделен курсорами. Такова нейтральная коммуникативная структура бытийного предложения, а также предложения появления на сцене; о бытийных предложениях типа *В этом краю есть леса* см. [Арутюнова 1983: 53—55; Firbas 1975]. В речи же дикторов порядок слов и акцентуация меняются, и перед нами возникает изысканная коммуникативная структура (19), которая

использует в качестве средства выражения два нисходящих акцента в одном предложении. Эту структуру вслед за И. И. Ковтуновой, выделяющей в предложениях такого типа два сообщения, мы предлагаем определять как композицию рем; подробнее о композиции рем см. в нашей работе [Янко 2001: 145—178]. В предложениях (18) и (19) две ремы и, соответственно, два сообщения. Такой сгущенный способ подачи информации весьма характерен для речи дикторов радио и телевидения. Предложения (18)—(19), а также и предложения (20), (21) и (22) ниже относятся одновременно к двум логико-семантическим типам — к предложениям введения в рассмотрение и к предложениям характеристики, потому что в них вводится в рассмотрение новый предмет и здесь же этому предмету дается некоторая характеристика. О логико-семантических типах предложений, в частности о бытийных предложениях и предложениях характеристики, см. [Арутюнова 1983: 10].

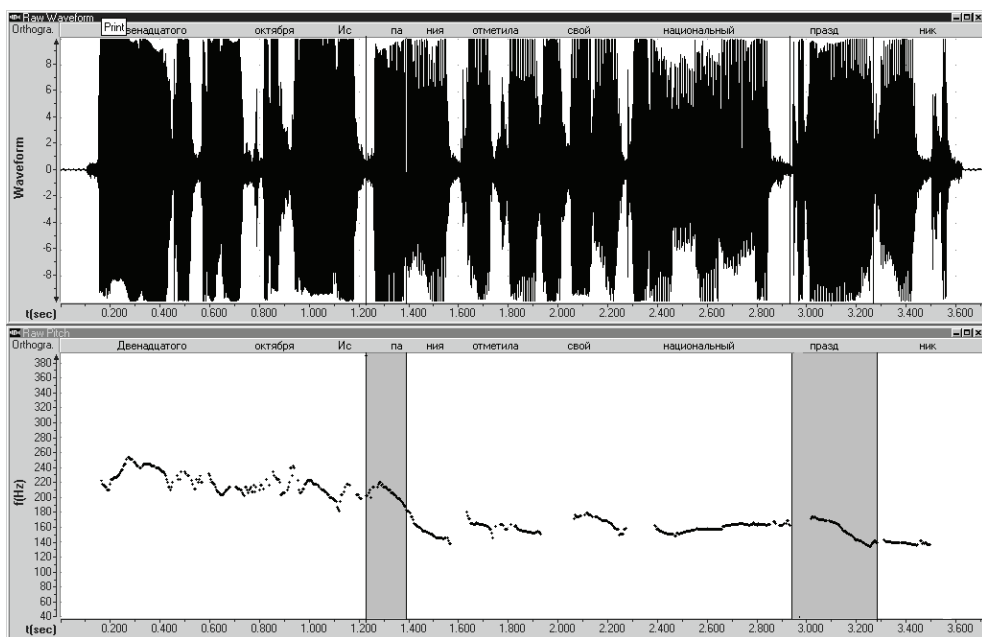
Коллекцию примеров из речи дикторов радио и телевидения можно расширить. В предложении (20) вводимый в рассмотрение предмет — это Испания. Соответствующая словоформа, несмотря на начальное расположение в предложении, несет нисходящий акцент ИК-2. Одновременно в этом предложении говорится о событиях, происходящих в Испании. Акцентоносителем первой ремы служит словоформа *Испания*, а акцентоносителем второй — словоформа *праздник*. Ударные слоги акцентоносителей взяты в курсоры.

(20) *Двенадцатого октября Испания☒ отметила свой национальный праздник ☑.*

Менее претенциозное исполнение этого предложения включало бы словоформу *Испания* в роли темы. Подача вводимого в рассмотрение предмета в роли темы, если он в принципе известен говорящему и слушающему, такого как Испания, это немаркированный — «спокойный» — способ подачи информации, ср. (20а):

(20а) *Двенадцатого октября Испания↗ отметила свой национальный праздник ☑.*

Однако, если вводимый в рассмотрение предмет неизвестен говорящему и слушающему, как, например, фестиваль современного искусства, который только открывается во Франции, — см. пример (19), — ни при какой альтернативной коммуникативной стратегии соответствующая именная группа не может претендовать на роль темы. В зависимости от известности говорящему и слушающему, а также в зависимости от синтаксической структуры предложений, для анализируемых здесь примеров можно реконструировать их нейтральные — немаркированные — корреляты. Это могут быть предложения или пары предложений, как в рассмотренном И. И. Ковтуновой примере из

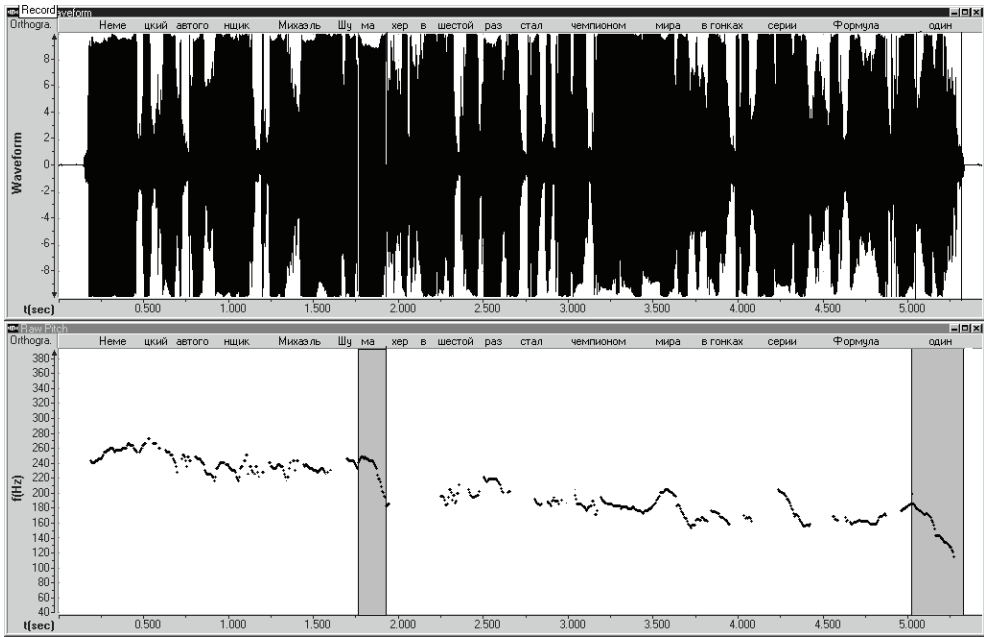
Двенадцатого октября Испания \S отметила свой национальный праздник Ψ .

Л. Толстого. Анализ информационной и синтаксической структуры предложений в связи с построением немаркированных коррелятов для рассматриваемых здесь примеров, представляет собой отдельную задачу. Она решается в работе [Янко 2001: 137—178]. Приведем еще несколько примеров, почерпнутых нами из радио- и телепередач, в которых вводимый в рассмотрение предмет играет роль начальной ремы и маркируется акцентом ИК-2. Обратимся к примеру (21). Начальная рема с акцентоносителем словоформой *Шумахер* (ударный слог взят в курсоры) говорит о том, что в рассмотрение вводится немецкий автогонщик Михаэль Шумахер. Затем следует детализация его очередной победы; акцентоноситель второй ремы — словоформа *один* (ударный слог взят в курсоры).

(21) *Немецкий автогонщик Михаэль Шумахер \S в шестой раз стал чемпионом мира в гонках серии Формула-1 Ψ .*

Примеры (19)—(22) демонстрируют достаточно высокий уровень частоты, с которого диктор начинает чтение предложения. Этот уровень обеспечивает не только крутое падение на акцентоносителе первой ремы, но также и существенный перепад частот — на второй. Если сравнить начало этих пред-

Тонограмма 9

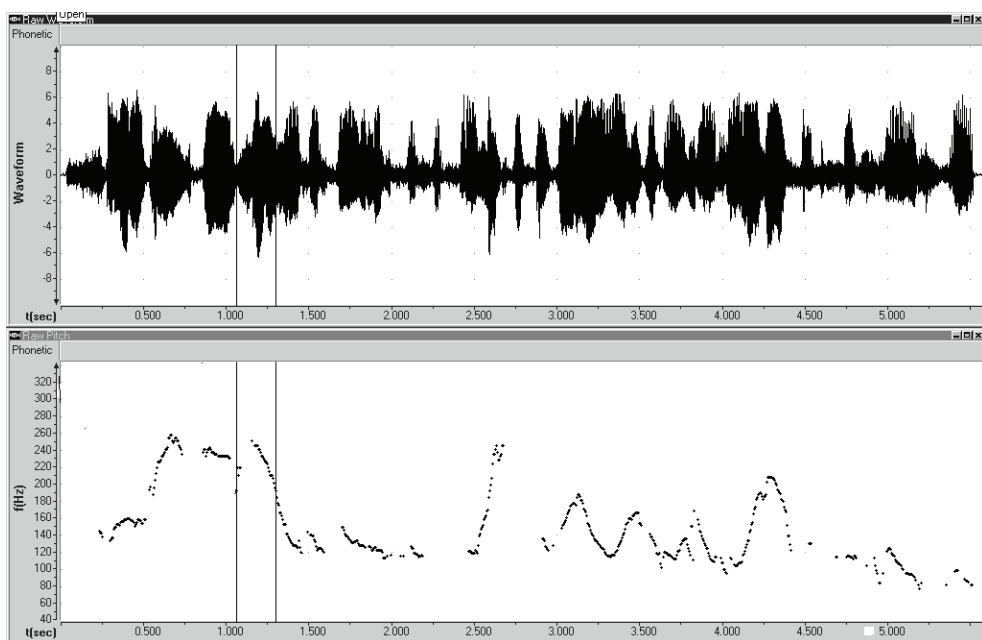

Немецкий автогонщик Михаэль Шумахер в шестой раз стал чемпионом мира в гонках серии Формула-1.

ложений с особым типом восходяще-нисходящих тем, которые рассматривались в разделе 2.1.1.2, выяснится, что в предложениях (19)—(22) гораздо более высокий уровень начальной частоты, чем при восходяще-нисходящем начале темы. Это, во-первых, говорит о том, что коммуникативные и линейно-акцентные структуры у этих двух типов предложений разные, и во-вторых, что стратегия чтения предложений, которые открываются вводным в рассмотрение предметом, часто совершенно новым для аудитории, достаточно прочно усвоена дикторами радио и телевидения: диктор заранее планирует свой речевой акт, начиная чтение предложения с достаточно высокого уровня, который может обеспечить как минимум два существенных падения частоты.

В примере (22) из рекламного телешоу на начальной именной группе *американские ученые* фиксируется акцент ИК-2. Соответствующий слог на тонограмме выделен курсорами.

(22) *Американские ученые* составили список продуктов, которые выводят из нашего организма токсичные вещества.

Американские УЧЕНЫЕ☹ составили список продуктов, которые выводят из нашего организма токсичные вещества ♪

Менее напыщенный диктор произнес бы это предложение с именной группой *американские ученые* в роли темы. Информационная структура ситуации это позволяет.

(22а) *Американские ученые*♯ составили список продуктов, которые выводят из нашего организма токсичные вещества ♪.

В примерах (18), (19), (20), (21) и (22) за счет присутствия в предложении двух рем говорящий достигает особой напряженности и выразительности, что оказывает демагогическое воздействие на слушателя. Такая стратегия принята только в чтении: в спонтанной речи предложения строятся по принципу «одно сообщение на один речевой акт».

Приведем еще несколько примеров из информационных радиосводок, иллюстрирующих анализируемую здесь коммуникативную стратегию с двумя ремами, а затем перейдем к анализу английского материала.

(23) *Германия*☹ намерена представить *России* предложения по облегчению визового режима ♪.

(24) *Лидер ЛДПР Владимир Жириновский*☹ назвал всех виновных в тех трагических событиях ♪.

- (25) *Члены национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова*☞ *забросали в субботу лидера ЛДПР Владимира Жириновского мороженым* ☞.

Покажем теперь, что двойная рема как особый прием речи деятелей массовой коммуникации встречается не только в русском языке. Приведем два примера из американской радиопрограммы новостей “Democrasy now”.

Пример (26) взят из сообщения о суде над экспертом Армстронгом Вильямсом, работавшим на партию консерваторов и получившим от правительства грант в размере 240 тысяч долларов на проведение пропагандистской кампании «Ни один ребенок не остался за бортом акции». Впоследствии суд решил, что оплата была чрезмерной, и Вильямс вернул в казну 34 тысячи долларов, тем более что по окончании кампании он широко освещал ее детали в средствах массовой коммуникации, не упоминая при этом, что его работа была заказана и хорошо оплачена правительством. Сообщение об этом решении начинается со слов *a conservative pundit* ‘специалист от консерваторов’. Специалист, таким образом, вводится в рассмотрение, словоформа-акцентоноситель *pundit* несет акцент типа русского ИК-2. Ударный слог [рлп] на тонограмме взят в курсоры. На тонограмме ясно видно, что на слоге [рлп] частота тона понижается, т. е. что этот акцент не имеет ничего общего с восходящим тоном темы, который на этом слоге в стилистически немаркированной речи мог бы быть.

- (26) *A conservative pundit*☞ *who was secretly being funded by the U.S. government has agreed to give back part of his pay.*
 ‘Специалист, работавший на партию консерваторов и получивший финансирование от правительства Соединенных Штатов, согласился частично вернуть выплаченные ему деньги’.

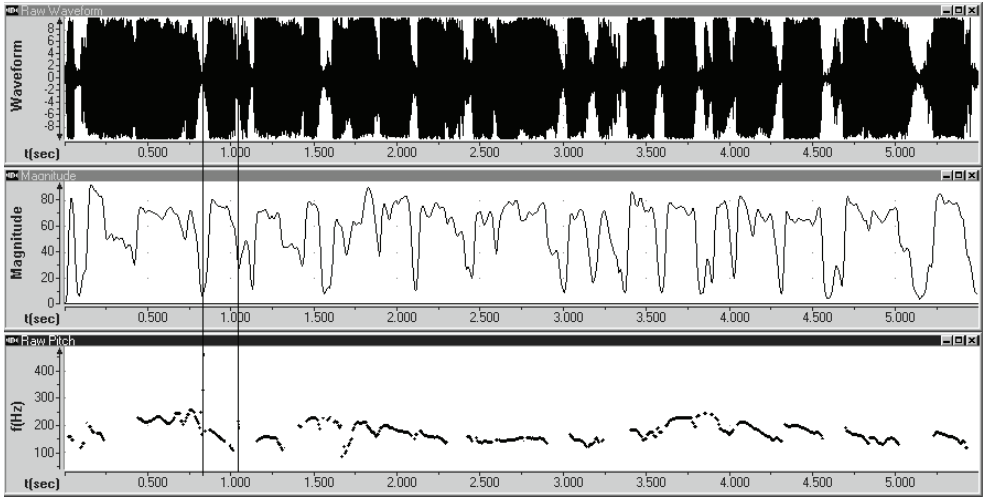
Другой аналогичный пример взят из той же программы. Тonoграмма демонстрирует два падения тона на словоформах *official* и *Kellenberger*. Ударные гласные взяты в курсоры.

- (27) *The official*☞, *Jakob Kellenberger*☞, *said the law too broadly defines an enemy combatant.*
 ‘Высокопоставленный чиновник, Джейкоб Келленбергер, заявил, что закон слишком широко трактует понятие противника’.

Более нейтральное произнесение предполагало бы на этих словоформах подъем темы:

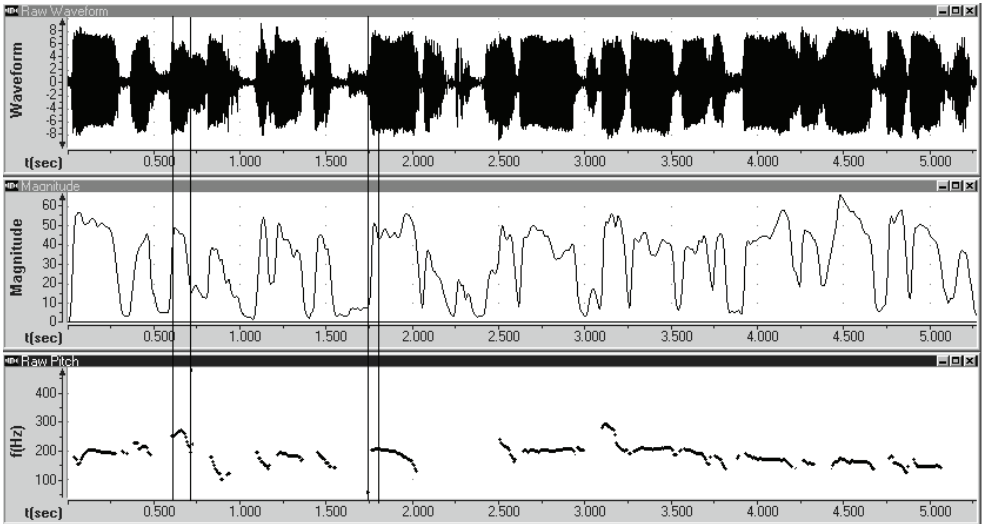
- (27a) *The official*↗, *Jakob Kellenberger*↗, *said the law too broadly defines an enemy combatant.*

Тонограмма 11

A conservative pundit who was secretly being funded by the U.S. government has agreed to give back part of his pay
[pʌ]

Тонограмма 12

The official, Jakob Kellenberger, said the law too broadly defines an enemy combatant
[i] [e]

Теперь ответим на вопрос, чем композиция рем отличается от лекторского выделения. Лекторское выделение и композиция рем различаются тем, что при композиции рем, например, в предложении (19), как было показано выше, акценты — начальный ИК-2 и конечный ИК-1 — приходятся в точности на те же словоформы, что и в соответствующих предложениях введения в рассмотрение (*Открылся фестиваль современного искусства* ♪ — здесь акцентоноситель ремы словоформа *искусства*) и в предложениях характеристики (*Он проходит во Франции* ♪ — здесь акцентоноситель ремы словоформа *Франции*)¹¹. Отсюда и возникает эффект введения в рассмотрение нового важного объекта с его одновременной характеристикой. У предложений с лекторским выделением такого смыслового эффекта нет, потому что у них другой принцип выбора акцентоносителя и употребление ИК-2 не связано с введением в рассмотрение новых, важных или сенсационных референтов.

Для сравнения с композицией рем приведем еще один пример лекторского выделения в речи диктора радио (28), в котором выбор носителя акцента ясно показывает, что о введении в рассмотрение нового объекта речи нет.

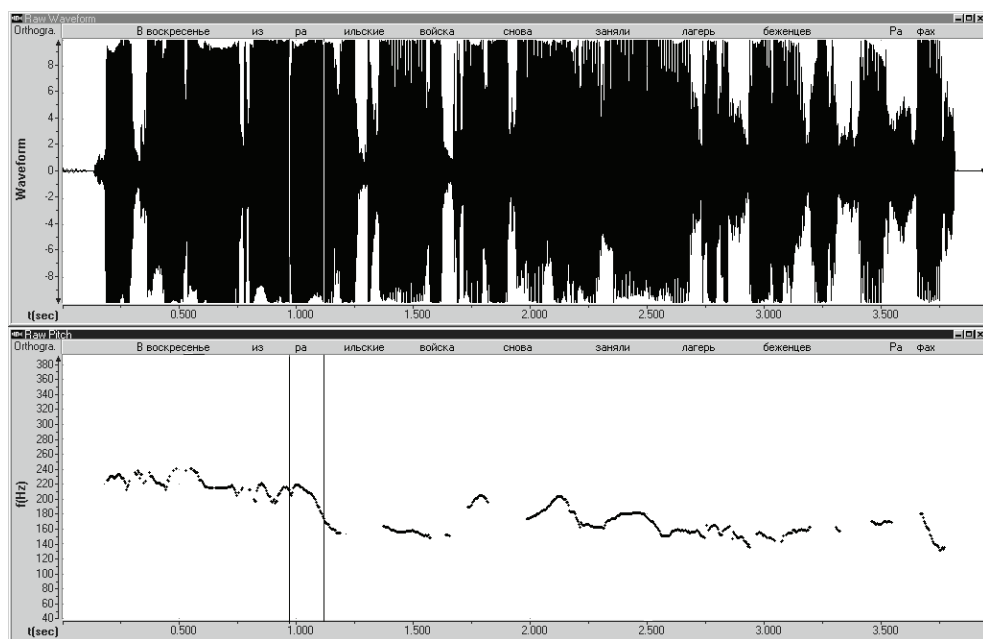
(28) *В воскресенье израильские* ♪ *войска снова заняли лагерь беженцев Рафах* ♪.

Здесь начальный носитель тона ИК-2 — словоформа *израильские*. Если бы это предложение преследовало цель ввести в рассмотрение новый предмет, например израильские войска, то акцентоносителем была бы словоформа *войска*. Поскольку акцентоноситель здесь другой, мы квалифицируем здесь ИК-2 как показатель лекторского выделения. Аналогичный пример был разобран ранее, это предложение (16). Оно имеет начальный акцент ИК-2 на словоформе *Центральном*. Если бы Центральный район вводился в рассмотрение, то акцентоносителем акцента ИК-2 была бы словоформа *район*.

В предложениях же из речи лекторов (14) и (15) начальные словоформы, выделенные акцентом ИК-2, вообще не претендуют на имена объектов, которые могли бы быть представлены как вводимые в рассмотрение или появляющиеся на сцене. Это тоже может служить основанием для того, чтобы считать соответствующий акцент показателем простого лекторского выделения, призванного сосредоточить внимание слушающего на словах докладчика.

Итак, различие между лекторским выделением и композицией двух рем в одном простом предложении состоит в том, что при композиции рем акцентоносители рем совпадают с акцентоносителями рем в соответствующих предложениях введения в рассмотрение и в предложениях характеристики.

¹¹ О правилах выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих различной синтаксической структуры см. раздел 2.1.1.1.2.

В воскресенье израильские войска снова заняли лагерь беженцев Рафах.

Между тем при лекторском выделении акцент ИК-2 связан только с привлечением внимания слушающего к референтам, понятиям или просто к речи говорящего.

В результате можно заключить, что устная речь, и в частности, расположение тональных акцентов при соответствующем выборе их акцентоносителей и типов тональных акцентов, обладает мощными средствами воздействия на аудиторию. Расширенное использование ИК-2, подменяющего собой нейтральный акцент ИК-3, служит агрессивным средством воздействия на аудиторию массового вещания. Существенно, что основное средство выражения коммуникативных смыслов, которые были рассмотрены в данном подразделе, — акцент ИК-2 — совпадает со средством выражения контрастной ремы. Таким образом, еще одна инновация, которая характеризует современные речевые средства массовой коммуникации, оказывается косвенно связанной с контрастом.

4.3. Расширение функций ИК-4

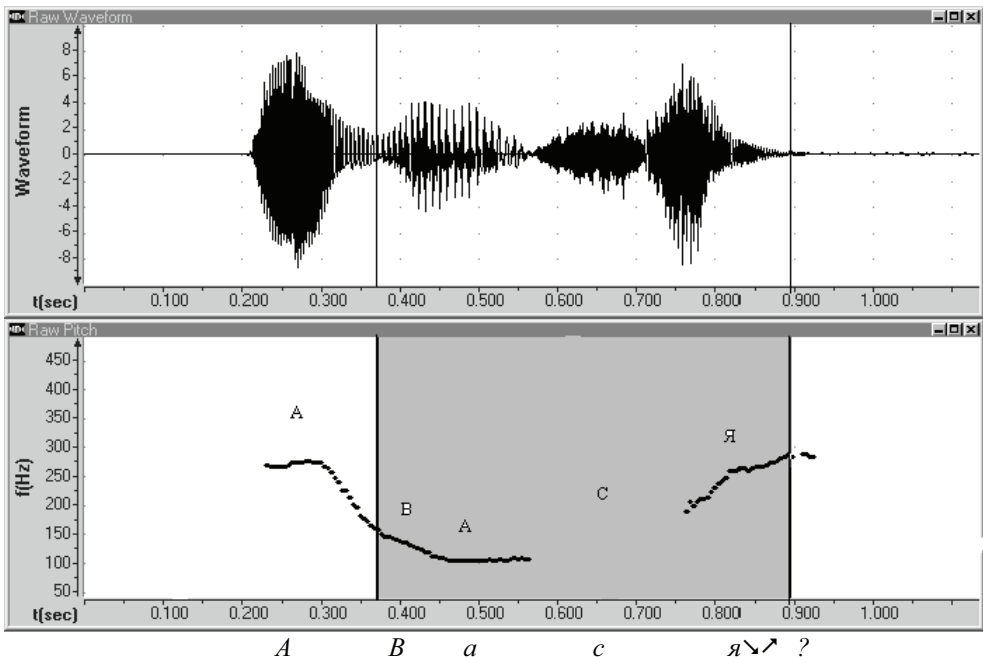
К обсуждению значений, которые выражаются с помощью акцента типа ИК-4 (по Е. А. Брызгуновой), мы уже обращались выше по разным поводам: в разделе 2.1.1.1.1 при кратком описании набора основных коммуникативно

релевантных акцентов русского языка, в разделе 3.2 при анализе стратегий выражения незавершенности текста и выбора множества носителей акцентов, участвующих в реализации этих стратегий, в разделе 3.4 при анализе вклада, который вносится в семантику незавершенности собственно акцентом, и обсуждении функций ИК-3, ИК-6 и ИК-4 в структуре текста. Кроме того, к русскому акценту ИК-4 мы еще вернемся в разделе 5.4.2, посвященном сопоставительному анализу функционально близких акцентов русского и английского языков. В данном разделе мы надеемся выделить общее в различных типах употреблений русского акцента типа ИК-4 (по Е. А. Брызгуновой) в разговорной и публичной неофициальной русской речи и показать, что эффектными, но претенциозными — театральными, рассчитанными на произведение впечатления на аудиторию — оказываются те употребления, которые отклоняются от инварианта. Итак, основной задачей данного раздела служит выделение инвариантного значения ИК-4 и обсуждение на этом фоне нестандартных инновационных употреблений.

Для начала проиллюстрируем употребление акцента ИК-4 рядом типичных примеров. Ярким примером употребления акцента ИК-4 в русском языке служат эллиптические вопросы с *A*?

(29) *A* *ваш*↘↗ билет?; *A* дом↘↗?; *A* запить↘↗?; *A* *Вася*↘↗?.

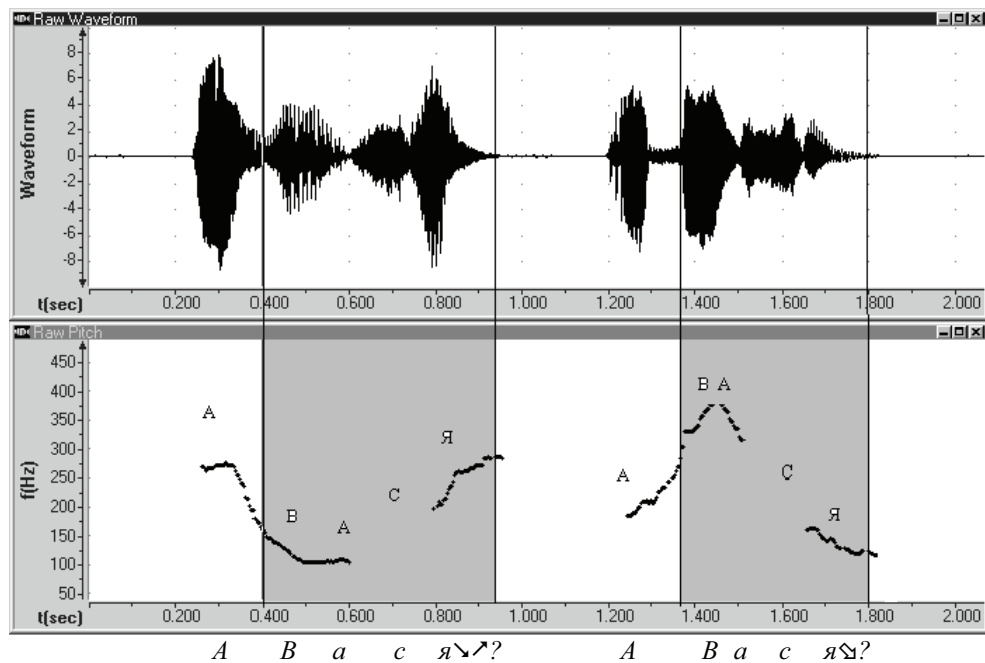
Тонограмма 14

В вопросе *А Вася?* в устах, скажем, хозяйки, у которой все члены семьи, кроме Васи, собрались к обеду, на ударном слоге *Ва-* фиксируется падение частоты тона, а на заударном *-ся* — подъем. В вопросе *А ваш билет?*, который произносится контролером, проверившим билет у одного пассажира и обращающимся к другому, на односложной словоформе *ваш* фиксируется падение (или ровный низкий тон), а на словоформе *билет* — подъем. Референт словоформы *билет* полагается здесь известным, т. к. о билетах уже шла речь в вопросах, адресованных другим пассажирам. Поэтому словоформа *билет* лишена самостоятельного коммуникативно релевантного акцента и играет роль заударного сегментного материала по отношению к основному акцентоносителю *ваш*. В примерах *А дом?* и *А запит?* заударной части нет. Здесь характерное нисходяще-восходящее движение тона фиксируется на конечном (или единственном) ударном слоге акцентоносителя.

Возникает вопрос: чем отличается реализация вопроса *А Вася?* с акцентом ИК-4 от реализации с акцентом ИК-2, который тоже может фигурировать в вопросительном предложении с данной лексико-синтаксической структурой? Сравним: *А Вася?* и *А Вася?*

Тонограмма 15

ИК-4 показывает, что Вася рассматривается на фоне других: все на месте, а Васи нет. Акцент же ИК-2 в *А Вася* говорит, что о том, что Васи нет, могло прийти в голову говорящему и безотносительно к тем, кто оказался на месте в нужное время. Другой пример. Когда мы говорим *А пирог* с ИК-2, это значит, что про пирог забыли и он пригорает в духовке. В контексте же с ИК-4 вопрос *А пирог* означает, что вся еда и посуда на столе и нет только пирога. Таким образом, в вопросы с *А* акцент ИК-4 вносит соотношение с релевантным для каждой данной ситуации множеством, на фоне которого рассматриваются пирог, дом или Вася.

Другой характерный для ИК-4 контекст — это серийные вопросы в ситуации выяснения анкетных данных, ср. пример Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982: 114]:

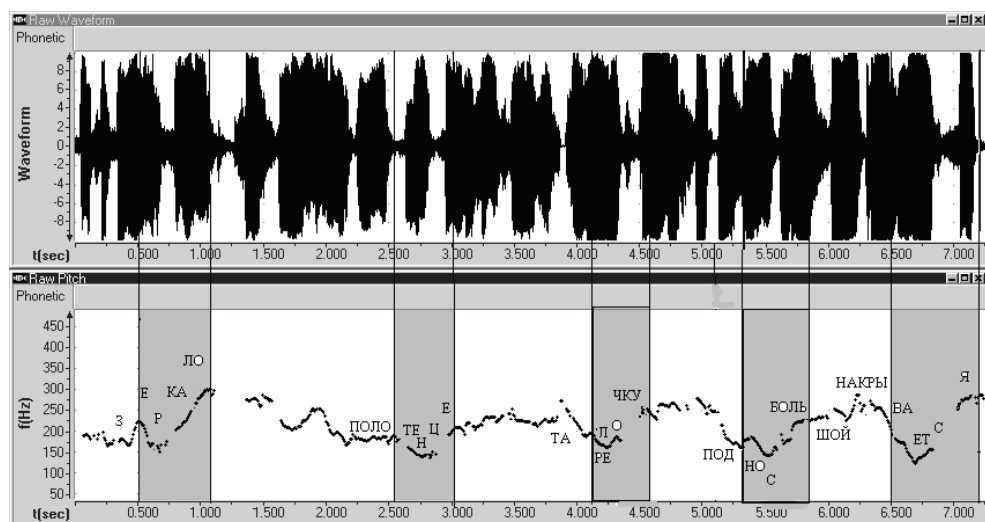
(30) *Ваши имя*? *Возраст*? *Факультет*? *Курс*?

Далее, наиболее частотный для ИК-4 в разговорной речи контекст — это незавершенное повествование, где ИК-4 указывает не только на то, что продолжение повествования следует, но также и на то, что предложение, следующее за текущим, не последнее. Об этом уже говорилось выше в разделе 3. Приведем здесь еще несколько интересных примеров использования ИК-4 в «рассказе по порядку». ИК-4 маркирует изложение цепи событий, упорядоченных во времени или по своей внутренней логике. Это может быть изложение распорядка дня, последовательный рассказ о прогулке, доклад о разработанном плане действий. Обратимся к записи рассказа гадалки о технологии гадания на зеркале (31). Гадалка, выступавшая в телеэфире, рассказывала о том, как следует гадать с использованием зеркала, и указывала на разложенные перед ней в определенном порядке предметы, необходимые для гадания.

(31) *Значит, зеркало*, *чистое новое полотенце* обязательно, *тарелочку* большую, *поднос* большой, *накрывается*...

На тонограмме ясно виден характерный для ИК-4 нисходяще-восходящий рисунок на словоформах *зеркало*, *полотенце*, *тарелочку*, *поднос* (*большой*) и *накрывается*. Ударный и заударный слоги этих словоформ на тонограмме выделены курсорами.

Пример из неподготовленной речи особенно интересен здесь тем, что традиционно считается, что ИК-4 — это принадлежность официального стиля образованных людей [Русская грамматика 1982, I: 115; Логинова 2002: 324]. Между тем рассказ гадалки, человека совершенно чуждого официальной стилистике, и другие примеры из разговорной речи показывают, что стратегия рассказа по порядку характерна и для неофициальной речи при изложении планов на будущее, прошлых событий, которые состоят из ограни-

Значит, зеркало↘↗, чистое, новое полотенце↘↗ обязательно, тарелочку↘↗ большую, поднос↘↗ большой, накрывается↘↗...

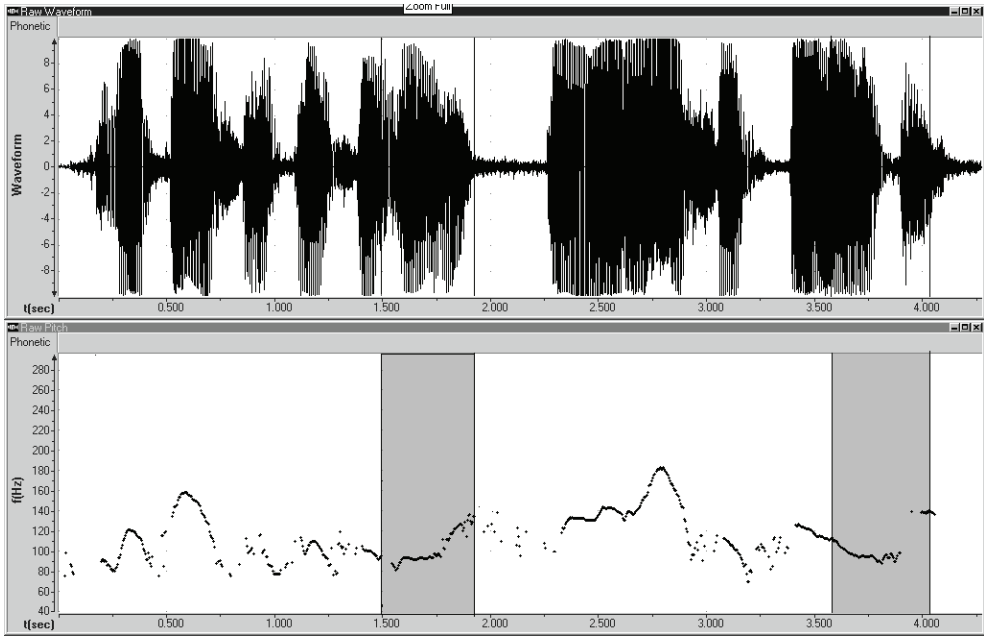
ченного числа сюжетных ходов, изложении кулинарных рецептов, технологии изготовления различных артефактов. Еще один пример — это рассказ врача о результатах переливания крови больному:

- (32) Больной, который был постельный, он не улыбался, а после того, как он закончил **процедуру**↘↗, он вернулся в **палату**↘↗, сбросил решительным жестом тапочки со своих **ног**↗ и босиком на полу отбил чечетку.

В примере (32) акцентом ИК-4, который говорит о том, что этап повествования, следующий за текущим, не последний, отмечены два первых шага повествования. Третий — предпоследний — шаг оформляется уже акцентом ИК-3 (стрелка вверх ↗), который имеет подъем на ударном слоге акцентоносителя и служит немаркированным показателем незавершенности. Рассказчик здесь весьма последователен в использовании маркеров незавершенности, т. к. на предпоследнем шаге интонация «длинного» рассказа по порядку сменяется простым показателем незавершенности: повествование кончается, шаг, следующий за текущим, завершает повествование. На тонограмме 17 представлен фрагмент предложения (32) ... закончил **процедуру**↘↗, он вернулся в **палату**↘↗...

Ударный и заударный слоги словоформ *процедуру* и *палату* взяты в курсоры. На ударном слоге словоформы *процедуру* фиксируется ровный низкий тон, а на заударном наблюдается существенное повышение. На словоформе

Тонограмма 17

... закончил **процедуру**↘↗, он вернулся в **палату**↘↗...

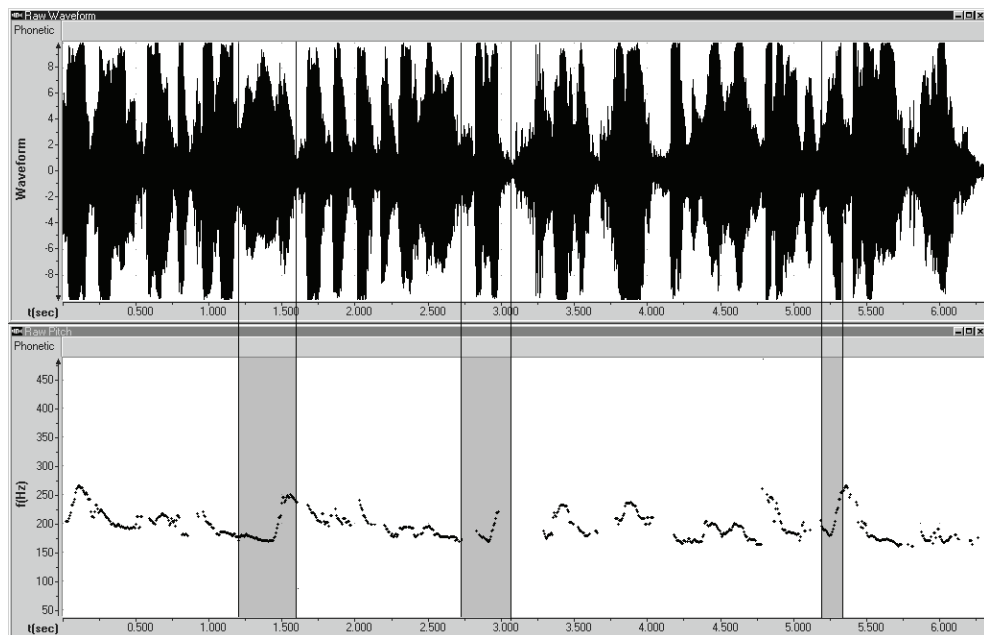
палату можно наблюдать легкое падение тона на ударном слоге *-ла-* и высокий ровный на тон на *-ту*. Подобное распределение изменений тона укладывается в определение ИК-4, данное Е. А. Брызгуновой, где ИК-4 определяется как интонационная конструкция, у которой заударная часть находится выше ударной [Русская грамматика 1982, I: 98—99, 107, 115].

В примере (33) дизайнер по интерьеру излагает свой план обустройства однокомнатной квартиры, которой нужно придать многофункциональный характер. Говорящий переводит взор от окна к стене и дальше и рассказывает, какие функции могут иметь небольшие элементы пространства:

- (33) *Мы сделаем комнату три в одном*↘↗, *здесь, естественно, будет зимний сад*↘↗, *здесь будет место, где переночевать*↘↗, *и даже жить...*

В анализируемом тексте как минимум три незаконченных фрагмента: 1) *Мы сделаем комнату три в одном*↘↗; 2) *здесь будет зимний сад*↘↗; 3) *здесь будет место, где переночевать*↘↗. Маркером незавершенности здесь служит акцент ИК-4, который фиксируется на словоформах *одном*, *сад* и *переночевать*. У всех словоформ-носителей ИК-4 в данном тексте отсутствуют заударные слоги. Специфическое нисходяще-восходящее движение тона с

Тонограмма 18

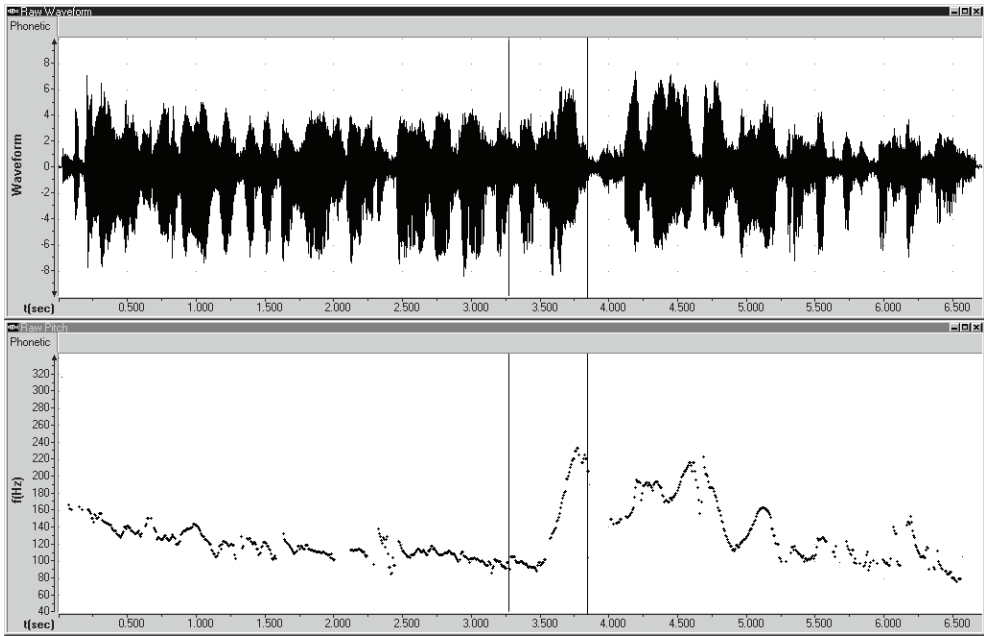
Мы сделаем комнату три в одном\↗, здесь, естественно, будет зимний сад\↗, здесь будет место, где переночевать\↗, и даже жить...

высокой терминальной частью располагается на единственном или последнем слоге акцентоносителя. Слог *-ном* в словоформе *одном*, словоформа *сад* и ударный фонетический фрагмент *-ва-* в *переночевать* выделены курсорами.

Мы коротко рассмотрели три важных контекста употребления ИК-4: вопросы с *А?*, серийные вопросы о параметрах объекта и «рассказ по порядку». Ниже будет рассмотрено еще несколько контекстов. Сейчас же мы обратимся к примерам ИК-4, которые практически не встречаются в обыденной речи, а более характерны для подготовленной речи образованных людей или для речи ораторов, стремящихся, в частности и через интонацию, воздействовать на аудиторию. Эти употребления имеют несколько вычурный характер: говорящий рисуется, «работает на публику». Прием выглядит эффектно, но напористо и несколько театрально, что выдает подготовленную — не спонтанную — речь. См., например, рекламный призыв, почерпнутый нами из речи телешомена:

- (34) *Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались\↗, запоминайте названия продуктов-спасателей.*

Тонограмма 19

Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались ↘, запоминайте названия продуктов-спасателей

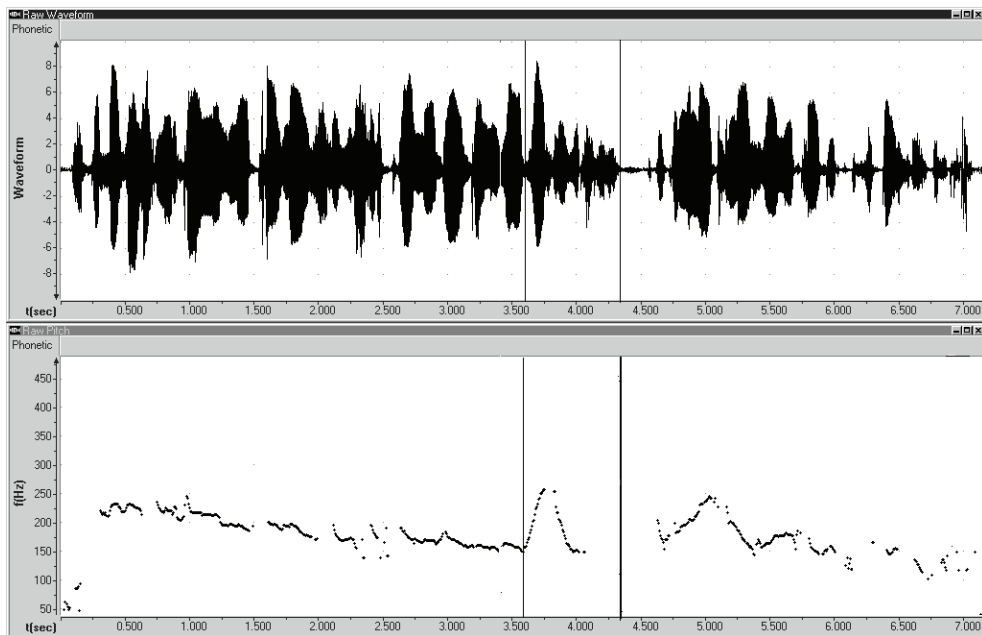
Ударный и заударные слоги словоформы-носителя ИК-4 взяты в курсоры. В данном произнесении обращает на себя внимание очень широкий диапазон изменения частоты тона на заударных: у заударных здесь неестественно высокий для русского ИК-4 финал. Менее напыщенный диктор произнес бы этот призыв с ИК-3 на *задерживались*, потому что именно такова русская норма для данного типа предложений. Тонограмма специально прочитанного в лабораторных условиях примера (34а) демонстрирует подъем тона на ударном слоге словоформы *задерживались* с последующим падением (редукцией) на заударных; ударный и заударный слоги словоформы *задерживались* взяты в курсоры:

(34а) *Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались ↗, запоминайте названия продуктов спасателей.*

Другой пример претенциозного употребления ИК-4 встретился нам в речи театрального деятеля, участвовавшего в телешоу. В примере (35) словоформа *женщиной* выделена курсорами. Тонограмма ясно показывает существенный подъем на двух заударных слогах *-щи-* и *-ной*:

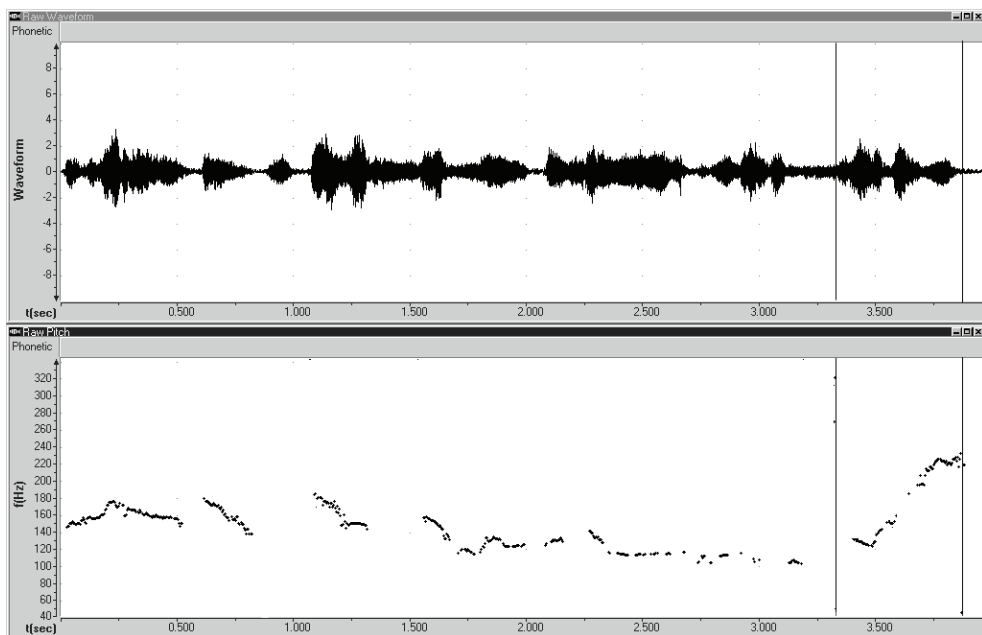
(35) *Мы говорим о том, в чем суть взаимоотношений между мужчиной и женщиной ↗ (и какие приемы мы можем назвать ловушками любви.)*

Тонограмма 20

Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались, запомните названия продуктов спасателей.

Тонограмма 21

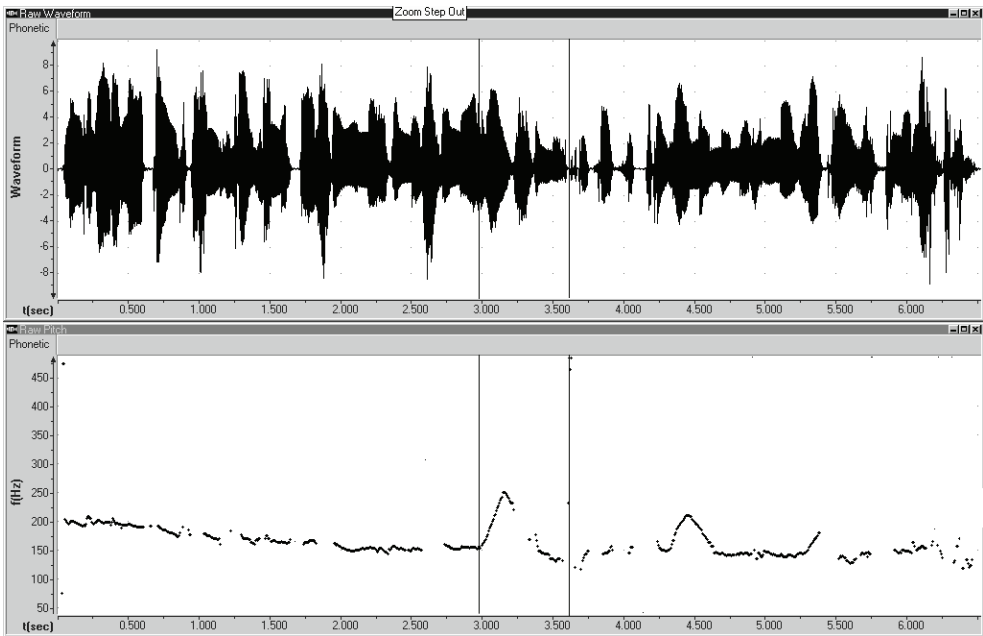

Мы говорим о том, в чем суть взаимоотношений между мужчиной и женщиной ↘...

Акцент ИК-3 с подъемом на ударном слоге в качестве показателя незавершенности в контексте лексико-синтаксической структуры (35) звучал бы менее эффектно, но более естественно, ср. лабораторный пример (35а). Словоформа *женщиной* выделена курсорами. На ударном слоге фиксируется подъем, который сопровождается редукцией на заударных. Подобная интонационная реализация отражает русское стандартное произношение.

(35а) *Мы говорим о том, в чем суть взаимоотношений между мужчиной и женщиной* ↗ и какие приемы мы можем назвать ловушками любви.

Тонограмма 22

Мы говорим о том, в чем суть взаимоотношений между мужчиной и женщиной ↗ и какие приемы мы можем назвать ловушками любви.

Возникает вопрос, почему некоторые употребления ИК-4, такие как в предложениях (34) и (35), звучат как вычурные и напыщенные, а другие — как нейтральные. Чтобы ответить на этот вопрос, поставим задачу выявить общее в семантике нейтральных употреблений ИК-4 и покажем, что претенциозные употребления выпадают из инварианта.

4.3.1. Инвариантное значение ИК-4. ИК-4 как акцент контраста

При анализе примеров (29)—(33) и других возникает гипотеза о том, что акцент ИК-4 в русской речи предназначен для референции к ситуациям контраста. Поясним это положение.

Контраст соотносится:

- 1) с выбором из некоего известного говорящему и слушающему множества и
- 2) с соотносением текущего высказывания с некоторым мнением или ожиданием, с которым говорящий соглашается или нет (см. раздел 1).

Однако утверждение, что во всех примерах с ИК-4, которые мы считаем нормативными и нейтральными, реализуются все элементы толкования контраста, было бы слишком сильным. Представляется, что контексты ИК-4 строятся либо на выборе элементов из известного множества, либо на борьбе мнений, либо и на том и на другом. Во многих употреблениях ИК-4 мы сталкиваемся с идиоматичными значениями, которые не имеют полного совпадения с толкованием контраста, а только существенно пересекается с ним. Обратимся к типам значений, рассмотренным выше, и обсудим их с точки зрения соотношения с контрастом.

Действительно, в вопросе с *A?* множество выбора легко реконструируется из контекста: мы говорим *A vaiu*↘↗ *билет?* только в ситуации, когда множество держателей билетов налицо и часть из них уже предъявила свои билеты. Тот, у кого говорящий спрашивает билет в текущем вопросе, противопоставляется предыдущему пассажиру, к которому был обращен аналогичный вопрос. Тот пассажир, которому кондуктор задает вопрос *A vaiu*↘↗ *билет?*, всегда не первый в ряду тех, к которому обращено требование предъявить билет.

Далее. Примеры типа *Курс*↘↗? *Фамилия*↘↗? *Факультет*↘↗? показывают, что акцент ИК-4 характерен именно для серии вопросов. Говорящий хочет выяснить значения всех параметров из известного списка, и интонация показывает, что таких параметров более одного. Для одиночного же вопроса больше подходит нисходящий акцент, ИК-1 или ИК-2: *Ваша фамилия*↘?.

При стратегии незавершенности, маркируемой ИК-4 (ср. примеры (31), (32) и (33)), говорящий, указывая на то, что следующий фрагмент повествования не последний, заранее знает, из каких сюжетных этапов состоит его повествование, и сообщает о том, что его сообщение помещено в контекст других сообщений об упорядоченном множестве объектов или событий: текущий фрагмент повествования рассматривается не автономно, а на фоне других.

Другим компонентом значения, общим для рассмотренных выше примеров, служит текстовая или ситуативная незавершенность. Говорящий либо ждет ответа (*A vaiu*↘↗ *билет?*), ответного действия или возражения, либо формирует незаконченный список (*Курс*↘↗? *Фамилия*↘↗? *Факультет*↘↗?), либо обещает слушающему продолжение повествования (*Зеркало*↘↗, *чистое новое полотенце*↘↗, *накрывается*↘↗...).

Таким образом, если отвлечься от не совсем стандартных примеров (34) и (35), ИК-4 фигурирует в коммуникативных ситуациях, которые предусмат-

ривают рассмотрение одного объекта на фоне других, аналогичных ему, в контексте незавершенной коммуникации. В свете гипотезы о соотносительности ИК-4 с контрастом и незавершенностью рассмотрим другие контексты ИК-4 систематически и покажем, как соотносятся функции соответствующих предложений с толкованием контраста и с незавершенностью коммуникативной ситуации.

4.3.2. Стандартные контексты ИК-4

Из соображений полноты внесем в список контекстов ИК-4 в качестве пунктов I—III те употребления, которые уже были рассмотрены выше.

I. Вопросы с *A*? (*A Вася*↘↗?).

II. Серийные вопросы (*Ваша фамилия*↘↗? *Имя*↘↗?)

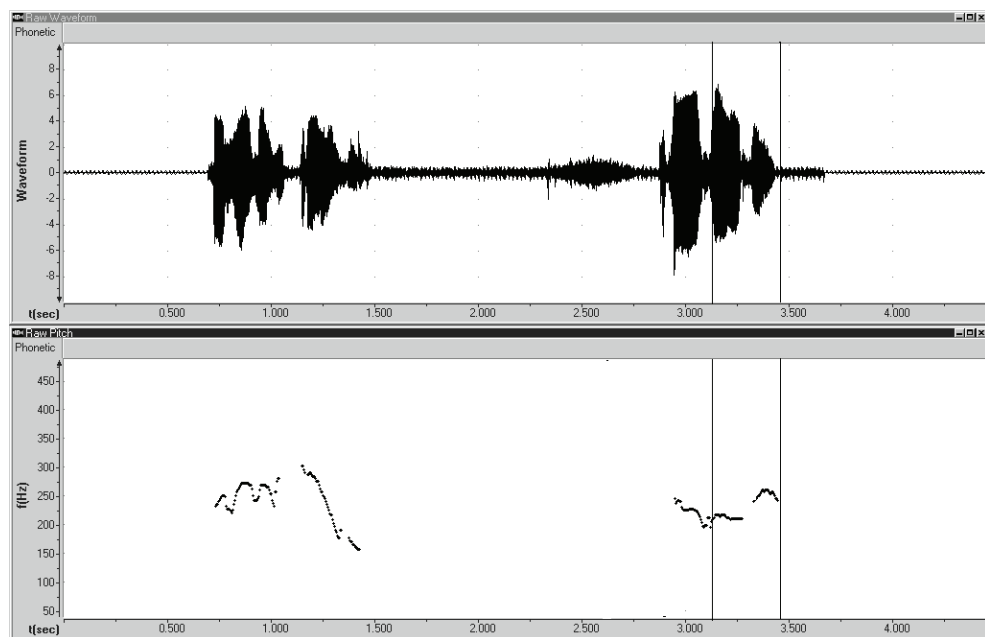
III. Незавершенность в контексте «длинного» повествования, разбитого на упорядоченные этапы (примеры (31)—(33)). Заметим здесь, что незавершенность в контексте рассказа по порядку допускает варианты с ИК-3, ИК-6, ИК-1 на тех же акцентоносителях, но при этом меняется значение, потому что семантика «педантичного» рассказа «по порядку» в таком случае сходит на нет. При ИК-3 маркируется незавершенность в чистом виде, не осложненная другими оттенками значения. При акценте ИК-6 (растянутом) рассказ приобретает семантику имитации мыслительного процесса: воспоминания, мечтания, мысленного поиска. При ИК-1 незавершенность остается невыраженной: каждый шаг рассматривается как законченный, и на то, что продолжение следует, никакого указания нет.

IV. Формулы прощанья. Типичный контекст ИК-4 составляют формулы прощанья в режиме ожидания ответной реплики или скорой встречи: *До встречи*↘↗; *Пока*↘↗. Здесь акцент ИК-4 используется для обозначения предпоследней реплики сеанса коммуникации и указывает на предпоследнего говорящего. Существуют и другие варианты акцентирования предпоследней реплики, но в них она не обозначена как предпоследняя. (В реальности реплика прощанья, несущая ИК-4, может не быть предпоследней, потому что говорящие могут, попрощавшись, вновь возвратиться к разговору.) Однако при ответном прощании навсегда (при последнем прощании) акцент ИК-4 неуместен, потому что дальнейшего обмена репликами не предполагается: *?Прощайте*↘↗. Реплика последнего прощанья с нисходящим акцентом ИК-1 более естественна: *Прощайте*↘. С контрастом данное употребление ИК-4 связывает конечное и известное число реплик и их последовательность, ибо в финале коммуникации прощальных реплик теоретически две. Прощальные реплики допускают и иное интонирование, но при этом меняются оттенки значения. Так, при ИК-1 значение ожидания ответа сходит на нет: *Пока*↘.

V. Ответ с вызовом. Е. А. Брызгунова указывает на ИК-4 как на маркер ответа с вызовом: <— Отец дома?> — Дома↘↗. А что↘↗? [Русская грамматика 1982, I: 115]. Давая ответ в контексте ИК-4, говорящий противопоставляет себя аудитории, которая, по его мнению, должна мыслить иначе: 'я не соответствую вашим ожиданиям', 'что вы на это скажете?'. Говорящий ждет возражений. Сопоставление мнений, присущее контрасту, и незавершенность общения здесь налицо. Существенно, что в данном употреблении активизируется не рассмотрение текущего объекта на фоне релевантного множества, а второе — сопутствующее первому — значение, состоящее в активном противопоставлении коммуникантов друг другу. Ср. тонограмму диалога ведущей телешоу и актрисы, которая практически во все ответы на вопросы телеведущей вкладывала некий романтический вызов: 'да, я такой человек, и это вас удивит':

(36) — *Что для вас праздник?* — *Премьера↘↗.*

Тонаграмма 23

— *Что для вас праздник?*

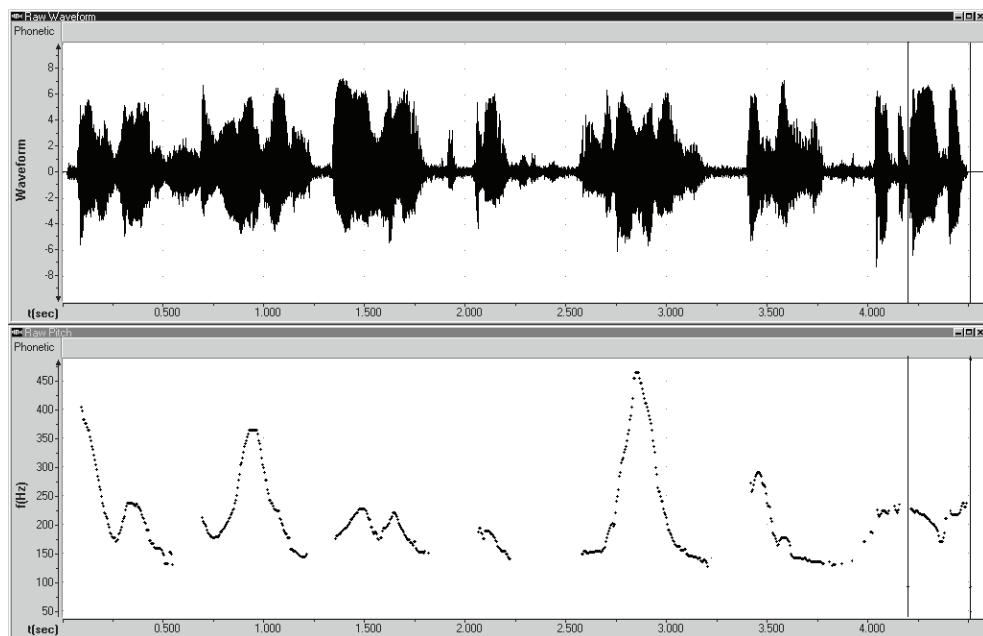
— *Премьера↘↗*

На тонаграмме мы видим ровный низкий тон на ударном слоге словоформы *преьера* и подъем на заударном слоге; ударный и заударный слоги выделены курсорами. Актриса думает, что аудитория ожидает ответа: *праздник* — это ужин в ресторане или покупка нового автомобиля. И дает возвышенный ответ, ожидания которого она в слушателях не предполагает. Характерно, что

другая пара «вопрос-ответ» в анализируемом диалоге звучала совершенно аналогично — по расстановке как ценностных, так и языковых (в терминах интонационных конструкций) акцентов. — *На что вам сегодня не жалко времени и денег?* — спрашивала ведущая. — *На книги*↘↗ — отвечала актриса.

(37) ⟨— *На что вам сегодня не жалко времени и денег?*⟩ — *На книги*↘↗.

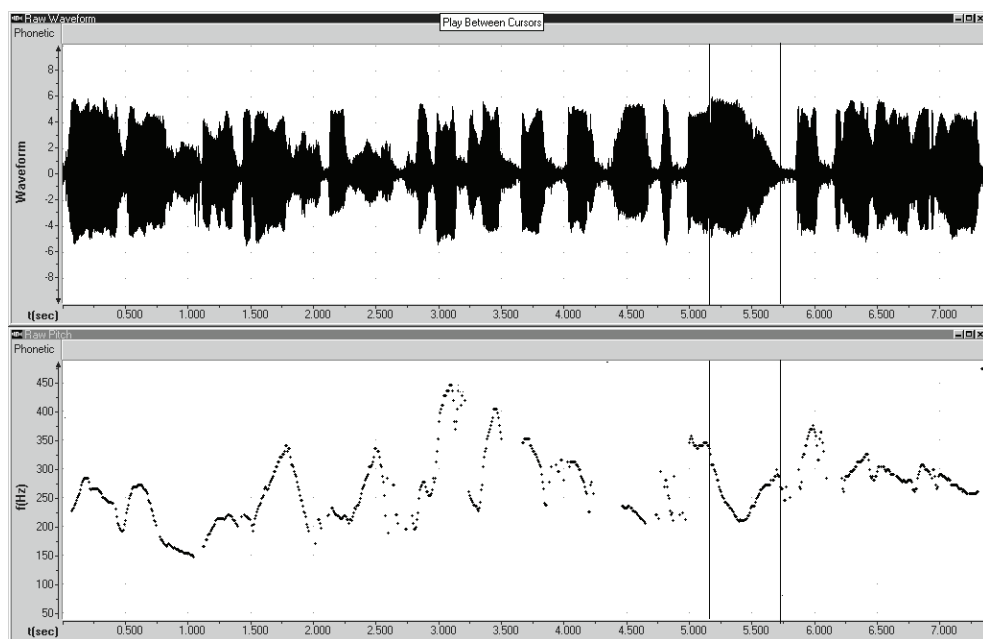
Тонограмма 24

⟨— *На что вам сегодня не жалко времени и денег?*⟩ — *На книги*↘↗

VI. Незавершенность плюс контраст или эмфаза. Примером (38) представлено уже не идиоматичное, а полностью соответствующее композиции составляющих значений сочетание контраста и незавершенности. В примере (38) на *да-нет*-вопрос оппонента говорящий отвечает утвердительно, т. е. здесь перед нами т. н. верификативная рема в контексте незавершенности. О верификации см. разделы 2.1.1.1.2.4 и 3.3.2 выше. Словоформа *исполнимо* в данном случае играет роль утвердительного ответа на вопрос ‘да, исполнимо’, и это значение дополнительно комбинируется с незавершенностью текста. На тонограмме мы видим падение на ударном слоге словоформы *исполнимо* и подъем на заударном слоге. Эти слоги выделены курсорами.

(38) ⟨— *Ленино желание — оно вообще реально? Исполнимо?*⟩ — *Вы знаете, я считаю, что **исполнимо***↘↗, *просто нужно, наверное...*

Ленино желание оно вообще реально? Исполнимо? Вы знаете, я считаю, что исполнимо↘↗, просто нужно, наверное...

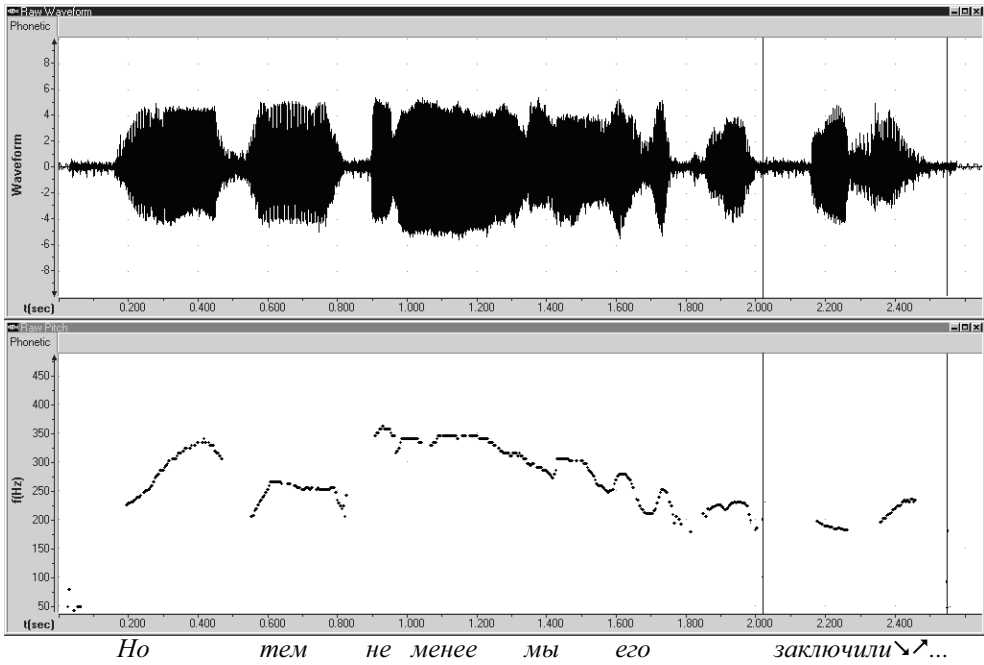
Другой пример аналогичной комбинации значений — предложение (39). В (39) говорится о том, что некие супруги после долгих сомнений и обсуждений решили заключить между собой брачный договор. Здесь перед нами сочетание значения верификации (или *да-нет*-значения) и незавершенности текста. Акцентоносителем верификации служит финитный глагол. На тонограмме можно наблюдать слабонисходящий тон на ударном слоге *-чи-* и подъем на заударном *-ли* глагола *заклучили*. Эти слоги выделены курсорами.

(39) *Но тем не менее мы его заклучили↘↗...*

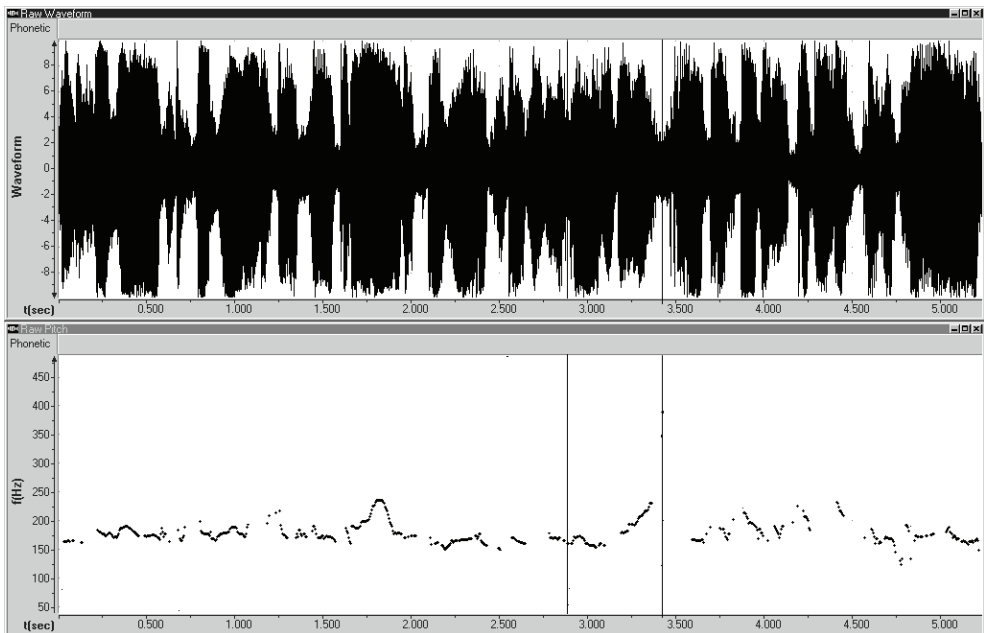
VII. В примере (40) представлено сочетание незавершенности с эмфатическим выделением. Комментатор спортивных соревнований говорит о том, насколько важно то, что спортсмены выполняют программу соревнований под строгим контролем. Комментарий еще не достиг завершения, что выражается ИК-4 на словоформе *важным* с падением на ударном слоге и подъемом на заударном.

(40) *Все делается под мышечным контролем, что является очень важным↘↗, они технически чисто выполняют...*

Тонограмма 26

Тонограмма 27

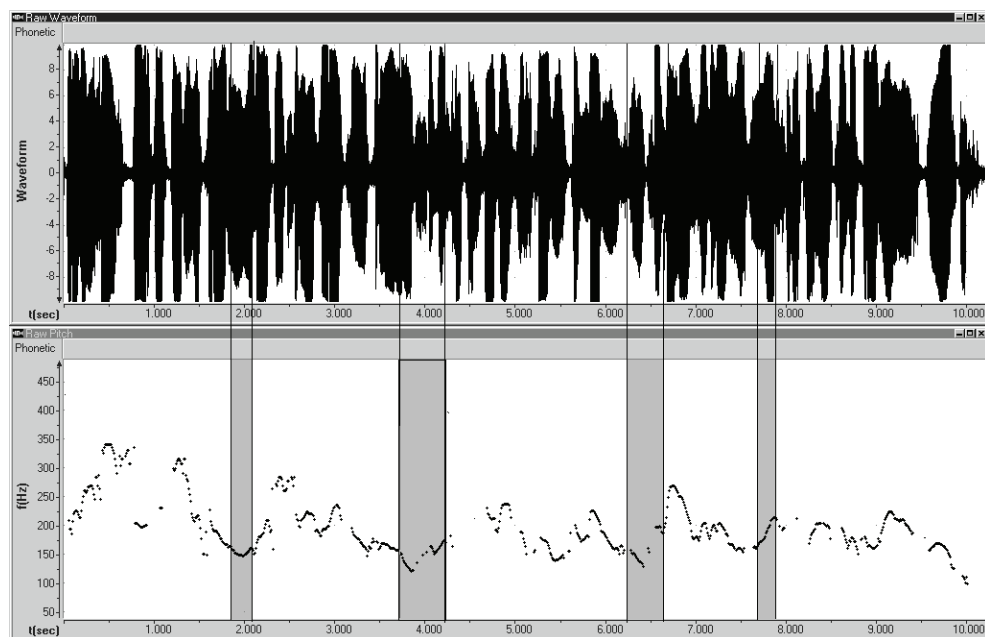

Все делается под мышечным контролем, что является очень важным, они технически чисто выполняют...

VIII. В русистике традиционно считается, что ИК-4 служит маркером незавершенности в официальном стиле речи (ср. [Русская грамматика 1982, I: 115; Логинова 2002: 324]). Обратимся к примеру (41) из чтения судьей решения по делу о семейном споре.

- (41) *Разрешая спор о перезахоронении, возникший между родственниками умершего, суд исходил из того, что в данном случае волеизъявления умершего о месте захоронения не было.*

Тонограмма 28

спор о перезахоронении, возникший между родственниками умершего, суд исходил из того, что в данном случае волеизъявления умершего о месте захоронения не было.

Действительно, в предложении (41) мы наблюдаем три акцента ИК-4, свидетельствующих о незавершенности текста, на словоформах *перезахоронении*, *умершего* и *случае* (соответствующие ударные и заударные слоги акцентоносителей выделены курсорами). Очевидно, что (41) — это образец глубоко официального стиля речи, на что указывает не только ИК-4, но и подбор лексем, ср. *волеизъявление*, *место захоронения*. Однако анализ примера (41) и других подобных примеров показывает, что акцент ИК-4 присущ не просто официальному стилю, но скорее рассмотренной выше стратегии незавершенности, которая указывает на «изложение по порядку», ср. контекст III. Подача информации, разбитой на логически упорядоченные кванты и/или упорядоченной во времени, характерна для официального стиля и усвоена им: даже

если говорящий не распланировал для себя фрагмент своей будущей речи, он говорит так, как если бы он это сделал. В примере (41) мы наблюдаем ИК-4 на трех неконечных незавершенных фрагментах, последний показатель незавершенности — в полном соответствии со стандартным употреблением акцентов — акцент ИК-3. Он фиксируется на втором словоупотреблении словоформы *умершего*. Ударный слог *-мер-* взят в курсоры. ИК-3 здесь говорит о том, что повествование подходит к концу.

Между тем в спонтанной разговорной речи акцент ИК-4 тоже весьма частотен. Об этом говорят не только наши собственные наблюдения, но и наблюдения авторов серии монографий по русской разговорной речи, см., пример из [Китайгородская, Розанова 1995: 40]: *Он был / весь такой кругленький / небольшого роста...*, где на словоформах *кругленький* и *роста* фиксируется ИК-4¹².

Итак, можно заключить, что в официальном стиле речи мы сталкиваемся с ИК-4 как с проявлением общей для русской речи функции подачи кванта информации, который мыслится говорящим как предшествующий некоему неконечному этапу в упорядоченной цепи шагов изложения.

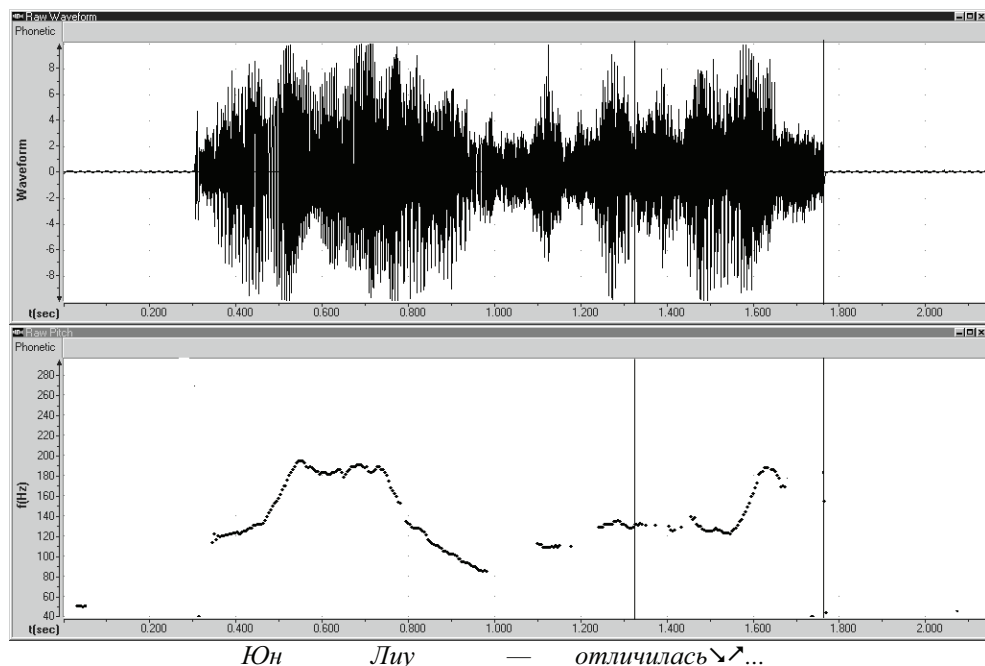
И наконец, перейдем к употреблению ИК-4, которое не связано с контрастом.

IX. КвазиИК-4. Изменение частоты основного тона, подобное ИК-4, может возникать для обозначения значений 'рема' плюс 'незавершенность' в условиях «нехватки» акцентоносителей. Поясним это положение. Обратимся к ситуации, в которой сочетаются два значения — ремы и незавершенности — в условиях, когда претендент на роль акцентоносителя обоих значений в предложении единственный и представляет собой сказуемое. Приведем пример и предложим его интерпретацию. В примере (42) из комментария матча по женскому гандболу мы видим существенную паузу после подлежащего *Юн Лиу*, которое произносится с интонацией законченного предложения, т. е. с подъемом на *Юн* и падением на *Лиу*. Это редкий для русского языка тип интонирования темы, реализуемой в автономном режиме, т.е. темы, интонируемой как цельное предложение, см. раздел 2.1.1.2. Тогда на долю сказуемого — одиночной словоформы *отличилась* — приходится сразу две роли: и роль акцентоносителя ремы, и роль акцентоносителя незавершенности. Интонационно такая комбинация реализуется как ИК-4. Мы видим ровный низкий тон на ударном слоге *-чи-* глагола *отличилась* и подъем на *-лась*. Фрагмент *-чилась* на тонограмме взят в курсоры:

¹² Интонационная разметка этого примера в терминах интонационных конструкций была сделана авторами позже; в книге [Китайгородская, Розанова 1995: 40] указание на ИК-4 еще отсутствует.

(42) Юн Лиу — отличилась ↘ ↗ ...

Тонограмма 29

Почему такое употребление характерно именно для сказуемого? Для объяснения этого явления возникает следующая гипотеза. Источником подобной комбинации значений и движений тона служит, как было показано выше в разделе 3.1 частотная в русской разговорной речи стратегия незавершенного текста, при которой актант сказуемого служит акцентоносителем ремы, а само сказуемое — акцентоносителем незавершенности, ср. предложение *Я тогда пиджак ↘ снял ↗ (и побежал на почту)* с падением на словоформе *пиджак* и подъемом на сказуемом *снял*. Если бы словоформа *пиджак* отсутствовала или вместо нее имелось бы атоническое местоимение, то на *снял* фиксировалась бы комбинация акцентов «падение плюс подъем» в форме ИК-4: *Я его тогда снял ↘ ↗ ...* Таким образом, акцент типа ИК-4 на глаголе в примере (42) и других мы интерпретируем как комбинацию акцентов, маркирующих одновременно рему и незавершенность. Иначе говоря, данный акцент следовало бы называть не ИК-4, а ИК-1+ИК-3. Поэтому данное употребление мы называем квазиИК-4.

4.3.3. Инновационные контексты ИК-4

Вернемся к примерам (34) и (35) и покажем, что контекст контраста в них отсутствует. Начнем с примера (34). Акцентоносителем ИК-4 в (34) служит словоформа *задерживались* (...чтобы... не задерживались↘↗...). Каковы возможные источники контраста на финитной форме глагола? Первым источником контраста могло бы служить противопоставление действий в контексте 'не Р, а Q', например, *не задерживались, а двигались дальше*. Такого значения здесь нет. Другим случаем контраста могла бы быть верификация, акцентоносителем которой тоже служит глагол. Покажем, что такого значения здесь тоже нет или, более того, что в контексте значения цели, которое выражено здесь придаточным предложением с союзом *чтобы*, его не может быть. Предложим в качестве теста на возможную комбинацию языковой единицы с верификацией добавление в поверхностную структуру частицы *и*, служащей, как и ударность финитной формы глагола, одним из средств выражения верификативного значения: *А Вася и пришел; Если Вася и пришел / приходил, то ненадолго; Хоть Вася и пришел, толку от него немного; Пусть Вася и женился, он ее не любит; ³Когда Вася и приходил, он ей не помогал; *Раз Вася и пришел, пусть зайдет; *Поскольку Вася и пришел, значит, он здоров; *Чтобы Вася и пришел / приходил, нужно его пригласить*.

Сочетаемость с верификативной частицей *и* показывает, что значения условия и уступки вступают в композицию с верификацией, а значения цели, причины и временные — нет. Отсюда заключим, что в предложении (34) простой контраст отсутствует, верификация невозможна и контекста рассказа «по порядку» тоже нет. Значит, и основания для интонирования акцентоносителя придаточного с *чтобы* средствами ИК-4 здесь отсутствуют. Аналогично, в предложении (35) ни противопоставления, ни сопоставления, ни рассказа «по порядку» нет. Поэтому предложение (35), как и предложение (34), демонстрирует осторожное нарушение нормы.

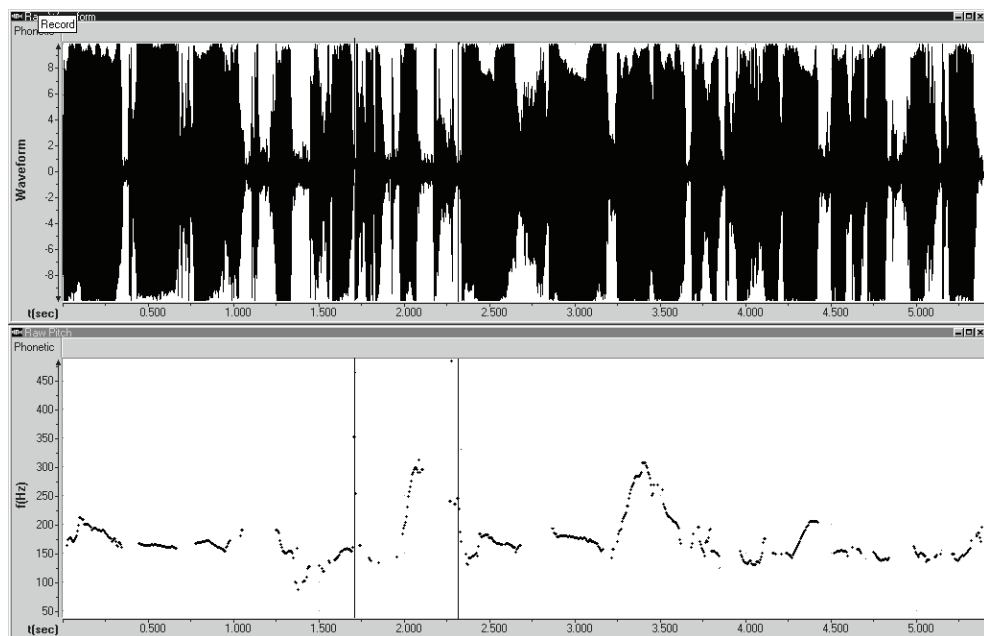
Можно предположить, что объяснение подобной экспансии ИК-4 в средствах массовой коммуникации состоит в расширенном использовании на месте ИК-3 функционально и перцептивно близкого, но все же иного акцента — ИК-4. Говорящий нарушает норму и, тем самым, привлекает внимание говорящего к своей речи. Выскажем другую гипотезу относительно источника расширения сферы функциональной применимости ИК-4. Подчеркнем, что это только гипотеза, которую невозможно ни достоверно подтвердить, ни опровергнуть. Свидетельство в пользу нашего предположения состоит в следующем. В западных языках — английском, немецком и польском — сфера функциональной применимости акцента типа русского ИК-4 гораздо шире, чем в русском. В английском (наравне с ИК-3) акцент типа ИК-4 маркирует

большинство типов текстовой незавершенности, а в польском — не только текстовую незавершенность, но и тему. В польском — языке, который традиционно влиял на русский, акцент типа русского ИК-3 не выдерживает конкуренции с ИК-4, хотя акцент типа ИК-3 тоже употребляется. Между тем, если предполагать западное влияние, то в настоящее время следовало бы скорее подозревать влияние не польской речи, а напор со стороны англоязычных средств массовой коммуникации. Обратимся к английским примерам. Пример (43) взят из оптимистически звучащей речи ведущей американского радио.

(43) *He like you is a practicing catholic ↘ ↗ and finds his justification for the death penalty.*

‘Он, как и вы, исповедует католицизм и находит свое оправдание применению смертной казни’

Тонограмма 30

He like you is a practicing catholic ↘ ↗ and finds his justification for the death penalty.

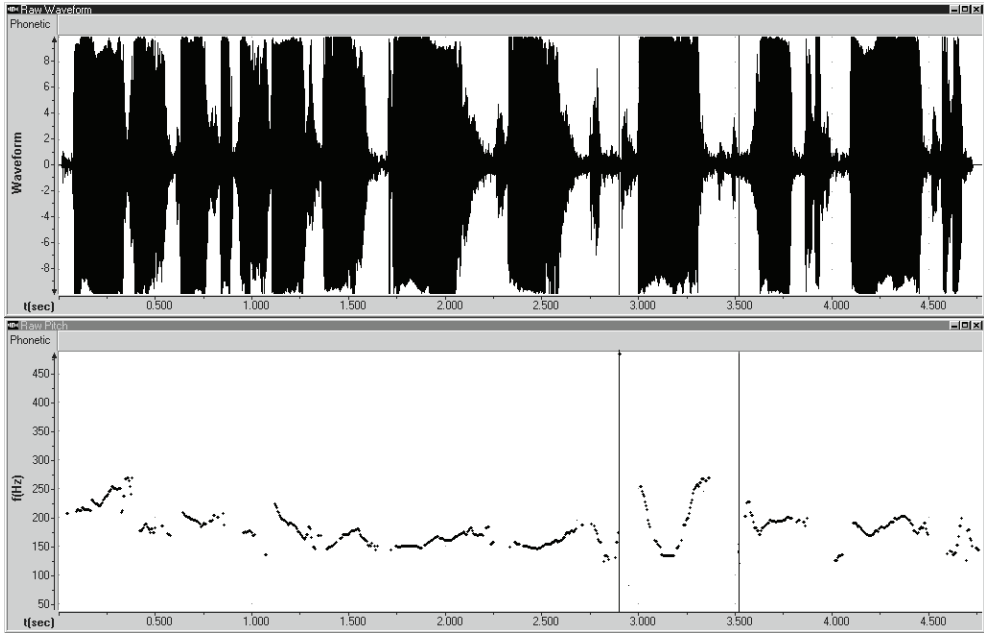
Носитель акцента, подобного русскому акценту ИК-4, словоформа *catholic*, которая в данном случае служит акцентоносителем незавершенности, взята в курсоры. Легко видеть, какого высокого уровня достигает ударный слог [lɪk].

Пример (44) ниже — образец британской речи.

(44) *And I just thought it was somebody going to a toilet↘↗, and I took no notice.*

‘Я просто подумала, что это кто-то идет в туалет, и не обратила на это внимания’

Тонограмма 31

And I just thought it was somebody going to a toilet↘↗, and I took no notice.

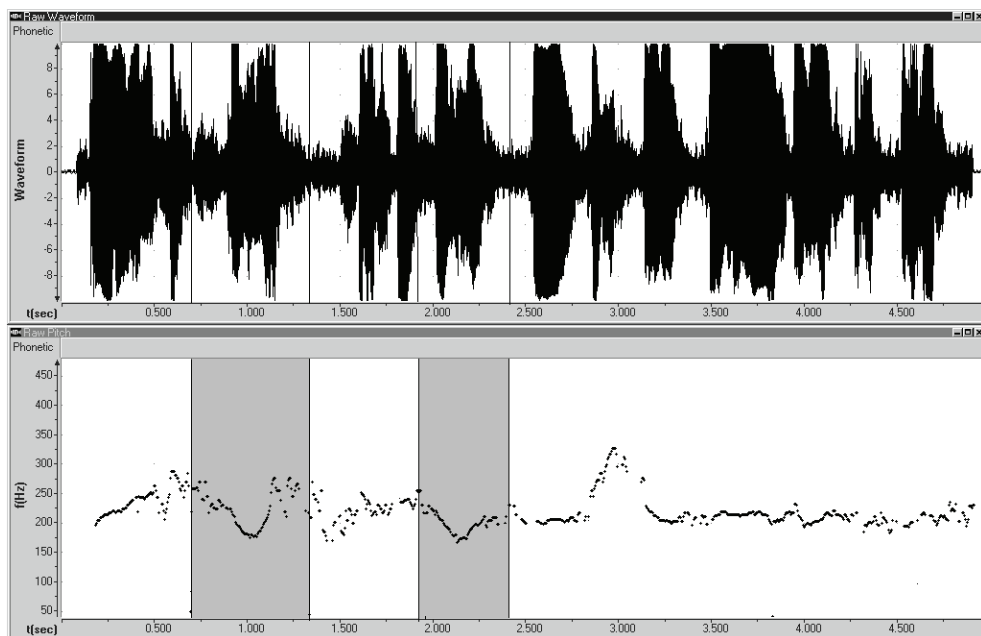
Нетрудно заметить, что в английской речи восходящая часть акцента совершается с существенно большим перепадом частот, чем при русском ИК-4. Однако именно в примерах (34) и (35), которые нарушают русскую норму, говорящие реализуют заударную часть подобно тому, как это происходит в английской речи.

Пример (45) из американского английского взят из уже цитировавшегося рассказа учительницы о событиях 11 сентября в Нью-Йорке.

(45) *I was at school, teaching a class, when the principal had gone over the PA system.*

‘Я была в школе, вела урок, когда директор выступил по школьному радио’

В предложении (45) два показателя незавершенности восходяще-нисходящего типа, первый из них фиксируется на словоформе *school* ‘школа’. Другой показатель незавершенности фиксируется на словоформе *class* ‘класс, урок’. Он тоже ясно виден на тонограмме. Словоформы *school* и *class* взяты в курсоры.

I was at school↘↗, teaching a class↘↗, when the principal came over the PA system.

Акцент ИК-4 как показатель незавершенности в немецкой речи тоже очень частотен. Приведем пример (46), заимствованный нами из работы [Палько 2006]:

(46) *Am zweiten Tag, als immer mehr Kamerateams an diese einzelne Schule kam ...*

‘На другой день, когда еще больше репортеров в эту единственную школу пришло...’

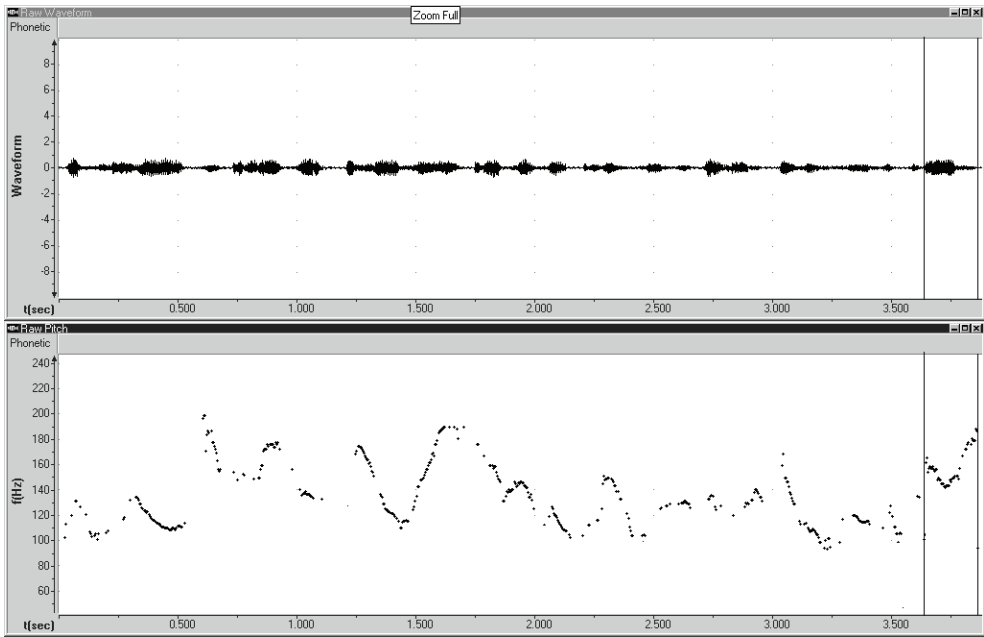
Акцентоносителем незавершенности здесь служит словоформа *kam* ‘пришло’. На тонограмме она выделена курсорами. Пример взят из передачи радиостанции Deutsche Welle.

Приведем также один из многочисленных примеров указания на незавершенность текста с помощью нисходяще-восходящего акцента в польском языке (47).

(47) *Za chwilę↘↗ obsługa pogasi wszystkie światła↘↗, wyjdzie dyrygent↘↗, rozlegną się oklaski.*

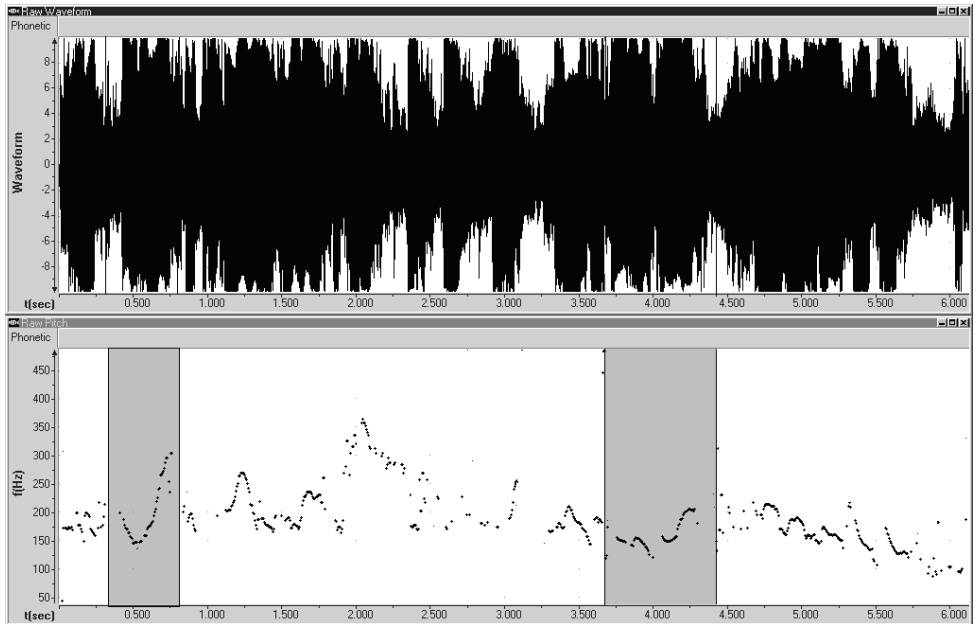
‘Через минуту служители погасят все освещение, выйдет дирижер, раздадутся аплодисменты’

Тонограмма 33

Am zweiten Tag, als immer mehr Kamerateams an diese einzelne Schule kam↗↘...

Тонограмма 34

Za chwilę↗↘ obsługa pogasi wszystkie światła↗↘, wyjdzie dyrygent↗↘, rozlegną się oklaski↗↘

Сложное предложение (47) включает в себя три простых предложения: 1) *Za chwilę obsługa pogasi wszystkie światła* ‘Через минуту служители погасят все освещение’; 2) *wyjdzie dyrygent* ‘выйдет дирижер’ и 3) *rozlegną się oklaski* ‘раздадутся аплодисменты’. В данном примере три носителя акцента типа ИК-4. Первый акцентоноситель — словоформа *chwilę* ‘(через) минуту’. В данном сложном предложении она служит акцентоносителем начальной темы первого предложения. (Попутно заметим, что второй темой здесь служит словоформа *obsługa*, на которой фиксируется акцент типа ИК-3.) Далее, следующий акцентоноситель — словоформа *światła* ‘огни’. Она не отмечена на тонограмме из-за зашумленности отрезка. Специфический тональный контур здесь определялся на слух. Словоформа *światła* служит акцентоносителем незавершенности в первом простом предложении. Акцентоносителем незавершенности во втором предложении служит словоформа *dyrygent* ‘дирижер’. Словоформы *chwilę* и *dyrygent* на тонограмме отмечены курсорами. Предложение (47) показывает, что в польском языке нисходяще-восходящий акцент типа ИК-4 служит немаркированным показателем темы (наряду с подъемом на ударном слоге типа ИК-3) и незавершенности текста.

Мы рассмотрели примеры употребления русского акцента ИК-4 (по Е. А. Брызгуновой) с подъемом на заударных слогах акцентоносителя, если заударные есть, или на второй части единственного или последнего ударного слога акцентоносителя. Было показано, что акцент типа ИК-4 выражает контраст в контексте дискурсивной (или ситуативной) незавершенности. ИК-4 используется для обозначения объекта, события, мнения или личности на фоне других объектов, событий и личностей в контексте дискурсивной незавершенности или в ожидании продолжения коммуникации между говорящим и слушающим. Между тем в речи деятелей средств массовой коммуникации наблюдается инновационная тенденция к употреблению ИК-4 в отсутствие контраста. В связи с этим возникает гипотеза о воздействии на русскую публичную речь одного из самых влиятельных языков мира — английского, где акцент, аналогичный ИК-4, имеет более широкие функции и указывает на незавершенность вне соотнесения с составляющими контекст текущего предложения объектами, событиями, мнениями и репликами говорящих.

* * *

Подводя итоги анализа трех типов инновационных явлений в интонации — 1) мены акцентоносителя в атрибутивных синтагмах и в более чем однословных именах собственных (имя и отчество, имя и фамилия), 2) экспансии акцента типа ИК-2, вытесняющего акцент ИК-3, маркирующий тему, и 3) экспансии акцента ИК-4, вытесняющего акцент ИК-3, маркирующий неза-

вершенность текста в отсутствие контекста сопоставления, противопоставления или соотнесения с упорядоченной цепью этапов подачи информации, — заключим, что все инновационные типы строятся на расширенном использовании средств выражения контраста в условиях, когда контраста нет. Рассмотренные инновационные стратегии характеризуют публичную речь и направлены на привлечение внимания аудитории. Они искусственно приносят в коммуникативные ситуации, где контраст изначально отсутствует, сопоставление объектов, борьбу мнений, миссионерскую напористость и полемический задор.

5. Контраст или апелляция к слушающему? Английский язык

В связи с результатами, полученными при анализе русского нисходяще-восходящего акцента ИК-4 в разделе 4.3, обратимся к дискуссии, посвященной семантике нескольких типов нисходяще-восходящих акцентов в английском языке. Дискуссия развернулась в современной зарубежной, преимущественно американской, лингвистической литературе. Американские лингвисты не пришли к единому мнению ни относительно семантики этих акцентов, ни относительно идентификации тональных признаков самих акцентов. Какие реализации считать вариантами одного акцента и какие — разных? Ответ на этот вопрос мог бы дать анализ того вклада, который вносят акценты в семантическую структуру предложения и дискурса, а также анализ структуры сегментного материала, несущего эти акценты. Однако именно по поводу семантики наблюдается существенный разброс мнений. Большинство авторов склоняются к тому, чтобы приписать нисходяще-восходящим акцентам (в частности, в составе более сложного восходяще-нисходяще-восходящего акцента) семантику контраста, связанного с выбором из известного говорящему и слушающему набора альтернатив. При этом окончательного соглашения по поводу того, контрастные ремы, контрастные темы или контраст вообще выражаются нисходяще-восходящим изменением частоты основного тона, в американской лингвистике не достигнуто.

Результаты, полученные относительно нисходяще-восходящего акцента типа ИК-4 в русском языке, как кажется, могут пролить свет на природу нисходяще-восходящих акцентов в английском, потому что они основаны на анализе круга значений, пересекающихся с толкованием контраста.

Настоящий раздел строится следующим образом. В подразделе 5.1 мы обращаемся к определениям контраста, бытующим в зарубежной литературе и приводимым авторами прежде всего в связи с анализом интонации английского предложения. Параллельно цитируется обсуждение примеров, которые демонстрируют употребление нисходяще-восходящих акцентов в английском языке. В результате такого обзора выделяется два множества: множество значений, таких как контраст и тема, которые встретились при обсуждении, и множество акцентов, которые маркируют эти значения по данным авторов

цитируемых статей. Далее в разделе 5.2 высказываются соображения в связи с возможным установлением соответствия между множеством смыслов и множеством интонационных средств их выражения. Параллельно предлагается выделить еще одно значение, отсутствующее в списке значений, а именно, выдвигается гипотеза о том, что один из обсуждаемых акцентов в английском языке используется для недифференцированного выражения различных типов перформативных значений, связанных с активной — подчеркнуто заинтересованной — апелляцией говорящего к слушающему в диалоге: ‘с нетерпением жду ответа’, ‘как же ты сам не догадался?!’, ‘жду возражений’, ‘заигрываю, кокетничаю’. В разделе 5.3 в подтверждение этой гипотезы приводятся новые примеры из наших собственных записей устной речи британцев и американцев. И наконец, в связи с полученными результатами в разделе 5.4 приводится сопоставительный анализ некоторых функционально и перцептивно близких английских и русских акцентов.

5.1. Точки зрения на контраст и интонацию контраста

Обзор мнений и обсуждение проблем контраста и интонации контраста нашли отражение в работах [Hedberg 2002; Hedberg, Sosa 2007], посвященных просодии темы, ремы и контраста в английской разговорной речи. Специальных оговорок по поводу принадлежности образцов английской речи к тому или иному диалекту авторы по ходу обсуждения не делают, но примеры авторов отражают произношение образованных американцев. В работах [Hedberg 2002; 2006; Hedberg, Sosa 2003; 2007] в качестве материала для исследования взяты записи устной речи участников американской телевизионной передачи (компания PBS) под руководством ведущего МкЛафлина, который приглашает на каждую передачу четырех гостей-политиков с разными политическими взглядами. Гости и ведущий в пылу спора порождают прекрасные образцы спонтанной английской речи. Стенограммы передач доступны в интернете. Работы других авторов, цитируемые при обсуждении, используют образцы и британской речи, однако в статьях [Hedberg 2002; Hedberg, Sosa 2003; 2007] это специально не оговаривается. Видимо, авторы не делают различий между двумя диалектами в том, что касается феноменов, которые обсуждаются. Наши собственные наблюдения тоже говорят о том, что исследуемые акценты и значения действительно релевантны для обоих важнейших английских диалектов.

Обратимся к изложению мнений по поводу нисходяще-восходящих акцентов и их связи с контрастом. На фоне обсуждения достаточно разнородных точек зрения на коммуникативные структуры и выражающие их интонационные модели мы надеемся предложить некоторое инвариантное решение, которое объединит все точки зрения.

Р. Джэкендофф [Jackendoff 1972] связывает нисходяще-восходящий (fall-rise) акцент, который он называет В-акцентом, с контрастной темой, а нисходящий (falling) F-акцент — с ремой (фокусом). Обратимся к примеру (1) из работы [Jackendoff 1972]. В ответной реплике В компонент *Fred*, служащий контрастной темой, несет, по заключению автора, акцент В, а акцентоноситель ремы словоформа *beans* — акцент ремы F:

(1) A: *Well, what about Fred? What did HE eat?*

‘Ну, а что Фред? Что он-то ел?’

B: *FRED ate the beans.*

В-accent F-accent

‘Фред — ел фасоль’

Заметим, что, несмотря на то что акцент В называется здесь fall-rise ‘нисходяще-восходящий’ в терминах автосегментной традиции, разработанной в работах Дж. Пьерхамберт, он маркируется как L+N*, т. е. как просто восходящий. Что Р. Джэкендофф и имеет в виду восходящий акцент, подтверждается тем, что первоначально различие двух основных типов акцентов в английском языке — акцента типа А и акцента типа В — было проведено Д. Болинджером [Bolinger 1958], и акцентом типа В Д. Болинджер называл восходящий акцент. Д. Болинджер считал этот акцент средством маркирования простой темы. Между тем, пример (1) интересен тем, что в нем очевидным образом присутствует контраст: Фред рассматривается не автономно, а на фоне других людей. Таким образом, в примере (1) фигурирует не простая тема, а контрастная.

Дж. Гундел и Т. Фретхейм [Gundel, Fretheim 2004] приписывают акцент В темам, либо контрастным, либо просто новым. Авторы Э. Вальдуви и Э. Энгдаль [Vallduví, Engdahl 1996] говорят о восходящем тоне только как о тоне простых неконтрастных тем¹. Н. Кэдмон [Kadmon 2001] и Д. Бюринг [Büring 2003], вслед за Дж. Пьерхамберт [Pierrehumbert 1980], считают, что контрастная тема (топик) реализуется как цельная сложная конструкция —

¹ В связи с акцентом L+N* в работе [Hedberg, Sosa 2002] анализируется 15 часов устной речи из программы МкЛафлина на предмет соответствия этого акцента теме (топику) и показывается, что специальных предпочтений в выражении тем с разделением на известную (ратифицированную, по [Lambrecht, Michaelis 1998]) тему, новую (нератифицированную) тему и контрастную тему, по сравнению с выражением рем, простых и контрастных, у акцента L+N* нет. Наибольший процент, действительно, получает выражение тем, но этот процент не настолько велик (17 акцентов L+N* у рем против 23 у тем), чтобы считать акцент L+N* акцентом темы. Поясним, что на темы и ремы авторы разбивали предложения исходя из письменной записи дискуссии и уже после этого проверяли, какие интонационные показатели эти темы и ремы имеют в реальном звучащем тексте.

либо как нисходяще-восходящая ($H^*LH\%$ в терминах Пьерхамберт), либо как «подъем (на ударном слоге), плюс падение, плюс подъем» ($L+H^*LH\%$).

Остановимся на используемых здесь обозначениях движения частоты основного тона. Система нотации интонационных единиц в терминах высоких (H) и низких (L) тонов была разработана в знаменитой диссертации Дж. Пьерхамберт [Pierrehumbert 1980] об английской интонации (в ее американском варианте), а также в работах ее предшественников. H (high) обозначает высокий тон, L (low) — низкий, звездочка (*) обозначает ударный слог, знак процента (%) обозначает пограничный тон — теоретически начальный или конечный тон синтагмы, а практически — конечный тон перед паузой. Различие между записями L^*+H и $L+H^*$ призвано отразить тот факт, что в данном случае — подъем (а в другом случае это может быть падение) — происходит на ударном слоге с некоторым запаздыванием (с заходом на ударный слог), т. е. в условиях т. н. позднего тайминга, и тогда такой подъем маркируется как L^*+H со звездочкой при низкой точке движения восходящего тона, или приходится на самое начало ударного слога-носителя подъема, и тогда он маркируется как $L+H^*$ со звездочкой при завершающей — высокой — точке восходящего тона. Эта последняя ситуация называется ранним таймингом. В таблице ниже представлены обозначения некоторых интонационных единиц в терминах Дж. Б. Пьерхамберт. (В таблице приводятся только те единицы, которые необходимы для дальнейшего изложения.)

Нотация Дж. Б. Пьерхамберт	Обозначаемые единицы	Примечание
H (high)	высокий тон	
L (low)	низкий тон	
* (звездочка)	ударный слог	
% (знак процента)	пограничный тон перед паузой	
L+H	подъем тона	
H+L	падение тона	
L^*+H	поздний тайминг (при подъеме тона)	
$L+H^*$	ранний тайминг (при подъеме тона)	
$H^*LH\%$	нисходяще-восходящее движение тона с <i>падением</i> на <i>ударном</i> слоге (типа русского акцента ИК-4)	в отсутствие заударных слогов восходящий компонент смещается на последний или единственный ударный слог перед паузой

Нотация Дж. Б. Пьерхамберт	Обозначаемые единицы	Примечание
L+N*LN%	восходяще- нисходяще- восходящее движе- ние тона с <i>подъемом</i> на <i>ударном</i> слоге ак- центоносителя	при наличии заударных слогов первый восходящий компонент приходится на ударный слог, нисходящий компонент — на первый заударный, второй восхо- дящий — на второй заударный; в отсутствие заударных слогов все восходяще-нисходяще-восходя- щее движение тона целиком фик- сируется на единственном или последнем слоге акцентоносите- ля; при наличии одного заударно- го слога на ударный слог прихо- дится восходящее движение тона, а конечное нисходяще-восходя- щее движение тона падает на единственный заударный слог.

По использованию системы интонационной транскрипции, разработанной в рамках автосегментного подхода Дж. Пьерхамберт, существует несколько инструкций. Последняя из известных нам, третья версия [Beckman, Ayers, Elam 1997] доступна через интернет. В данном разделе в связи с изложением точки зрения американских и других западных лингвистов мы отойдем от интонационной транскрипции Е. А. Брызгуновой и переключимся на нотацию Дж. Пьерхамберт. В подразделе 5.4 при сопоставительном анализе английских и русского акцента ИК-4 мы возвращаемся к нотации интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой и используем двойную нотацию с параллельным приведением терминов Е. А. Брызгуновой и Дж. Пьерхамберт, где это возможно². Поясним, что это возможно не везде, потому что в русском языке восходяще-нисходяще-восходящее изменение частоты основного тона как особая единица интонационной системы отсутствует. Естественно, что в русскоязычной традиции нотация для подобного движения тона не предусмотрена.

В качестве примера применения интонационной нотации Пьерхамберт рассмотрим предложение (2) из программы МкЛафлина, заимствованное нами из работы [Hedberg 2002], и его тонограмму. Тонограмма 1 отражает из-

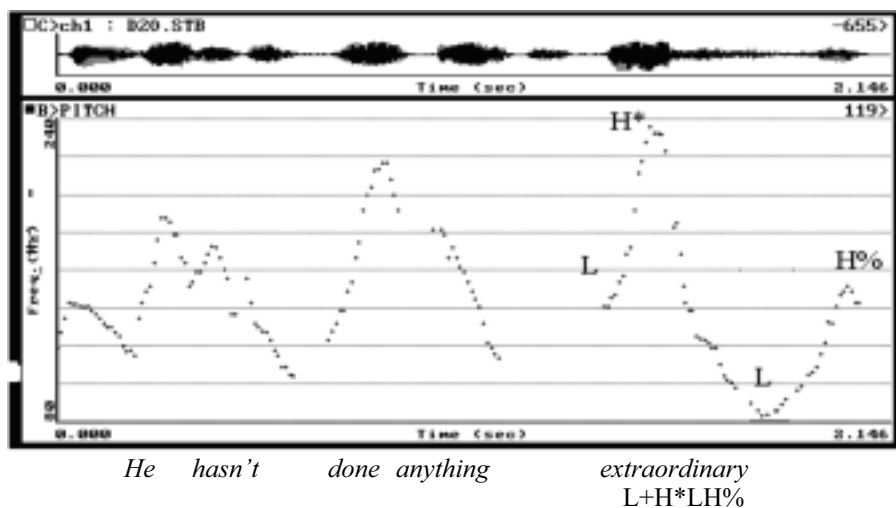
² Перевод русских интонационных конструкций, по Е. А. Брызгуновой, в нотацию высоких и низких тонов Дж. Пьерхамберт осуществлен в работах О. Ц. Йокоямы [Йокояма 2001; Йокояма 2003]. В основных чертах мы следуем соответственно, установленному О. Ц. Йокоямой.

менение частоты основного тона в предложении (2) с акцентом $L+H^*LH\%$, который реализуется на словоформе *extraordinary* 'необыкновенный'. Поскольку в работе [Hedberg 2002] содержится не только обсуждение и транскрипция акцента, но и глоссированная тонограмма соответствующего примера, мы можем принять пример (2) и его акцентоноситель за образец обсуждаемой интонационной единицы. Этот пример и его тонограмма послужили нам прототипом для ориентации в массиве разнородного, на первый взгляд, материала.

Основной вопрос, который нам предстоит здесь решить, состоит в том, выражает ли акцент $L+H^*LH\%$ и другие, близкие ему перцептивно либо функционально, контраст.

(2) *He hasn't done anything extraordinary.*
'Он же не сделал ничего особенного'

Тонограмма 1

На ударном (*) слове словоформы *extraordinary* можно наблюдать крутой (совершающийся в условиях раннего тайминга и существенного перепада частот) подъем ($L+H^*$), за которым следует резкое падение на заударных до низкого (L) уровня. За падением наступает новый подъем до высокого (H) пограничного (%) тона. Этот подъем совершается на заударных слогах в самом конце тактовой группы — перед паузой³. Заметим здесь, что данный ак-

³ Примеры, которые будут приведены ниже, показывают, что акцентная конструкция $L+H^*LH\%$ сохраняет свою идентичность и в отсутствие заударных слогов. Финальный подъем в отсутствие заударных перемещается на исход конечного или

цент английского языка, как будет показано ниже, функционально близок русскому акценту типа ИК-4. С фонетической точки зрения в английском языке перед нами более сложная конструкция, чем русский акцент ИК-4, потому что нисходяще-восходящему движению тона здесь предшествует существенный подъем, который приходится на ударный слог (или его начало, если заударных нет). Между тем при ИК-4 на ударном слоге фиксируется падение. То же отличие наблюдается и в английской паре: нисходяще-восходящем тоне $H^*LH\%$ (типа русского ИК-4) и восходяще-нисходяще-восходящем $L+H^*LH\%$. У первого акцента ударный слог (или его начало) нисходящий, а у второго — восходящий.

Акцент $L+H^*LH\%$, который реализуется на словоформе *extraordinary*, это частотный акцент английской, и в особенности — судя по нашим данным — британской речи. Однако полная ясность в понимании того, о каком акценте идет речь при обсуждении контрастных тем и рем в разных примерах (скажем, в примере (1) из [Jackendoff 1972]) — восходящем $L+H^*$, нисходяще-восходящем — $H+L^*H\%$ — или более сложной интонационной фигуре $L+H^*LH\%$, которую иллюстрирует тонограмма предложения (2) на примере словоформы *extraordinary*, отсутствует. Так, например, М. Сидмен [Steedman 2000: 665] при определении темы теоретически связывает тему с акцентом $L+H^*$, т. е. с восходящим, но практически в примере (3) из М. Сидмена фигурирует акцент $L+H^*LH\%$ (подъем плюс падение плюс подъем), в который последовательность тонов $L+H^*$, выделенная М. Сидменом, входит как начальный фрагмент. В примере (3) акцент $L+H^*LH\%$ фиксируется на словоформе *musicals*:

- (3) Q. *Does Marcel love opera?*
 ‘Марсель любит оперу?’
 A. *Marcel likes musicals.*
 $L+H^*LH\%$
 ‘Марсель любит мюзиклы’

М. Сидмен дает и оригинальное определение теме. Он понимает тему как ту часть предложения, которая связывает предложение с остальным дискурсом. Таким образом, тема трактуется М. Сидменом не только как категория предложения, но и одновременно как категория связного дискурса. Тема здесь автоматически понимается как имеющая активированный — введенный в предтексте — референт. Такое определение темы получает особый смысл

единственного слога акцентоносителя акцента. Акцент $L+H^*LH\%$, как показывают наши примеры, может фиксироваться на минимальном сегментном материале в условиях односложного слова, ср., например, предложения (5), (6), (8), (10) и (12) ниже с односложными акцентоносителями.

при обсуждении связи анализируемых акцентов с контрастом, потому что это определение несет необходимый для реализации контраста компонент смысла, который состоит в известности элемента, служащего результатом выбора. Напомним, что при контрасте говорящий делает мысленный выбор из множества, известного обоим коммуникантам. Таким образом, ответную реплику А в примере (3) М. Сидмен считает целью темой [Steedman 2000: 662].

Между тем большинство авторов, работающих над проблемами коммуникативной структуры, считают ответные реплики не темами, а ремами. На таком понимании ответных реплик, в частности, основан и знаменитый вопросо-ответный принцип определения границы между темой и ремой, при котором рема понимается как краткий ответ на некий, быть может, гипотетический, вопрос: — *Где Р?* — *Р Москве*, где *в Москве* — это рема, а компонент *Р*, соответственно, тема. О методе вопросов существует большая литература, см., например, [Сгалл, Хаичова 1980].

То, что в примере (3) ответная реплика — тема (по Сидмену), а не рема, как следовало бы ожидать, нужно отнести за счет особого понимания М. Сидменом темы, которое покрывает не только темы (топики) в более традиционном понимании, но также и некоторые случаи контрастных рем. Действительно, если по М. Сидмену тема — это то, что отвечает за связь с предтекстом, то в эту категорию вписываются не только традиционные темы (топики) — во всяком случае тогда, когда они известны (активированы), но также и любые контрастные компоненты, потому что контраст предполагает выбор из множества, известного говорящему и слушающему⁴.

Авторы [Gundel, Fretheim 2004], которые тоже высказывались по поводу примера (3) из М. Сидмена, считают ответную реплику в примере (3) расчлененной на тему (топик) *Marcel likes* и рему (фокус) *musicals*. Мы присоединяемся к этой точке зрения и предлагаем считать, что предложение (3) членился на тему *Marcel likes* и контрастную рему *musicals*⁵.

⁴ М. Сидмен намеренно использует термин «тема», а не термин «топик», чтобы отличить тему в своем собственном понимании от топика, противопоставленного фокусу в большинстве работ западных авторов. В России же традиционно, а также до недавнего времени и в большинстве работ чешских авторов, для обозначения компонентов коммуникативной структуры (актуального членения предложения) вслед за В. Матезиусом использовались термины «тема» и «рема». В этом — матезиусовском — смысле знак равенства следует ставить между темой и топиком, а не между темой по Матезиусу и темой по Сидмену.

⁵ В парадигме, близкой М. Сидмену, мыслят и другие исследователи, например, Чангмин Ли и его последователи, которые называют темой фрагмент информационной структуры дискурса. Этот компонент смысла, скажем, в корейском языке имеет специальный сегментный показатель *-nun*, присоединяющийся не к компоненту

Далее. В работе [Pierrehumbert, Hirschberg 1990: 297] авторы считают, что акцент L+N* маркирует контраст. Однако примеры контраста, которые приводятся при обсуждении проблемы, содержат не просто акцент L+N*, а L+N* в составе цельной конструкции L+N*LN%. Обратимся к фрагментам диалогов (4) и (5) из [Pierrehumbert, Hirschberg 1990].

(4) Mother: *It's Raymond and Janet on the phone.*

‘Мама: Там Реймонд и Джэнет на проводе’

They want to know if we can come for dinner.

L+N*LN%

‘Они спрашивают, не придем ли мы к ним на ужин’

Авторы считают, что словоформа *dinner* ‘обед, ужин’, несущая акцент L+N*LN%, служит носителем значения контраста, потому что приглашение к ужину имплицитно отсылает к множеству других возможных приглашений, к множеству способов провести вечер или просто к множеству возможных вопросов. Между тем этот аргумент представляется нам не вполне убедительным, а множество выбора — сконструированным искусственно: как кажется, контраста в смысле выбора возможностей из известного говорящему и слушающему множества здесь нет⁶. И вообще, на наш взгляд, в реме как таковой идея выбора отсутствует. Конструкция L+N*LN% скорее служит здесь маркером особой иллокутивной силы, возникшей в реплике говорящего: говорящий не просто сообщает слушающему о приглашении, а дает понять, что с нетерпением ждет от слушающего ответа. Значение акцента L+N*LN% здесь сводится к следующему: ‘Ну как?; Что ты на это скажешь?; Мы пойдем в гости?’. Присутствие акцента L+N*LN% переводит предложения из монологического режима в живой диалог, противопоставляя собеседников друг другу и придавая произведениям речи перформативный характер. О перформативной интонации см. [Кодзасов 1989].

предложения, который в европейских языках маркируется определенным типом акцента и противопоставлен реме (фокусу), а к фрагменту, который отвечает известным темам, контрастным темам и тем контрастным ремам, которые отсылают к предыдущему дискурсу [Lee 1999]. Такое понимание темы в данном случае, видимо, следует связывать с особой структурой корейского языка, имеющего отдельный маркер для этого набора значений. В. Мольнар, тоже работающая не в терминах коммуникативной структуры предложения, а в терминах активации информации в сознании говорящего и слушающего, определяет контраст как принадлежность информационной структуры дискурса [Molnár 2002: 156].

⁶ Читатель может также обратиться к работам, посвященным присутствию идеи выбора из множества в реме вообще: [Bolinger 1961; Molnár 2002; Hetland 2003]. В работе [Hetland 2003] предполагается, что значение выбора дополнительно привносится в предложение интонацией, с чем мы не можем не согласиться.

Пример (5) из [Pierrehumbert, Hirschberg 1990: 297] аналогичен примеру (4).

(5) A. *But how does it [the desk lamp] stand up?*

‘Но как же она [настольная лампа] держится?’

B. *Feel that base.*

‘Посмотри, какая у нее подставка’

It weighs a ton.

L+N* L+N*LN%

‘Она же тонну весит’

Аналогично примеру (4), акцент L+N*LN% в примере (5) авторы объясняют тем, что весить тонну — это один из известных способов сохранять равновесие на столе, т. е. и здесь за акцентом L+N*LN% они видят выбор из множества возможностей. Опять же мы считаем, что идеи выбора здесь нет. Говорящий просто объясняет слушающему, что лампа не падает, потому что у нее тяжелая подставка. Говорящий никак не соотносится с тем, что лампа могла бы сохранять равновесие в силу каких-либо других причин, скажем, потому, что ее прибили гвоздями, посадили на клей, цемент или магнит. Между тем говорящий дает понять слушающему, что он не просто констатирует факт, а высказывает удивление, как же это слушающий сам не догадался, что лампа стоит потому, что у нее мощная подставка.

Еще один тип предложений с особой семантикой представлен примером (6) из работы [Ladd 1980]:

(6) Q. *Did you feed the animals?*

‘Ты животных покормил?’

A. *I fed the cat.*

‘Я покормил кошку’

Этот пример обсуждается в работе [Hetland 2003], где говорится, что *cat* ‘кошка’ в А. — это особый вид ремы (фокуса), при котором референция фокуса связана с известным заранее множеством, из которого производится выбор. Действительно, множество животных задано в вопросе, и кошка выбирается из этого известного множества. Дж. Вард и Дж. Хиршберг [Ward, Hirschberg 1985] тоже ранее высказывались по поводу этого примера, приводя ценные здесь для нас семантическую и интонационную интерпретации этого примера. Они считают, что данный вид фокуса содержит в себе некоторую степень неуверенности говорящего в релевантности его ответа для слушающего и что для реализации этого фокуса скорее характерен акцент L*+HLN%, чем L+N*LN%. Обратим внимание читателя на то, что эти две интонационные модели отличаются таймингом ударного слога: в первом случае ударный слог характеризуется ранним таймингом, а во втором подъем совершается не столь стремительно.

5.2. Соответствие между множеством выделенных значений и множеством акцентов

В результате анализа работ вычленяется следующее множество обсуждаемых по близким поводам акцентов:

- восходящий акцент L^*+H ;
- нисходяще-восходящий $H^*+LH\%$ (типа русского ИК-4);
- сложная интонационная конструкция $L+H^*LH\%$ (как на словоформе *extraordinary* в примере (2)).

В качестве же функциональных ролей, которые могут маркироваться этими акцентами, или значений, авторы выделяют следующие:

- тема;
- контрастная тема;
- тема, понимаемая в смысле М. Сидмена (старое, активированное);
- контрастная рема.

Для полноты картины к этому множеству значений мы добавляем еще два:

- незавершенность текста;
- перформативные значения, возникающие в диалоге при активной апелляции говорящего к слушающему.

Поясним необходимость введения последних двух типов значений. Незавершенность текста — необходимый элемент данного списка, потому что, как было показано в разделах 3.2 и 4.3.3, нисходяще-восходящий акцент $H^*+LH\%$ (типа русского ИК-4) — это один из двух основных в английском языке показателей того, что текст еще не кончился. Между тем этот акцент находится в списке релевантных для обсуждаемой здесь проблемы акцентов. Далее. Апелляцию к слушающему, с ее специальной референцией к процессу коммуникации между говорящим и слушающим и речевым воздействием говорящего на слушающего, мы добавляем к списку релевантных значений в развитие высказанной выше гипотезы о значении восходяще-нисходяще-восходящего акцента $L+H^*LH\%$ в английском языке.

Как уже говорилось, единогласия в установлении состава обоих множеств и соответствия между ними у авторов нет. Можно предположить, что несовпадения в определении набора функций (тема, рема, контраст), набора акцентов (восходящий, нисходяще-восходящий и комплексная интонационная конструкция $L+H^*LH\%$) и соответствия между ними происходят в силу следующего обстоятельства. Авторы работ по коммуникативной структуре при толковании контраста не выделяют существенный компонент⁷, который

⁷ В работах, посвященных контрасту, авторы [Halliday 1967; Jackendoff 1972: 243; Chafe 1976; Rooth 1985; 1992; Rochemont 1986; Lambrecht 1994; Kiss 1998; Vallduví,

состоит в следующем: предложение, содержащее контраст, соотносится с некоторым высказанным ранее мнением или ожиданием, которое говорящий опровергает либо, наоборот, подтверждает, см. [Янко 2001: 47]. Контрастная рема строится на сопоставлении или борьбе мнений, реплик, ожиданий. Соотнесение с ассоциативным множеством и выбор из него с отказом от других возможностей — это не единственный релевантный компонент толкования контраста. Таким образом, выделяется контраст в узком смысле — как выбор элемента из известного множества (i), и в широком смысле — как выбор из множества (i) плюс соотнесение с высказанным ранее или подразумеваемым мнением (ii).

Последнее положение должно объяснить, почему с акцентом L+N*LN% мы связываем не значение контраста как процедуры выбора (i), а значение апелляции говорящего к слушающему, близкое (т. е. имеющее общую часть в толковании) к (ii). Необходимо показать, в чем состоит близость этих двух значений. Остановимся на этих вопросах.

Итак, каким образом компонент сопоставления мнений (ii) в толковании контраста связан с перформативным значением апелляции к слушающему, которое выражается в соответствии с нашей гипотезой акцентом L+N*LN%? Близость значений предложений с контрастом и предложений апелляции к слушающему понимается здесь как существование общей части в их толкованиях или в следствиях из их толкований. Толкование контраста (в его расширенной интерпретации, т. е. включающее элемент сопоставления мнений (ii)) пересекается с толкованием предложений апелляции к слушающему по компоненту 'активное противопоставление позиции говорящего и позиции слушающего'. Это значение противопоставления коммуникантов друг другу входит в семантическую структуру предложений апелляции к слушающему (или выводимо из компонентов этой структуры), т. к., в соответствии с нашей гипотезой, в таких предложениях пропозициональное содержание ('подставка весит тонну', 'я покормил кошку', 'мы пойдём в гости') подчинено некоторому имплицитному предикату пропозициональной установки. Предикат пропозициональной установки выражает активную пози-

Vilkuna 1998; Steube 2001] основными параметрами контраста считают процедуру выбора из множества известных альтернатив и ограниченность элементов этого множества: элементов не может быть слишком много, множество должно быть легко обозримым. При этом авторы [Rooth 1992; Krifka 1991] считают, что идея выбора присуща и реме вообще. Однако идея соотнесения с мнениями или ожиданиями, с которыми говорящий в текущей реплике солидаризуется или которые опровергает, в большинстве определений отсутствует. Между тем, при использовании интонационной конструкции L+N*LN% активное противопоставление говорящего слушающему выходит на передний план.

цию говорящего по отношению к слушающему: 'как же ты не понимаешь, что...', 'я беспокоюсь по поводу того, что...', 'обрати на меня внимание в связи с тем, что...'. Говорящий не просто отражает в словах фрагмент мира, но с использованием интонационных средств выражает себя (например, 'я удивлен') и воздействует на слушающего (например, 'жду от тебя немедленного ответа').

Как уже говорилось выше, апеллятивная функция акцента L+N*LN% часто сопутствует контрасту (i) в узком смысле как на теме, так и на реме, потому что контраст, даже когда он понимается узко — как выбор из известного множества с отказом от других имеющихся возможностей — содержит в себе соотнесение с другими возможными точками зрения на результат выбора. Такова прагматика выбора. Между тем второй компонент толкования контраста — сопоставление мнений и противопоставление их носителей, говорящего и слушающего (ii), — может активизироваться в предложении и в отсутствие первого — процедуры выбора. Если вернуться к примерам с L+N*LN%, рассмотренным выше, можно заметить, что в предложениях (3) и (6) контраст (как выбор из множества (i)) есть, а в (2), (4) и (5) — нет. Итак, с употреблением акцента L+N*LN% связан именно второй компонент расширенного толкования контраста — сопоставление мнений и личностей коммуникантов (ii). То, что два значения — контраста и апелляции к слушающему — весьма часто фигурируют в предложениях одновременно, привело к тому, что в литературе английскому акценту L+N*LN% приписывалась семантика контраста. Это положение нуждается в уточнении: акцент L+N*LN% выражает не собственно контраст, а перформативные значения, отражающие процесс живой коммуникации между говорящим и слушающим, противопоставление говорящего и слушающего, воздействие первого на второго⁸. Под-

⁸ Заметим здесь, что повествовательные предложения с контрастом в общем случае не являются перформативными, о чем говорит, в частности, их способность подчиняться предикату 'неверно', т. е. образовывать соответствующие отрицательные предложения: 'Неверно, что это я покормил кошку' = 'Это не я покормил кошку'. У предложений же с «перформативным» акцентом L+N*LN%, как у всех речевых действий, которые не описывают мир, а принадлежат ему, соответствующие отрицательные предложения в строгом смысле отсутствуют. Для таких предложений определена только более слабая процедура опровержения презумпций, в соответствии с которой при отрицании из семантической структуры исходного предложения удаляется вершинный предикат пропозициональной установки, а из поверхностной структуры — имплицитные показатели соответствующих иллокутивных сил: перформативная интонация, частицы, вводные и оценочные слова. В результате при опровержении отрицанию подвергается только пропозициональное содержание предложения [Янко 1994а; 2003].

черкнем здесь еще раз, что перформативные значения, которые мы приписываем акценту $L+H^*LN\%$, не равны компоненту (ii) в толковании контраста, но близки к нему, потому что и там и тут фигурирует противопоставление мнений и личностей коммуникантов.

Подведем итоги сопоставления списков выделенных значений и интонационных моделей. (Соответствие устанавливается в направлении от значения к форме.)

- Простая тема маркируется восходящим акцентом L^*+H с подъемом на ударном слоге акцентоносителя темы (плюс некоторые особенности выражения тем в английском языке, о которых говорилось выше в разделе 2.1.1.2).
- Контрастная тема маркируется восходящим акцентом в расширенном диапазоне частот и при повышенной интенсивности ($L+H^*$).
- Контрастная рема, формирующая сообщения и не осложненная имплицитными перформативными значениями, такими как 'представь себе, что...', 'пойми, что...', 'с нетерпением жду ответа по поводу...', 'слушай', маркируется падением с повышенной интенсивностью по сравнению с простой ремой, в увеличенном диапазоне частот и — факкультативно — предшествующим падению «заходом»⁹ тона вверх на предупредном или начале ударного слога ($H+L^*$).
- Незавершенность текста маркируется нисходяще-восходящим акцентом ($H^*+LN\%$, т. е. типа русского ИК-4) или восходящим (L^*+H типа русского ИК-3).
- Сложным акцентом $L+H^*LN\%$ маркируются компоненты предложений — темы и ремы — в условиях оживленной коммуникации между говорящим и слушающим. Акцент $L+H^*LN\%$ говорит о том, что коммуникантов связывает имплицитный предикат пропозициональной установки, т. е. интонация сообщает предложениям перформативный характер, вовлеченность в диалог; говорящий не просто сообщает, а спорит, соглашается, заигрывает, кокетничает, демонстрирует свою активную позицию, показывает, что ждет реакции, призывает слушающего к вниманию: 'Такой вот я человек!'; 'Вот так-то'; 'Что вы на это скажете?!'; 'Жду ответа'; 'Послушайте!'; 'Удивляюсь непонятливости!'; 'Хочу удивить'.

Перейдем к детализации условий употребления английского акцента $L+H^*LN\%$. Этому посвящен следующий подраздел.

⁹ Об автоматическом подъеме тона, предшествующем крутому падению, см. раздел 2.1.1.1.1.1 выше.

5.3. Акцент L+H*LN% как показатель перформативного значения апелляции к слушающему

В данном разделе мы надеемся показать на примерах, что акцент L+H*LN% не связан непосредственно с выражением контраста в смысле выбора элемента из известного множества, но способен выражать активную позицию говорящего в диалоге. На примере предложений (2)—(5) выше уже была продемонстрирована позиция говорящего, пытающегося интонационными средствами воздействовать на слушающего: втолковать, доказать, возразить. Разнообразие перформативных смыслов говорит о крайне абстрактном коммуникативном инварианте, который за ними стоит. Здесь перед нами не языковая многозначность в традиционном смысле, а значение, которое Д. Н. Шмелев называл диффузным; о семантической диффузности см. [Шмелев 1973: 171], а также [Булыгина, Шмелев 1997: 222—223]. Семантическая диффузность характерна, в частности, для многих языковых значений, соответствующих наиболее абстрактным прагматическим функциям, которые регулируют взаимоотношения между говорящим и слушающим. Формулировка инварианта данного круга значений представляется нам чрезвычайно сложной проблемой, близкой к выявлению инварианта несовершенного вида или родительного падежа в русском языке. Во всяком случае, следует признать, что окончательного решения этой задачи в данной работе не достигнуто.

Обратимся к примерам, в которых мы усматриваем акцент типа L+H*LN%, в некоторых случаях с иным таймингом, чем предполагается образцом из примера (2). Так, в предложении (7) акцент L+H*LN%, в частности, приходится на односложную тактовую группу — словоформу *wars* 'войны'.

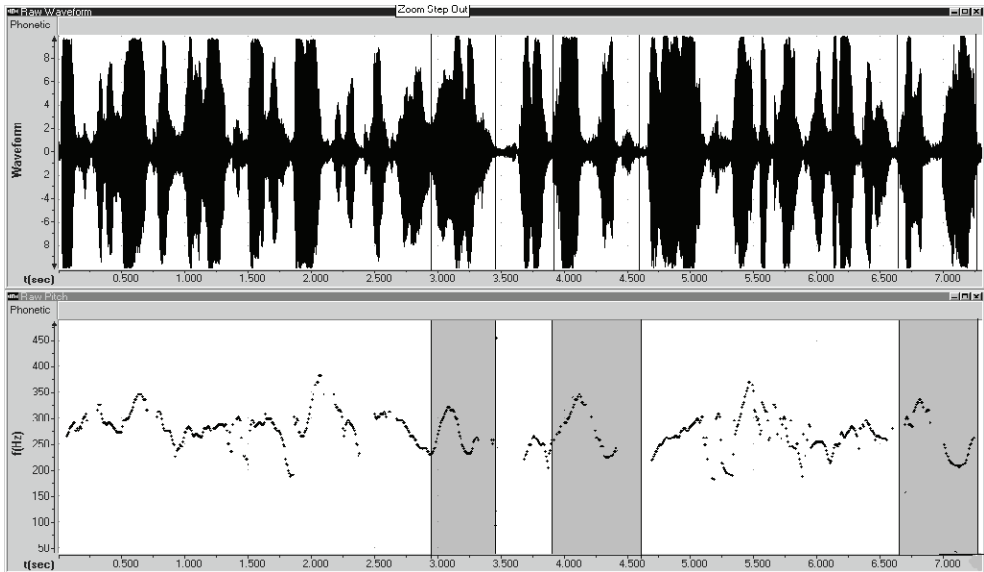
(7) *African Americans were allowed to go and die for the country in wars and*
L+H*LN%

'Афроамериканцы могли пойти и умереть за свою страну во время
in conflicts and were allowed to build the country without getting paid for it.

L+H*LN% L+H*LN%
войн и конфликтов, они могли строить страну, не получая платы за это'

Пример (7) взят из радиопередачи, посвященной президентским выборам в Соединенных Штатах. Ведущая программы с жаром говорит о проблеме права голоса среди различных слоев населения в Америке. Она с исключительной напористостью и возмущением рассказывает о том, что еще недавно права голоса не имели женщины, эмигранты, афроамериканцы, которые, между тем, отдавали стране свои силы и даже жизнь. Акцент L+H*LN% мы наблюдаем на трех ритмических группах анализируемого предложения. Это словоформы *wars* 'войны', *conflicts* 'вооруженные конфликты' и финальная ритмическая группа *paid for it* 'оплачен'. Все ритмические группы, отмеченные

Тонограмма 3

African Americans were allowed to go and die for the country in wars and in conflicts and were allowed to build the country without getting paid for it.

L+H*LN% L+H*LN%

L+H*LN%

акцентом L+H*LN%, выделены курсорами. Особенно рельефен и нагляден тональный рисунок на словоформе *wars*. Иллокутивная сила интонационной конструкции L+H*LN% здесь может быть сформулирована как ‘настойчиво призываю внять’; ‘слушайте!’.

Пример (8) взят из той же пафосной речи. Искомая интонационная конструкция фиксируется на словоформе *idol* ‘идол’; взята в курсоры.

(8) *We’ve become more amped about who is going to be the next American idol.*

L+H*LN%

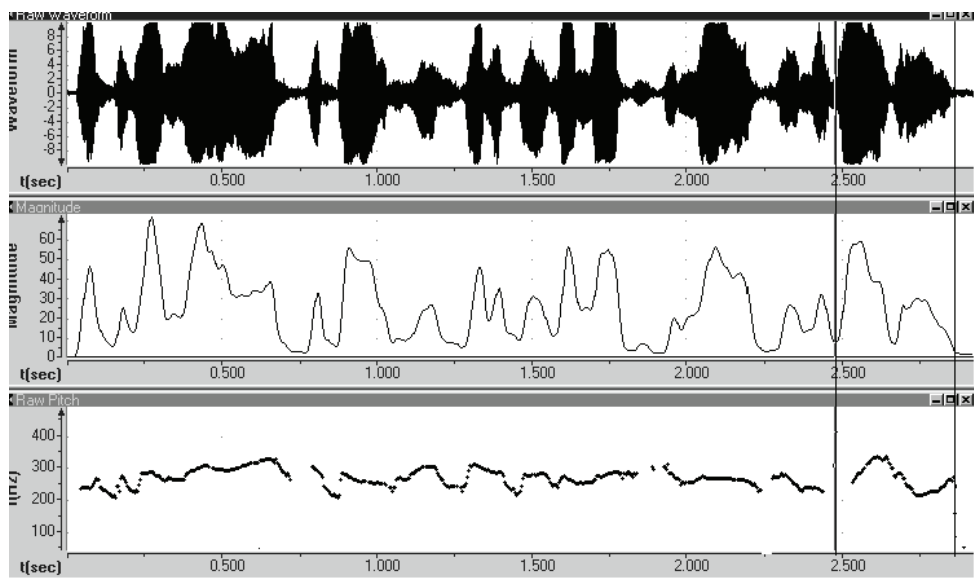
‘Нам все больше промывают мозги по поводу того, кто будет очередным американским идиолом’

Далее. Судя по имеющимся у нас примерам, L+H*LN% — типичная интонация диалогических реплик, приветствий и прощаний (не конечных, а предполагающих ответную реплику прощанья), ср. пример (9) из программы американского радио, где кокетливая ведущая приветствует гостя передачи, известного композитора, репликой *come in* ‘входите’. Искомая интонационная фигура фиксируется на словоформе *in* ‘в’; выделено курсорами.

(9) *... to see a composer alive and alive composer — ha ha ha — come in!*

‘... вот бы увидеть настоящего композитора, да такого, который еще не умер. Ха-ха-ха. Войдите!’

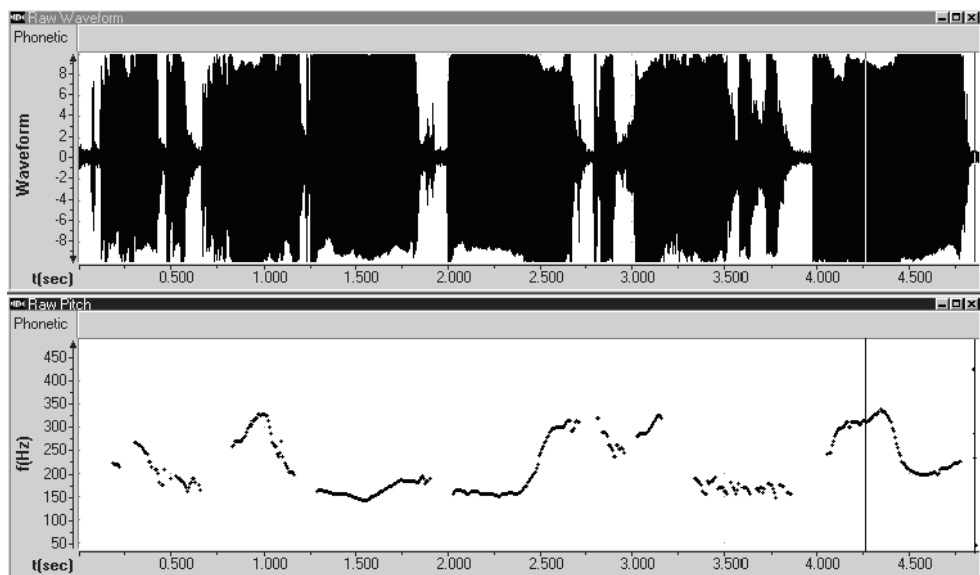
Тонограмма 4

We've began more ampd about who is going to be the next American idol

L+H*LH%

Тонограмма 5

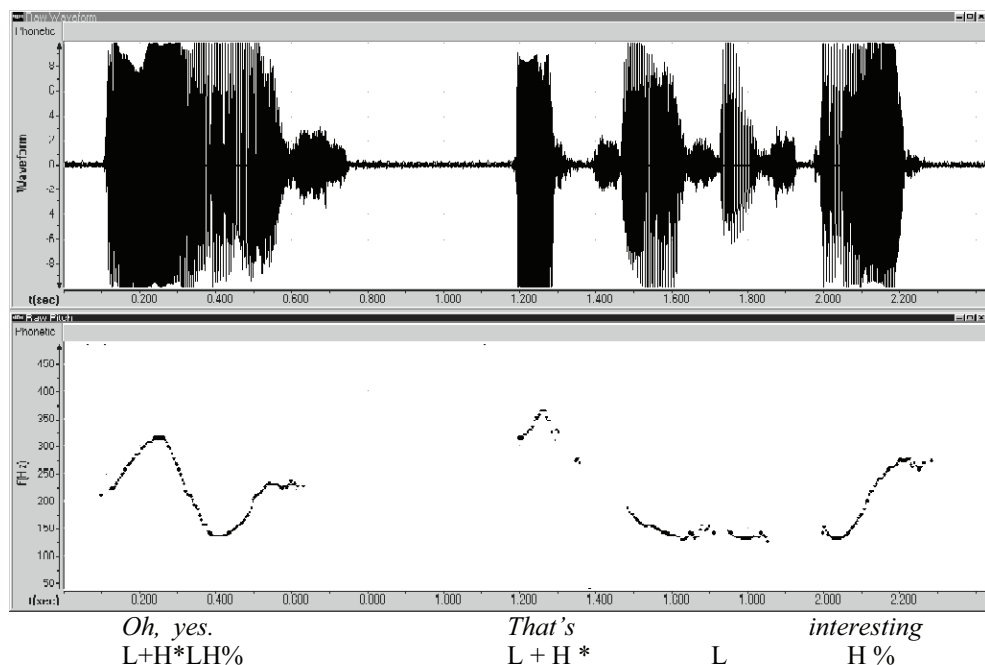
... to see a composer alive and alive composer - ha ha ha - come in!

L+H*LH

Пример (10) ниже демонстрирует две последовательные диалогические формулы, несущие искомый акцент каждая, что хорошо видно на тонограмме. Текст произносит британский носитель английского языка.

- (10) *Oh, yes. That's interesting.*
 L+H*LN% L + H * L N %
 'О, да. Как интересно!'

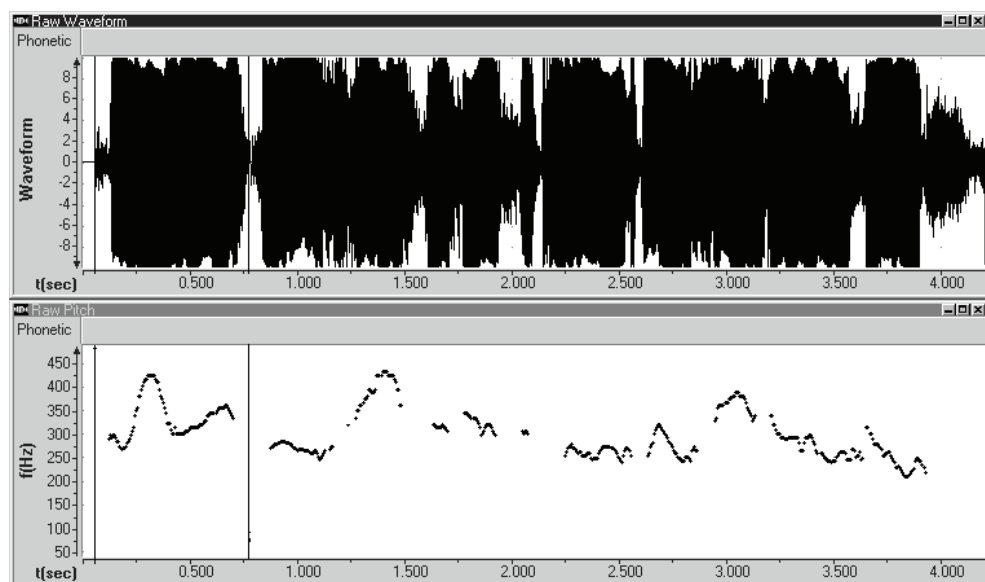
Тонограмма 6

Акцент L+H*LN% как акцент диалогической реплики иллюстрируется и примером (11). Это самое начало рассказа девочки о поездке в гости к бабушке на Рождество. Рассказчица обдумывает свою будущую речь. Искомый акцент фиксируется на начальной словоформе *well* 'ну; ну ладно; ну что ж, начнем, пожалуй, так...'.

- (11) *Well, I am... the twenty second — no — the twenty third of December...*
 L+H*LN%
 'Ну, хорошо, я... это было двадцать второго — нет — двадцать третьего декабря...'

Наши наблюдения показывают, что акцент L+H*LN% легко принимают диалогические реплики и просто сообщения в чтении лабораторных примеров информантами, когда они стремятся читать, что называется, с чувством и «с

Well, I am... the twenty second — no — the twenty third of December...

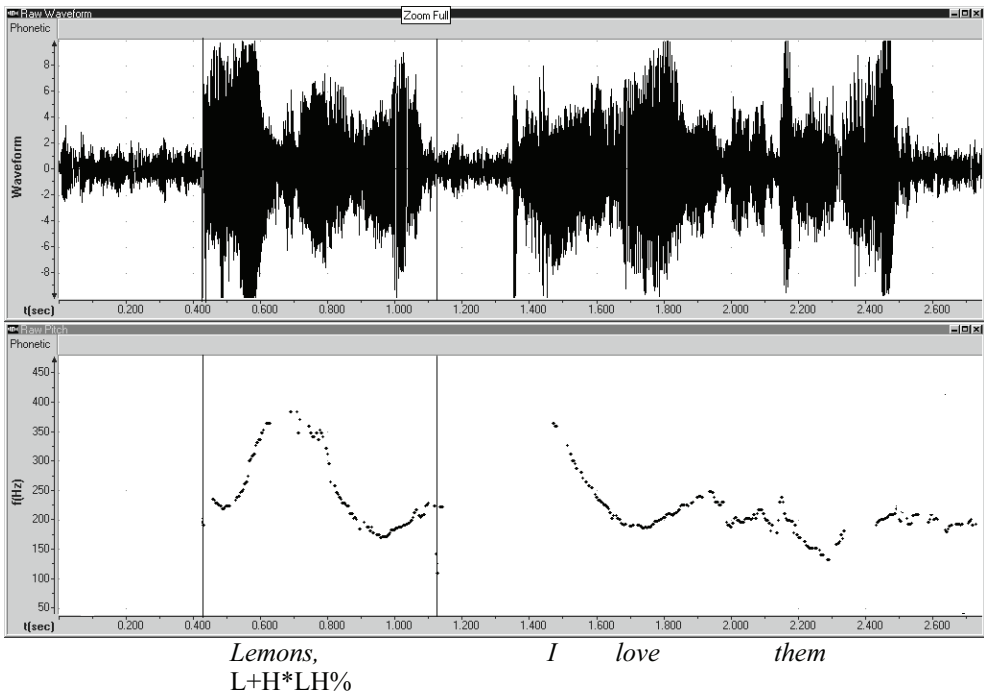
выражением». Пример (12), далеко не единственный в своем роде, отражает чтение информанткой-американкой лабораторных диагностических предложений, сконструированных первоначально с целью выявить иные, чем акцент L+N*LN%, интонационные структуры. (Поясним также, что легкое понижение тона на [l] в *lemons* может быть связано с общим свойством звонких согласных понижать частоту тона, ср. также движения тона на звуках [w] и [l] на словоформе *well* в примере (11).)

- (12) *Lemons, I love them*
 L+N*LN%
 'Лимоны, я их обожаю'

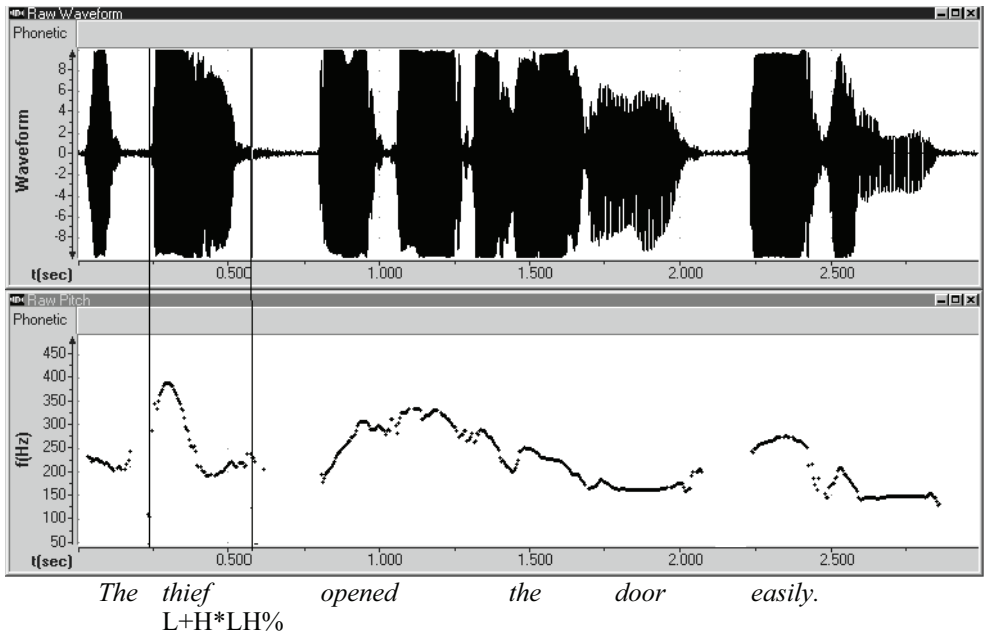
В примере (12) говорящий подчеркивает, что речь идет о сильном пристрастии к лимонам, и призывает слушающего разделить это приятное чувство.

«С выражением» читают тексты и дикторы учебных курсов, ср. примеры из Кембриджского курса по изучению английского языка [Littlejohn, Hicks 1996]. Так, в примере (13), в принципе, нет особых семантических причин для выделения референта темы *thief* 'вор', однако диктор демонстрирует заинтересованность в сообщаемом: 'Вор — подумать только! — открыл дверь без труда'. Говорящий, видимо, хочет показать, что речь идет все-таки не о походе в магазин, а об ограблении. Искомый акцент фиксируется на теме.

Тонограмма 8

Тонограмма 9

(13) *The thief opened the door easily.*

L+H*LN%

‘Вор открыл дверь с легкостью’

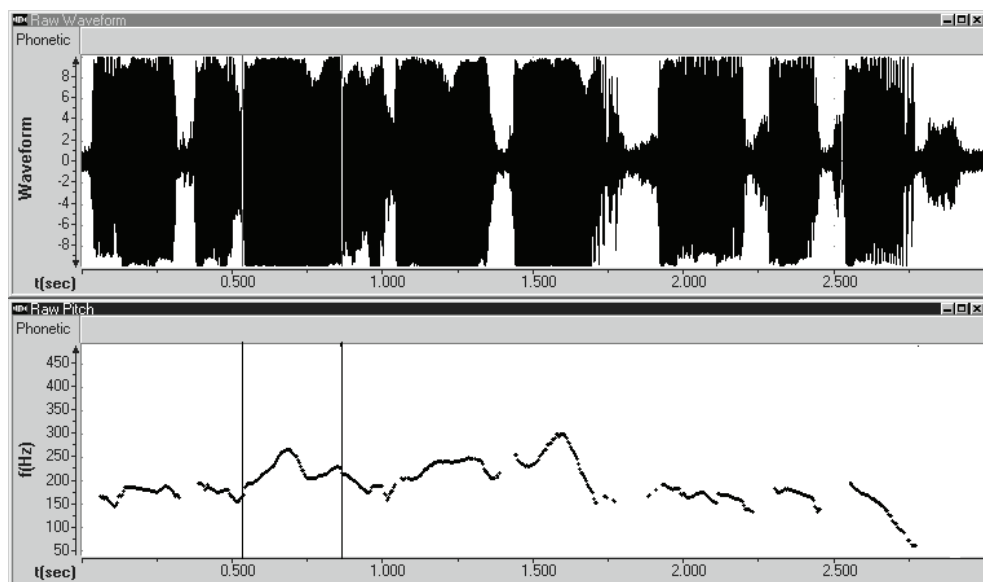
Аналогичное употребление мы наблюдаем и в примере (14) из презентации жизнерадостной ведущей американских финансовых новостей (вещательная компания CBS):

(14) *And again for the day, the Dow was down, seventy three points.*

L+H*LN%

‘И второй раз за день индекс Доу-Джонса понизился, на этот раз — на семьдесят три пункта’

Тонограмма 10

And again for the d a y, the Dow was down, seventy three points

Здесь акцент L+HLN% фиксируется на акцентоносителе темы словоформе *day* (выделена курсорами). Тема *and again for the day* в составе предложения имеет относительно автономный характер, после нее возникает так называемый ритмико-синтаксический барьер (по А. А. Зализняку [1995: 168]). Значение акцента в данном контексте мы бы определили как ‘произошло нечто необычное; вы удивитесь, но это так; представьте себе!’ или, если воспользоваться английской идиоматикой, как *fancy that* ‘представь себе, вообрази’:

(14a) *And again for the day — fancy that! — the Dow was down, seventy three points.*

Это значение согласуется и со специфическим акцентом эмфазы на реме. Эмфаза тоже присутствует в данном предложении и тоже говорит о выходе ситуации за пределы нормы: 'Мало того что индекс Доу-Джонса понизился, так еще и два раза за один день'. Акцентоносителем эмфазы в данном предложении служит словоформа *down*. Эмфатический акцент тоже прекрасно виден на тонограмме.

Мы намеренно не использовали в нотации маркер тайминга, отмечая восходяще-нисходяще-восходящее движение тона на словоформе *day* (L+HLN%), потому что начальный подъем здесь не отличается крутизной, и это отчетливо ощущается на слух. Можно предположить, что это тот вариант, который в работе [Ward, Hirschberg 1985] представлен как имеющий в фазе начального подъема более поздний тайминг L*+HLN%, ср. выше обсуждение примера (6) о кормлении кошки.

Существенной особенностью всех анализируемых примеров служит автономия синтагм, завершающихся конструкцией L+N*LN%. Так, даже темы в (12)—(14) приобретают законченный характер и уподобляются предложению. После L+N*LN%, как правило, имеется существенная пауза.

Отметим, наконец, что акценту L+N*LN%, кроме контраста, как выбора из множества, часто сопутствует и другая семантика — незавершенность коммуникации: говорящий либо сам находится в процессе речевого воздействия на слушающего, как в (7)—(8), (11)—(14), либо ждет реакции от последнего, как в (4), (5) и (9). Это значение, как и контраст, факультативно: так, если L+N*LN% фигурирует в контексте возражения, как в (2) и (3), или, наоборот, решительного присоединения к точке зрения слушающего, как в (10), то катафорическая функция акцента L+N*LN% уступает место анафорической. В любом случае, акцент служит поддержанию связи между репликами коммуникантов.

Итак, восходяще-нисходяще-восходящий акцент английского языка L+N*LN% сообщает произведением речи характер речевого действия апелляции к слушающему, что служит формированию диалога, предполагающего активное взаимодействие между коммуникантами. Говорящий не просто общается, а воздействует на слушающего: удивляется его непонятливости, обещает неожиданное, заигрывает, кокетничает, проявляет нетерпение и живейшую заинтересованность. Факультативно все эти значения могут сопровождаться семантикой контраста, который понимается как выбор элемента из обозримого множества с отказом от других возможных результатов выбора. Совместная встречаемость двух значений — контраста и апелляции к слушающему — послужила, видимо, тому, что акцент L+N*LN% понимался в литературе как акцент контраста. Тем более, что значение контраста в тот момент широко обсуждалось в лингвистике и было хорошо исследовано.

Другой — перформативный — компонент значения, связанный с активной апелляцией говорящего к слушающему, ранее специально не рассматривался. Здесь же мы рассмотрели апелляцию к слушающему, чтобы показать, что ее выражает акцент $L+H^*LN\%$, а контраст как процедура выбора выражается другими средствами. Акцент $L+H^*LN\%$ в английском языке наблюдается не только в рамках ремы предложения, где он служит своего рода перформативным вариантом нейтрального (дефолтного) падения тона, но и в рамках темы, в которую он привносит значение личного отношения говорящего к сообщаемому как к необычному, впечатляющему, вызывающему удивление. Таким образом, апелляция к слушающему в том значении, в котором она тут рассматривается, выражается не автономно, а сосуществует с темой и ремой. Поэтому она может считаться одним из модифицирующих значений наряду с контрастом, верификацией и эмфазой. В плане выражения апелляция к слушающему не так последовательна, как контраст и эмфаза, ибо с фонетической точки зрения простые и контрастные темы, простые и контрастные ремы, простые и эмфатические темы и ремы образуют четкие минимальные пары (см. разделы 2.1.1.1 и 2.1.1.2.1), где темы отличаются от соответствующих рем. Так, контрастная рема отличается от контрастной темы, а фонетический признак, отличающий контрастную рему от простой ремы, согласуется с фонетическим признаком, отличающим контрастную тему от простой темы. Между тем апелляция к слушающему в рамках темы фонетически не отличается от ремы. На то, что перед нами тема, а не рема, указывает только то, что за темой апелляции к слушающему следует рема.

5.4. Сравнительный анализ английских акцентов $L+H^*LN\%$ с $H^++LN\%$ и русского акцента ИК-4 ($H+L^*N\%$)

В данном подразделе мы приводим результаты сравнительного анализа трех интонационных единиц, обнаруживающих известное функциональное и перцептивное сходство: английских акцентов $L+H^*LN\%$ и $H^++LN\%$, с одной стороны, и русского акцента ИК-4 ($H+L^*N\%$) — с другой.

5.4.1. План выражения

Начнем с сопоставления английского акцента $L+H^*LN\%$ и русского ИК-4. Что касается плана выражения, то в русском языке восходяще-нисходяще-восходящий акцент, подобный английскому, отсутствует. И наш опыт показывает, что русскоговорящему носителю нужно специально учиться правильно произнесению этого акцента, не говоря уже об адекватном исполь-

зовании его при общении на английском языке. Основное при освоении фонетических особенностей L+H*LN% состоит в соблюдении следующего кардинального различия: у L+H*LN% ударный слог (или его начальный сегмент), как уже говорилось, восходящий, а у русского акцента ИК-4 (и у английского H+L*N%) — нисходящий.

При сравнительном же просодическом анализе русского акцента ИК-4 и английского H*+LN% наблюдается существенно бóльшая близость. Имеются и различия. Прежде всего, английский акцент H+L*N% обнаруживает больший диапазон частот, чем ИК-4. ИК-4 в зоне ударного слога может демонстрировать ровный низкий тон, а в зоне заударных слогов — менее существенный подъем, чем в среднем при H+L*N% в английском языке. Английский H+L*N% характеризуется существенным отклонением тона вниз на ударном слоге и вверх — на заударных, если они есть. Если их нет — последний ударный или единственный слог словоформы-акцентоносителя несет рельефное нисходяще-восходящее движение тона. В русском языке падение и подъем совершаются, как правило, в существенно меньшем диапазоне частот. В перцептивном же отношении две конструкции — русская и английская — независимо от конкретных особенностей реализации в двух языках представляются нам достаточно близкими. Они легко копируются изучающими соответствующий иностранный язык — русскими, изучающими английский, и англоязычными говорящими при изучении русского языка. Более того, как мы надеялись показать выше в разделе 4.3.3, ИК-4 предположительно расширяет сферу своего употребления под влиянием именно англоязычных средств массовой коммуникации, т. е. происходит, в соответствии с нашей гипотезой, заимствование функций из одного языка в другой на фоне фонетической близости соответствующих акцентов.

5.4.2. План содержания

По результатам, полученным в разделах 4.3.1 и 5.3, можно заключить, что наибольшее функциональное сходство обнаруживается между английским акцентом L+H*LN% и русским ИК-4 (H+L*N%).

Обратим в связи с этим внимание читателя на то, что гипотеза об инвариантном значении русского акцента ИК-4 как акцента контраста в разделе 4.3 выдвигалась с позиций «расширенного» толкования контраста, т. е. исходя из того, что контраст выражает выбор из известного множества с отказом от других возможностей (i) плюс соотнесение с неким высказанным ранее мнением или ожиданием (ii)¹⁰. Таким образом, анализ русского акцента ИК-4

¹⁰ О контрасте см. раздел 1 настоящей книги и [Янко 2001: 47].

предполагал, что к процедуре выбора добавляется отсылка к мнениям или ожиданиям, с которыми соотносится говорящий при совершении текущего речевого акта. Между тем обзор точек зрения на английский восходяще-нисходяще-восходящий акцент L+N*LN% проводился с позиций «узкого» понимания контраста, т. е. только как процедуры выбора (i), потому что такое понимание контраста принято в большинстве работ на эту тему, в частности, в тех, которые анализировались здесь при составлении обзора.

В качестве инварианта русского акцента ИК-4 было предложено понятие контраста (в его расширенной формулировке), однако было показано, что во многих идиоматичных употреблениях ИК-4 наблюдается только пересечение с толкованием контраста, а не совпадение с ним. Как контрастные условно понимались не только те типы употреблений, в которых предполагалось существование известного заранее множества альтернатив, но также и те, которые выражали только сопоставление и борьбу мнений, противопоставление индивидов, при том что идея выбора элемента из множества в них могла отсутствовать. К таким употреблениям можно отнести так называемый ответ с вызовом (*«— Отец дома?» — Дома↘↗ (Н+L*N%). А что↘↗ (Н+L*N%).?»*) (Русская грамматика 1982, I: 115)), любезный ответ (*«— Как вас зовут? — Маргарита↘↗ (Н+L*N%). — А отчество? — Юрьевна↘↗(Н+L*N%)»*), возражение (*«Однако↘↗ (Н+L*N%) за время пути↘↗(Н+L*N%) собака могла подрасти!»*, ср. ниже анализ примера (15)), приглашение (*«Войдите↘↗ (Н+L*N%); Подходим↘↗ (Н+L*N%), покупаем↘↗ (Н+L*N%); Войдите⁴! Проходите⁴, раздевайтесь⁴, зонт вот сюда⁴»*)¹¹ приветствие и прощанье (*«Ну, здравствуй↘↗; Пока↘↗ (Н+L*N%); Бывай↘↗ (Н+L*N%)»*), реплики кокетства (*«Ах, оставьте↘↗ (Н+L*N%)»*). Для данного типа употреблений характерен широкий разброс подзначений вплоть до энантиосемии: это и ответ с вызовом, и любезный ответ, приветствие и прощанье, приглашение и возражение.

Аналогичные контексты характеризуют и английский акцент L+N*LN%. Для сравнения с русскими примерами можно вернуться к кокетливому приглашению войти в примере (9) из раздела 5.3 выше (*Come in (L+N*LN%)*) и к реплике согласия, направленной на поддержание коммуникации и выражающей заинтересованность говорящего в собеседнике, из примера (10) *Oh, yes (L+N*LN%)*.

Выше было показано, что в английском языке в контексте вовлеченности предложений в живой диалог акцент L+N*LN% легко принимает тема предложения. Ср. в связи с этим английские примеры (12)—(14). В русской речи

¹¹ Этот пример принадлежит Е. А. Брызгуновой. Мы приводим его с сохранением просодической нотации автора [Русская грамматика 1982, I: 115].

употребление ИК-4 в позиции темы не имеет той частотности, что имеет L+H*LN% в английском языке. Обратимся к отдельным подзначениям ИК-4, совместимым с контекстом темы. Прежде всего, это тема в рассказе по порядку. Ср. в связи с этим пример (15) с ИК-4, приводимый Е. А. Брызгуновой [2006: 169]. В (15) мы сохраняем разметку и нотацию автора, помечающего акцент ИК-4 надстрочной цифрой 4 после словоформы-акцентоносителя (и также другие акценты здесь и в примере (16)):

(15) *Однако⁴ / за время пути⁴ / собака могла подрасти³!*

В примере (15) тема *за время пути* функционирует в контексте спора между железнодорожными властями и владелицей собаки по поводу идентификации собаки. Интонирование акцентоносителя темы *за время пути* копирует акцент союзного слова *однако*. Без *однако* ИК-4 на именной группе *за время пути* звучало бы менее естественно:

(15a) *?За время пути ↘↗ (H+L*N%) собака могла подрасти!*

Между тем союзное слово *однако* со значением возражения без второй темы — *за время пути* — в контексте ИК-4 вполне допустимо:

(15b) *Однако ↘↗ (H+L*N%) — собака могла подрасти!*

Таким образом, тема со значением возражения в контексте ИК-4 возможна, а простая тема вне соотнесения с мнением оппонента требует контекста повтора. Интересно, что в контексте не возражения, а наоборот, присоединения говорящего к точке зрения собеседника акцент типа ИК-4 опять же становится возможным:

(15c) *Действительно ↘↗ (H+L*N%) собака могла подрасти!*

Таким образом, вне контекста соотнесения с точкой зрения собеседника для ИК-4 в позиции темы требуется контекст повтора, т. е. здесь мы возвращаемся к контексту логического упорядочения цепи шагов изложения, столь характерного для ИК-4. Это говорит о том, что в контексте темы ИК-4 маркирует соотнесение с точкой зрения оппонента или рассказ по порядку, направленный на доходчивое изложение цепи событий.

Другой фрагмент из того же стихотворения С. Маршака цитируется Е. А. Брызгуновой в Русской грамматике [1982, I: 115], где ИК-4 трактуется как маркер официальности:

(16) *Позвольте², гражданка, / на станции⁴, / согласно багажной квитанции⁴, / от вас получили багаж¹.*

Нельзя не согласиться с тем, что в данном контексте ИК-4 в рамках тем *на станции* и *согласно багажной квитанции* действительно сопутствует показателям официального обращения (ср. также выбор слов *гражданка*, *согласно багажной квитанции*), за которым, однако, стоит более общее значение логически упорядоченного изложения событий. Это значение, как было показано в подразделе 4.3 выше, бывает присуще не только официальному, но и разговорному стилю.

Наши наблюдения показывают, что в рамках одиночной темы вне контекста возражения или согласия с собеседником русский акцент ИК-4 практически не употребляется. Так, искусственно построенные по аналогии с английскими примерами (12) и (13) русские примеры (12а) и (13а) представляются не вполне нормативными:

(12а) ?*Лимоны*↘↗ (Н+L*Н%) я обожаю;

(13а) ?*Вор*↘↗ (Н+L*Н%) открыл дверь без труда.

Эти примеры звучали бы естественно в контексте повтора, т. е. в рассказе по порядку:

(13b) *Вор*↘↗ (Н+L*Н%) открыл дверь без труда↘↗ (Н+L*Н%), недолго думая↘↗ (Н+L*Н%) проник в спальню↗ и сложил все ценное в сумку↘.

Пример же (14), как кажется, все же допускает русскую аналогию с ИК-4 на акцентоносителе:

(14b) *И второй раз за день*↘↗ (Н+L*Н%) индекс Доу-Джонса понизился.

В контексте ИК-4 и значительной паузы, наступающей после детерминанта *и второй раз за день*, в предложении возникает катафорический смысл 'сейчас я сообщу нечто удивительное'. Этот смысл должен быть подкреплён соответствующим жестом, например, «заговорщицким» видом говорящего, т. е. мы возвращаемся к смыслам, отражающим активное взаимодействие между коммуникантами.

Итак, в русском предложении акцент ИК-4 в рамках темы, как правило, фигурирует в повествовании, состоящем из логически упорядоченного и ограниченного числа шагов или стилистически претендующем на таковое.

Возвращаясь к сопоставительному анализу русской и английской интонации апелляции к слушающему, заключим, что оформление диалогических реплик прощанья, приветствия, вызова и кокетства — это важнейшая точка совпадения функций русского акцента ИК-4 (Н+L*Н%) и английского (L+Н*LN%). Другие употребления ИК-4, которые были выделены выше, прямых параллелей с английским акцентом L*+NLN%, насколько нам известно, не обнаруживают.

Что касается незавершенности текста, то пару, подходящую для сопоставительного анализа, могли бы составить русский нисходяще-восходящий ак-

цент ИК-4 и английский нисходяще-восходящий акцент H*+LN% в контексте связного повествования. Выше действительно было показано, что оба акцента маркируют незавершенность текста, но между ними имеется существенное семантическое различие. Русский акцент ИК-4 привносит в повествование характер временной или логической упорядоченности, а английский H*+LN% такого значения не имеет. Он служит немаркированным показателем незавершенности. В этом мы убедились в разделе 4.3.3.

* * *

Итак, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным и исходя из анализа контекстов, приводимых в зарубежных работах, английская интонационная модель L+H*LN% контраста как выбора элемента из известного множества не выражает. Она часто сопутствует контрасту, но не служит его маркером, потому что выражает другое значение. Это функция оформления диалогических реплик как речевых действий апелляции к слушающему, что сообщает предложениям иллокутивную силу побуждения к действию, призыва к вниманию, заверения, обоснования, приветствия, прощанья, возражения или, наоборот, решительного присоединения к точке зрения собеседника. В русском языке аналогичную функцию выполняет нисходяще-восходящий акцент ИК-4. Поскольку апелляция к слушающему регулярно фигурирует как в рамках рем, так и в рамках тем, можно говорить о том, что в применении к английскому языку она составляет одно из модифицирующих значений наряду с контрастом и эмфазой. При сопоставительном анализе русского акцента ИК-4 и английского акцента L+H*LN% обнаруживается, что акцент ИК-4 при обозначении апелляции к слушающему употребляется в русской речи менее широко, чем L+H*LN% в английской, в особенности в рамках тем предложений. ИК-4 занимает в системе русской интонации более периферийную роль, чем L+H*LN% в английской. Можно заключить, что ИК-4 в русском языке не имеет статуса системного акцента, который регулярно выражал бы коммуникативное значение модифицирующего типа. Поэтому акцент ИК-4 при выражении речевых действий должен фиксироваться как единица русского интонационного словаря. Основная перспектива исследования русских и английских перформативных акцентов состоит в разработке языка описания наиболее абстрактных прагматических значений, выражающихся единицами интонации. Поставленную здесь задачу анализа функций интонационных единиц нельзя признать окончательно решенной, т. к. толкования значений, которые стоят за акцентами апелляции к слушающему, требуют более эксплицитного инвариантного обобщения, чем то, которое было здесь достигнуто.

6. Датская интонация глазами русского лингвиста¹

6.1. К постановке задачи

В работах Н. Греннум [Thorsen 1980; 1982; 1984; Grønnum 1992; 1993; 1998: 295—310] по датской интонации показано, что просодическая структура датского предложения строится в соответствии со следующими основными принципами.

- 1) Каждое предложение в просодическом отношении представляет собой последовательность тактовых групп (*prosodic stress group*). Последовательность тактовых групп расположена на графике частот основного тона с определенной степенью наклона к концу предложения в зависимости от типа предложения (повествовательного или вопросительного): повествовательное предложение имеет больший уклон по сравнению с вопросом, ср. рис. 1. Уклон определяется падением частоты основного тона.
- 2) Каждая элементарная единица в этой цепочке — тактовая группа — имеет следующую структуру. Ударный слог несет на себе нисходящий тон. Затем на заударных, если они есть, осуществляется восходяще-нисходящее движение тона: на первом заударном — подъем, на втором — падение, см. рис. 2 [Thorsen 1982: 306; 1984: 18; Grønnum 1993: 77] и рис. 3 [Grønnum 1993: 78]. Если сегментный материал не позволяет реализоваться полной структуре, от нее остается ударный нисходящий: такая картина имеет место в односложных тактовых группах с кратким гласным.
- 3) Из пунктов 1) и 2) можно сделать вывод, что выбор носителя акцентных пиков для датского предложения нерелевантен, потому что сами движения тона формируются чисто автоматически вокруг ударного гласного каждой из составляющих предложение тактовых групп.

¹ Данный раздел не мог бы быть написан, если бы не инициатива и не участие в работе А. В. Циммерлинга, который обрабатывал, транскрибировал и интерпретировал устный датский материал, работал с информантами и участвовал в постановке и решении задач.

- 4) Контраст (*emphasis for contrast*, по Н. Греннум) в качестве основного средства выражения имеет своего рода «усадку» (*shrinking*) тактовых групп, окружающих контрастно выделенную: соседние с контрастной тактовые группы произносятся ниже, чем в не-контрастном контексте, и в существенной степени утрачивают свои подъемы [Grønnum 1992: 32—33].
- 5) Начальные согласные ударного слога не включаются в ударный слог [Thorsen 1984: 17, 19, 28]. Ср. рис. 3, на котором представлена стилизованная тонограмма и транскрипция тактовой группы, соответствующей словоформе *dammefrakke* 'дамское пальто' (ударный слог выделен жирным шрифтом), причем первый согласный ударного слога не включен в тактовую группу [Grønnum 1993: 78].

В результате возникает представление о последовательности тактовых групп, изображенное на рис. 4, см. [Thorsen 1980: 123; 1983: 188, 212; Grønnum 1992: 20].

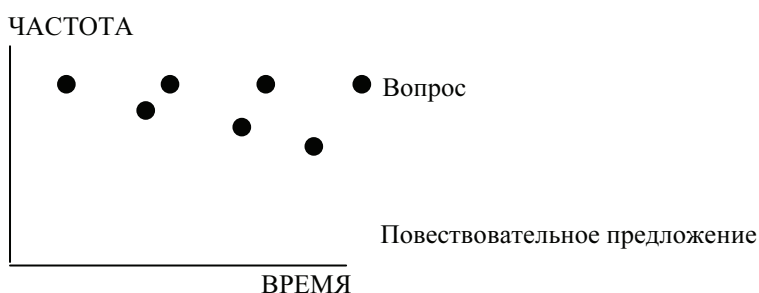

Рис. 1. Движение частоты основного тона в вопросах и повествовательных предложениях в копенгагенском диалекте датского языка (Standard Danish, стандартном датском). Кружочки обозначают здесь ударные слоги тактовых групп.

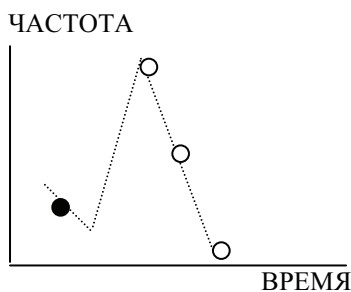

Рис. 2. Тактовая группа в копенгагенском диалекте датского языка. Черный кружочек обозначает ударный гласный, белые кружочки — безударные гласные. Пунктирная линия обозначает согласные.

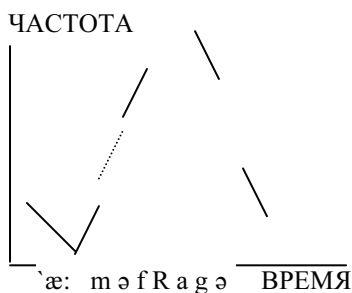

Рис. 3. Стилизованный график тактовой группы, состоящей из единственного слова DAMEFRAKKE 'дамское пальто' (ударный гласный выделен жирным шрифтом). Служит конкретным примером движения тона в тактовой группе [Grønnum 1993: 78]; ср. рис. 2, который представляет собой обобщенный график движения тона в тактовой группе.

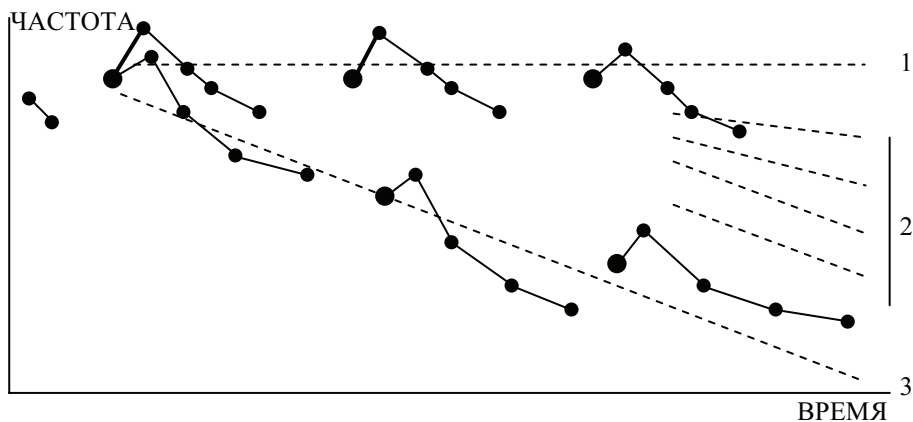

Рис. 4. Модель изменения частоты тона в коротких предложениях в копенгагенском диалекте датского языка (Standard Copenhagen Danish).

1. Синтаксически немаркированные вопросы.
 2. Вопросительные предложения с инверсией и / или вопросительным словом; неоконченные повествовательные предложения текста.
 3. Конечные повествовательные предложения.
- Крупные кружочки обозначают ударные гласные, мелкие — безударные. Сплошные линии обозначают изменение частоты тона в тактовых группах, пунктирные — обобщенно изображают глобальное изменение частоты в синтаксических тональных контурах.

Основной вывод из этих положений такой. В копенгагенском диалекте датского языка интонация не служит для передачи коммуникативного членения предложения.

Между тем анализ спонтанной речи и специально подобранных диагностических примеров, нацеленных на выявление средств выражения коммуни-

кативных компонентов предложения, таких как темы и ремы, и средств выражения контраста и эмпазы, а также сопоставление с аналогичным русским материалом показывают, что чисто формальный характер датской интонации, формирующей, по предположению датских интонологов, лишь предложение в целом, несколько преувеличен.

Кроме того, наш материал, на данном этапе собранный в масштабе пилотного эксперимента, показывает, что и тактовая группа имеет иные характеристики, чем показано на рисунке 2. В большом числе примеров тональная структура тактовой группы в целом, изображенная на рисунке 2, имеет иной тайминг, если считать точкой отсчета ударный слог, а именно: на ударный слог приходится подъем тона, а предшествующее ему падение осуществляется на предударных слогах, если они есть. Такая реализация тактовой группы в русском языке характеризует тему и некоторые типы незавершенности текста. Соответственно, возникает гипотеза о том, что и в датском языке начальный подъем тона, когда он приходится на ударный слог, — это не показатель словесного ударения, оформляющего отдельную тактовую группу в цепочке равноправных тактовых групп, которые формируют тональный контур предложения, а независимый показатель темы. Можно также предположить, что акцентоноситель коммуникативно релевантного компонента предложения — темы, ремы или контрастного компонента — возникает не автоматически, а выбирается, как и в русском языке, по определенным правилам, которые основаны на синтаксических приоритетах и факторе активации именных и глагольных групп. О выборе акцентоносителя в русском языке см. раздел 2.

Далее. В связи с анализом средств выражения контраста возникает гипотеза о том, что такие коммуникативные феномены, как контраст и эмпаза, могут иметь в датском языке специальные средства выражения, кроме явления «усадки» фрагментов контекста. Кроме того, они нуждаются в определении или как минимум в примерах. Между тем явление «усадки» соседних с выделенной тактовых групп, судя по нашим данным, может возникать и в ситуации неконечного расположения словоформы-акцентоносителя не контрастной, а простой ремы, как во втором предложении примера *(En politibetjent greb en tyv.) Han slog tyven* 'Полицейский поймал вора. Он ударил вора'. Здесь неконечная рема *slog* 'ударил' оказывается акцентным пиком, а ее контекст «проседает». Между тем, рема *slog* здесь не контрастная, а простая. Ударность словоформы *slog* объясняется следующим образом: референты актантов глагола *slog* введены в первом предложении, поэтому актанты отходят к теме, а роль ремы приходится на глагол. Необходимый контекст для ударности глагола создает также и то, что первый актант выражен атоническим — «безударным» — местоимением *han* 'он'. Таким образом, *slog* — это рема,

которая находится не в конце предложения. К данному примеру мы вернемся в подразделе 6.4 ниже, где проанализируем соответствующую тонограмму.

И наконец, наш материал показывает, что на начальные согласные ударного слога может приходиться очень существенное движение тона, направление которого затем последовательно продолжается на материале ударного гласного. Таким образом, если ударный слог имеет, скажем, восходящий характер, то начальный согласный слога также восходящий и он непосредственно переходит в следующий за ним гласный в полном согласии с последним, так что они оба формируют отрезок кривой, не меняющий направления в изменении частоты тона, и паузы между согласным и гласным нет. Это говорит о том, что имеет смысл включать начальные согласные в состав структурообразующих элементов ударного слога. Напомним, что в работах Н. Греннум (Торсен) говорится, что начальный согласный тона не согласуется с движением тона на последующем гласном: «The major F_0 rise or step up begins after the consonant in the words with stress on the first syllable» (см. [Thorsen 1984: 17, 19, 28]).

Ниже мы надеемся показать, что копенгагенский диалект обладает средствами для формирования компонентов речевых актов и выражения следующих коммуникативных значений: темы, ремы, контраста, эмфазы и некоторых уникальных иллокутивных значений.

Таким образом, основной методологический прием анализа датской интонации состоит в сопоставлении системы коммуникативных значений, выделенной на материале русского языка, датскому материалу: если удастся показать, что некоторое коммуникативное значение, например, значение темы или значение контраста, имеет в датском языке определенные интонационные средства выражения, отличные от средств выражения других коммуникативных значений, значит, можно считать, что данное значение релевантно для датского языка. Попутно можно предположить, что набор основных коммуникативных значений и его системный характер, проявляющий себя в сочетаемости речеактообразующих коммуникативных значений (таких, как значения темы и значения ремы) с модифицирующими значениями (контрастом и эмфазой), универсален, т. е. присущ языку вообще. Эти значения составляют коммуникативную и интонационную грамматику языка. В датском языке существуют и несистемные — уникальные, или словарные, — коммуникативные модели построения речевых актов, которые выражаются интонационно. В качестве примера можно привести дискурсивную стратегию, моделирующую воспоминания, которая с соответствующими лингвоспецифическими поправками представлена как в датском (раздел 6.8 ниже), так и в русском языке (раздел 2.1.2.3 выше).

Приводя данные в защиту способности датского языка к выражению коммуникативных значений, таких как тема, рема, контраст, эмфаза и неза-

вершенность, мы не стремимся опровергнуть выводы об интонации коротких предложений, полученные в работах Н. Греннум и других датских лингвистов. Они безусловно верны. Мы согласны с тем, что во многих предложениях деление на тему и рему может отсутствовать, и тогда тональный контур и, в частности, тайминг начальной тактовой группы будут такими, как показано на рис. 4. Представляется, однако, что основные принципы датской интонации были исследованы на материале именно нерасчлененных предложений. Ограничение исследований нерасчлененными предложениями датские интонологи не декларировали: речь шла не о нерасчлененных, а о коротких предложениях. Кроме того, анализ проводился с точки зрения фонетики, а не с точки зрения семантики и прагматики коммуникативных структур, для которых интонация служит планом содержания. Можно только предположить, что в центре анализа оказались именно нерасчлененные предложения, потому что статистически нерасчлененные предложения более короткие, чем расчлененные. Итак, мы надеемся расширить представления о коммуникативных возможностях датской интонации и показать, что членение на тему и рему датскому языку также не чуждо.

Ниже будут рассмотрены имеющиеся у нас примеры из речи информанта Г. и информантки Л., университетских преподавателей, а также информантки М., аспирантки, — носителей копенгагенского диалекта датского языка.

В разделе 6.2 рассмотрены интонационные средства выражения темы в датском языке. Раздел 6.3 посвящен теме в композиции с контрастом. В разделе 6.4 рассматриваются способы выражения ремы в зависимости от ее положения в линейной цепочке предложения. Раздел 6.5 посвящен реме в композиции с контрастом. Раздел 6.6 посвящен эмфазе. Здесь рассмотрены средства выражения эмфазы в композиции с ремой и вопросительным компонентом вопроса. На этом исчерпываются наши данные, касающиеся системных коммуникативных значений в датском языке и средств их выражения. Остальные разделы посвящены уникальным — внесистемным — явлениям датской интонации и проблемам выбора акцентоносителей коммуникативно релевантных акцентов. В разделе 6.7 представлен интонационный способ поддержания связности текста, а в разделе 6.8 рассматривается интонационная модель, которая используется при воспоминаниях о чередующихся событиях. Раздел 6.9 посвящен проблеме выбора акцентоносителя в датском языке в тех случаях, когда датский расходится с русским и английским. Это выбор акцентоносителя в нерасчлененных предложениях обоснования типа *⟨Открой.⟩ Папа пришел* и в атрибутивных именных группах с прилагательным, где прилагательное служит контрастной темой, как в предложении *Его новая книга ⟨нравится мне больше предыдущей⟩*. В разделе 6.10 дается обзор основных результатов проведенного контрастивного анализа.

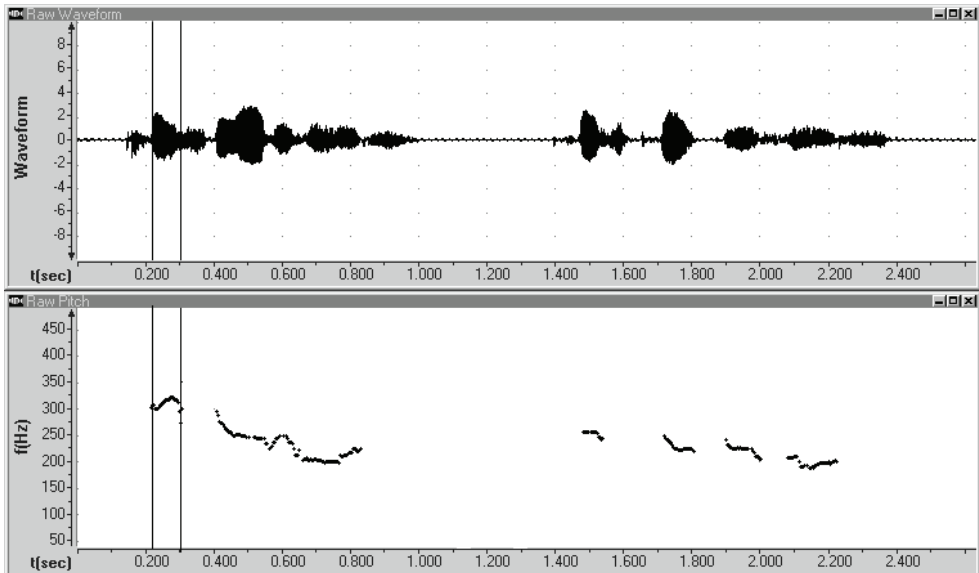
Некоторые результаты, полученные при анализе датского языка, уже обсуждались выше в связи с анализом параллельного русского материала, например в разделе о контрастных темах с контрастом на прилагательном (2.1.1.2.1), анализом эмфазы (2.1.1.3), анализом дискурсивной стратегии, моделирующей ментальную деятельность (2.1.2.3), в частности, процесс воспоминаний, и описанием нерасчлененных предложений о причине (thetic) (2.1.2.4). Однако логика и полнота изложения результатов, полученных при систематическом анализе датской интонации, требуют повторения в данном разделе некоторых примеров и положений, которые уже были приведены выше в связи с анализом русского материала.

6.2. Тема

Начнем анализ с иллюстраций выражения темы как элемента иллокутивного акта сообщения (повествовательного предложения). Обратимся к примеру (1). Соответствующая ему Тonoграмма 1 представляет речь информантки М.

(1) *Chris mødte Jens.* *Chris kunne ikke lide Jens*
 ‘Крис встретил Йенса. Крис не любил Йенса’

Тonoграмма 1

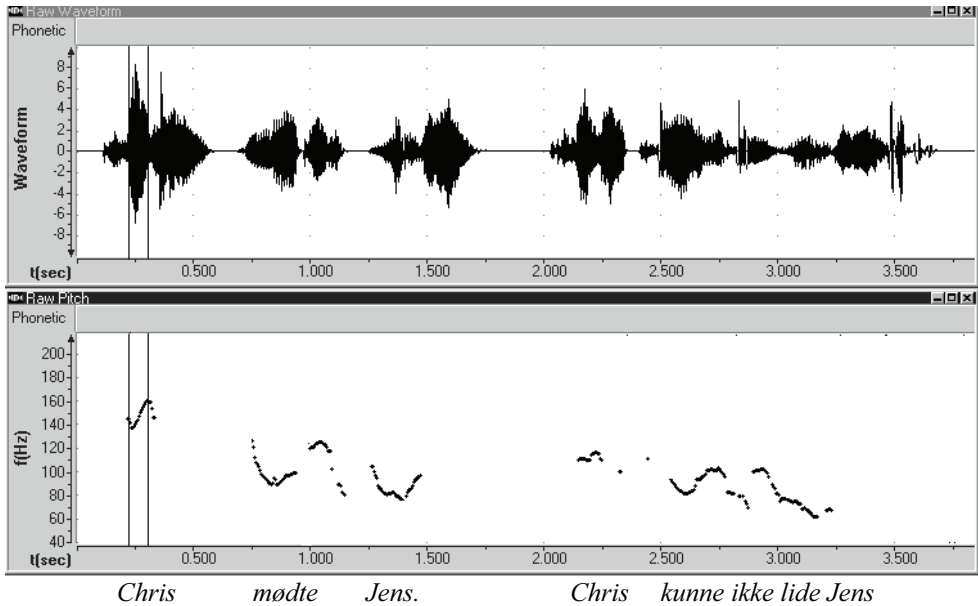
Chris mødte Jens.

Chris kunne ikke lide Jens

Курсорами выделен ударный гласный [i] в начальной словоформе *Chris* ‘Крис’. Мы предполагаем, что подъем тона выражает здесь тему повествовательного предложения.

Обратимся к тому же предложению в исполнении диктора Г. Ударный гласный выделен курсорами. Картина аналогична той, которую мы наблюдали при исполнении той же пары предложений информанткой М.

Тонограмма 2

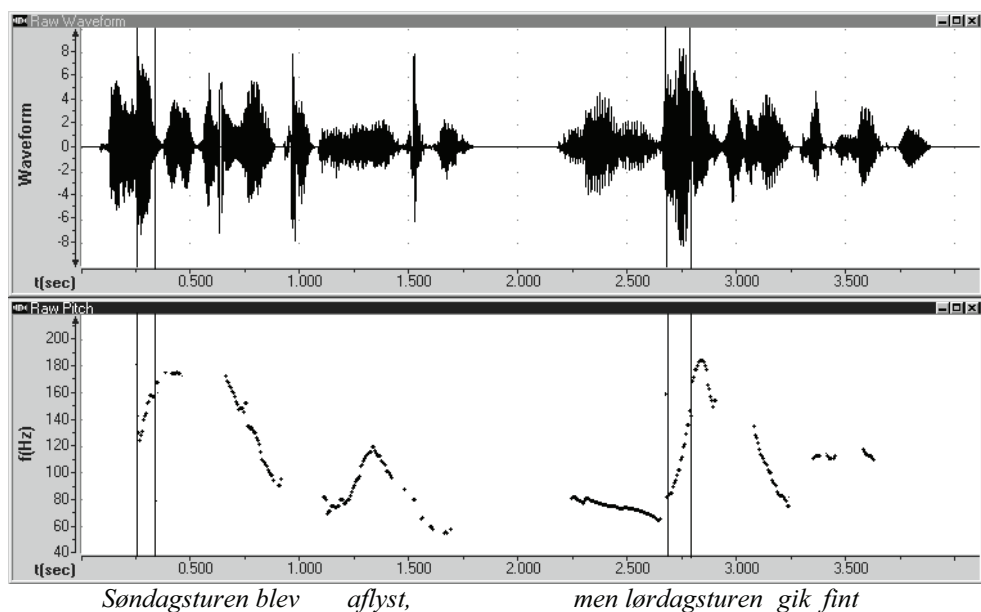
6.3. Контрастная тема

Обратимся к теме в композиции с контрастом. В предложениях с противопоставлением друг другу референтов тем подъем на теме может быть выражен еще более рельефно, чем при простой теме. Так, в примере (2) множество, из которого производится выбор, составляющий основу контрастного противопоставления, включает в себя как минимум два элемента — субботнюю прогулку и воскресную прогулку — и, быть может, еще какие-то прогулки. Соответственно, в примере (2) словоформа *søndagsturen* ‘воскресная прогулка’ — это контрастная тема, и ударный гласный словоформы *søndagsturen* несет очевидный подъем. На графике ударный гласный выделен курсорами (речь информанта Г.). Ударный гласный в словоформе *lørdagsturen* ‘субботняя прогулка’, служащей контрастной темой второго из сочиненных предложений, в речи информанта Г. тоже имеет очевидный подъем с существенным перепадом частот.

(2) *Søndagsturen blev aflyst, men lørdagsturen gik fint.*

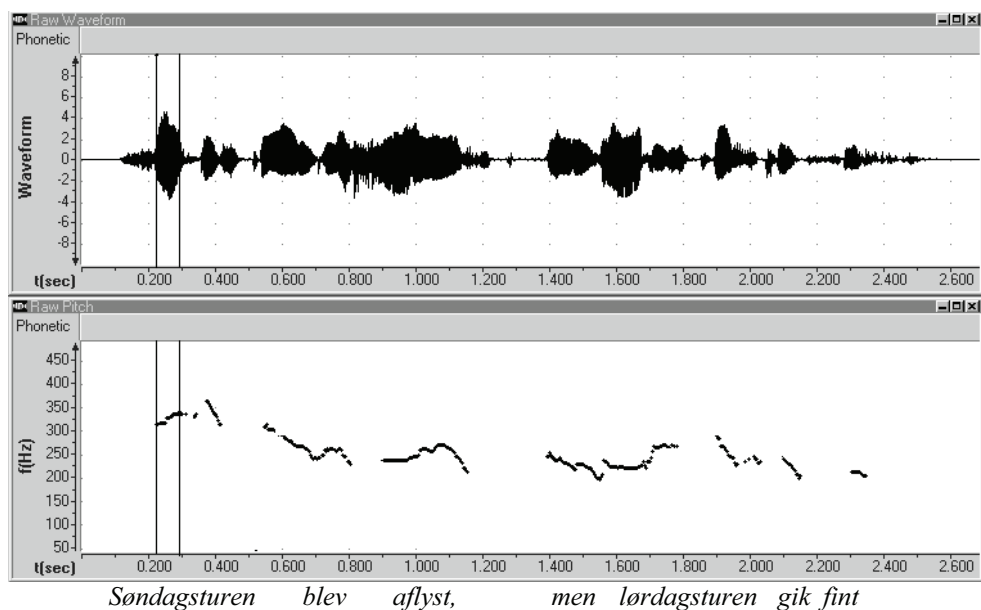
‘Воскресная прогулка не состоялась, а субботняя прошла удачно’

Тонограмма 3

Обратимся к тому же предложению в исполнении информантки М. Ударный гласный акцентоносителя контрастной темы первого из сочиненных предложений выделен курсорами.

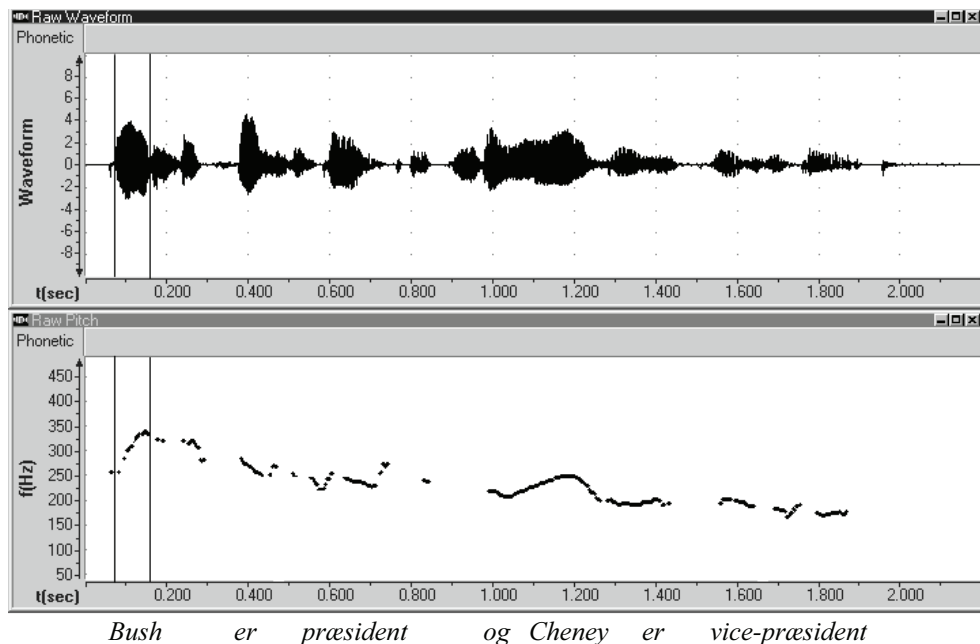
Тонограмма 4

Аналогичная картина представлена предложением (3). На ударном слоге словоформы *Bush* мы наблюдаем подъем тона (курсором выделен фрагмент [bu]). Ср. тонограмму 5 (речь информантки М).

- (3) *Bush er præsident og Cheney er vice-præsident*
 ‘Буш — президент, а Чейни — вице-президент’

Тонограмма 5

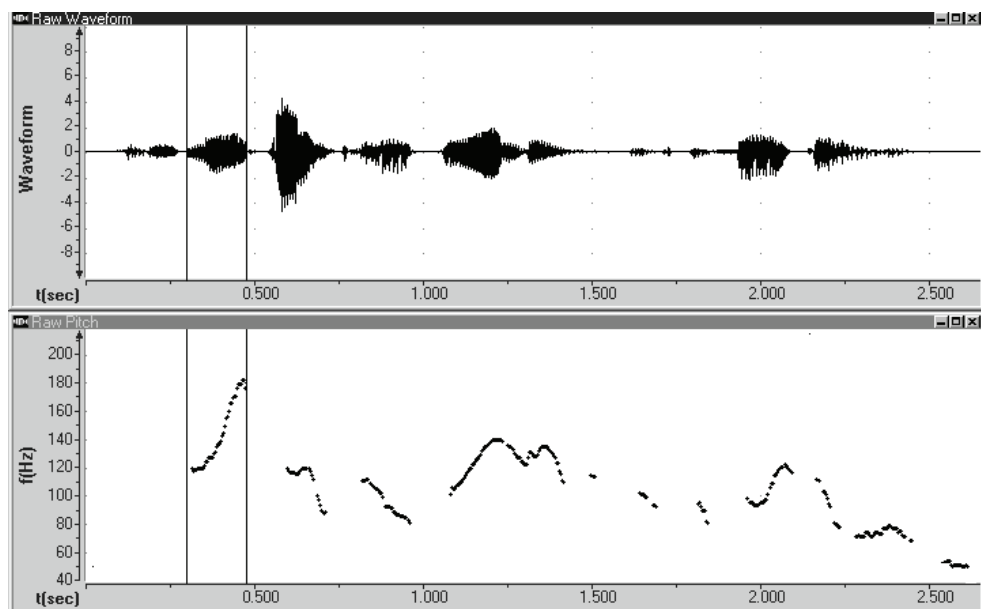

И наконец, наиболее показательный пример контрастной темы — это предложение (4) с контрастной темой *nue* ‘новая’; речь информанта Г.

- (4) *Hans nye bog kan jeg bedre lide end den foregående.*
 Его новая книга могу я больше любить, чем та предыдущая
 ‘Его новая книга нравится мне больше предыдущей’

Пример (4) также показывает, что в контексте темы согласный — ср. [n] в словоформе *nue*, — так же как и следующий за ним гласный, несет подъем тона. Поэтому мы включаем его в состав соответствующей тактовой группы. Словоформа *nue* [n̥yɛ] взята в курсоры. Здесь напомним, что, согласно положениям датской лингвистики о структуре тактовой группы, начальный согласный ударного слога не должен входить в структуру слога и, соответственно, в структуру тактовой группы, ср. положение 5 раздела 6.1.

Тонограмма 6

Hans nye bog kan jeg bedre lide end den foregående.

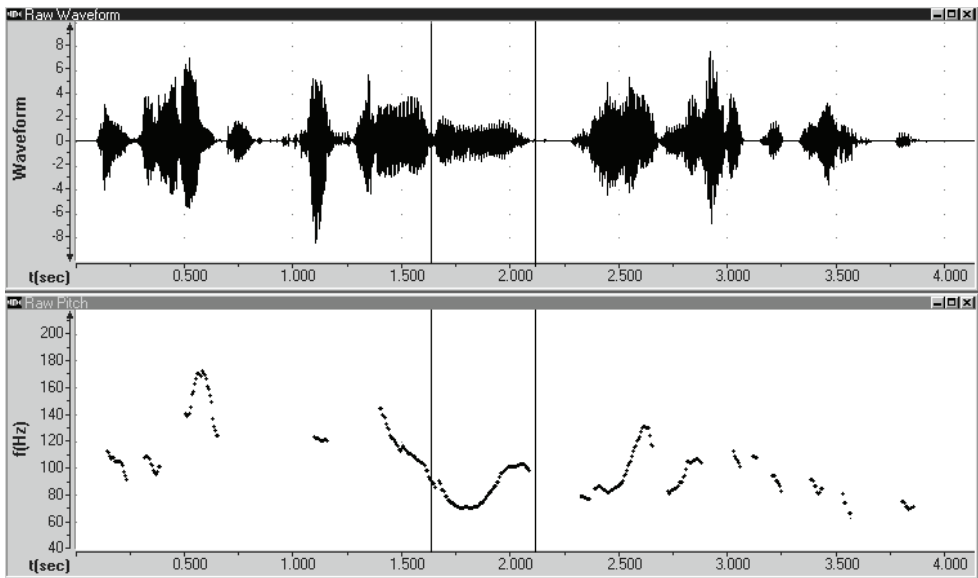
6.4. Рема

Рассмотрим интонационные показатели ремы. Реализация конечной ремы, по нашим данным, согласуется с традиционными представлениями датской интонологии о структуре тактовой группы, т. е. происходит в соответствии с рисунком 2. Так, в примере (4) двусложная словоформа *læge* ‘врач’, будучи акцентоносителем ремы, несет на себе нисходяще-восходящий тон — нисходящий элемент на ударном слоге, восходящий — на заударном, см. Тонограмму 6 (речь информанта Г.). Словоформа *læge* ‘врач’ на тонограмме выделена курсорами.

(4) *En patient kom til en læge. Lægen undersøgte patienten*
 ‘Больной пришел к врачу. Врач осмотрел больного’

В примере же (5) на конечном ударном слоге ремы в словоформе *aflysts*, мы наблюдаем только падение. Этот пример также полностью согласуется с положениями датской интонологии о структуре тактовой группы. Гласный конечного ударного слога взят в курсоры (речь информанта Г.). Попутно заметим, что начальная словоформа предложения *søndagsturen* ‘воскресная прогулка’ исполняется информантом как тема: мы видим подъем на ударном

Тонограмма 6

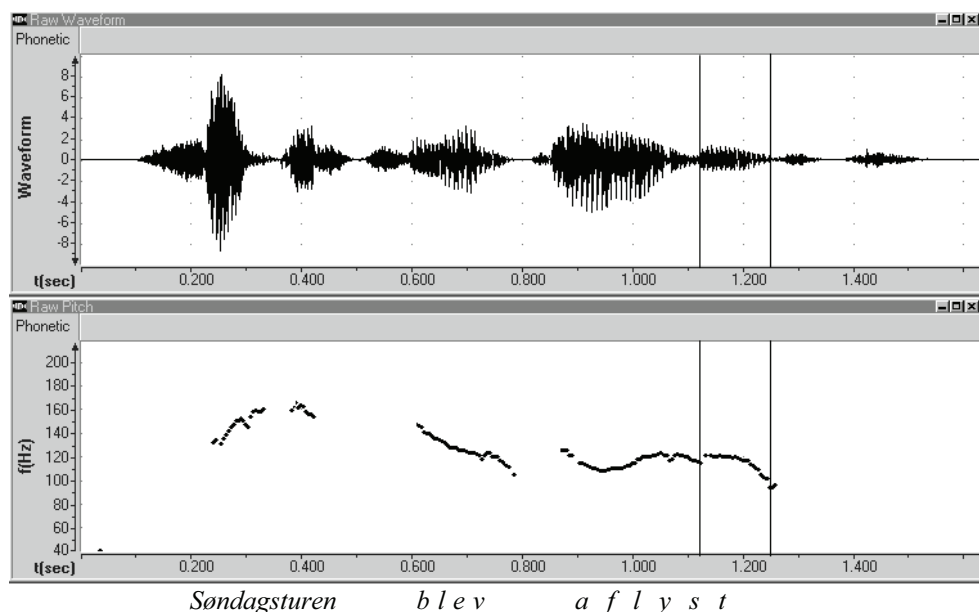
En pa tient kom til en læ ge. Læ gen undersø gte pa tien ten

гласном [ø]. С точки зрения прагматики такая интерпретация представляется вполне естественной. Воскресная прогулка понимается как отправная точка высказывания — тема.

(5) *Søndagsturen blev aflyst.*
 ‘Воскресная прогулка отменилась’

И наконец, при срединном расположении акцентоносителя ремы, представленном в примере (6), ударный слог несет высокий нисходящий или восходяще-нисходящий тон в большом диапазоне частот, а его контекст подвергается редукции, т. е. тактовые группы произносятся в низком диапазоне частот и теряют свои подъемы. Об этом явлении мы уже говорили в разделе 6.1 при постановке задачи. Сейчас мы возвращаемся к неконечной реме в связи с обсуждением специфики выражения рем в зависимости от расположения их акцентоносителей в линейной цепочке предложения. Н. Греннум предполагает, что этот тип просодии маркирует контраст (*emphasis for contrast*), см. [Grønnum 1992: 32—33]. Между тем в разделах 6.5 и 6.6 ниже мы надеемся показать, что контраст и эмпза имеют более специфические средства выражения. Как уже говорилось, ремой второго предложения в примере (6) служит глагол *slog* ‘ударил’, потому что референты его актантов активированы в первом предложении — это вор и полицейский.

Тонограмма 7

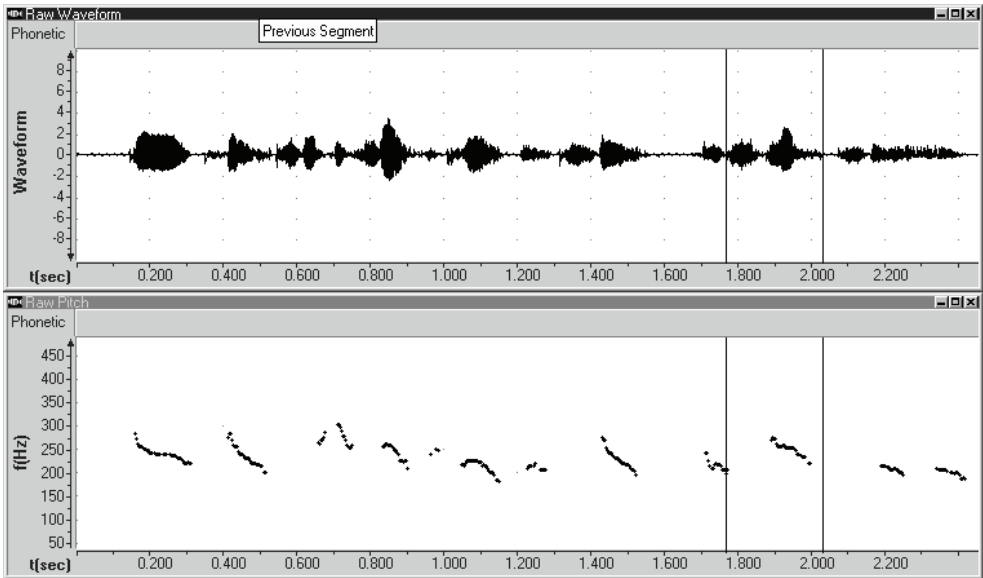

- (6) *En politibetjent greb en tyv. Han slog tyven.*
 'Полицейский поймал вора. Он ударил вора'

На Тонограмме 8 (речь информантки М.) можно наблюдать высокое падение на словоформе *slog*. Словоформа *slog* взята в курсоры. Контекст произносится довольно низко, и подъем тона, которого в соответствии с рисунком 2 теоретически следовало бы ожидать на словоформе *tyven* 'вор', здесь отсутствует. Значит, при реализации примера (6) можно наблюдать феномен «усадки» (shrinking) контекста, который, по мнению Н. Греннум, характерен для контраста. Однако контраст в примере (6) отсутствует, так что «усадку», или редукцию, следует отнести на счет неконечного («непрототипического») расположения ремы. В линейной цепочке предложения она в соответствии со своей синтаксической ролью расположена между подлежащим и дополнением, которые соотносятся с активированными — введенными в первом предложении — референтами. Поэтому роль ремы в этом предложении приходится на глагол. При таком расположении акцентоносителя ремы датский язык использует особые интонационные средства выражения ремы.

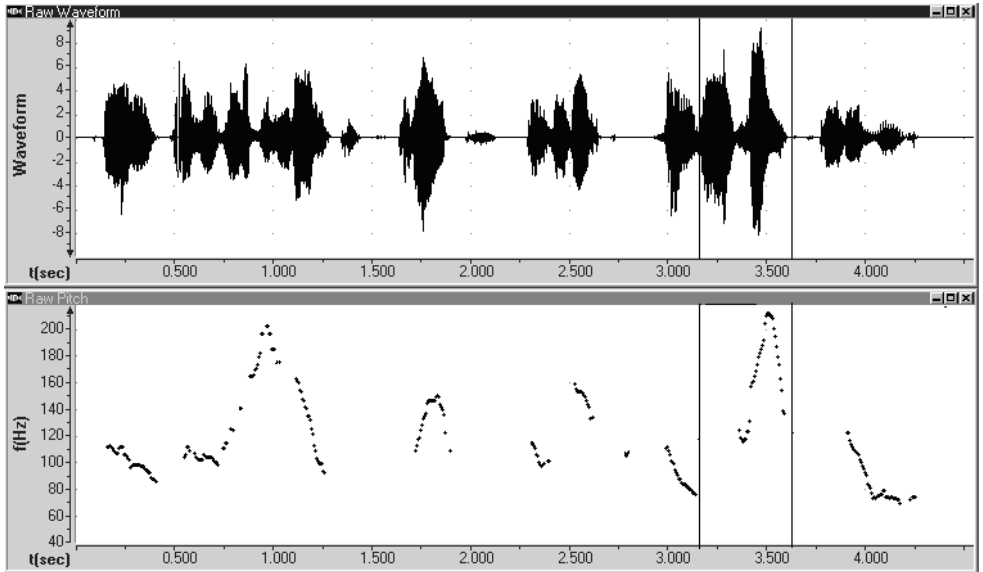
Обратимся к несколько аффецированному произнесению предложения (6) диктором Г., Тонограмма 9. Здесь на односложной словоформе *slog* мы наблюдаем восходяще-нисходящее движение тона. Начальный подъем обеспечивает существенную высоту, необходимую для реализации падения в

Тонограмма 8

En po li ti be tjent greb en tyv. Han slog ty ve n.

Тонограмма 9

En po li ti be tjent greb en tyv. Han slog ty ven.

большом диапазоне. (Аналогичная проблема уже обсуждалась на русском материале в разделе 2.1.1.1.1.) Контекст ремы — словоформы *han* и *tyven* — редуцирован.

Таким образом, при неконечном расположении акцентоносителя ремы датский язык использует особые интонационные средства выражения рем.

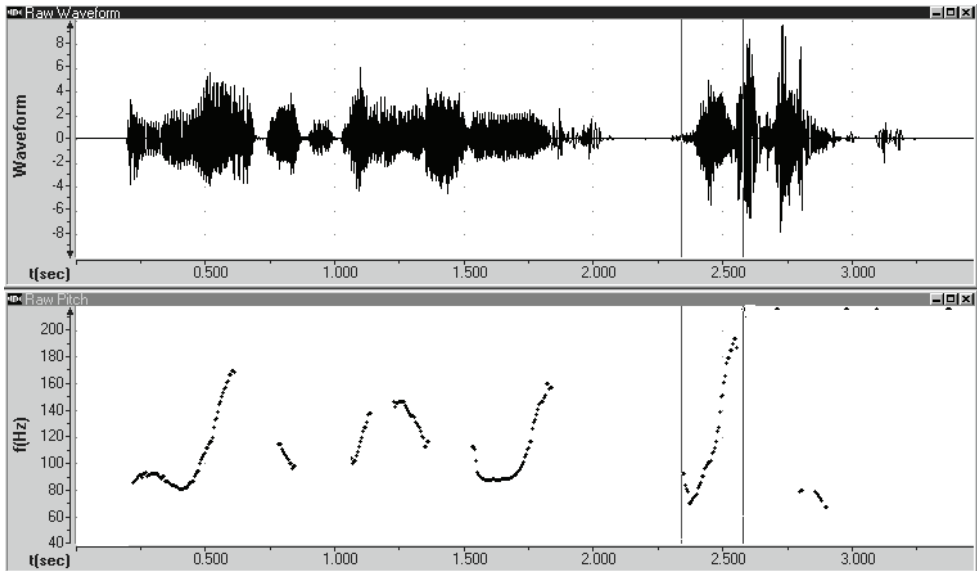
Средства выражения контрастных рем рассматриваются в следующем разделе.

6.5. Контрастная рема

По полученным нами данным контрастная рема реализуется как высокий и крутой подъем на ударном слоге акцентоносителя. Основной подъем приходится на ударный гласный, который захватывает и соседние согласные, принадлежащие тому же слогу. Этот подъем реализуется в большем диапазоне, чем подъем темы, и совершается в меньшее время. В примере (7) диктор Г. реализует крутой подъем на акцентоносителе контрастной ремы *Jens*, ср. Тонограмму 10. Курсорами выделена словоформа *Jens*. Заход частоты вниз на согласном [j] может объясняться способностью звонких согласных понижать частоту.

- (7) ⟨— *Er nogen af de studerende syge?*⟩ — *Jens* er syg.
 ‘⟨— Кто-нибудь из студентов болеет?⟩ Йенс болен’

Тонограмма 10

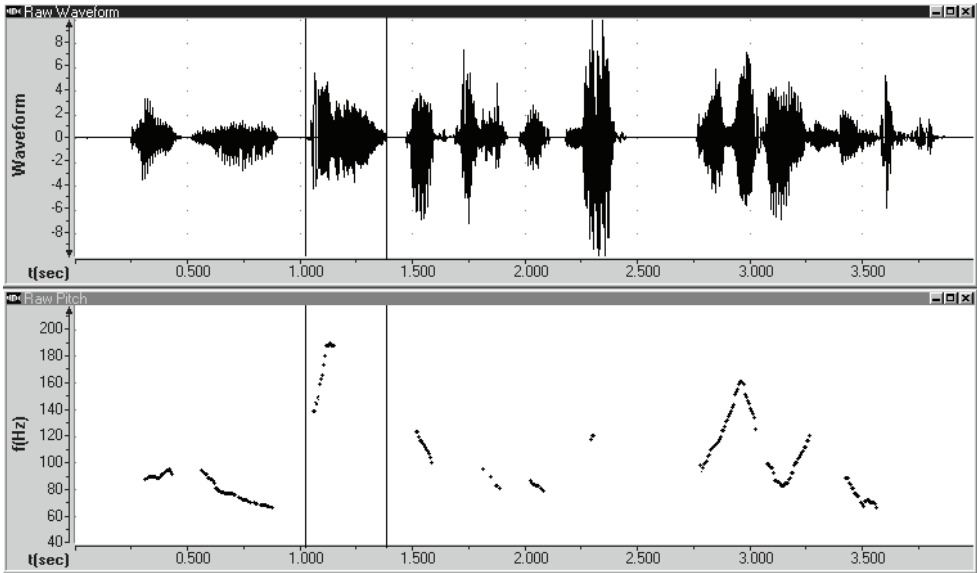

Er nogen af de studerende syge? — Jens er syg

Пример (8) тоже содержит крутой подъем на ударном гласном акцентоносителя контрастной ремы *Bush* 'Буш'.

(8) *Det er Bush, der er præsident, ikke Ramsfield.*
 Это есть Буш, который есть президент, не Рамсфельд
 'Президент Буш, а не Рамсфельд'

Тонограмма 11

Det er Bush, der er præsident, ikke Ramsfield.

Еще один показательный пример датской контрастной ремы будет продемонстрирован ниже при анализе диалога (9), содержащего, кроме примера контрастной ремы, еще и пример эмфазы, которой посвящен следующий подраздел.

6.6. Эмфаза

Выше, в разделе 2.1.1.3 на материале нескольких языков, в частности, на материале датского, было показано, что эмфатическое выделение может комбинироваться с ремой, темой и с собственно вопросительным компонентом вопроса. В плане выражения эмфаза характеризуется предшествующим основному движению тона отклонением движения тона в противоположную сторону. Так, если речь идет об эмфатической реме, при том что простая рема характеризуется нисходящим движением тона, эмфатическая рема получает выражение в виде, во-первых, того же падения, что и простая рема, но совершающегося в большем диапазоне частот и, во-вторых, с предшествующим падению отклонением тона вверх. В результате возникает специфическое вос-

ходяще-нисходящее движение тона. Аналогично, эмфатическая тема в русском языке характеризуется нисходяще-восходящим движением тона. И наконец, эмфаза в вопросе, так же как и на теме, выражается нисходяще-восходящим движением тона. Кроме того, при эмфазе ударный слог подвергается начальному сдерживанию амплитуды колебаний, что приводит к своего рода «разделению» ударного слога на две части. Этот вопрос, в частности, в применении к датскому языку обсуждался в разделе 2.1.1.3, где рассматривался один из наиболее показательных примеров эмфазы из имеющихся в нашей коллекции — датский. Этот пример мы повторяем здесь под номером (9). В примере (9d) представлено сочетание эмфазы с вопросом. С точки зрения семантики композиция эмфазы с вопросом хорошо передается русским словом *неужели*.

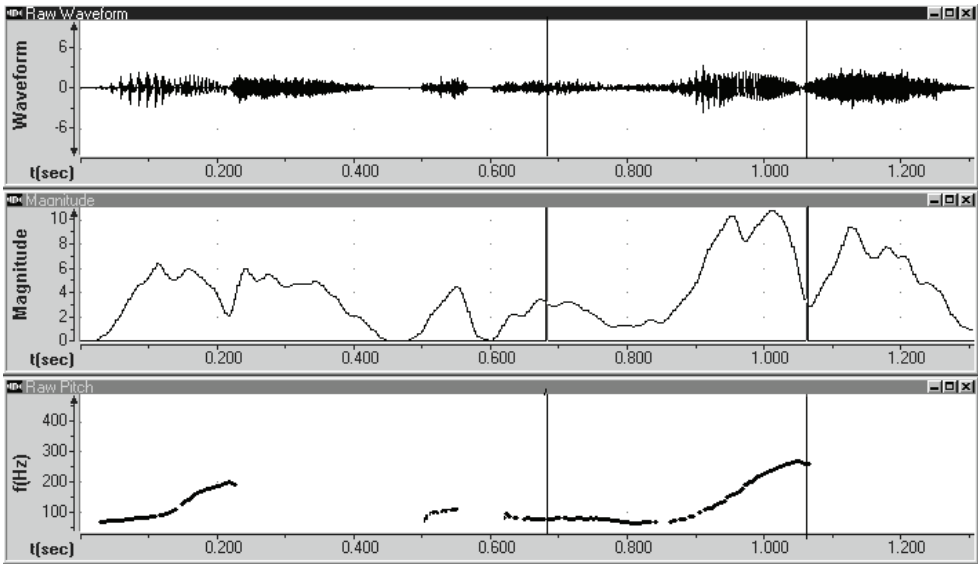
- (9) a. — *Hej! Det er Jens i telefonen.*
— Здравствуйте! Говорит Йенс.
b. — *Hvem er det?*
— Кто?
c. — *Jens.*
— Йенс.
d. — *Ah, det er Jens?!*
— Ах, это Йенс?!
e. — *Ja, det er Jens.*
— Да, это Йенс.
f. — *Jeg troede ellers, det var Lene.*
— А я думал, это Лена.
g. — *Nej, det er Jens, ikke Lene.*
— Нет, это Йенс, а не Лена.

Соседство предложений (9c) и (9d) представляет удобный контекст для сопоставительного анализа двух типов восходящего тона, см. Тонограмму 12. На словоформе *Jens* в предложении (9c) наблюдается крутой подъем контрастной ремы. Это ответ на переспрос (9b) *Hvem er det?* ‘Кто-кто?’. Между тем на словоформе *Jens* в (9d) перепад частот еще более существенный, чем на словоформе *Jens* в (9c). Кроме того, здесь имеется предшествующий подъему уклон кривой частоты вниз. Фрагмент [jen] в предложении (9d) на тонограмме выделен курсорами.

Дискурсивная реплика (10) иллюстрирует эмфатическую рему, которая маркируется восходяще-нисходящим (дрожащим) движением тона на ударном слоге слова [tu] *umuligt* ‘невозможно’. Ударный слог взят в курсоры. Речь информанта Г.:

- (10) *Umuligt!*
‘Невозможно! <Невероятно!>’

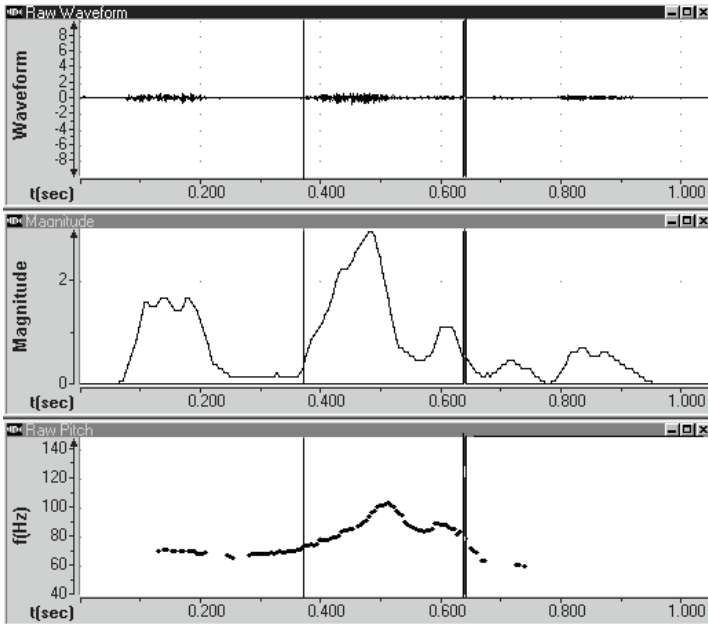
Тонограмма 12

(c) *Jens.*
Йенс

(d) *Ah, det er J e n s?!*
[a deɐ jɛns]
Ах, это есть Йенс?!

Тонограмма 13

u m u l i g t

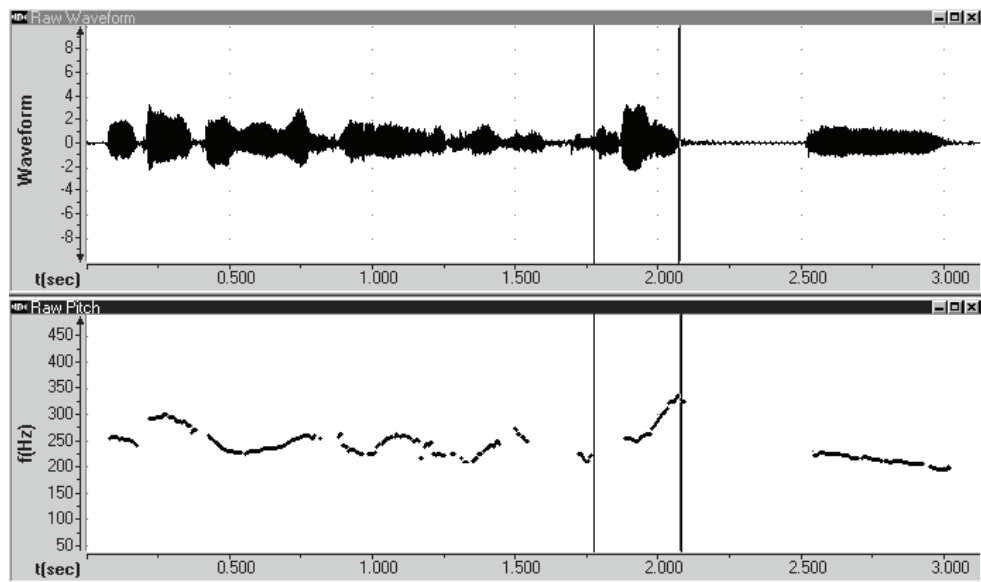
К анализу эмфатической темы в датском языке мы не обращаемся за недостатком материала для анализа.

6.7. Незавершенность текста

Основной из засвидетельствованных нами типов указания на незавершенность текста в датском языке аналогичен русской стратегии множественных тем, рассмотренной в разделе 3.2. Незавершенность текста может маркироваться достаточно высоким и крутым подъемом тона на ударном слоге акцентоносителя незавершенности, расположенного в конце предложения. Такой подъем указывает на то, что текущее повествование имеет продолжение. Эту стратегию иллюстрирует пример (11) из рассказа информантки М. о посещении московского бассейна. Это первое предложение ее рассказа. На ударном гласном словоформы *bassin* 'бассейн' наблюдается подъем тона, который продолжается на согласном [п]. Ударный слог словоформы *bassin* на тонограмме взят в курсоры.

- (11) *En dag der jeg var ude swømme at russisk bassin e-e-e*
 В день, который я была вне поплавать в русском бассейне э-э-э
 'Однажды, когда я пошла в город поплавать в русском бассейне э-э-э'

Тонoграмма 14

En dag der jeg var ude swømme at russisk ba ss i n

e-e-e

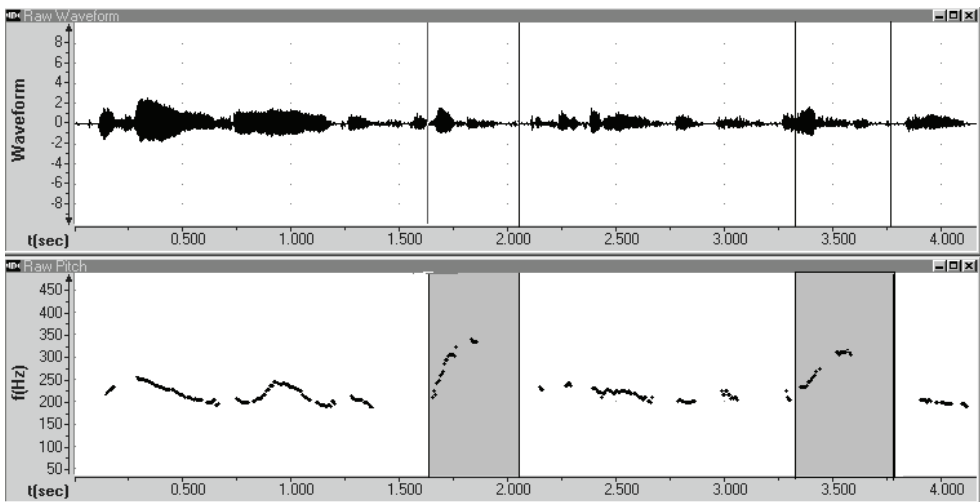
6.8. Интонация воспоминаний

В рассказе информантки М. о посещении бассейна несколько раз эксплуатируется особая стратегия построения сообщения в режиме воспоминания. Эта стратегия реализуется, в частности, в условиях рассказа о сменяющих друг друга последовательных событиях: *А он меня спросил по-русски, а я ему ответила по-английски...; А он меня спросил, откуда я приехала, а я ответила, что приехала из Дании...* В таком контексте акцентоноситель ремы приобретает особый восходящий акцент, который сменяется ровным тоном на заударных, подобно русскому акценту ИК-6. Затем такая же интонационная фигура может повторяться в следующем предложении. Контекст повтора весьма характерен для данного интонационного контура. Это контекст рассказа о чередовании событий; в применении к русскому языку аналогичная стратегия рассмотрена в разделе 2.1.2.3. Там же для сравнения с русским приводится и датский пример, аналогичный тем, которые рассматриваются в данном разделе ниже.

Обратимся к примеру (12). На словоформах *russisk* ‘русский’ и *engelsk* ‘английский’ фиксируется восходящий акцент, который завершается ровным тоном на заударном слоге. Словоформы *russisk* и *engelsk* на тонограмме выделены курсорами.

- (12) *Altså sagde jeg at jeg ikke forstå russisk, og så*
 В общем сказала я, что я не понимаю по-русски, и тут
stillede han et spørgsmål på engelsk.
 задал он вопрос по-английски...

Тонограмма 15

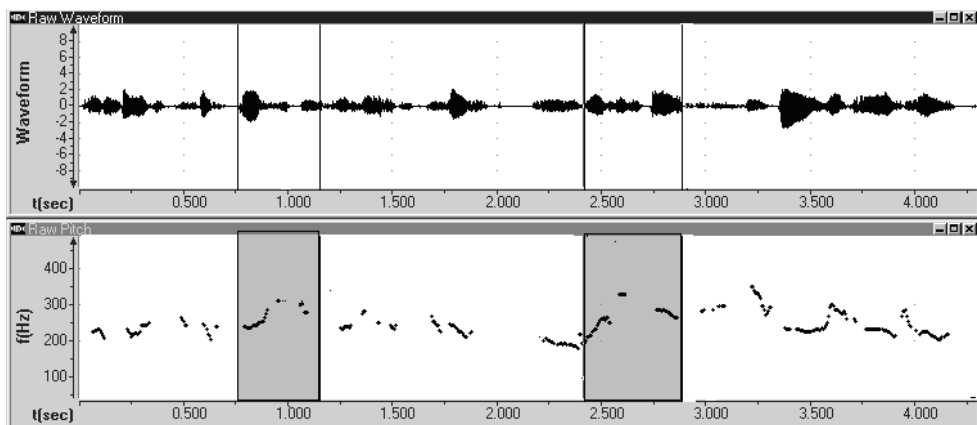

Altså sagde jeg at jeg ikke forstå russisk, og så stillede han et spørgsmål på engelsk — mmm —

Аналогично, в примере (13) рассматриваемая здесь стратегия используется тоже в контексте параллельных конструкций. Характерный плавный подъем с ровными высокими заударными фиксируется на словосочетаниях *dansk ud* ‘по-датски выгляжу’ *russisk ud* ‘по-русски выгляжу’. Подъем фиксируется на словоформе *dansk* и ударном (первом) слоге словоформы *russisk*.

- (13) *Jeg så ikke specialt dansk ud, ikke specialt*
 ‘Я так не специально как датчанка выгляжу, ни специально
russisk ud, så bare helt almindeligt ud.
 как русская, так просто совершенно обычно выгляжу’

Тонограмма 16

jeg så ikke specialt dansk ud, ikke specialt -eee- russisk ud, så bare helt almindeligt ud

Как уже говорилось выше в разделе 2.1.2.3, в датском и в русском условия употребления данной стратегии фактически совпадают. Наиболее типичный прагматический контекст — воспоминания о чередности событий. Интонационные реализации также весьма близки. Отличие состоит в том, что русская стратегия воспоминания реализуется с более существенным, чем в датском, растяжением ударного и заударных слогов акцентоносителя.

6.9. Выбор акцентоносителей. Типологические различия между датским и русским

В предыдущих разделах, посвященных анализу интонационных маркеров разнообразных коммуникативных значений в датском языке, мы оставили в стороне проблему выбора акцентоносителя в темах, ремах и в предложениях воспоминания, т. к. в выборе акцентоносителя не было принципиальных различий по сравнению с русским языком. Обратимся теперь к случаям несов-

падения принципов интонирования датских предложений и их русских эквивалентов. Наблюдается два основных типологических различия между русским и датским, которые связаны со статусом носителя коммуникативно релевантного движения тона, или акцента. Первое различие касается нерасчлененных предложений, среди которых выделяется два типа: контекстно независимый тип *Пришла весна* и контекстно обусловленный тип *〈Открой.〉 Папа пришел*. Проблеме выбора акцентоносителя в нерасчлененных предложениях посвящен подраздел 6.9.1 ниже. Второе различие связано с интонированием контрастных тем, где контрастная тема — это прилагательное в составе атрибутивной именной группы, ср. русское предложение *Его новая книга нравится мне больше предыдущей* с контрастной темой *новая*. Эта проблема рассмотрена в подразделе 6.9.2.

6.9.1. Нерасчлененные предложения (thetic)

Ожидаемого параллелизма в выборе акцентоносителя между русскими нерасчлененными предложениями типа *〈Что случилось?〉 Джон умер; 〈Тише.〉 Бабушка спит; 〈Открой.〉 Папа пришел*² и соответствующими им датскими эквивалентами не обнаруживается. Это один из нетривиальных результатов контрастивного датско-русского анализа интонации. Заметим, что между русским и английским, на материале которого задача анализа нерасчлененных предложений данного типа была поставлена впервые, наблюдается полное соответствие, т. е. правила базового выбора акцентоносителя для английского и русского формулируются практически одинаково. Эти правила, сформулированные для русского языка, можно найти выше в разделе 2.1.1.1.2.2. Контрастивный анализ выбора акцентоносителя в нерасчлененных предложениях в русском и в английском приводится в работе [Янко 2001: 196]. Приведем здесь только один английский пример и его русский эквивалент, которые в паре иллюстрируют совпадение принципов выбора акцентоносителя в английском и в русском. Акцентоносителем и в английском и в эквивалентном русском предложении служит подлежащее:

- (14) *〈— Why are you looking so glum?〉 — John died* vs.
〈— Почему ты такой мрачный?〉 — Джон умер.

Отсутствие параллелизма датского с русским и английским уже обсуждалось выше в разделе 2.1.2.4, где говорилось и о том, что, судя по тем дан-

² С некоторой долей условности мы называем нерасчлененные предложения рассматриваемого типа предложениями обоснования: *нельзя шуметь, потому что спит бабушка; я мрачный, потому что умер Джон; поскольку пришел папа, надо открыть дверь*.

ным, которые имеются в нашем распоряжении, французский язык так же, как и датский, имеет особенности в формировании предложений о причине. В данном разделе мы вновь обращаемся к этому вопросу, т. к. особая структура датских нерасчлененных предложений заслуживает специального обсуждения.

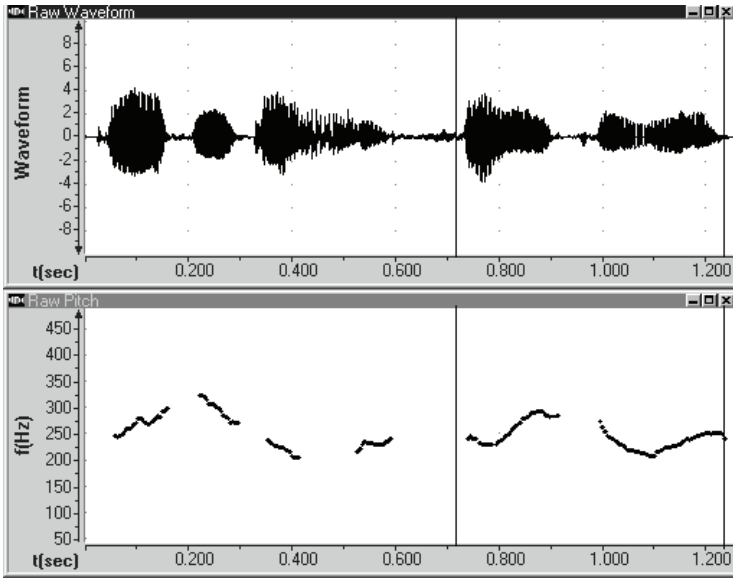
В датском языке интонация предложений рассматриваемого типа строится в соответствии с принципами 1)–3), изложенными в разделе 6.1, т. е. в полном соответствии со взглядами датской лингвистики на интонационную структуру коротких предложений. В соответствии с этими представлениями каждая тактовая группа имеет стандартную форму (как показано на рисунке 2) и на графике частоты расположена ниже предыдущей (как показано на рисунке 4). Таким образом, все тактовые группы в смысле формирования интонационного контура предложения равноправны, и, соответственно, проблемы выбора акцентоносителя в датских нерасчлененных предложениях анализируемого типа вообще не возникает. Иначе говоря, акцентоноситель в рассматриваемых примерах отсутствует: релевантным оказывается только интегральный интонационный контур предложения в целом. Это хорошо ощущается на слух, т. к. ожидаемого интонационного пика на акцентоносителях по аналогии с русскими и английскими носителями акцентов, скажем, на словоформе *papa* или словоформе *John* в примерах *Papa* *er* *kommet* и *John* *died*, не наблюдается.

Обратимся к датским примерам. На тонограммах 17–19 можно видеть практически идентичные кривые предложения (15) в независимом исполнении трех разных информантов. На тонограммах анализируемое предложение *Far er kommet* ‘Папа пришел’ выделено курсорами; начальный фрагмент примеров составляет необходимый контекст.

- (15) ⟨*Åbn døren!*⟩ *Far er kommet.*
 ‘Открой дверь. Папа пришел’

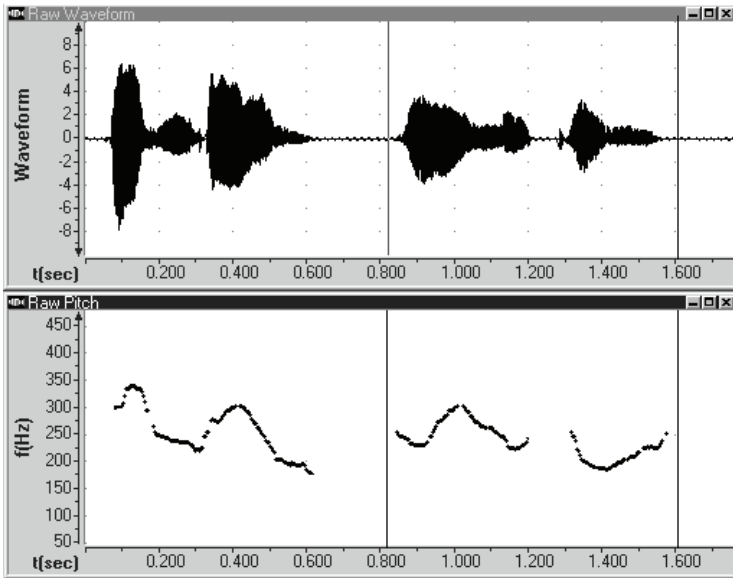
Анализируемое предложение *Far er kommet* составляют две тактовые группы, каждая из которых имеет структуру, соответствующую рисунку 2, и вторая тактовая группа расположена на графике несколько ниже первой. Специфическая кривая независимой тактовой группы датского языка «падение на ударном, плюс подъем на первом заударном, плюс падение на втором заударном слоге» реализуется здесь в первый раз на долгом гласном словоформы *far* ‘отец’ плюс фонетически примыкающая к первой атоническая словоформа *er* (форма бытийного глагола) и второй раз — на двусложной словоформе *kommet* ‘пришедший’, где наблюдается только нисходяще-восходящее движение тона, т. к. здесь только два слога. Причем на тонограммах 17 и 18 канонический контур на второй тактовой группе реализован в полном объеме, а на Тонограмме 19 начальное падение на ударном слоге едва различимо. На Тонограмме 17 представлена речь информантки М., на Тонограмме 18 — речь информантки Л., а на Тонограмме 19 — речь информанта Г.

Тонограмма 17

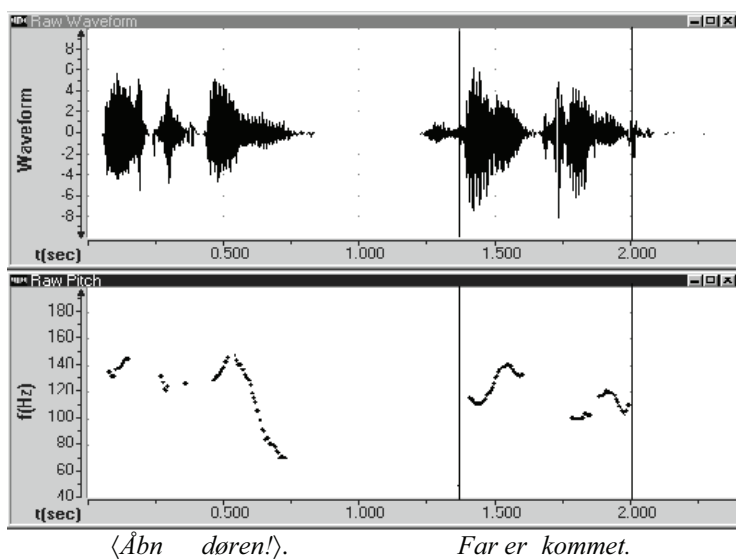
⟨Åbn døren!⟩ Far er kommet.

Тонограмма 18

⟨Åbn døren!⟩ Far er kommet.

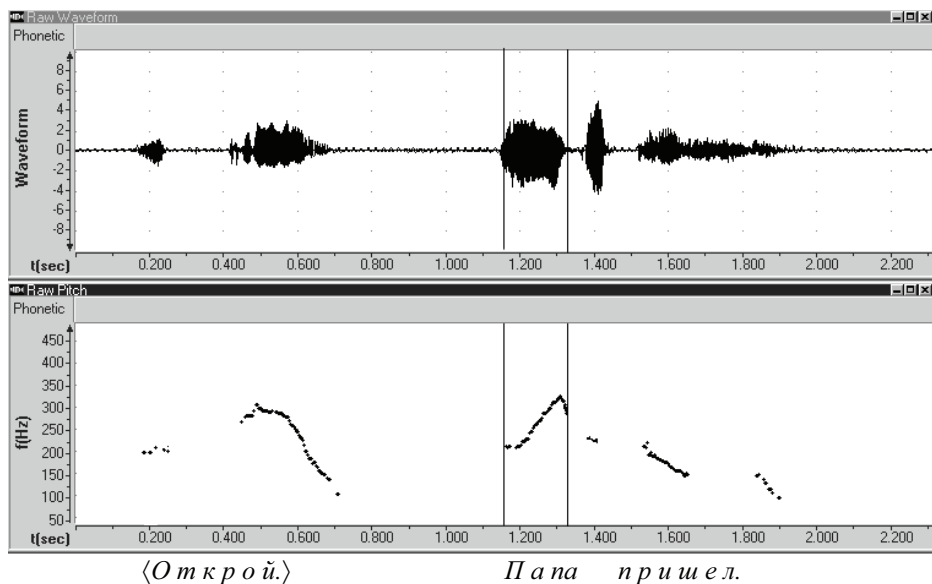
Тонограмма 19

Для сравнения на Тонограмме 20 ниже представлен русский эквивалент датского предложения (15). Этот пример уже рассматривался выше в разделе 2.1.2.4 под номером (103). В данном разделе мы повторяем его под номером (16).

(16) (Открой.) Папа пришел.

Тонограмма 20

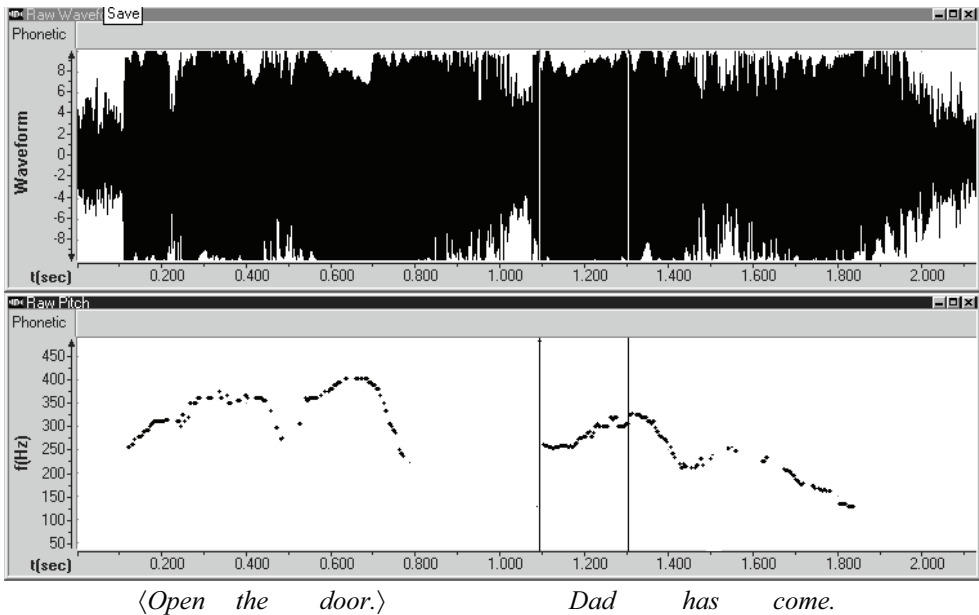

Здесь наблюдается акцентный пик на ударном слоге *na-* в словоформе *nana* (взят в курсоры), за которым следует падение на заударном *na* и последующей словоформе *пришел*. Налицо различие интонационных стратегий при произнесении нерасчлененных предложений рассматриваемого типа в датском и в русском: в русском контекст акцентоносителя редуцируется, а в датском все тактовые группы предложения фактически равноправны.

Английский язык в данном отношении следует той же стратегии, что и русский. Обратимся к английскому эквиваленту предложения (16) предложению (17). Курсорами выделена словоформа *dad*.

(17) *<Open the door.> Dad has come.*

Тонограмма 21

Так же как и в русском, в английском языке ударный слог несет на себе подъем, а заударные слоги отмечены явной редуцией.

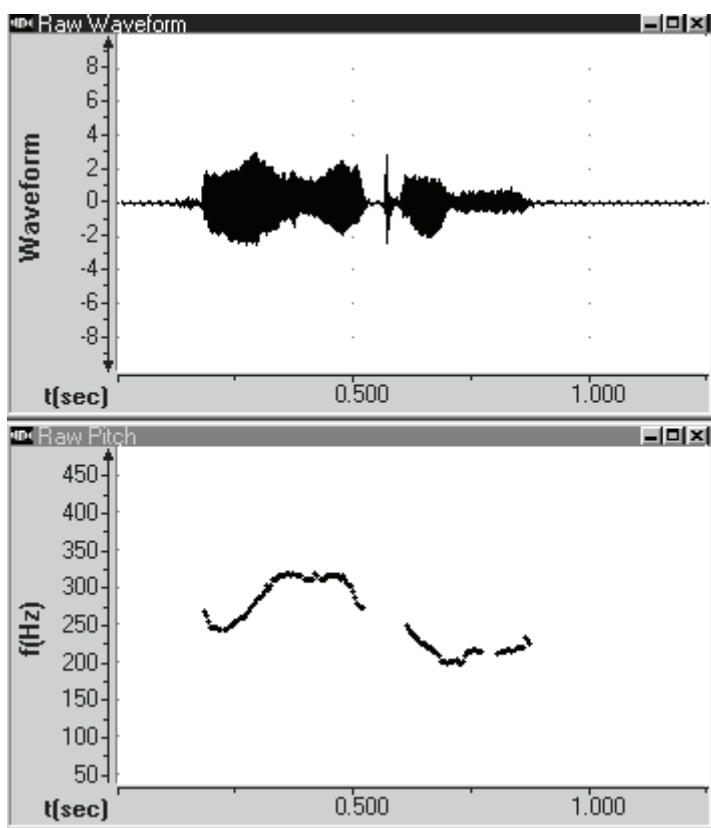
Вернемся к датскому языку. Рассмотрим контекстно независимое нерасчлененное предложение (18). Такое предложение может служить подписью к картинке или заголовком текста, т. е. оно может выступать в абсолютном употреблении.

(18) *Foråret er kommet.*

Весна есть пришедшая
'Пришла весна'

Здесь перед нами опять же типичная интонационная структура, состоящая из двух последовательно — с уклоном вниз — расположенных тактовых групп «падение на ударном — подъем — падение». Первая тактовая группа реализует полную структуру, вторая тактовая группа в силу объема сегментного материала реализует тоновую структуру «падение на ударном — подъем на заударном», см. Тonoграмму 22.

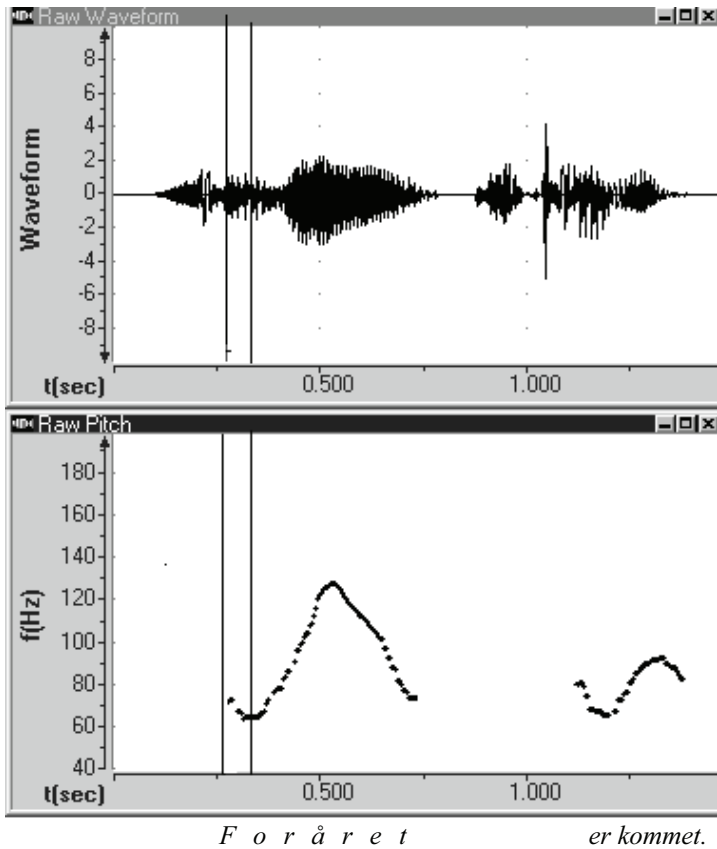
Тonoграмма 22

Foråret er kommet.

На Тonoграмме 23 ниже представлено то же предложение в исполнении диктора Г. Здесь мы также видим каноническую структуру. Отличительная черта данного произнесения состоит в том, что на начальное падение приходится очень небольшой фрагмент сегментного материала: вслед за падением ударный слог очень быстро идет на подъем. Нисходящий фрагмент первого ударного слога взят в курсоры. Интересно также, что атоническое слово *er* (форму бытийного глагола) диктор фонетически присоединяет к словоформе *kommet*.

Тонограмма 23

Сравнивая примеры (15) и (18), можно заметить, что в датском языке нерасчлененные предложения обоснования и контекстно независимые нерасчлененные предложения следуют одной и той же интонационной стратегии, принятой в работах по датской интонации за универсальную. В датском языке, в отличие от русского и английского, эта стратегия не соотносится с выбором какого бы то ни было акцентоносителя.

Итак, можно заключить, что в датском языке интонационное различие между нерасчлененными предложениями обоснования и контекстно независимыми предложениями отсутствует. Между тем интонационная структура, которая в датской интонологии принята за универсальную, таковой не является, т. к. она обслуживает только коммуникативно нерасчлененные предложения, тогда как членение на тему и рему, как мы надеялись показать выше в разделах 6.2—6.6, в датском языке тоже представлено.

6.9.2. Выбор акцентоносителя в контрастных атрибутивных темах с контрастом на прилагательном

Другое важное различие, существующее между датским и русским, касается интонирования атрибутивных тем с контрастом на прилагательном. Различие явно ощущается на слух и состоит в отсутствии в датском языке редукции слогов, следующих за контрастно выделенным. В русском же языке вслед за контрастной темой следует интонационный спад, проявляющий себя в пониженной интенсивности и в низком уровне частоты. Так, в датском эквиваленте русского примера *Ego новая книга нравится мне больше предыдущей* акцент принимают оба компонента контрастной темы — эквивалент контрастной темы *новая* и эквивалент опорной словоформы (синтаксической вершины) *книга*. Природа этих акцентов различна, но перцептивный эффект состоит в том, что обе словоформы — и эквивалент словоформы *новая*, и эквивалент словоформы *книга* — на слух воспринимаются как акцентно выделенные. Возникает вопрос: как определить специфику этих акцентов?

Контрастные темы с акцентом на прилагательном уже обсуждались выше в разделе 2.1.1.2.1, где в сравнении с обследованными европейскими языками была продемонстрирована специфика русского языка, которая состоит в редукции синтаксической вершины, следующей за акцентно выделенной контрастной темой. Для датского, польского и французского подобная редукция нехарактерна. Английский язык тоже не достигает такой степени заударной редукции, как русский. Обратимся к датским данным и рассмотрим сопоставительный материал более детально. Предложение (19) уже анализировалось в данном разделе выше под номером (4) с точки зрения выражения контрастной темы в датском языке. Здесь мы снова обращаемся к нему в связи с анализом статуса словоформы, следующей за контрастно выделенной.

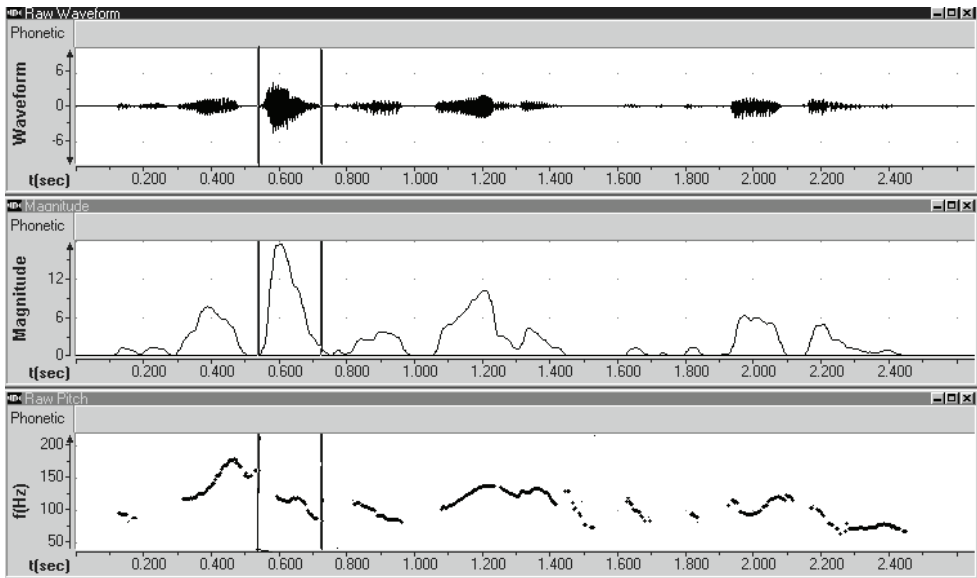
(19) *Hans nye bog kan jeg bedre lide end den foregående.*

Его новая книга могу я больше любить чем та предыдущая
‘Его новая книга нравится мне больше предыдущей’

Рассмотрим графики, отражающие произнесение примера (19) информантом Г., ср. Тонограмму 24.

Как показывает кривая частоты, контрастная тема *nye* ‘новая’ выделена восходящим тоном с большим перепадом частот, ср. Тонограмму (24). На словоформе же *bog* ‘книга’ (выделена курсорами) тонального выделения нет. Однако на слух словоформа *bog* ощущается как интонационно маркированная. Средством выделения здесь служит подъем интенсивности на словоформе *bog*: на графике интенсивности на эту словоформу приходится пик интенсивности. График интенсивности расположен между осциллограммой и тонограммой. В примере (19) пик интенсивности приходится на звонкую словоформу *bog* [bou],

Тонограмма 24

Hans nye bog kan jeg bedre lide end den foregående.

поэтому можно предположить, что в данном случае график интенсивности достаточно достоверен. (Напомним, что на глухом сегментном материале показатели интенсивности могут искажаться ([Венцов 2003] и [Кодзасов 2003]).) Кроме того, подъем интенсивности здесь находится именно на том месте, где он явственно вычлняется на слух. Таким образом, данные об интенсивности — это основное, что документально подкрепляет наши перцептивные впечатления.

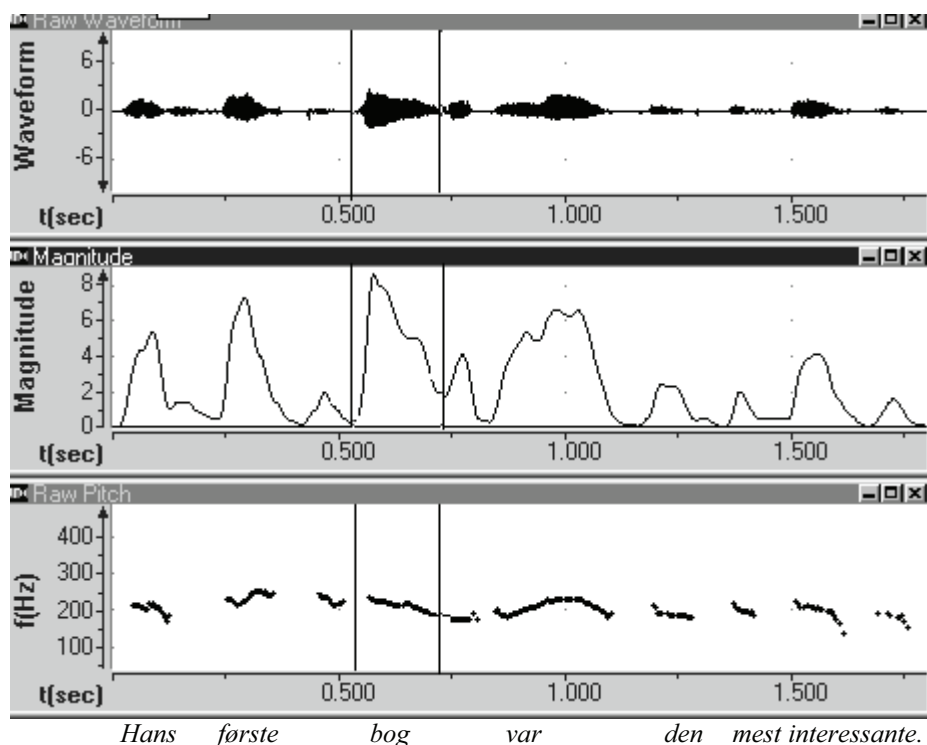
В примере (20) в произнесении другого независимого информанта мы находим аналогичную картину. В контексте контраста на прилагательном *første* в именной группе *første bog* ‘первая книга’ синтаксическая вершина *bog* также оказывается на пике интенсивности, см. Тонограмму 25.

(20) *Hans første bog var den mest interessante.*
 ‘Его первая книга была самая интересная’

Перейдем к предложению (21) с контрастной темой *amerikanske*. На Тонограмме 26 (с. 285) акцентный пик приходится на синтаксическую вершину *vine* ‘вина’: здесь мы видим одновременно и существенное изменение частоты основного тона, и повышение длительности, и абсолютный пик интенсивности (речь информантки М.).

(21) *Af amerikanske vine foretrækker han de kaliforniske.*
 ‘Из американских вин предпочитает он калифорнийские’

Тонограмма 25

И наконец, на Тонограмме 27 на с. 286 при произнесении того же предложения особого пика интенсивности на *vine* 'вина' нет: его отсутствие компенсируется тональным акцентом и очевидной продленной длительностью. Здесь перед нами классическая датская тактовая группа (см. рисунок 2), реализованная в большом диапазоне частот. На тонограмме словоформа *vine* выделена курсорами; произнесение информанта Г.

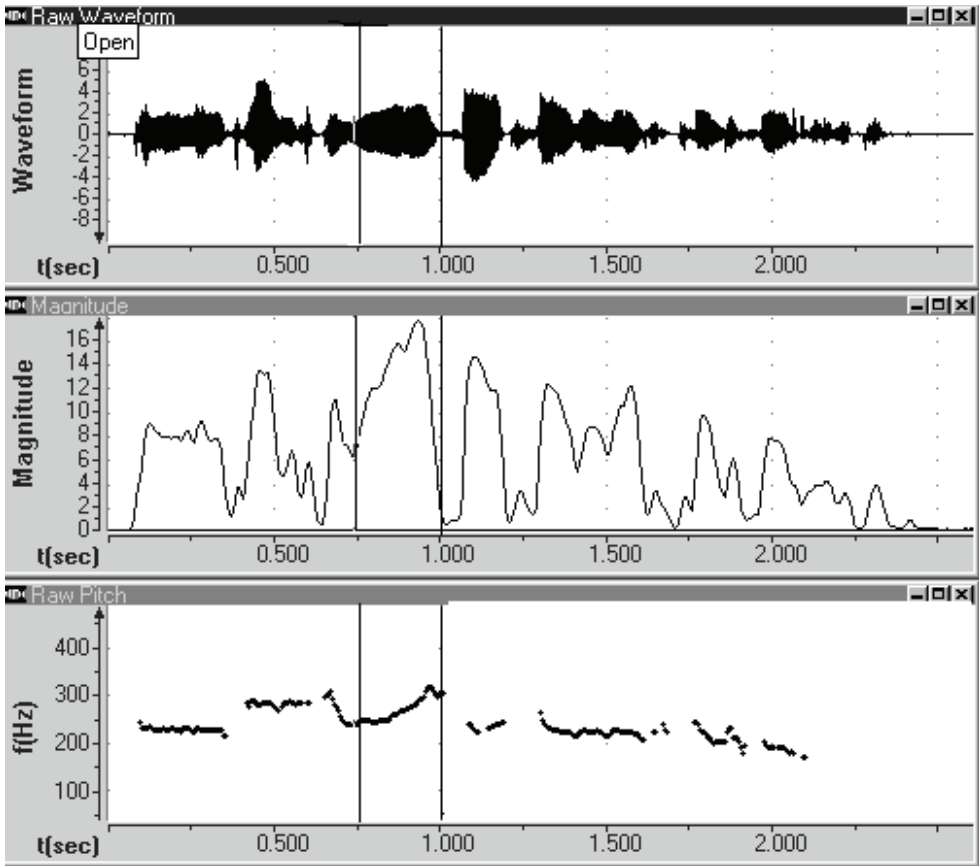
Рассмотрим для сравнения русский эквивалент датского предложения (20) предложение (22).

(22) *Его первая книга была самая интересная.*

Здесь, как мы видим, на ударном слове словоформы *книга* (выделен курсорами, см. Тонограмму 28 на с. 287) наблюдается явный спад: слог произносится на низких частотах и с небольшой интенсивностью.

Английский пример (23), также уже приводившийся выше в разделе 2.1.1.2.1 под номером (61), опять же ближе к русскому, чем к датскому, ибо словоформа *book* 'книга' (взята в курсоры, см. Тонограмму 29 на с. 288) про-

Тонограмма 26

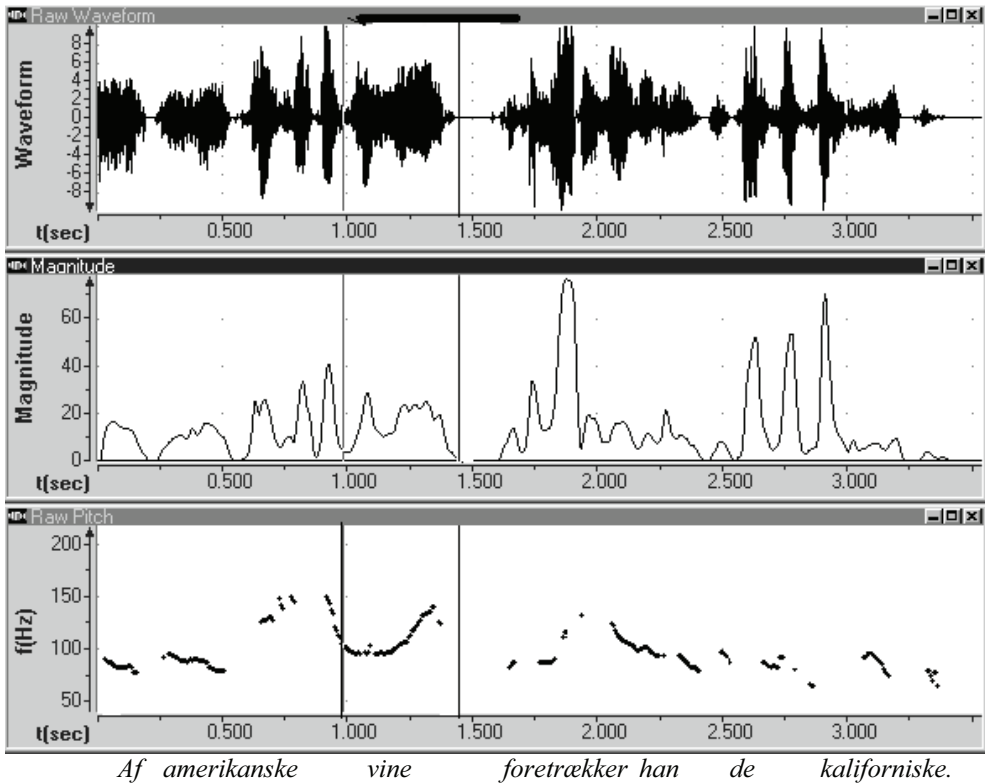

Af amerikanske vine foretrækker han de kaliforniske.

износится на низких частотах и перепад частот между контрастной темой и соответствующей синтаксической вершиной очень существен. На слух словоформа *book* не воспринимается как несущая какое бы то ни было выделение.

- (23) *His first book was the best.*
 ‘Его первая книга была лучшая’

В результате можно заключить, что в датском языке при реализации контрастной темы-прилагательного в контексте атрибутивной именной группы интонационному выделению подвергаются оба компонента именной группы: и прилагательное, играющее роль контрастной темы, и существительное, служащее синтаксической вершиной. При этом контрастная тема неизменно выражается подъемом тона с существенным перепадом частот, а существитель-

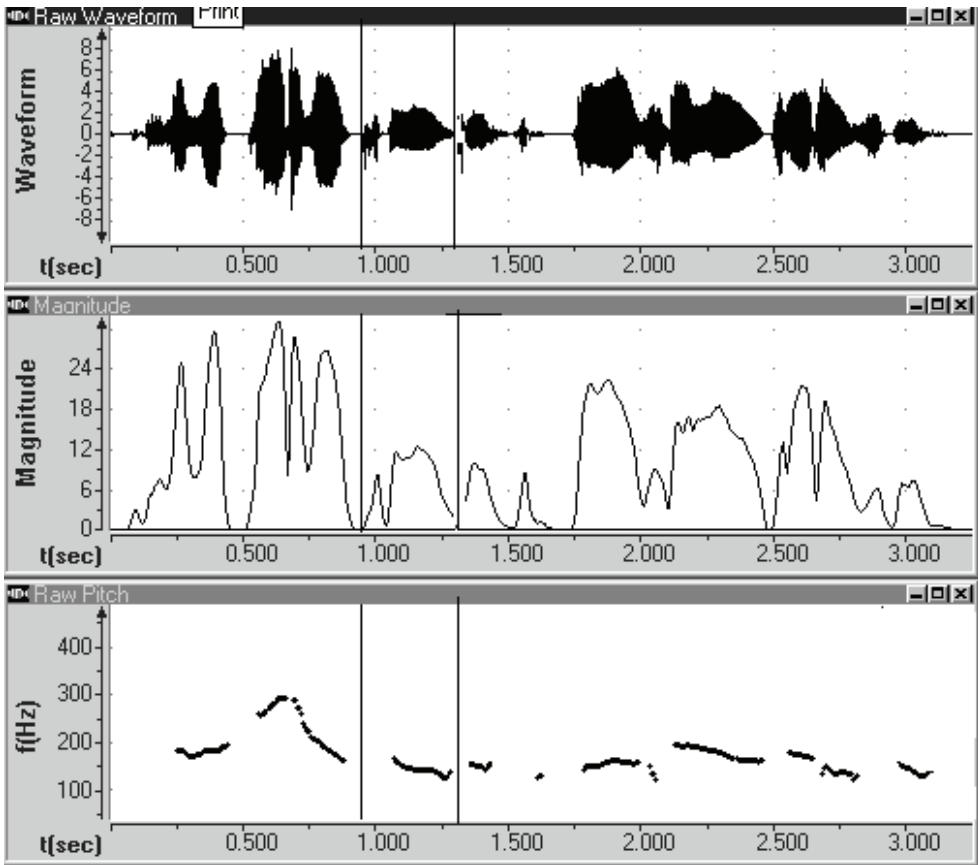
ное выделяется повышением интенсивности и / или тонально. В этом мы видим существенное отличие от русского языка, в котором за контрастной темой неминуемо следует спад интенсивности и понижение тона.

6.10. Выводы

Контрастивный анализ датской и русской интонации (с отдельным привлечением английских данных) подтверждает выводы датских интонологов о структуре датских коротких предложений, где интонация формирует предложение в целом и где тональный контур предложения не связан с каким бы то ни было акцентоносителем, характерным для русского (или английского) языка.

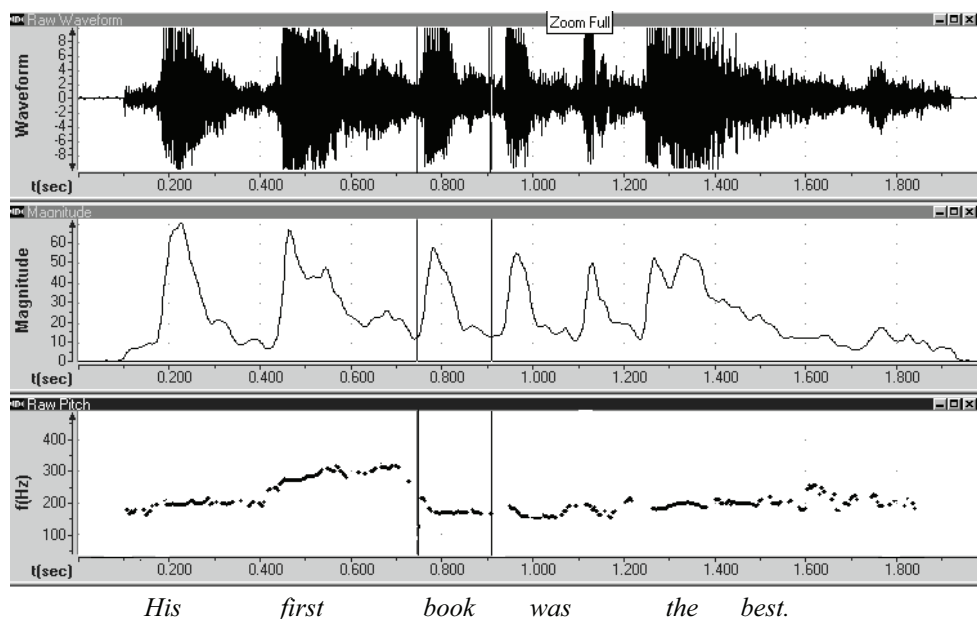
Между тем, оказывается, что структура рассматриваемого типа (см. рисунок 4), которая в датском языке принята за универсальную, характеризует только нерасчлененные предложения. Не случайно датские интонологи обычно признают, что выдвигаемые ими общие принципы приложимы к анализу

Тонограмма 28

Его первая книга была самая интересная

только коротких предложений. С длиной предложения — не прямо, а косвенно — может быть связана и его коммуникативная атрибуция, потому что нерасчлененные предложения статистически часто короткие, а расчлененные — более длинные. Поэтому может возникнуть представление о том, что основной характеристикой объекта анализа было то, что предложения были короткие. Между тем конституирующим признаком могло оказаться не то, что анализировались короткие предложения, а то, что они не были расчленены на тему и ремю. Однако членение на тему и ремю в предложениях различной длины в датском языке тоже представлено, и оно имеет соответствующие средства выражения. Контрастивный анализ датского и русского материала и использование в качестве отправной точки исследования системы коммуникативных значений, принятой за исходную (предположительно — в типоло-

гическом смысле универсальную), показывает, что литературный датский (копенгагенский) диалект имеет тональные средства для выражения темы, ремы, а также композиций темы и ремы с контрастом и эмфазой.

Далее, в датском языке контур коротких предложений характерен не только для максимально независимых от контекста предложений типа *For-året er kommet* 'Пришла весна', но и для контекстно обусловленных предложений обоснования типа *⟨Åbn døren!⟩ Far er kommet* '⟨Открой,⟩ папа пришел'. В русском и в английском, на материале которого задача анализа такого рода предложений была поставлена впервые, этот последний тип имеет особые тональные средства и связан с жестким выбором акцентоносителя.

Что касается датских предложений, которые интерпретируются как расчлененные на тему и рему, выяснилось, что коммуникативно релевантные движения тона накладываются на сегментный материал не случайно, а связаны с определенными носителями акцентов. Выбор носителей акцентов в целом следует тому же механизму, который реконструируется и для русского языка (см. раздел 2.1.1.1.2), поэтому в данном разделе на принципах выбора акцентоносителя мы специально не останавливались. Были рассмотрены только случаи расхождения между датским и русским (и английским, который в этом отношении оказался ближе к русскому, чем к датскому). Эти различия связаны с интонированием нерасчлененных предложений обоснования

(«Открой,» *papa* пришел) и атрибутивных синтагм с контрастом на прилагательном (*Ego* новая книга *⟨нравится мне больше предыдущей⟩*).

При анализе датской интонации были обнаружены не только системные интонационные средства, такие как выражение тем, рем, контрастных и эмфатических тем и рем и средства указания на незавершенность текста, но и одно из уникальных — не-системных — интонационных явлений. Это интонация воспоминаний о чередующихся друг друга однотипных событий.

Можно заключить, что датский язык в его литературном (копенгагенском) варианте располагает средствами для выражения целого спектра коммуникативных, т. е. формирующих речевые акты и дискурс, значений: темы, ремы, контраста, эмфазы, текстовой незавершенности и режима воспоминаний.

Заключительные замечания

Перейдем к подведению итогов.

Контрастивный анализ интонации предложения показывает, что коммуникативные значения, для которых интонация служит основным средством выражения и которые как система первоначально были выделены на материале одного языка — русского, представлены во всех исследованных языках: английском, французском, немецком, польском и датском. Более того, и сами средства выражения системных значений обнаруживают известную близость. Поэтому одной из целей данного исследования было обнаружить точки расхождения между русским и другими языками при выражении системных значений. Что касается не системных — уникальных — коммуникативных значений, то известная близость по языкам обнаруживается и здесь. Нетривиальные результаты при исследовании системных значений состоят в обнаружении расхождений, а при исследовании уникальных значений — в обнаружении точек сходства.

Исследовалась интонация предложения и интонация текста, нарративного и — фрагментарно — диалогического. При анализе стратегий незавершенности нарративного текста мы надеялись дать по возможности полный список таких стратегий для русского языка в сопоставлении с другими языками, а при анализе диалогического текста достижение существенной полноты не входило в задачи работы. Это связано не только с неполнотой данного исследования, но — прежде всего — с особенностями монологической и диалогической речи. Диалогические реплики представляют собой в существенной степени открытый список акцентных клише, а монологический текст удается описать системно. Вторая задача более обозрима и с научной точки зрения для нас наиболее интересна. Она была основной целью данной работы. Пополнение же списка уникальных иллокутивных актов — дело будущего.

Классификации значений, имеющих интонационные средства выражения по признакам «системное vs. уникальное», «локальное (формирующее предложение) vs. дискурсивное (создающее текст)» и «речеактообразующее vs. модифицирующее», был посвящен раздел 1.

Интонация предложения отражена в разделе 2. Основные результаты таковы. Системные различия, обнаруженные в языках, состоят, во-первых, в

разнообразии средств выражения темы, которыми характеризуются прежде всего английский и французский языки. Средства выражения ремы менее разнообразны. Во всех языках тема может выражаться подъемом на ударном слоге акцентоносителя темы. Между тем для французского и, особенно, для английского достаточно частотной можно считать тему, которая выражается комбинацией восходящего и нисходящего тонов, причем нисходящее движение тона фиксируется на ударном слоге словоформы акцентоносителя темы. Восходящий тон может фиксироваться на слоге многосложного акцентоносителя темы, несущем вторичное ударение, или на начальной словоформе более чем двусловной темы. Восходящий тон здесь предшествует нисходящему. Следовательно, тема завершается падением тона и, соответственно, имеет акцентную структуру законченного предложения. Для польской темы весьма характерным средством выражения служит нисходяще-восходящий акцент типа русского ИК-4 на акцентоносителе темы. Для темы в русском языке такой акцент не характерен. Исключение составляют темы, отягощенные дополнительными значениями, например, включенные в текст, который излагается с использованием специальной стратегии «рассказа по порядку», т. е. когда говорящий заранее планирует (или делает вид, что планирует) и упорядочивает (логически или во времени) этапы изложения. Кроме того, акцент ИК-4 могут также принимать темы в контексте возражения слушающему или, наоборот, решительного присоединения к его точке зрения, а также кокетства. Включенность в педантичный рассказ по порядку, а также в контекст кокетства и возражения в рамках не только рем, но и тем могла бы свидетельствовать об открытии нового — по сравнению с контрастом, верификацией и эмфазой — модифицирующего значения, если бы эти значения имели в русском языке более частотный характер.

Аналогичное перформативное значение апелляции к слушающему в форме заигрывания, возражения, настойчивого призыва к вниманию имеется в английском языке, где в рамках тем и рем оно имеет существенно более широкое распространение, чем ИК-4 в русском языке. Акцент, выражающий это значение в английском языке, характеризуется как подъем, плюс падение, плюс подъем ($L^*+HLN\%$ в терминах Пьерхамберт), причем первый подъем здесь приходится на ударный слог или его начало, если ударный слог в словоформе-акцентоносителе последний или единственный. Это значение имеет все основания претендовать на статус одного из модифицирующих значений. Принципиальное отличие перформативной апелляции к слушающему в английском языке от других модифицирующих значений в плане выражения состоит в том, что как в рамках ремы, так и в рамках темы (т. е. в начале предложений, где в финале есть ремы) это значение имеет одинаковые средства выражения. Таким образом, апелляция к слушающему уподобляет тему ре-

ме, делая ее коммуникативно и фонетически автономным компонентом предложения.

Другое нетривиальное различие в языках составляет оформление контрастных тем с контрастом на прилагательном. Так, в предложении *Его первая книга была самая интересная* с контрастом на *первая* для русского языка характерен тональный пик на *первая*, за которым следует акцентный спад (редукция) на опорной словоформе словосочетания — *книга*. Словоформа *книга* реализуется в аллегровом темпе, на низком тоне и с низкой интенсивностью. Среди других языков известной степенью редукции опорной словоформы, но не столь сильной, как в русском, характеризуется только английский язык. Во всех остальных рассмотренных языках корреляты словоформы *книга* выделены если не тонально, то другими средствами, например интенсивностью, и это отличие от русского явственно ощущается на слух.

Еще одно нетривиальное различие по языкам наблюдается в области нерасчлененных предложений о причине (thetic) типа *〈Открой.〉 Папа пришел* (англ. *〈Open the door.〉 Dad has come*) с тональным пиком на *papa (dad)* и редукцией на *пришел (has come)*. Наши исследования показывают, что в датском и — предположительно — во французском языке предложения такого интонационного типа вообще отсутствуют. Соответствующая семантика выражается в этих языках другими средствами.

И наконец, нетривиальная черта всех языков, выявленная при контрастивном анализе, это редкое единообразие при выражении эмфазы, как в сочетании с ремой, так и с темой, а также с вопросительным компонентом *да-нет*-вопроса. Особенность эмфазы по сравнению с другими коммуникативными значениями, имеющими интонационные средства выражения, состоит в том, что теоретически полный список признаков эмфазы не всегда реализуется в конкретных примерах во всем объеме. Полнота реализации признаков эмфазы согласована со степенью эмфатичности высказывания. В нашей базе данных во всей полноте признаки эмфазы содержали только два примера, реально прозвучавшие в спонтанной речи говорящих, а также специально произнесенные — подготовленные — лабораторные примеры. Таким образом, параметры эмфазы включают не пересечение, а объединение — сумму — множеств признаков, которыми в разной степени обладали различные примеры и — во всей полноте — «идеальный» лабораторный образец.

Интонации текста был посвящен раздел 3. Наши исследования показывают, что связность нарратива может не иметь отдельных средств выражения и комбинироваться с коммуникативными значениями, формирующими сообщение как речевой акт, такими как тема и рема. Кроме того, связность текста может иметь и аналитический способ выражения, при котором рема и незавершенность имеют отдельные акцентоносители, как в предложении связ-

ного текста *Я тогда пиджак ↘ снял ↗ ...* с падением частоты основного тона на *пиджак* и подъемом на *снял*, где словоформа *пиджак* служит акцентоносителем ремы, а *снял* — отдельным акцентоносителем незавершенности. Такой способ выражения незавершенности, если судить по нашим данным, представлен только в русской разговорной речи. В других обследованных языках этот способ отсутствует. Однако в композиции с контрастом способность языков к анализируемости повышается. Так, в английском и в польском языках в контексте контраста контрастная рема и незавершенность тоже выражаются автономно, т. е. у контрастной ремы и у незавершенности имеются отдельные акцентоносители. На первом месте в цепочке акцентоносителей располагается акцентоноситель контрастной ремы, а на втором — акцентоноситель незавершенности, который выбирается в соответствии с принципом выбора акцентоносителя в условиях, как если бы контраста в предложении не было, т. е. «дефолтным» образом. Так, в английском примере из радиointервью: *(When I came across buddhism ↘ ↗ I looked through the book of Jack Kerouac ↘ ↗, books ↘ of Jack Kerouac ↘ ↗, (and unexplored zen ↘ ↗ ...)* во фрагменте текста *books ↘ of Jack Kerouac ↘ ↗* словоформа *books* — это контрастная рема (потому что одна книга противопоставлена здесь многим книгам), а словоформа *Kerouac* — акцентоноситель незавершенного текста. Акцентным показателем контрастной ремы здесь служит нисходящий акцент (знак ↘), а показателем незавершенности — нисходяще-восходящий акцент (знак ↘ ↗).

Раздел, посвященный незавершенности текста, дает предположительно полный список стратегий незавершенности, разработанных русским языком, с параллелями из других языков. Из всех обследованных языков, судя по нашим данным, способность к развитию аналитических конструкций незавершенности у русского языка наибольшая.

Контрастивный анализ позволяет в четвертой главе, посвященной русским интонационным инновациям, которые наблюдаются в речи деятелей массовой коммуникации, высказать гипотезу о возможном воздействии на русскую речь наиболее влиятельного в современном мире английского языка. Кроме того, в этой главе выделены и собственно русские интонационные модели, которые могут служить образцом для развития по аналогии. Основным же — и непредвиденным — результатом, полученным в четвертой главе, а также и существенным результатом этой книги в целом оказалось следующее. Исходная — достаточно частная — задача анализа ненормативных явлений в интонации вообще и в области выбора акцентоносителей коммуникативно релевантных интонационных пиков в частности вывела нас на важный глобальный факт: в русском языке, кроме базового принципа выбора акцентоносителя, есть и другие принципы. Базовый принцип выбора акцентоносителя состоит в том, что акцентоноситель выбирается в соответствии с двумя

основными синтаксическими иерархиями. В соответствии с иерархией именных и глагольных групп в синтаксической составляющей выбирается приоритетная группа, которая содержит в себе акцентоноситель или сама служит акцентоносителем. Затем, если приоритетная группа имеет внутреннюю структуру, т. е. представляет собой атрибутивную или сочиненную группу, то в рамках такой группы в соответствии с другой синтаксической иерархией, которая упорядочивает зависимые и вершинные группы, выбирается акцентоноситель внутри атрибутивных и сочиненных групп. Так, в предложении *Вася любит писать друзьям длинные письма на десяти страницах* в качестве приоритетной именной группы выбирается аккузативное дополнение *длинные письма на десяти страницах*, а затем в ней в качестве акцентоносителя выбирается синтаксическая вершина несогласованного определения *на десяти страницах* — словоформа *страницах*. При изменении порядка слов в теме или в реме акцентоноситель темы и ремы сохраняется. Так, в предложении с той же лексико-синтаксической структурой, но с другим порядком слов внутри ремы акцентоноситель тот же. Это словоформа *страницах*: *Вася любит друзьям длинные письма на десяти страницах писать*.

Между тем исследования акцентных аномалий показывают, что в русском языке имеются собственно русские не только аномальные, но и вполне нормативные модели, которые сами следуют не базовому выбору акцентоносителя, а другим принципам. Так, оказалось, что в рамках обращений русский язык использует не базовый, а линейный принцип выбора акцентоносителя. Например, при апелляции к слушающему, который находится близко от говорящего, акцентируется первая словоформа имени или титула слушающего. Так, при обращении к Марии Ивановне мы говорим: *Марья Ивановна, пойдете в кино!* с акцентом на словоформе *Марья*, при том что базовый принцип предписывает выбор в качестве акцентоносителя словоформы *Ивановна* (ср. *Пришла Марья Ивановна* с акцентом на *Ивановна*). В рамках же особых типов речевых актов — упреков, молений, подчеркнуто вежливых просьб — русский язык тоже может отходить от базового принципа выбора акцентоносителя и использовать еще один принцип, который мы здесь назвали иллюкутивным и который требует ударности иллюкутивного показателя — вопросительного слова в вопросительном предложении и глагола в повелительном наклонении — в императиве: *Ну когда придет Наташа?* (ср. вне контекста упрека *Когда придет Наташа?* с акцентоносителем *Наташа*); *Ну идите же домой* (ср. *Мы пойдём домой*).

В разделе 5, посвященном специфическому восходяще-нисходяще-восходящему акценту (L*+HLH%) английского языка, который отсутствует в других языках, удастся использовать анализ русского акцента ИК-4, по Е. А. Брызгуновой, и предположить у английского акцента ряд функций, ана-

логичных русскому ИК-4 и состоящих в выражении перформативного значения апелляции к слушающему, которое характеризует живую заинтересованную диалогическую речь.

И наконец, в разделе 6, посвященном датскому языку, было показано, что, вопреки устоявшемуся в датской лингвистике представлению о чисто формальном характере датской интонации, оформляющей предложение в целом, коммуникативное членение на тему и ремю, в частности, в композиции с контрастом и эмфазой, датскому языку тоже не чуждо. Нетривиальные совпадения русского с датским, а также и с другими исследованными языками лежат в области интонационного оформления некоторых уникальных типов иллюкций и стратегий дискурсивной незавершенности, например, при интонационном выражении воспоминаний, ментального поиска и погружения в мечты.

Одна из основных перспектив данной работы сейчас видится в разработке языка для анализа наиболее абстрактных перформативных значений, которые выражаются интонационно. Эта проблема с особой остротой встала в четвертой главе при анализе специальных типов речевых актов — упреков, команд, идентификаций и вежливых обращений — в которых по сравнению с не отягощенными этими значениями сообщениями и императивами происходит перенос акцентоносителя с имени на глагол (*Зайдите к начальнику!* (ср. *Мы зашли к начальнику*)), с фамилии на имя (*Вы меня не узнаете? Я же Вася Иванов* (ср. *Меня зовут Вася Иванов*)), с отчества на имя (*Ну Галина Петровна!* (ср. *Меня зовут Галина Петровна*)) и с определяемого слова на согласованное определение (*Молодой человек! Купите букетик* (ср. *Галину Петровну провожал молодой человек*)). В результате анализ типов переноса акцента можно считать завершенным, а задача разработки языка описания семантических типов речевых актов, в которых он происходит, еще ждет своего разрешения. Второй раз аналогичная задача встала в пятой главе при анализе типов перформативных значений апелляции говорящего к слушающему — при выражении нетерпения, удивления, ожидания возражений. Особенность семантики речевых актов составляют крайне абстрактные языковые значения, которые требуют дополнительного анализа и разработки метаязыка для их описания.

Другую перспективу данному исследованию составляет расширение списка языков — объектов контрастного анализа.

Литература

- Адамец 1978 — *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Praha, 1978. (Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX).
- Апресян 1997 — *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Гловинская М. Я., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Крылова Т. В. М., 1997. С. XVI—XXXIV.
- Арутюнова 1983 — *Арутюнова Н. Д.* Коммуникативные формы бытийных предложений // *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983. С. 53—93.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 7. С. 263—275.
- Баринова 1973 — *Баринова Г. А.* Некоторые особенности интонации разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973. С. 129—150.
- Брызгунова 1984 — *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской разговорной речи. М., 1984.
- Брызгунова 2006 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // Энциклопедический словарь юного лингвиста. М.: Флинта-Наука, 2006. С. 167—169.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Венцов 2003 — *Венцов А. В.* Что такое «скрытая фонетика» // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 4. С. 33—44.
- Венцов, Фужерон 2004 — *Венцов А. В., Фужерон И. И.* Исследование мелодических изменений в речи: восприятие общего вопроса // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004. С. 216—237.
- Голанова 1993 — *Голанова Е. И.* Устная публичная речь. Жанр публичной лекции // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 137—157.
- Ермакова, Земская 1993 — *Ермакова О. П., Земская Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 30—64.
- Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Иванова-Лукьянова 1989 — *Иванова-Лукьянова Г. И.* Суперсегментная фонетика в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 33—43.

- Иванова-Лукьянова 2004 — *Иванова-Лукьянова Г. И.* Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учеб. пособ. М., 2004.
- Йокояма 2003 — *Йокояма О. Ц.* Нейтральная и не-нейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций // *Вопр. Языкознания.* 2003. № 5. С. 99—122.
- Кацнельсон 1972 — *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кибрик, Подлеская 2003 — *Кибрик А. А., Подлеская В. И.* К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // *Научно-техническая информация.* Сер. 2. 2003. № 10. С. 5—12.
- Китайгородская, Розанова 1995 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.
- Князев, Пожарицкая 2005 — *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия: Учеб. пособ. для вузов. М., 2005.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Ковтунова 1979 — *Ковтунова И. И.* Структура художественного текста и новая информация // *Синтаксис текста.* М., 1979. С. 261—275.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* Перформативность и интонация // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989. С. 216—226.
- Кодзасов 1993 — *Кодзасов С. В.* Интонация предложений с дискурсными словами. Группы: едва, действительно, вообще, совсем, прямо // *Баранов А. Н., Плузьян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. С. 182—204.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О семантике одного акцентного различия // *Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова).* М., 1995. С. 229—235.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // *Просодический строй русской речи.* М., 1996. С. 181—199.
- Кодзасов 1998 — *Кодзасов С. В.* Просодия обращения // *Язык: изменчивость и постоянство.* М., 1998. С. 149—163.
- Кодзасов 2003 — *Кодзасов С. В.* Проблемы исследования просодии // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 2003. Т. 62. № 4. С. 45—55.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики.* М., 1977. С. 180—209.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Система русских интонационных единиц // *Общая фонетика.* М., 2001. С. 392—398.
- Крейдлин 1975 — *Крейдлин Г. Е.* Лексема ДАЖЕ // *Семиотика и информатика.* Вып. 6. М., 1975. С. 101—115.
- Крейдлин 2000 — *Крейдлин Г. Е.* *Голос и тон* в языке и речи // *Язык о языке.* М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 453—501.
- Кривнова 2007 — *Кривнова О. Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования): Автореф дис. ... докт. филол. наук / МГУ. М., 2007.

- Лобанов, Цирульник, Жадинец, Piorkovska 2005 — Лобанов Б. М., Цирульник Л. И., Жадинец Д. В., Piorkovska B. Реализация межъязыковых различий интонации завершенности и незавершенности в синтезаторе русской и польской речи по тексту // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2005 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Звенигород, 2005. С. 356—362.
- Логинава 2002 — Логинава И. М. Интонационное выражение семантики 'начала' и 'конца' в русском высказывании // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002. С. 321—333.
- Мартемьянов 1970 — Мартемьянов Ю. С. К описанию текста: язык валентно-юнктивно-эмфазных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. 1970. С. 89—116.
- Мартемьянов 1971 — Мартемьянов Ю. С. К описанию текста: язык валентно-юнктивно-эмфазных отношений (продолжение) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. 1971. С. 43—70.
- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
- Николаева 1981 — Николаева Т. М. Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 1. С. 27—36.
- Николаева 1982 — Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
- Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М., 1985.
- Падучева 1984 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1984. № 10. С. 25—31.
- Падучева 1989 — Падучева Е. В. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики: Семиотические исследования. М., 1989. С. 18—29.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 18—29.
- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Давно и долго // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 253—266.
- Палько 2006 — Палько М. Л. Интонационные средства выражения коммуникативных значений: русский vs. немецкий языки // Вопр. филологии. 2006. № 6. С. 72—78.
- Ратмайр 2002 — Ратмайр Р. Лингвистические задачи изучения межкультурной коммуникации (на материале деловых переговоров) // Рус. яз. в науч. освещении. № 1 (3). 2002. С. 181—197.
- Русская грамматика 1982, I—II — Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1982.
- Русская разговорная речь 1978 — Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.
- Светозарова 1982 — Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Светозарова 1993 — Светозарова Н. Д. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. Вып. I. М., 1993. С. 189—199.
- Светозарова 2000 — Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2000.

- Сгалл, Хаичова 1980 — *Сгалл П., Хаичова Е.* Актуальное членение предложения и метод вопросов // *Sborník praci filosofické fakulty Brněské university*. A28. 1980. С. 51—57.
- Фаустова 2006а — *Фаустова Н. А.* Сопоставительный анализ английской, французской и русской интонации // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2006*. М., 2006. С. 527—533.
- Фаустова 2006б — *Фаустова Н. А.* Эмфаза и ее интонационное выражение // *Вопр. филологии*. 2006. № 6. С. 255—259
- Фужерон 1993 — *Фужерон И.* Организация информации в высказывании и его связь с контекстом // *Проблемы фонетики*. Вып. 1. 1993. С. 181—188.
- Фужерон 2004 — *Фужерон И.* Интонация, порядок слов и межфразовые связи // *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 189—200.
- Халдояниди 2002 — *Халдояниди А. К.* Интонационные показатели тема-рематической организации высказывания: на материале русского языка. АКД. Томск, 2002.
- Чейф 1982 — *Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М., 1982. С. 277—316.
- Черемисина 1989 — *Черемисина Н. В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1989.
- Шмелев 1973 — *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Янко 1991 — *Янко Т. Е.* Коммуникативная структура с неингерентной темой // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. 1991. № 7. С. 27—32.
- Янко 1994а — *Янко Т. Е.* Описания мира и речевые действия // *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. М.: Наука, 1994. С. 99—105.
- Янко 1994б — *Янко Т. Е.* Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // *Вопр. языкознания*. 1994. № 6. С. 37—59.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко 2003 — *Янко Т. Е.* Описания мира и речевые действия: о способах выражения иллюкутивных целей говорящего // *Логический анализ языка: Избранное*. 1988—1995. М., 2003. С. 571—580.
- Beckerman 1990 — *Beckerman H.* Family Album. USA. Maxwell MacMillan International Publishing Group. N. Y., 1990.
- Beckman, Ayers Elam 1997 — *Beckman M., Ayers Elam G.* Guidelines for ToBI Labelling. Version 3. Columbus: Ohio State University. Department of linguistics, 1997.
- Bolinger 1958 — *Bolinger D.* A Theory of pitch accent in English // *Word*. Vol. 14. 1958. P. 109—149.
- Bolinger 1961 — *Bolinger D.* Contrastive Accent and Contrastive Stress // *Language*, 37. 1961. P. 83—96.
- Bonnot, Fougeron 1982 — *Bonnot Ch., Fougeron I.* L'accent de phrase non-final en russe. Est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. T. LXXVII. Paris, 1982. P. 309—330.
- Bonnot, Fougeron 1983 — *Bonnot Ch., Fougeron I.* Accent de phrase non-final et relations interénonciatives en russe moderne // *Revue des études slaves*. T. 55, fasc. 4. Paris, 1983. P. 611—626.

- Büring 2003 — *Büring D.* On D-Trees, Beans, and B-Accents. *Linguistics & Philosophy*. 26 : 5. 2003. P. 511—545.
- Chafe 1976 — *Chafe W.* Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // Subject and Topic. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 27—55.
- Chafe 1988 — *Chafe W.* Linking intonation units in spoken English // *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, 1988. P. 1—27. (Typological Studies in Languages; Vol. 18).
- Féry 2001 — *Féry C.* The phonology of Focus in French // *Audiatur Vox Sapientiae. A Festschrift for Arnim von Stechow*. Berlin, 2001. P. 153—181.
- Firbas 1975 — *Firbas J.* On “existence / appearance on the scene” in functional sentence perspective // *Prague Studies in English*, XVI. 1975. P. 47—70.
- Gonda 1971 — *Gonda J.* Die Indischen Sprachen: Erster Abschnitt: Old Indian. Leyden; Cologne, 1971.
- Grønnum 1992 — *Grønnum (Thorsen) N.* The Groundworks of Danish intonation. An introduction. Museum Tusulanum Press, 1992.
- Grønnum 1993 — *Grønnum (Thorsen) N.* Perceptual invariance in Danish stress group patterns // B. Granström & L. Nord (eds). *Nordic Prosody*, VI. 1993. P. 77—84.
- Grønnum 1998 — *Grønnum (Thorsen) N.* Fonetik og Fonologi. Almen og Dansk. København: Akademisk Forlag, 1998.
- Gundel, Fretheim 2003 — *Gundel J., Fretheim T.* Topic and focus // G. Ward and L. Horn (eds). *The Handbook of Pragmatic Theory*. London: Blackwell, 2003. P. 175—196.
- Halliday 1967 — *Halliday M. A. K.* Intonation and Grammar in British English. The Hague, 1967.
- Hatcher 1956 — *Hatcher A. G.* Syntax and the sentence // *Word*. Vol. 12, № 2. 1956. P. 234—250.
- Hedberg 2002 — *Hedberg N.* The Prosody of Contrastive Topic and Focus in Spoken English // Pre-proceedings of the Workshop on Information Structure in Context. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, 2002. P. 14—52.
- Hedberg 2006 — *Hedberg N.* Topic — Focus Controversies // V. Molnár and S. Winkler (eds). *The Architecture of Focus*. Mouton de Gruyter, 2006. P. 000—000.
- Hedberg, Sosa 2003 — *Hedberg N., Sosa J.* Pitch Contours in Negative Sentences // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences. Barcelona, 2003.
- Hedberg, Sosa 2007 — *Hedberg N., Sosa J.* The prosody of Topic and Focus in Spontaneous English Dialogue // Ch. Lee, M. Gordon, and D. Büring (eds). *Topic and Focus: Cross-Linguistic Perspectives on Meaning and Intonation*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 101—120.
- Hetland 2003 — *Hetland J.* Contrast, the fall-rise accent, and information focus // J. Hetland and V. Molnár (eds). *Structures of Focus and Grammatical Relations*. Tübingen: Niemeyer, 2003. P. 1—39.
- Isačenko 1967 — *Isačenko A. V.* Frazovoe uderenie i poriadok slov // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday, 11 October 1966. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 967—976.
- Jackendoff 1972 — *Jackendoff R.* Semantic interpretation in Generative Grammar. Cambridge (Ma.): MIT Press, 1972.

- Kadmon 2001 — *Kadmon N.* Formal Pragmatics: Semantics, Pragmatics, Presupposition, and Focus. Malden & Oxford: Blackwell, 2001.
- Kiss 1998 — *Kiss K. E.* Identificational focus versus information focus // *Language*. Vol. 74, № 2. 1998. P. 245—268.
- Krifka 1991 — *Krifka M.* A Compositional Semantics for Multiple Focus Constructions // *Cornell Working Papers in Linguistics*, 10. 1991.
- Ladd 1980 — *Ladd D. R.* The Structure of Intonational Meaning: Evidence from English. Bloomington: Indiana University Press, 1980.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus, and the Mental Representation of Discourse Referents. Cambridge: Univ. Press, 1994.
- Lambrecht, Michaelis 1998 — *Lambrecht K., Michaelis L. A.* Sentence accent in information questions: Default and projection // *Linguistics and Philosophy*, 21. 1998. P. 477—544.
- Lee 1999 — *Lee Ch.* Contrastive Topic: A locus of the interface. Evidence from Korean and English // *The Semantics / Pragmatics Interface from Different Points of View*, 1. London: Elsevier, 1999. P. 317—341.
- Lieberman 2006 — *Lieberman A.* The interplay of sentence and word stress in Germanic, synchronic and diachronic // *Phonetik und Nordistik. Festschrift für Magnús Pétursson zum 65. Geburtstag*. Frankfurt am Main: Hector, 2006. P. 85—93. (*Forum Phonicum*, 73).
- Littlejohn, Hicks — *Littlejohn A., Hicks D.* Cambridge English for Schools. Workbook Two. Cambridge Univ. press, 1996.
- Mel'čuk 2001 — *Mel'čuk I.* Communicative Organization in Natural Language: The Semantic-Communicative Structure of Sentences. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
- Molnár 2002 — *Molnár V.* Contrast — from a contrastive perspective // *H. Hasselgård, S. Johansson, B. Behrens and C. Fabricius-Hansen (eds).* Information Structure in a Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam; N. Y.: Rodopi, 2002. P. 147—161.
- Odé 2003 — *Odé C.* Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов // *Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: К 70-летию профессора Л. В. Бондарко*. СПб., 2003. С. 209—214.
- Pierrehumbert 1980 — *Pierrehumbert J. B.* The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis. MIT, 1980.
- Pierrehumbert, Hirschberg 1990 — *Pierrehumbert J., Hirschberg J.* The meaning of intonational contours in the interpretation of discourse // *P. R. Cohen, J. Morgan and M. E. Pollack (eds).* Intentions in Communication. Cambridge MA, MIT Press. 1990. P. 271—311.
- Renou 1936 — *Renou L.* Etudes de grammaire sanscrite. Paris, 1936.
- Rochemont 1986 — *Rochemont M. S.* Focus in Generative Grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1986. (*Studies in Generative Linguistic. Analysis* 4).
- Rooth 1985 — *Rooth M.* Associations with Focus. PhD dissertation, Univ. of Massachusetts at Amherst, 1985.
- Rooth 1992 — *Rooth M.* A Theory of focus interpretation // *Natural Language Semantics*, 1. 1992. P. 75—116.
- Rossi 1999 — *Rossi M.* L'intonation, le système du français: description et modélisation. Paris: Ophrys, 1999.

- Sasse 1987 — *Sasse H.-J.* Thethetic / categorical distinction revisited // *Linguistics*. Vol. 25, № 3. 1987. P. 511—580.
- Sasse 1995 — *Sasse H.-J.* 'Theticity' and VS order: a case study // Y. Matras and H.-J. Sasse (eds). *Verb-subject order and theticity in European languages*. Berlin, 1995. P. 3—31. (*Sprachtypologie und Universalienforschung*; 48, 1/2).
- Schmerling 1974 — *Schmerling S. F.* A re-examination of 'normal stress' // *Language*. Vol. 50, № 1. 1974. P. 66—73.
- Steedman 2000 — *Steedman M.* Information structure and the syntax-phonology interface // *Linguistic Inquiry*. Vol. 31, № 4. 2000. P. 649—689.
- Steube 2001 — *Steube A.* Correction by contrastive focus // *Theoretical Linguistics*. Vol. 27, № 2/3. 2001. P. 215—249.
- Thorsen 1980 — *Thorsen N.* (*Grønnum*). Word boundaries and F₀ patterns in Advanced Standard Copenhagen Danish // *Phonetica*, 37. 1980. P. 121—133.
- Thorsen 1982 — *Thorsen N.* (*Grønnum*). On the variability in F₀ patterning and the function of F₀ timing in languages where pitch cues stress // *Phonetica*, 39. 1982. P. 302—316.
- Thorsen 1983 — *Thorsen N.* (*Grønnum*). Standard Danish sentence intonation — phonetic data and their representation // Hans Basbøll (ed.) *Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. T. XVII/1—2. Mouton Publishers, 1983. P. 187—220.
- Thorsen 1984 — *Thorsen N.* (*Grønnum*). F₀ timing in Danish word perception // *Phonetica*, 41. 1984. P. 17—30.
- Vallduví, Engdahl 1996 — *Vallduví E., Engdahl E.* The linguistic realization of information packaging // *Linguistics*. Vol. 34. 1996. P. 459—519.
- Vallduví, Vilksuna 1998 — *Vallduví E., Vilksuna M.* On Rheme and Kontrast // *The Limits of Syntax*. N. Y.: Academic Press, 1998. P. 79—108. (*Syntax and Semantics*; 29).
- Ward, Hirschberg 1985 — *Ward G., Hirschberg J.* Implicating Uncertainty: the Pragmatics of Fall-Rise Intonation // *Language*. Vol. 61, 1985. P. 747—776.
- Yokoyama 2001 — *Yokoyama O. T.* Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system // *Die Welt der Slaven*, XLVI. 2001. S. 1—26.
- Zwicky 1986 — *Zwicky A.* Forestress and afterstress // *OSU Working Papers in Linguistics* 32. 1986. P. 46—62.

Указатель терминов

А

- абсолютное употребление 279
автосегментный подход 11, 228, 230, 297
агрессия 112, 200
актант 39, 43, 44—53, 56—57, 118, 134, 177, 218, 257, 265
 приоритетный 44, 46, 52, 56—57, *см. также* группа приоритетная, приоритет синтаксический
актеры 63
активация 22, 39, 40—41, 44—45, 53—55, 57, 60, 105, 107, 143, 176, 234, 257, *см. также* активированный
активированный 39, 44—46, 49—50, 53—54, 57, 59, 101, 123, 176, 232—233, 236, 265—266
акцент 12, 16, 18—19, 21, 28—39, 41—43, 49—51, 54, 56, 60—65, 67, 75, 100, 106, 109, 121, 126, 131—132, 137, 139, 152, 159, 163—170, 173—184, 201, 224
восходящий 18, 28, 31, 64, 129, 136—137, 145, *см. также* тон восходящий
 восходяще-нисходяще-восходящий 236, 247—250, 294, *см. также* тон восходяще-нисходяще-восходящий, L+N*LN%
 нисходяще-восходящий 12, 17, 19, 65, 70, 137, 140, 226—230, 236, *см. также* тон нисходяще-восходящий, ИК—4, Н+L*N%
 нисходящий 64, 134, 136, 137, 191
 рематический 40, 50
 слабонисходящий 60
 типа А 60, 228
 типа В 228
 фразовый 28, 38, 40
акцентоноситель, 12, 17, 21—22, 26—28, 34, 40—60, 173—184, 274—283, *см. также* выбор акцентоносителя
аллегро 11, 29, 59, 292
альтернатива 226, 237, 250, *см. также* выбор
американский вариант английского языка 15, 61, 69, 93, 95, 117, 140, 145, 173, 197, 220, 221, 227, 241
анализ на слух 9, 11, 74—76, 79, 86, 224, 247, 276, 282—285, 292, *см. также* слуховой анализ
анализи́зм 17, 128, 138—141, 154—155, 292—293
английский язык 12, 14—20, 25, 33, 60—63, 65, 69—74, 79, 81—84, 91—92, 107, 116—117, 120—123, 125, 138, 140, 145—148, 163—164, 167, 169—174, 183, 201, 219, 225, 226—253
американский вариант, *см.* американский вариант английского языка
 британский вариант, *см.* британский вариант английского языка
ассоциативное множество 237, *см. также* множество выбора
атрибутивная группа 41—50, 54, 81—82, 111, 146, 172—183, 225, 259, 275, 282—286, 289, 294

Б

- базовый уровень частоты 109
базовый принцип выбора акцентоносителя 16, 41—43, 48—49, 60, 98—99,

107, 110—111, 117, 176—182, 275, 293—294
 борьба мнений 18, 33, 184, 210, 225, 237, 250
 британский вариант английского языка 62—63, 65, 145, 220, 227, 232, 243
 бытийные предложения 191—192

В

Ваккернагеля закон, *см.* закон Ваккернагеля
 вариант 32, 117, 164, 211, 226, 247—248, *см. также* вариативность
 фонетический 38, 67, 72,
 вариативность 48, 54, 108, 173, 183, *см. также* вариант
 введение в рассмотрение 189, 191—194, 197, 199—200
 вводное слово 112, 238
 ведущие 212, 220, 227, 240, 246
 телеведущие 175, 212, 227
 телешоу 195, 212, 207, 212
 верификация 13, 17, 23—24, 28, 53, 129—131, 148, 136, 155—163, 213—214, 219—220, 248
 вершина 41, 44, 49, 74—76, 79, 82, 111, 175, 179, 182, 185, 294
 вокатив 13, 98, 100, 107, 126, *см. также* обращение
 вопрос 9, 10, 13, 15, 16, 21, 24, 29, 47, 55, 161, 176, 229, 254—256, 270
да—нет—вопрос 27, 29, 34, 37, 42, 83, 84, 89, 96, 97, 101, 110, 186, 213
 косвенный 43, 112, 121
 с *А?* 30, 201, 203, 206, 210
 эллиптический 201
 вопросительное слово 42—43, 60, 177, 178
 вопросительный компонент вопроса, *см.* собственно вопросительный компонент вопроса
 воспоминания 17, 22, 43, 109, 114, 130, 166, 180—183, 211, 258, 273, 289

вторичные иллокуции 20, 25, 42—43, 110, 176—179, 182
 выбор 19, 23, 184, 210—211, 226, 233—238, 247—250, *см. также* альтернатива
 выбор акцентоносителя 38—59, 110—113, 173—183, 274—285
 выдох 31

Г

глагол
 бытийный 276, 280
 личный 58, 155
 пропозициональной установки 112, 237—239
 глагольная группа 41, 44, 46, 49—51, 55, 58—60, 100, 110, 118, 133, 142, 154, 168, 176, 180—183, 294
 гласный 97, 258
 предударный 60,
 ударный 32, 36, 99, 101, 109, 197, 254—256, 260, 268
 группа
 приоритетная 41, 42, 49, 52, 110, 294.
см. также актант приоритетный, приоритет синтаксический

Д

да—нет—вопрос, *см.* вопрос
 датский язык 14—15, 17, 20, 22, 25, 60, 74—76, 81—83, 89, 113—114, 120—123, 125, 164, 167, 254—289
 копенгагенский диалект 113, 255—259, 288
 двусторонний 29, 39
 дефолтный 46, 51, 97, 132, 153, 248, 293,
см. также немаркированный
 диагностические предложения 14, 76, 90—91, 244
 диагностические контексты, *см.* диагностические предложения

диалог 32, 89, 156, 160, 227, 234, 236, 239, 247, 250
 диалогические реплики 12, 241—243, 252
 диапазон частот 28, 32, 38, 64, 72—73, 84, 86, 90, 114, 132, 146, 153, 164, 172, 207, 239, 249, 265, 269, 284
 дикторы 65, 192—207, 261, 266—269, 280
 радио и телевидения 18, 33—34, 93—95, 172—174, 183, 189, 244
 дискурс 16, 21, 24, 41, 70, 113, 128—130, 136, 154, 156, 162, 224, 226, 232—233, 258, 270, 289
 длительность 85—86, 91, 103, 110, 164—165, 285, *см. также* долгота
 докладчики 172, 199
 долгота 32, 84, 86, 88—89, 97, *см. также* длительность
 дополнение 40, 47, 52, 56, 111, 128, 159, 177—178, 180, 266, 294
 второе 100, 176
 первое 100, 176

З

закон Ваккернагеля 59, 105, 107
 значения
 дискурсивные 129, 154, 161
 диффузные 240
 идиоматичные 98, 210, 113, 155, 162, 210, 213
 иллокутивные 16, 20—21, 24, 26
 инвариантные 167, 201, 209, 249, 258, *см. также* инвариант
 коммуникативные 83, 96, 123, 126, 128, 152, 186, 259, 274, 287, 289
 лингвоспецифичные 12, 22
 локальные 16, 20—24, 136—137, 290
 модифицирующие 84, 113, 118, 248, 253, 291
 перформативные 227, 236—248, 253, 291, 295
 системные 16, 21—24, 26—28, 98, 108, 258, 289—290
 уникальные 17, 19, 27, *см. также* значения идиоматичные

И

иерархия акцентоносителей 41—57, 100, 105, 118, 176, 178, 294
 ИК, *см. также* интонационные конструкции
 ИК-1 29—30, 59, 83, 132, 148, 153, 162, 188—191, 199, 210—211, 218
 ИК-2 33—38, 59, 148, 153, 184—200, 210—211,
 ИК-3 33—38, 59, 132, 148, 211
 ИК-4 18, 31—32, 69—70, 200—225, 248—253, *см. также* акцент нисходяще-восходящий, тон нисходяще-восходящий, H+L*N%
 ИК-5 29, 86, 96
 ИК-6 31, 59, 104, 109—110, 115, 130, 164—167, 201, 211, 273
 иллокутивная грамматика 98, 113, 127
 иллокутивная сила 42—43, 98, 111, 176, 180—183, 234, 238, 241, 253
 иллокутивный акт 13, 16—17, 290
 иллокутивный лексикон 97, 127,
 именная группа 41—51, 55, 57, 62, 81, 100, 110, 137, 142, 153, 176—184, 193, 251, 257, 259, 275, 285, 294
 императив 13—14, 22, 24, 28, 34, 38, 42, 177—178, 180, 182, 294—295
 имя собственное 18, 172, 174—183, 224
 инвариант 18, 167, 201, 209, 227, 240, 250, 253
 инверсия 257
 инновации 18, 33, 43, 167, 171—225, 293
 интегральный интонационный контур 276
 интенсивность 18—19, 24, 27—29, 38, 74, 80—97, 126, 139, 153, 239, 282—286, 292
 интервью 163, 293
 интонационная транскрипция 11, 26, 38, 230
 интонационные конструкции 12, 29, 165, 230, *см. также* ИК
 интонация безрезультатной деятельности 17, 22

интонация ментальной деятельности 109—118
 интонация обоснования 17, 118, 122, *см. также* предложения обоснования
 интонация предложения 14, 26, 290
 интонация текста 13, 17, 128, 290, 293
 интонация точки 60
 информант 14, 75, 79, 81, 90, 113, 116, 120, 122, 133, 164, 171, 243, 254, 259
 «искривление» тона 28, 84—97

К

квазиИК-6 164—165
 кокетство 105, 227, 239, 241, 247, 250, 253, 291
 коммуникативная структура 10, 26, 40, 59, 126, 192, 233, 227, 236, 259
 композиции значений 13, 16, 21, 23, 27, 96, 118, 126, 128, 130, 138, 152, 154, 162, 170, 188, 213, 219, 259, 270, 288, 293, 295, *см. также* композиционность
 композиционность 13, *см. также* композиции значения
 композиция рем 193, 199
 компрессия 33, 100, 126, *см. также* compression
 контраст 10, 13, 22—24, 58, 73—82, 148—162, 209—218, 226—236, 261—263, 268—269, 282—285, *см. также* emphasis for contrast
 контрастивный анализ 17—19, 259, 275, 286, 290, 293—295, *см. также* сопоставительный анализ
 крутизна 18, 32, 38, 62, 65, 73, 90, 109, 118, 126, 139, 151, 189, 194, 231, 239, 247, 268—272

Л

лабораторные примеры 65, 67, 83, 86, 96, 133, 209, 243—244, 292

лексико-синтаксическая структура 37, 40, 43, 46, 103—104, 111, 128, 132, 153, 156, 159, 161, 184, 192, 202, 209, 294
 лексические функции 52
 лекторское выделение 184—199
 лекторы 172—174, 184, 188, 199
 линейно-акцентная структура 13, 132, 138, 162, 189, 196
 линейно-акцентное преобразование 97

М

маркированный 164, 177, 182, 282
 ментальный поиск 17, 211, 295
 методы 11—12, 46, 233, 258
 местоимение 55—57, 105—107, 218, 257
 мечты 17, 42, 109, 111, 130, 179—182, 211, 295
 минимальная пара 44, 83, 100—103, 111, 136, 248
 множественные темы 54, 57, 140—147, 272
 контрастные 154—155
 множество выбора, *см.* выбор
 монолог 21, 70, 155, 160—161, 184, 234, 290

Н

наблюдатель 162
 нажим 21, 185, *см. также* агрессия
 нарратив 14, 129, 161—162, 290, 292
 нарушение нормы 171, 219, *см. также* норма
 неграмматичный 10, 67
 недоумение 22, 43, 109—112
 незавершенность текста 24, 27, 65, 70, 95, 98, 113, 118, 128—170, 201, 204—205, 210—224, 236, 239, 247, 252, 257, 272, 289, 293, 295
 немаркированный 18, 51, 65, 131, 148, 164, 169, 178, 192—194, 204, 224, 253, 256, *см. также* дефолтный
 немецкий язык 14—15, 25, 33, 17, 70, 77, 81—82, 91, 116, 120, 130, 146, 164, 169, 174, 219, 222, 290,

необходимое условие 162, 155—162
нерасчлененное предложение 39—40, 46, 48, 52, 121, 125, 259, 275—281, 286, 288, *см. также* *thetic*
контекстно независимое 275, 279, 281
несобственно вопросительный компонент вопроса 22, 30, 58
несобственно иллокутивный компонент 24
норма 53, 111, 171—222, 247, 252, 293—294, *см. также* стандарт

О

осциллограмма 29—30, 84—86, 88, 90—91, 282
ответ 35, 46—49, 55—57, 90, 123, 125, 161, 210—211, 213, 228, 233—234, 241
с вызовом 212, 251, 270,
утвердительный 213
отчеты детей о сновидениях 129, 149, 156

П

падение тона 12, 18, 24, 30, 59, 60, 65, 84, 86, 93, 95, 100, 109, 118, 128, 149, 168, 186—188, 194—197, 202, 207, 218, 229, 231, 239, 248, 254, 257, 264, 269, 276, 280, 291, *см. также* акцент нисходящий
пауза 25, 29, 54, 59, 88, 93, 113, 126, 128, 217, 229, 247, 252, 258
передача чужой речи 109
перенос акцентоносителя 18, 103—107, 171—183, 295
перепад амплитуды 85, 86, 90, 97, 99
перепад частот 27, 32, 65, 70, 75, 79, 91, 95, 97, 126, 132, 189, 194, 221, 231, 261, 270, 282, 285, *см. также* крутизна
перечисление 109, 165—170
перформатив, *см.* значения перформативные
пилотное исследование 14

повествовательное предложение 10, 13, 23, 27—28, 34, 38—40, 82, 97, 111—112, 179, 238, 254—256, 260, *см. также* сообщение
подлежащее 39, 47, 52, 56, 100, 176, 275
подъем тона 10, 12, 18—19, 24, 30—38, 60—62, 65—72, 76, 82—84, 95, 101, 109, 112—117, 121, 128, 140—163, 248—249, 260—263, *см. также* акцент восходящий
позиция Ваккернагеля, *см.* закон Ваккернагеля
пологость 109
положение дел 10, 23, 155, 160—161
польский язык 14, 15, 17—18, 25, 33, 60, 70—73, 76, 81—82, 114, 130, 138—142, 146—148, 164, 167, 169, 219, 222, 224, 282, 290—293
последовательность тактовых групп 121, 254
появление на сцене 190—193, 199
предложения введения в рассмотрение 189, 191—194, 197, 199
предложения о причине 19, 118—120, 126, 260, 276, 292, *см. также* предложения обоснования, предложения с неингерентной темой, *thetic*
предложения обоснования 259, 275, 281, 288, *см. также* предложения о причине, предложения с неингерентной темой, *thetic*
предложения с неингерентной темой 118, *см. также* предложения о причине, предложения обоснования, *thetic*
предложения характеристики 193, 199, *см. также* характеристика
приветствие 178, 241, 250, 252—253
прилагательное 17, 51, 74, 79—82, 175, 259—260, 275, 282—286, 292
приоритет синтаксический 54, 100, 108, 176, 258, *см. также* актант приоритетный,
продвижение повествования вперед 138, 141

противопоставление 33, 69, 148, 152, 164, 174—175, 184, 219, 237—239, 250, 261, *см. также* сопоставление
 процесс 161—162
 прощанье 211, 241, 250—253

Р

радиопередачи 14, 140, 146, 173, 175, 240
 рассказ по порядку 9, 18, 130, 167, 169, 203—206, 211, 216, 219, 25—252, 291
 растяжение 32, 90, 99, 101, 109—110, 113—114, 117, 167, 274, *см. также* растяжка
 растяжка 11, 20, 29, *см. также* растяжение
 расчлененное предложение 40, 287
 редукция 74, 77, 79, 81, 118, 120—124, 156, 158—159, 163, 207—209, 265, 279—283, 292
 режим
 нарративный 161
 речевой 161
 рема 43—52, *см. также* фокус
 верификативная 155—156, 161, 163, 213
 конечная 141, 264
 контрастная 24, 28, 97, 154, 233—234, 236, 239, 248, 268—269, 293
 начальная 194
 неконечная 257, 265—266, 268
 уточняющая 138—140
 эмфатическая 28, 91, 93, 95, 148, 153, 269—270,
 речь
 беглая 54, 67, 72
 бытовая 169, 185
 детей 10, 129—130, 141, 149, 156, 165
 диалогическая 12, 161, 241—244, 252, 295
 женщин 72
 молодежи 117
 монологическая 70, 155, 160, 290
 мужчин 72, 173
 неофициальная 98, 102, 105—106, 201, 203, *см. также* речь неформальная

неподготовленная 15, 171, 184, 203, *см. также* речь спонтанная
 неформальная 107, 117, 164, *см. также* речь неофициальная
 нормативная 18, 174—175, 177—178, 210, 294, *см. также* норма, стандарт
 официальная 98, 102, 104—106, 169, 174, 176, 203, 216—217, 251—252
 пафосная 20, 241
 подготовленная 14, 173, 184, 206
 подростков 117, 164,
 публичная 201
 разговорная 117, 128, 138, 141, 164, 171—172, 203, 217—228, 227, 252, 293
 спонтанная 14, 81, 184, 196, 206, 217, 227, 256, 292
 устная 14—15, 29, 106, 129, 160, 174, 200, 227—228, 254,
 ритмическая группа 104—105, 113, 240, *см. также* тактовая группа

С

самокоррекция 140
 связность текста 17, 19, 22, 128, 138, 141, 160—161, 259, 292, *см. также* незавершенность текста
 сегментный материал 11, 22, 29, 32, 33, 36, 62, 99—100, 202, 226, 254, 280, 283, 288
 минимальный 12, 108, 232
 синкретизм 14, 17, 152
 синтетизм 17, 129, 148, 154
 сирконстант 44—46, 52,
 сказуемое 130—141, 217—218
 словесное ударение 83, 105, 185, 257
 вторичное 64, 92
 главное 64
 слог
 безударный 126, 256
 заударный 29, 31—35, 60, 65, 69, 99—101, 113—120, 130, 132, 137, 139, 142—150, 158, 163—170, 188, 202,

209, 212, 220, 224, 249, 264, 273, 279—280
заударный второй 12, 230, 254, 276
заударный первый 12, 230, 254, 276
предударный 36, 38, 60, 100—101, 239, 257
ударный 12, 18, 29—34, 37, 60—65, 71—75, 84—85, 93—100, 109—118, 126, 130—137, 163—170, 188, 212, 264, 280
сложное предложение 45, 128—129, 224
слуховой анализ 11, 15, 79, *см. также* анализ на слух
собственно вопросительный компонент вопроса 21, 23, 31, 269
собственно иллокутивный компонент 23—24, 27
событие 161—162, *см. также* факт
согласный 30, 35, 90—91, 95, 255, 258, 263, 268, 272
глухой 191
звонкий 191
начальный 84—86, 97, 254, 258
свистящий 191
смычный 37
сообщение 9, 14—15, 20—23, 26—27, 34, 39, 43, 96, 110, 121, 177, 180, 182, 189—191, 196, 239, 243, 260, *см. также* повествовательное предложение
сообщение новостей 18, 94, 192, 197
сопоставление 9, 33, 152, 164, 184, 212, 219, 225, 237—239, 250, *см. также* противопоставление
союз 219
изъяснительный 70
спектрограмма 29, 84
спортивные комментаторы 65, 95, 172, 214
средства массовой коммуникации 18, 34, 171—174, 197, 200, 219—220, 224, 249, 293
стандарт 18, 103, 111, 113, 167, 170, 172, 175, 180, 209, 211—218, 255, 276, *см. также* норма

стиль 65, 197
возвышенный 141
лекторский 185
официальный 169, 203, 216—217, 252
приподнятый 65
разговорный 138, 203, 252
стихотворный текст 138, 251
стратегия
дискурсивная 162, 260
интонационная 111, 113, 125, 167, 169—170, 279, 281
линейно-акцентная 138—139
коммуникативная 55, 57, 144, 162, 193, 196
структурная схема предложения 44, 47—48
существительное 52, 79, 82, 285
сфера действия коммуникативного значения 28, 38, 40
сюжетный фон 142

Т

тайминг 97, 126, 163, 235, 240, 247, 257, 259
поздний 34, 229, 247
ранний 37, 85, 229, 231
тактовая группа 121, 231, 240, 254—257, 259, 263—265, 276, 279—280, 284, *см. также* prosodic stress group. *см. также* ритмическая группа
тема 53—57, 60—82, 260
атоническая 59—60
ваккернагелевская 59—60
верификативная 160—162
контрастная 73—83, 261—264, начальная 145—146, 224
нератифицированная 228
ратифицированная 228
эмфатическая 13, 23—24, 28, 84, 86, 248, 270, 272
темп 11, 25, 59, 103, 292, *см. также* аллегро

ТОН

- восходяще-нисходящий 29, 63, 108, 266, 270
 восходяще-нисходяще-восходящий 230—232, 236, *см. также* акцент восходяще-нисходяще-восходящий, L+N*LN%
 восходящий 9, 18, 28, 31, 33, 35—37, 54, 71, 75, 83, 92, 97, 109, 121, 136, 164—165, 221, 228, 230, 249, 258, 264, 270, 282, 291, *см. также* акцент восходящий, подъем тона
 нисходящий 9, 28—29, 31, 35—36, 38, 64, 83, 93, 97, 164, 249, 254, 265, 269, 280, 291, 293, *см. также* акцент нисходящий, падение тона
 пограничный 229—231
 ровный 10, 59—60, 138, 273
 высокий 108—109, 112—113, 116—117, 130, 164, 169, 205, 273—274
 низкий 31, 33, 91, 102, 130, 137, 139, 202, 204, 212, 249
 тон и голос 20—21, 24
 тонограмма 29—30, 33
 топик 228, 233, *см. также* тема

У

- удаленность 13, 98—99, 102, 107, 176
 упаковка 144
 усадка 255, 257, 266, *см. также* shrinking
 усечение 100, 126, *см. также* truncation

Ф

- факт 155, 159, 160—162, *см. также* событие
 фокус 228, 233—235, *см. также* рема
 фонетическая транскрипция 11, 28, 38
 французский язык 14—15, 17, 25, 60, 63, 65, 73, 79, 83, 86, 92—93, 114, 122—123, 125, 167, 276, 282, 290—292

Х

- характеризация 193, 199, *см. также* предложения характеристики

Ч

- частота основного тона 11, 25, 29, 35—36, 60, 62, 74—75, 84, 92, 126, 132, 134, 149, 170, 195, 197, 202, 207, 217, 221, 226, 229, 230—231, 244, 249, 254—256, 258, 268, 276, 282—285
 частотность 106, 110, 163, 165, 186, 190—191, 197, 203, 218, 222, 232, 251, 291, 293
 числительное 93
 чтение 10, 14, 63, 120, 138, 194—196, 243—244

Э

- эмфаза 10, 13—14, 17, 21, 23—24, 27—29, 53, 60, 83—97, 113, 126, 129—131, 140, 148, 152—154, 170, 174, 182—183, 185, 213, 247—248, 253, 257—259, 265, 269—272, 288, 291—292, 295

Я

- ярус 60
 высокий 60
 низкий 60
 средний 60

С

- compression 33, 100, *см. также* компрессия

Е

- emphasis for contrast 255, 265, *см. также* контраст

F

fall-rise 228

H

H+L*N% 233, 248—253, *см. также* ИК-4
High 12, 229

L

L+H* 213, 214

L+H*LN% 226—253 тон восходяще-нисходяще-восходящий, *см. также* акцент восходяще-нисходяще-восходящий, тон восходяще-нисходяще-восходящий

low 12, 229

N

NP, *см. именная группа*

P

prosodic stress group 254, *см. также* тактовая группа

S

shrinking 255, 266, *см. также* усадка
Speech Analyzer 15, 29

T

thetic 118, 120, 260, 275, 292, *см. также* предложения с неингерентной темой

truncation 33, 100, *см. также* усечение

V

VP, *см. глагольная группа*

Татьяна Евгеньевна Янко

ИНТОНАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОЙ РЕЧИ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор М. Григорян

Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 18.09.2008. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 25,155. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».

№ государственной регистрации 1037789030641.

Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc@comtv.ru

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru